

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК
1958

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

30 60 17

ВЫХОДИТ ШЕСТЬ РАЗ В ГОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА ~ 1958

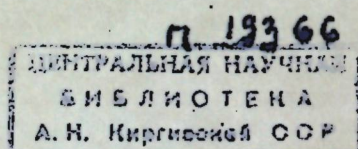
№ 74
1958
№ 6
П-19366
Советское
востановление
12-р.

21/11 - 18 декаб 365/3411

П-19366

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. С. БРАГИНСКИЙ (главный редактор),
М. О. АУЭЗОВ, А. М. ДЬЯКОВ, Б. Н. ЗАХОДЕР,
Н. И. КОНРАД, А. А. КУЗНЕЦОВ, И. М. ЛЕМИН, А. Ф. МИЛЛЕР,
А. А. ПАШКОВСКИЙ, Б. В. РЖЕВИН (отв. секретарь),
Г. П. СЕРДЮЧЕНКО, В. В. СТРУВЕ, Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ
(зам. главного редактора), Г. В. ЦЕРЕТЕЛИ

Технический редактор Л. М. Уша

Адрес редакции: Москва, Армянский пер., 2. Тел. К 5-91-64

Т 13213. Подписано к печати 19/XII 1958. Формат бум. 70×108¹/₁₆. Бум. л. 5¹/₄
Печ. л. 14,38 Уч.-изд. листов 17,1 Зак. 1081. Тираж 2650 экз.

2-я типография Изд-ва АН СССР. Москва, Шубинский пер., 10

ПРОГРАММА РАЗВЕРНУТОГО СТРОИТЕЛЬСТВА КОММУНИЗМА

Все явственнее выступают на первый план в нашей стране черты коммунизма. На наших глазах претворяется в жизнь благородная мечта лучших людей человечества, горячо стремившихся к созданию такого общества, которое напишет на своем знамени: «От каждого по способностям, каждому по потребностям».

В обстановке огромного творческого подъема обсуждают советские люди тезисы доклада товарища Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС — «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы» и тезисы ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в стране».

Союз Советских Социалистических Республик вступает в новый исторический этап своего развития — в период развернутого строительства коммунистического общества. «Главными задачами этого периода, — как указывается в тезисах доклада товарища Н. С. Хрущева, — будут задачи всестороннего создания материально-технической базы коммунизма, дальнейшего укрепления экономической и оборонной мощи нашей Родины и одновременно все более полного удовлетворения растущих материальных и духовных потребностей советского народа. Это будет решающий этап соревнования с капиталистическим миром, когда практически должна быть выполнена историческая задача — догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны по производству продукции на душу населения».

В. И. Ленин указывал, что главное воздействие на весь ход мирового развития Советский Союз будет оказывать своим хозяйственным строительством. Он пророчески предвидел то время, когда «наше коммунистическое хозяйственное строительство станет образцом для грядущей социалистической Европы и Азии»¹. Это время наступило. Новый семилетний план — это составная часть величественной программы развития производительных сил СССР на ближайшие пятнадцать лет. Уже в 1965 г. Советский Союз по абсолютному производству некоторых главнейших видов продукции превзойдет, а по другим приблизится к современному уровню промышленного производства Соединенных Штатов Америки. Производство большинства важнейших продуктов сельского хозяйства в целом и на душу населения превысит современный уровень США. В результате выполнения семилетнего плана будет осуществлено новое значительное повышение жизненного уровня советского народа. В нашей

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 486.

стране будет самый короткий в мире рабочий день и самая высокая заработная плата. Это явится великим завоеванием трудящихся нашей Родины, успешно продвигающейся по пути строительства коммунизма. Высокие темпы производства создадут реальную основу для того, чтобы в течение примерно пяти лет после 1965 г. догнать и превзойти уровень производства США на душу населения. Так будет достигнута всемирно-историческая победа социализма в мирном соревновании с капитализмом.

Изумившие весь мир достижения трудящихся Советского Союза в развитии всех отраслей народного хозяйства, в повышении материального благосостояния народа и в дальнейшем подъеме социалистической культуры стали возможным благодаря успешному претворению в жизнь исторических предначертаний XX съезда КПСС. В течение трех лет, прошедших после XX съезда, советские люди под руководством Коммунистической партии успешно создавали базу для нового гигантского скачка к более высокому качественному состоянию социалистической экономики, который будет осуществлен в предстоящем семилетии. Уже в 1957—1958 гг. СССР обогнал США не только по темпам роста многих важнейших видов промышленной и сельскохозяйственной продукции, но и по абсолютному ежегодному приросту.

В невиданно короткие сроки — всего лишь за 41 год — советский народ сумел добиться решающих успехов в построении социализма и приступает ныне к развернутому строительству коммунизма. Органы печати, политические деятели и деловые люди капиталистических стран издевались в свое время над первым пятилетним планом развития народного хозяйства нашей страны, называя его «пустой фантазией», «шкечемной затеей», пророча его неминуемый провал. Но советский народ, преодолевая невиданные трудности, смело шел по пути, указанному Лениным. Он не жалел усилий для осуществления генеральной линии, выработанной коммунистической партией. Теперь все видят, что рабочие, колхозное крестьянство и трудовая интеллигенция Советского Союза добились таких успехов, которые оставили далеко позади все самые смелые предположения, все самые дерзкие мечты, которые высказывались в первые годы социалистического строительства.

Ныне, после опубликования контрольных цифр нового семилетнего плана, уже никто не рискует публично высказывать сомнения в реальности задач, поставленных коммунистической партией перед советским народом. Даже самые отъявленные недруги Советской страны вынуждены признать величие этих задач и огромное значение, которое будет иметь их осуществление для всего человечества. Они озабочены лишь тем, как ослабить могучую притягательную силу и смягчить воздействие нового советского плана на умы сотен миллионов людей всего мира. Так, обозреватель газеты «Нью-Йорк Таймс», специалист по «русским вопросам» Гарри Шварц пишет: «Если цифры, намеченные на 1965 и 1970 годы, действительно будут достигнуты в срок, тогда примерно в следующем десятилетии коммунистический мир явно выиграет экономическое соревнование с Западом, а также, вполне возможно, и соревнование в области политики и пропаганды в борьбе за симпатии слаборазвитых стран Азии, Африки и Латинской Америки».

Порой и нам, советским людям, активным борцам за осуществление хозяйственных планов СССР, трудно представить себе весь объем тех гигантских преобразований, которые произошли в нашей стране по воле коммунистической партии. В 1921 г. В. И. Ленин писал: «Посмотрите на карту РСФСР. К северу от Вологды, к юго-востоку от Ростова-на-Дону и от Саратова, к югу от Оренбурга и от Омска, к северу от Томска идут необъятнейшие пространства, на которых уместились бы десятки гро-

манных культурных государств. И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость². После того как были написаны эти строки, не прошло и четырех десятилетий, из которых лишь немногим более двух десятилетий были годами мирного труда, — и неузнаваемо изменилось лицо нашей Родины. Ныне на этих необъятных пространствах героическим трудом советского народа построены сотни городов, сооружены первоклассные промышленные предприятия, могучие гидроэлектростанции, рудники, многие сотни фабрик, проложены тысячи километров электрифицированных железных дорог. Здесь освоены десятки миллионов гектаров целинных земель, собираются невиданные урожаи. Еще краше, еще богаче станут эти районы в результате осуществления семилетнего плана.

За годы Советской власти превратились в цветущие индустриально-аграрные республики некогда отсталые окраины России. В результате осуществления ленинской национальной политики в нашей стране сложилось единство национальных республик, укрепились связи между ними, осуществляется их всестороннее сближение и сотрудничество. Все республики развиваются равномерно. Достигнуто не только политическое раскрепощение ранее угнетавшихся царизмом народов, но и полностью ликвидирована их экономическая и культурная отсталость.

Осуществление семилетнего плана будет означать новый огромный шаг в развитии национальных республик нашей страны, в том числе республик Советского Востока. В республиках Средней Азии и Закавказья будут построены гидроэлектростанции, электростанции на газовом топливе, машиностроительные заводы, горнообогатительные комбинаты, предприятия легкой и пищевой промышленности и т. д.

Если капиталовложения в народное хозяйство Казахстана в 1953 г. составили 4,3 млрд. рублей, то в 1958 г. они выросли до 12 млрд. рублей. В предстоящее семилетие в народное хозяйство республики будет вложено 116—119 млрд. рублей. Выпуск валовой продукции за семь лет увеличится примерно в 2,7 раза. Выплавка стали в республике возрастет примерно в 15 раз. Уже сейчас Казахстан дает большую часть всего производства свинца в стране, а также значительную часть меди и цинка. По производству товарного зерна Казахская ССР занимает второе место в Советском Союзе после Российской Федерации. Достижения казахского народа типичны и для всех других республик Советского Востока.

Огромные ассигнования предусматриваются по семилетнему плану на дальнейшее развитие народного хозяйства и других республик Советского Востока (Азербайджанская ССР — 29 млрд. рублей; Узбекская ССР — 35—36 млрд. рублей; Туркменская ССР — 15,7 млрд. рублей; Киргизская — 10,5 млрд. рублей; Таджикская ССР — 8,6 млрд. рублей; Армянская ССР — 12 млрд. рублей; Грузинская ССР — 16,8 млрд. рублей).

Характерно отметить, что за 31 год существования Турецкой Республики в ее промышленность было вложено всего лишь около 3,5 млрд. рублей, в том числе значительная доля иностранного капитала.

Велико международное значение нового семилетнего плана. В результате его выполнения еще более окрепнет могущество мировой социалистической системы. Подсчеты показывают, что в 1965 г. производство промышленной продукции в странах социализма составит более половины всей мировой промышленной продукции. Это означает, что за короткий срок будет обеспечено абсолютное превосходство мировой системы со-

² В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 328.

циализма над капиталистической системой в материальном производстве, в решающей сфере человеческой деятельности.

Подчеркивая огромное значение братского единства, взаимопомощи и всестороннего сотрудничества стран социалистического лагеря, Н. С. Хрущев указывал: «Мы понимаем, что нельзя в одиночку идти к коммунизму, отрываясь от своих братьев — народов социалистических стран; необходимо помогать друг другу, чтобы общими усилиями подтягивать отстающих до уровня передовых. К коммунизму мы будем идти и придем широким фронтом. И путь наш ясен, он освещается учением марксизма-ленинизма. Это — прямая столбовая дорога, идя по которой свободные народы придут к коммунизму».

В результате неуклонного развития экономического и научно-технического сотрудничества социалистических стран еще более полно раскроются все преимущества, заложенные в мировой социалистической системе, а это в свою очередь будет способствовать ускорению экономического прогресса в каждой социалистической стране. Именно поэтому тезисы доклада товарища Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС встречены с величайшим одобрением трудящимися социалистических стран Европы и Азии. «Семилетний план Советского Союза, — как отмечается в газете «Жэньминь жибао», — говорит о том, что время победы социалистического лагеря во главе с Советским Союзом над империалистическим лагерем во главе с США в мирном соревновании с каждым днем приближается. Чувства трудящихся социалистических стран Востока хорошо выразил рабочий механического завода в Ханое (Демократическая Республика Вьетнам) Пам Нгок Най: «Каждый из нас уверен, что грандиозная программа развернутого строительства коммунизма, изложенная в тезисах доклада Н. С. Хрущева, будет выполнена и перевыполнена».

Быстро крепнут экономические связи СССР с экономически слабо-развитыми странами. В 1957 г. торговый оборот Советского Союза с этими странами увеличился против 1953 г. более чем в 5 раз. В предстоящем семилетии эти экономические связи получат дальнейшее развитие. Отнюдь не является случайностью, что в комментариях органов печати США, Англии и других империалистических стран в связи с опубликованием тезисов доклада товарища Н. С. Хрущева сквозит неприкрытая тревога о том, какие выводы будут сделаны из факта превосходства социалистической системы над капиталистической народами экономически слабо-развитых стран Востока, «которые не находят существенного избавления от бедности в условиях капитализма» («Нью-Йорк Таймс»). Империалисты не на шутку опасаются, что в странах Азии и Африки «восторжествует мнение, что управляемая экономика по русскому образцу даст результаты быстрее и лучше, чем система, которой придерживаются западные страны» («Хет Фадерланд»).

Народы суверенных миролюбивых стран Востока высоко оценивают помощь и поддержку, которую им оказывает Советская страна. Именно поэтому тезисы доклада товарища Н. С. Хрущева нашли живой отклик и в экономически слабо-развитых странах Азии и Африки.

Широкие общественные круги Индии, Индонезии, арабских стран дают самую высокую оценку новому советскому плану развития народного хозяйства и выражают уверенность в том, что народы Советской страны реализуют его в намеченные сроки. «Успешное выполнение этой программы принесет пользу не только социалистическому миру, но и странам Азии, недавно завоевавшим независимость или все еще борющимся за нее», — говорится в передовой статье индийской газеты «Свадхината». Ярко высказала эту мысль газета «Ан Нур» (ОАР): «Если империалисты испытывают страх перед прогрессом Советского Союза, то мы, арабы, горячо ра-

дуемся каждому шагу вперед, который делает великое социалистическое государство, потому что это государство является нашим искренним и верным другом в борьбе за прогресс, за процветание нашей экономики и укрепление нашей независимости и суверенитета».

Достижения Советского Союза и всей мировой системы социализма облегчают рабочему классу и всем трудящимся в капиталистических странах борьбу за свои насущные интересы, за мир, за демократию, за социализм. На опыте Советского Союза, Китайской Народной Республики и других социалистических стран все эксплуатируемые и угнетенные, все народы, недавно сбросившие с себя ярмо колониальной зависимости, наглядно видят, какие поистине неисчерпаемые возможности открываются перед трудовым народом, когда он становится хозяином своей судьбы.

Семилетний план — это программа борьбы за мир. Советский Союз, выступающий за мирное соревнование с капиталистическим миром на экономическом поприще, является непримиримым противником соревнования в гонке вооружений. Именно поэтому советские люди ведут настойчивую борьбу за мир, разоблачают политику провокаций и авантюры, которую ведут империалистические державы, укрепляют экономическую и оборонную мощь своей родины, сплачивают силы великого лагеря социализма. Это верная гарантия того, что замыслы империалистов разрушить мир будут сорваны.

В успехах советского народа, в строительстве коммунизма наглядно проявляется правильность ленинской генеральной линии коммунистической партии. Они являются лучшим подтверждением правоты непобедимого учения Маркса и Ленина.

Партия разоблачила и разгромила антипартийную группу Маленкова, Кагановича, Молотова, Булганина и Шепилова, которая боролась против ленинской генеральной линии партии, против решений XX съезда КПСС, против руководящей роли партии и скатилась на путь фракционной деятельности. В совете одержанных советским народом побед поистине жалкими выглядят также и потуги ревизионистов всех мастей извратить сущность социалистического строительства в СССР и других странах социализма. Семилетний план наносит сокрушительный удар по всем попыткам ревизионистов, идеологов международного реформизма внести разлад в братскую семью социалистических стран.

Участвуя вместе со всеми трудящимися нашей Родины в обсуждении тезисов доклада Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС, советские востоковеды отчетливо сознают, что они призваны внести свой посильный вклад в выполнение великих задач, поставленных коммунистической партией. Они работают над созданием фундаментальных трудов, обобщающих закономерности общественного развития и практику социалистического строительства и вместе с другими работниками общественных наук участвуют в разработке проблем, связанных с постепенным переходом к коммунизму. Как и все советские ученые, востоковеды активно разоблачают современный ревизионизм и буржуазную идеологию.

Большое значение приобретает проводящаяся в настоящее время в Институте востоковедения Академии наук СССР и в научных востоковедных учреждениях союзных республик работа по составлению государственного семилетнего плана научных исследований в области востоковедения. За последние годы советское востоковедение добилось известных успехов в преодолении отставания в разработке ряда важных проблем политики, экономики, истории, культуры и филологии стран Востока. Этому не в малой степени способствовали плодотворные научные дискуссии,

проведенные за последнее время в ряде востоковедных научных учреждений. Однако сделано еще далеко недостаточно.

Тезисы доклада Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС выдвигают перед советскими востоковедами необходимость усилить борьбу с идеологией, политической и практикой современного колониализма во всех его формах. На первый план выдвигается изучение проблем, связанных с мирным экономическим соревнованием между социализмом и капитализмом, изучение опыта и закономерностей социалистического строительства в странах социалистического лагеря.

Нашими востоковедами до сих пор еще не созданы фундаментальные исследования о международном значении опыта социалистического строительства в СССР, в Китайской Народной Республике и других социалистических странах Азии для развития национально-освободительной борьбы в странах Азии и Африки, для укрепления политической и экономической независимости суверенных экономически слаборазвитых стран Востока. А между тем необходимость создания таких обобщенных трудов уже давно назрела.

Внимание советских востоковедов, без сомнения, привлекают сложные теоретические проблемы, связанные с развитием взаимоотношений между Советским Союзом и экономически слаборазвитыми странами Востока. Живой опыт действительности приводит государственных деятелей и широкие круги общественности стран Африки и Азии к пониманию того обстоятельства, что сотрудничество со странами мировой социалистической системы является необходимым условием ликвидации экономической отсталости. Выполнение нового семилетнего плана развития народного хозяйства в СССР бесспорно облегчит борьбу народов этих стран за ликвидацию последствий хозяйничанья колонизаторов, за укрепление своей национальной независимости. Важное значение имеет также изучение ценного опыта, приобретенного в развитии связей со странами Востока другими участниками социалистического лагеря.

Неизмеримо повысилась роль социалистических стран, а также миролюбивых суверенных стран Востока в борьбе за мир, против происков поджигателей новой войны. Однако исследование проблем миролюбивой внешней политики стран Востока все еще не заняло должного места в трудах советских востоковедов.

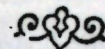
Не меньшего внимания заслуживает изучение проблем создания единого антиимпериалистического и антифеодального фронта в колониях и недавно освободившихся странах, перед которыми стоит историческая задача довести до полной победы борьбу за национальную независимость против колониальной агрессии и феодального гнета. Основы такого всеобъемлющего антиимпериалистического движения национальной свободы уже сейчас закладываются во многих странах Азии и Африки.

До сих пор наши востоковеды уделяли мало внимания исследованию того могучего влияния, которое оказывает социалистическая идеология на рост национального самосознания народов Востока. Империалистическая идеология и идеология, проповедующая капитуляцию перед колонизаторами, встречает растущее сопротивление со стороны народов Азии и Африки. Огромное значение имеет и всестороннее изучение путей развития культур народов Востока в современных условиях.

Пытаясь исказить, оболгать сущность социалистического строительства в Советском Союзе, в социалистических странах Азии, помешать дальнейшему расширению и укреплению дружественных связей между странами социалистического лагеря и экономически слаборазвитыми странами Востока, реакционеры всех мастей в своих писаниях злобно клеветают на политику СССР, Китайской Народной Республики и других

социалистических стран. Немалый вред наносят делу освобождения стран Востока и укрепления их экономической независимости антинаучные измышления ревизионистов. Советские востоковеды разоблачают все эти попытки, однако размах этой деятельности еще явно недостаточен.

Как и другие отряды ученых нашей страны, советские востоковеды горят желанием приложить все свои силы для того, чтобы своей работой ускорить решение великих задач, поставленных перед советским народом коммунистической партией. Вместе со всеми советскими людьми они еще теснее сплачиваются вокруг коммунистической партии, ведущей народы нашей страны на борьбу за победу исторической программы коммунистического строительства.

СТАТЬИ, ПУБЛИКАЦИИ, СООБЩЕНИЯ

ФОРМИРОВАНИЕ МАРОККАНСКОЙ НАЦИИ

АЛЬБЕР АЯШ

Трудности изучения. Французские империалисты для того, чтобы оправдать свое господство в Марокко и проводимую ими политику репрессий, заявляют о неспособности марокканского народа создать устойчивую политическую общность, об отсутствии у него национального самосознания. Чтобы убедить в этом французское и зарубежное общественное мнение, а также общественное мнение в самом Марокко, их идеологи ссылаются на этнографию, лингвистику и историю. На том основании, что жители горных районов сохранили берберские диалекты, а население долин и городов говорит по-арабски, что иногда их обычаи и образ жизни не сходны, империалисты объявляют эти группы людей чуждыми друг другу. Явления, которые в странах Европы истолковывались как проявление гармонического различия, здесь рассматриваются как свидетельство врожденной неспособности объединиться и жить совместно. Периоды расцвета в историческом развитии Марокко представляются как чистая случайность; средневековая марокканская цивилизация изображается лишенным всякой оригинальности отражением андалусской цивилизации. Арабы, роль которых в эволюции Средиземноморского мира была столь велика, — произвольно отождествляются с бедуинскими племенами, проникшими в Северную Африку начиная с XI в. «тучами саранчи», на которые некоторые историки хотят возложить ответственность за упадок Магриба¹.

Историческое прошлое Марокко, изучение которого по существу еще не начиналось, сведено к хронологическому перечислению династий, рассказам о дворцовых интригах, расприх претендентов на престол, восстаниях племен. Эту неясную, мало обнадеживающую историю событий французские буржуазные «специалисты» представляют как отражение того хаоса, который был характерен для жизни древней империи шерифов, как, впрочем, и для всех стран ислама, расположенных на южном побережье Средиземного моря. Французское завоевание они изображают как событие, ниспосланное судьбой, как «неожиданный» дар для марокканского народа².

Еще дальше идут идеологи империализма в оценке самого народа, утверждая, что марокканцы, как и другие мусульманские народы, способны организовать и воспринять формы современной цивилизации лишь в

¹ Арабы употребляли слово Магриб для обозначения Северной Африки. Марокко арабы называют «ал-Магриб ал-Акса», «дальний Запад». Они говорят так же о нынешнем Алжире, а Тунис называют «Ифрикией».

² H. Terrasse. Histoire du Maroc des origines à l'établissement du Protectorat français, t. II. Casablanca, 1950, p. 406.

результате длительного процесса обучения, которое в каждый данный период объявляется находящимся лишь на начальной стадии. Подобные суждения, продиктованные чувством превосходства, ведут к пренебрежительному отношению к марокканскому народу, к расизму, а в лучшем случае, к унижительному патернализму.

Всякий, кто заинтересован в том, чтобы получить правильное представление о марокканском народе, не может удовлетвориться подобными суждениями. Они опровергаются такими фактами, как постоянное пребывание марокканского народа в определенных территориальных границах; древность государства, сложившегося еще в XI в.; величие его истории и цивилизации в XII и XIII вв.; единство империи, несмотря на упадок и кризис в новое время; сила сопротивления иностранному вторжению в XV в. во время тройного натиска португальцев, испанцев и турок; сопротивление французскому империализму в XX в.³

Марксистский метод исследования экономических и социальных фактов, изучение способа производства и его развития в той степени, в которой это позволяет нынешняя документация, дают возможность наметить основные этапы формирования марокканской нации и тем самым способствовать разоблачению несостоятельности аргументов, выдвигаемых империалистами для оправдания своих действий.

Страна и ее обитатели. Территория страны весьма удачно граничит с Средиземным морем, Атлантическим океаном, Сахарой, Алжиром. Она включает обширные, открывающиеся к океану равнины, поросшие лесом горы, тянущиеся полукругом от северного побережья до пустынь, засушливые земли на Востоке и на Юге. Нахождение на перекрестке водных и сухопутных дорог — Гибралтарский пролив, удобные горные перевалы — благоприятствовало установлению связей с восточным, средиземноморским и суданским миром.

В начале исторической эпохи мы застаем здесь людей, которых римляне называли маврами, а иногда несколько презрительно — варварами. Отсюда название «берберы», под которым они известны и сейчас. Но на своем языке берберы называли себя «имазиген» — «свободные люди». Они составили этническую основу населения. Их происхождение и эволюция известны сравнительно мало. По внешнему виду в большинстве своем берберы — темноволосые, но есть и белокурые и рыжеволосые. Говорят они на родственных диалектах, происходящих от одного и того же хамитического языка. В древности берберы причисляли себя к великой семье народов Ливии, занимавшей территорию Северной Африки от Египта до Атлантического океана.

Берберская этническая основа сохранялась почти нетронутой среди населения гор, но подверглась изменению у населения остальной части территории. В древности, когда здесь насчитывалось всего лишь несколько десятков тысяч финикийцев, евреев, римлян, эти изменения были незначительны. В VII и VIII вв. сюда последовательными волнами прибывали арабы: воины, торговцы, проповедники, государственные деятели. Кочевники-бедуины появились здесь в период с XII по XIV в. К ним присоединились сотни тысяч евреев и мусульман, изгнанных из Испании (XV и XVII вв.) и негры из Судана. Смешиваясь с берберами, пришельцы изменяли и обогащали культуру последних.

Берберское общество в VII в. Характерные черты берберского общества наиболее рельефно можно проследить в конце VII в., накануне арабского завоевания. Многие из этих черт сохранялись в марокканской деревне еще в начале XX в.

В политической организации и городской жизни северных районов страны остались следы имевшего вековую давность влияния Карфагена

и Рима. Это нашло свое выражение в присвоении земель как иностранной, так и местной аристократией. (На остальной территории страны отчуждение земли носило более случайный характер.) Утверждение здесь эксплуататорского хозяйства этими двумя городами-государствами ускорило разложение примитивного общинного строя, способствуя развитию техники, новых форм и отношений производства.

Племя складывалось из больших патриархальных семей или из более ограниченных семейных ячеек; члены которых считали, что они происходят от общего предка. Уже существовала частная собственность на жилища, скот, реже семейная форма частной собственности. Однако пастбища для кочевья и обрабатываемые земли оставались общинной собственностью.

Оседлые племена выращивали пшеницу и ячмень, овощи, оливки и виноград. Они пользовались сохой, серпом, мотыгой, ручными жерновами и маслобойкой, чередовали посев и пар, у подножья гор и в оазисах проводили ирригацию. В небольших размерах эти племена занимались также скотоводством — разводили овец, крупный рогатый скот, ослов. Горные и степные пастушеские племена занимались овцеводством или разведением коз. К концу существования Римской империи, в районах, прилегавших к Сахаре, в хозяйстве племен появился одинокорый верблюд-дромадер. Женщины мололи зерно, ткали одежду, изготавливали из глины блюда, миски, кувшины, кружки, плели корзины, циновки, мешки. Мелкие ремесленники мастерили и чинили домашнюю утварь и предметы культурного обихода. Вся эта деятельность обеспечивала потребности той или иной группы племен. Однако прогресс техники и разделение труда сделали возможным производство излишков продукции, которые находили сбыт вначале у карфагенских, а затем у римских торговцев или обменивались между племенами на рынке. Этот обмен регулировался главами семей или вождями племен, которые, стремясь расширить свои богатства, удерживали часть излишков, приобретали скот, и, что было реже и труднее, даже землю, начавшую поступать в хозяйственный оборот.

В племени господствовала родо-племенная знать. Собрания старейшин решали вопросы урегулирования тяжб, распределения участков, назначений посредников в спорах. В случае войны собрание назначало военного вождя, или амгара. Иногда амгар захватывал власть и становился вождем племени. Нередко складывались более обширные племенные группировки, подобия королевств, под руководством человека, прославившегося своими воинскими доблестями или моральными качествами, сила которого заключалась в богатстве и поддержке, получаемой им от племенной группы.

Преобладающей общественно-экономической формой была сельская община с пережитками патриархального строя, особенно в районах кочевых племен.

Связи, возникавшие внутри племенной группы, были связями зависимости, клиентелы. Рабство, питаемое войной, носило большей частью домашний характер и не составляло основы экономики, как это имело место в античных городах. Подобная социально-экономическая структура была характерной для трех групп марокканских берберов, которых заставили арабские воины при своем появлении: масмуды — оседлые, наиболее многочисленные племена, обосновавшиеся в горах Верхнего Атласа, атлантических равнинах и в Рифе; санхаджи — кочевники-верблюдоводы в пустыне или пастухи в горах Среднего Атласа, зенеты — кочевники в Восточном Марокко.

Хотя уже широкое распространение получили иудейские и христианские верования, большая часть берберов оставалась язычниками.

Объединительные черты мусульманской цивилизации (VIII—XI вв.). Арабы ввели такой способ производства, который, перешагнув через племенные рамки, привел к тому, что марокканцы объединились в более широкую экономическую и политическую организацию.

Новые пришельцы проявили себя сразу же как воины и проповедники покорности богу ислама. Они проповедовали веру в Мухаммеда — его пророка; равенство верующих; святость Корана, фиксировавшего догмы, обряды, а также положение личности, ее имущества, семьи и политические правила организации мусульманской общины. Они обещали местному населению также освобождение от налогов и участие в походах, к осуществлению которых и приступили. Так, берберы Северного Марокко под руководством своего вождя Тарика пересекли пролив и завоевали Испанию (711 г.).

В последующие века Марокко постепенно было вовлечено в сферу мусульманской цивилизации, характерные черты которой воплотились на Востоке в империи Аббасидов. Эта блестящая арабская цивилизация простиралась по южному побережью Средиземного моря и Среднему Востоку, от Туркестана и до Кастилии, там, где заканчивались пути, по которым из глубинных районов Азии и Африки доставлялись рабы, редкие изделия и продукты: пряности, шелка, драгоценные камни, золото, слоновая кость. Эта цивилизация восприняла и усовершенствовала сельскохозяйственную, ремесленную технику и торговлю Египта, Ирана и Византии, развила греческую науку. Это была цивилизация, основанная на торговле, сконцентрированной в городах и стимулировавшаяся властителями. В такой стране, как Марокко, где был живуч племенной партикуляризм, подобная цивилизация, коль скоро она туда проникла, не могла не оказать своего объединительного влияния. Характер религиозных законов, в сущности, благоприятствовал деятельности торговцев и политиков. Все обращенные должны были признать, по крайней мере теоретически, власть «халифа», светского и духовного главы мусульманской общины. Они обязаны были принимать как своего мусульманина — иностранца, большей частью торговца или придворного, личность и имущество которого защищались мусульманским правом (стоявшим над обычным правом).

Проникновение мусульманской цивилизации в Марокко шло из Ифрикии (Тунис) и Андалусии (Испания), где она распространилась значительно раньше.

Формирование марокканской общности (XI—XIV вв.). В 789 г. восточный князь Идрис I, потомок пророка, основал город Фес. Его сын, Идрис II, поселил здесь 2 тыс. семей из Кайруана и 8 тыс. семей из Андалусии. Фес стал экономическим и политическим центром, а также первым центром арабизации Марокко.

С XI в. до середины XIV в. при династиях Альморавидов, Альмохидов и первых властителей из династии Меринидов Марокко, где заканчивались сахарские пути, по которым транспортировались рабы и золото, стало доминирующей державой мусульманского Запада.

Альморавиды — санхаджи и воинственные представители религиозных орденов «ал-мурабитун», откуда и происходит их название, собрали марокканские земли, распространили на всю страну мусульманское правоверие малекитского толка и создали марокканское государство. Первый правитель этой династии, Юсуф ибн Ташфин (1063—1106), объявил себя халифом (титул, который носили почти все правители Марокко). Он именовался также «повелителем правоверных», «верховным имамом», от его имени произносились молитвы в мечетях. Великий завоеватель, он распространил свое господство на центральный Магриб до Алжира и на мусульманскую Испанию, после того как нанес поражение войскам короля

христианской Кастилии (1086). Эти суровые и грубые кочевники принесли в Марокко мусульманскую цивилизацию в ее андалусской форме, блестящим центром которой была Кордова. В основанных ими городах Марракеше (1062), бывшем их столицей, Мекнесе, Тазе, в Фесе, процветанию которого они также содействовали, сосредотачивались андалусцы с их большим опытом садоводства, ремесла, строительства и торговли. Они пополнили и правительственный аппарат. Юристы, писатели и поэты собирались при дворе правителя. Андалусское искусство со всей его утонченностью наложило свой отпечаток на здания, сохранившиеся и поныне: большая мечеть в Тлемсена (Алжир) и большая часть Карауина в Фесе. Но главное заключалось в увеличении числа городов с их специализированной ремесленной и торговой экономикой, развитие частных, тщательно возделываемых хозяйств в прилегающих деревнях; расцвет страны, в особенности городских центров, ислама и арабского языка.

Господство Альморавидов смогло утвердиться благодаря тому, что они обещали отменить незаконные поборы, восстановить причиненный ранее населению ущерб. Однако они, в свою очередь, наложили на него новые тяготы. Советниками у князей были юристы — «фукаха», которые выполняли в городах также высокие функции «кади», религиозных судей. Своими заключениями — «рай» (то есть истолкованиями священных текстов) они оправдывали наихудшие злоупотребления, что обеспечивало им благосклонность властей и богатство.

Создавшееся в связи с этим тяжелое положение народа, естественно, вызвало протест. Его выразителем стал теолог Ибн-Тумарт из племени масмудов в горах Высокого Атласа. После путешествия на Восток он стал разоблачать падение нравов, злоупотребления судей, толкования, которые они давали содержащимся в Коране принципам морали и справедливости, их тенденцию персонифицировать, придать человеческую форму атрибутам бога: например, Силе, Воле, Слову, и тем самым разбить божественное единство.

Ибн-Тумарт проповедовал единство бога, поэтому его сторонников называли «ал-Муваххидун» — «верующие в единого бога». Он рекомендовал возвратиться к первоисточникам — «усул», к откровению Корана, к достоверному его толкованию для того, чтобы защитить открытую истину и понять ее. «Свободное рассмотрение, чувство истины, достоверное истолкование, не склоняющееся перед недоказанным авторитетом — таковы характерные черты выдвигаемых восстанием Ибн-Тумарта и всей альмохадской революцией требований»³.

Проповедь Ибн-Тумарта нашла отклик в народных массах. Она привлекла также и магрибских ученых, побудила их углубить свою концепцию сотворения мира и природы и в известной мере открывала путь к рационализму.

Ибн-Тумарт, а затем его верный ученик Абд ал-Мумин, сын горшечника, возглавив горные племена, свергли власть Альморавидов и заняли все Марокко. Абд ал-Мумин расширил пределы феодальной империи от Триполи до Кордовы. При династии Альмохадов (1147—1269) Марокко переживало значительный расцвет. Цивилизация и могущество империи покоились на широком развитии торговли. Танжер, Мелилья, Бадис (порт Феса), Сеута принимали товары из Европы и стран Востока, экспортировали зернопродукты, кожу, воск, товары из Судана и золота, которые поступали в Марракеш. Развитие торговли повлекло за собой

интенсификацию промышленного производства. Широкой известностью пользовались чеканка серебром и золотом на стальных изделиях из Сеуты, полотна из Рифа, хлопчатобумажные ткани, вырабатывавшиеся в Лараше, сукна и гончарные изделия из Сафи, койки и ткани из Огига и Тафила-лете. Ведущую роль в экономической жизни Марокко играл Фес. Он являлся огромной промежуточной базой, куда стекались самые различные товары. Его ремесленники производили оружие, гончарные изделия, полотна, изделия из кожи, шелка и бумажные ткани. В большом количестве появились предприятия по выработке бумаги, служившей важным средством распространения письменности и литературы.

Торговля и промышленность стимулировали рост городов. Оживленные, украшенные мечетями, медресе, дворцами знати, окруженные виноградниками и садами, они стали центрами оригинальной культуры, проникнутой андалусскими и восточными влияниями, но несущими на себе глубокую печать марокканского происхождения. Для больших зданий, воздвигнутых альмохадскими правителями: мечети в Таза, Кутубии в Марракеше, Жиральды в Севилье, мечети Хасана в Рабате — характерны величие, строгость, гармония. Отсутствие вычурности, точность, которые контрастируют с утонченной манерностью андалусской школы, можно встретить и в произведениях Кади Ийада, одного из величайших марокканских писателей, Абд ал-Вахда ал-Марракуши⁴, автора истории Испании и Марокко, поэта ал-Хаттаби, историка Ибн-Изари. Марокканец ал-Идриси (1100—1166) был «учителем географии Европы». В течение трех веков Европа не имела другой карты мира, кроме карты, составленной Идриси, которая по своей точности значительно превосходила карту Птолемея. Среди философов упомянем имена Ибн-Туфайля (1120—1185) и Ибн-Рушда (Аверроэса) (1126—1188), оказавших значительное влияние на развитие средневековой мысли. Ибн-Рушд родился в Кордове в семье юриста. Не пожелав заниматься профессией своих родителей, он изучил, популяризировал и развил учение Аристотеля, утверждая, что человеческий разум в состоянии правильно познать мир. Ибн-Рушд писал и жил в Марракеше при дворе Альмохадов.

Расцвету империи Альмохадов способствовала политическая стабильность, ставшая возможной благодаря активности сильной торговой буржуазии, которая была заинтересована в укреплении централизованной власти Махзена (Центрального правительства Марокко), чтобы расширить свои владения в стране. Во всяком случае в XIII в. дело политического и экономического объединения страны продвинулось далеко вперед. Город постепенно начал преобладать над деревней; экономическая независимость племен была подорвана. Жители сел, нарушая дисциплину племен, направлялись во вновь созданные или расширявшиеся города, где работа в городских мастерских оплачивалась, ибо здесь велось уже денежное хозяйство. Однако технические и социальные условия промышленной экономики капиталистического типа еще не существовали.

Альмохады пали под ударами кочевых племен зенетов, пришедших с Юга. Их вожди основали династию Меринидов (1269—1465). Правление Меринидов, по крайней мере до 1350 г., характеризуется рядом черт. Несмотря на усилия некоторых крупных правителей, империя развалилась, и Марокко было ограничено теми рубежами, которым отныне суждено было стать его границами. Уровень цивилизации оставался прежним, но центр ее переместился из Марракеша в Фес, вновь ставший политическим, а также религиозным и культурным центром страны, поскольку

³ Germain Ayache. Ibn Rochd et la revolution almohade. Серия статей, опубликованных в «Espoir», двухнедельнике, издающемся на французском языке Коммунистической партией Марокко (Касабланка. Январь — февраль 1949 г.).

⁴ Родился в Сеуте в 1083 г. О марокканской литературе см. статью, принадлежащую Мухаммеду ал-Фаси в книге: «L'encyclopédie coloniale et maritime. Maroc». Paris, 1947 p. 460—478.

новая династия восстановила ордоксальный ислам и увеличила число медресе, официальных учебных заведений. Медресе и мериридские мечети представляли собой прекрасные произведения архитектуры, для которых характерны тонкость украшений, противопоставление белизны гипса, обработанного, как кружево, переливающейся многоцветности фаянсовой мозаики и темному тону резного дерева.

Значительно продвинулись арабизация и исламизация. В XIV и XV вв. местные проповедники и религиозные братства донесли ислам до самых отдаленных уголков страны. Большую роль в этом сыграли, в частности, «завия», служившие одновременно и религиозными центрами, и воспитательными учреждениями, и гостиницами. Бедуинские племена, пришедшие из арабских стран и водворенные здесь правителями Марокко, распространили на высоких плато Восточного Марокко, в засушливых районах Юга и атлантических долинах арабские диалекты, на которых они говорили. Но горцы Среднего Атласа и Верхнего Атласа (восточной его части) сохранили свои берберские наречия.

Проявление национального чувства. Марокко, представлявшее собой вначале простой конгломерат племен, в XI в. стало централизованным феодальным государством. Между различными группами людей — горожанами и жителями сел, горцами и кочевниками установились экономические, языковые и исторические, культурные связи. Прочность этих связей — элементов национального единства — подверглась испытанию в боях против иностранных вторжений и в период внутренних политических кризисов, которые вплоть до XX в. происходили в стране, но не нарушали ее единства.

Во второй половине XIV в. начался упадок династии Меринидов, усилившийся в XV в. Марокканское феодальное государство распадалось. Вазирь, христианская милиция, мусульманская гвардия возводили и свергали султанов, губернаторы и высшие чиновники создавали княжества, целые группы племен уходили из подчинения властям.

Анархия благоприятствовала иностранным авантюрам. В 1339 г. кастильские воины разрушили Тетуан, половину его жителей вырезали, остальных увели в рабство. В 1491 г. была захвачена Мелилья. Португальцы заняли побережье от Сеуты до Агадира (1415—1515), они опустошали прилегающие районы, нападали на племена, забирая у них урожай, захватывая воинов и других жителей, которых либо продавали в рабство, либо освобождали за огромный выкуп. Разрушая марокканскую промышленность и флот, португальцы стремились таким образом обеспечить себе монопольную торговлю на морских путях. Наконец, в XVI в. с Востока на сухопутные границы Марокко напали турки.

Перед лицом всех этих событий стала совершенно очевидной несостоятельность последних Меринидов, и марокканцы — жители гор, долин и городов решили сами дать отпор врагам. Их возглавили местные проповедники — «марабуты» и «шерифы», которые считали себя потомками самого пророка. На священную войну против иноземных захватчиков были призваны добровольцы «муджахиды», для ведения ее созданы денежные фонды. У власти стали вожди, отличившиеся в ходе освободительной войны. Таково, например, происхождение Саадийской династии (1511—1650). Самый выдающийся из саадицев, Ахмед ал-Мансур, был провозглашен султаном на поле битвы при Луккосе, где была разбита португальская армия (1578).

Итак, «Марокко было не только могущественной державой, но являлось также и богатой империей западного мира»⁵. В эту эпоху прослави-

⁵ E. Levi-Provençal. Le Maroc en face de l'étranger à l'époque moderne. «Bulletin de l'enseignement publié du Maroc», Rabat, février 1925.

лись великие алавидские властители⁶ Маула Исмаил (1688—1727) и Мухаммед бен Абдаллах (1757—1817). При них Марокко сбросило последние португальские оковы, но потерпело поражение у Сеуты и Мелильи, которые остались испанскими.

Таким образом, столкнувшись с завоевателями в XV в., марокканский народ осознал свое единство, которое подготавливалось в великую эпоху Альморавидов и Альмохадов. «Джихад» — священная война явилась лишь религиозным проявлением патриотизма.

Упадок Марокко (XV—XIX вв.). Полным драматизма является тот факт, что именно с этого момента марокканская цивилизация начинает постепенно затухать. Причины этого весьма сложны и очень слабо изучены. Попытаемся их объяснить.

Политические кризисы XV и XVI вв. со всей определенностью показали, что партикуляристские силы — племена, религиозные вожди, губернаторы приходили в движение, как только ослабевала власть правителя и орудие его централизованной власти — Махзен.

Эти силы опирались на частную феодальную собственность, возникающую в процессе феодализации производственных отношений внутри племен, их базой были племена. Вожди племен, религиозные вожди, губернаторы осуществляли более или менее развитую феодальную эксплуатацию крестьянских масс, располагали присвоенными или пожалованными им правителем большими доменами, которые обрабатывали издольщики — хаммасы (khammàs). Они получали иногда также право на сбор некоторых налогов, однако не пользовались правом регалий и должны были считаться с сельской общиной, которая хотя и находилась на положении их клиентов и должна была выполнять барщину или вносить арендную плату, тем не менее ревностно защищала свою общинную собственность.

Партикуляристское движение феодальной оппозиции было характерным не только для Марокко и не только для мусульманских стран. В этот же период королевство и единство Франции, например, находилось под угрозой распада во время Столетней войны. Позже, в XVI в., аналогичное явление имело место во время религиозных войн, за которыми скрывалось соперничество феодалов. И в той, и в другой стране (в Марокко и во Франции. — Прим. пер.) сила складывавшегося национального самосознания способствовала восстановлению единства страны.

Таким образом, почти одновременно появились Саадийский султан ал-Мансур и Бурбон Генрих IV. Но дальнейший ход событий был различным. Прогресс науки и техники, последствия которого тогда еще трудно было предвидеть, становился все более и более значительным. В Европе и на Западе развивались производительные силы, в Марокко — они находились в состоянии застоя.

Такое положение в Марокко было следствием разрушения производительных сил и торгового обмена, на которых основывалось процветание и могущество страны. Оккупация морского побережья и континентальных районов Марокко португальцами, испанцами и турками в XV и XVI вв. нарушила торговые связи. Роковым оказался поход ал-Мансура в Судан, ибо он привел к прекращению притока золота. В XVIII в. одновременная оккупация Марокко португальцами, испанцами и турками была прекращена, но флоты христианских держав, хозяйничавшие в Средиземном море, не давали возможности Марокко восстановить хозяйственные связи с Европой.

⁶ Династия Алавидов начала править в 1659 г. и продолжает править по настоящее время. Нынешний король Мухаммед V — Алавид.

Нарушение обмена вызвало ослабление активности городов и торговой буржуазии, которые до сих пор сдерживали, а иногда и давали отпор силам феодального партикуляризма.

Как никогда раньше Марокко стало аграрной страной. Оно не пережило поэтому эпохи подъема городов, накопления капиталов, развития буржуазии, появления большого числа ученых и изобретателей, развития техники, что было характерно для Западной Европы. Тем не менее, несмотря на явления упадка, Марокко сохранило прочное единство, основывавшееся на наличии постоянных экономических связей между племенами и городами, на живучести начавшего складываться чувства единства, на религиозном престиже верховного правителя. Во второй половине XIX в. под влиянием усилившихся внешних контактов и благодаря энергичным действиям султана Мауля Хасана (1876—1894) наметилось движение обновления.

Колониальный режим. Завершение формирования марокканской нации. Натиск империалистов приостановил начавшийся процесс модернизации. Иностранное вмешательство привело к падению популярности весьма наивного султана Абд ал-Азиза (1896—1909). Страна снова была охвачена беспорядками. В 1912 г. султан Мауля Хафид был вынужден подписать в Фесе договор, согласно которому над Марокко устанавливался французский протекторат, признавался протекторат Испании над северной частью страны, а Танжер объявлялся международной зоной. Это явилось сигналом к мощному восстанию берберских и арабских племен, которые при поддержке горожан двинулись на Фес, чтобы уничтожить «делку о продаже». Эта попытка не удалась, однако понадобилось еще 22 года военных операций, чтобы завершить покорение страны.

Сопrotивление колониальному режиму ускорило завершение формирования марокканской нации. Те факторы, которые действуют и в настоящее время, известны лучше.

Главной заботой оккупантов было удерживать марокканское общество в его традиционных рамках, усилить элементы феодального партикуляризма, сохранить его отсталую экономику. Были усилены административные и религиозные пережитки феодализма, использование которых облегчало колонизаторам их господство над страной.

Однако возникло неизбежное противоречие: деловые группы, финансировавшие захват Марокко, стремились установить здесь буржуазные формы эксплуатации. Они поощряли поселение иностранцев в Марокко, открыли кредитные учреждения, проложили железные и шоссейные дороги, построили порты, плотины, административные здания. Колонизаторы захватили почти миллион гектаров земли, богатства недр, построили новые города и предприятия. Они способствовали разложению общинной собственности, чтобы обеспечить ее мобильность, что в свою очередь способствовало росту крупной земельной собственности колонистов, кандов, пашей и шейхов.

Все это привело к большим потрясениям в марокканском обществе, к изменению структуры экономики страны.

Рост потребности в деньгах для того, чтобы платить налоги, покупать необходимые товары — ткани, свечи, чай и т. д., вынуждал крестьян во время неурожая бросать свои участки и искать работу по найму. Они стекались на горные разработки, а также в города, где составляли армию рабочих, готовых продавать свою рабочую силу. На рудниках и предприятиях из них формировался пролетариат, передовые представители которого стали задумываться о причинах нищеты и осознавать свои классовые интересы. Пробуждение классового самосознания вылилось в борьбу против эксплуататоров, которые в подавляющей массе были иностранцами. По-

следнее обстоятельство в свою очередь способствовало углублению национального самосознания.

Национальное сознание укреплялось также и у марокканской буржуазии, интересам которой наносил ущерб колониальный режим.

Распространившись на всю страну, колониальная эксплуатация привела к созданию единого внутреннего рынка, все части которого были связаны между собой благодаря постоянному обращению капиталов, товаров, людей. Племенные отношения распадались, а с ними рушилась и экономическая автономия.

В общую экономическую жизнь страны включились также горные районы благодаря миграции населения, в особенности благодаря деятельности городских торговцев, которые распространили там арабский язык и мусульманское право.

Требование свободы стало всеобщим. Движение за национальное освобождение стало непреодолимым. Национальная буржуазия и пролетариат объединили свои действия с крестьянством (1953—1955). Роль населения созданного колонизаторами города Касабланки, который является экономическим центром нового Марокко, была решающей на заключительной стадии национально-освободительной борьбы.

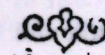
Восстановив свою независимость и единство своей территории, марокканский народ устраняет феодальные пережитки, являвшиеся фактором партикуляризма, ликвидирует крупные феодальные поместья коллаборационистов и привилегии крупных земельных магнатов, находившие свое выражение в различных формах феодальной эксплуатации крестьянства.

Так в период борьбы против господства французских и других иностранных империалистов, в постоянном сопротивлении империалистам, черты марокканской нации, которые проявились очень рано, получили свое полное завершение.

S U M M A R Y

In his article A. Ayache disproves convincingly the allegations of the ideologists of French imperialism that the people of Morocco are incapable of creating a stable political community and that they lack national self-consciousness. Briefly reviewing the formation of the Morocco nation, stage by stage, the author emphasizes the permanent residence of the Morocco people within the limits of a definite territory, the ancient nature of their state which had taken shape as far back as the 11th century and the high level of their civilization in the 12th and 13th centuries. The decline and internal political crises which have shaken the Morocco state in the modern period, observes the author, could not break the unity of the people. The people of Morocco offered strong resistance to the foreign invasion in the 15th century. A still more energetic struggle has been conducted against French imperialism in the 20th century when Morocco regained its independence and restored the integrity of its territory.

The people of Morocco are gradually eradicating the survivals of feudalism.

НИГЕРИЯ НАКАНУНЕ НЕЗАВИСИМОСТИ

(Конституционные изменения и маневры английской колониальной администрации)

Л. Н. ПРИВЫТКОВСКИЙ

Сейчас, когда колониальная система рушится под мощным натиском национально-освободительного движения народов Азии и Африки, правящие круги империалистических держав признают, что сохранить «классический» колониальный режим в его прежних односторонних формах невозможно. Однако они стремятся любой ценой продлить свое господство. Для этого испытанная империалистическая колониальная политика угроз и насилия (от которой колонизаторы тем не менее отнюдь не отказываются) является уже недостаточной. Империалисты сочетают эту политику с методами обещаний и вынужденных уступок.

Одним из таких новейших методов империалистической политики в Африке являются реформы в области колониального управления. Если до второй мировой войны не существовало даже видимости участия представителей местного населения в управлении колониями, то после войны колонизаторы начали проводить некоторые конституционные реформы, имеющие целью создать хотя бы иллюзию такого участия. Большую активность в этом проявляют английские колонизаторы. В последние годы во многих английских колониях введены различные конституции. Несмотря на их многообразие, все они призваны обеспечить сохранение власти в руках британского губернатора и его чиновников. Новые методы английской колониальной политики нашли свое яркое выражение в Нигерии.

Нигерия является самой крупной из оставшихся еще у Англии колоний. По численности населения (34 млн.)¹ она занимает первое место в Африке и тринадцатое в мире. Площадь страны — 966 тыс. кв. км², в четыре раза превышает площадь Англии. На территории Нигерии проживают различные африканские народы: хауса — (5,6 млн.), ибо — (5,5 млн.), йоруба — (5,1 млн.) и др.³

Нигерия является федерацией, состоящей из 3 районов: Северного, Восточного и Западного⁴.

Во главе колонии стоит английский генерал-губернатор, имеющий

право вето в отношении решений федеральной Палаты представителей (местный орган законодательной власти). Орган исполнительной власти — Совет министров федерации, возглавляемый премьер-министром, африканцем. Районами управляют английские губернаторы. В каждом районе имеются законодательные и исполнительные органы власти — Палаты собраний и Советы министров. В Северном и Западном районах имеются также и Палаты вождей.

В северной части Нигерии господствуют феодальные отношения. Феодалы Севера всегда служили надежной опорой английскому империализму. Большинство населения Северного района исповедует ислам. Основным языком жителей — хауса. В Восточном и Западном районах более развиты капиталистические отношения и сосредоточены основные кадры рабочего класса. Основным языком на Востоке является ибо, на Западе — йоруба. Большая часть населения этих районов — христиане и анимисты.

Характерной чертой Нигерии является сложность национального вопроса. Наряду с уже сложившимися экономическими связями между районами страны имеются и значительные различия в языке, религии, обычаях и т. п. Эти различия искусственно выдвигаются империалистами на передний план для того, чтобы облегчить себе возможность маневрирования и затруднить объединение национальных сил в борьбе против империализма.

Несмотря на наличие благоприятных условий для развития промышленности⁵, Нигерия является отсталой аграрной страной. Здесь насчитывается свыше 300 тыс. работающих по найму⁶. Тяжелая промышленность по существу отсутствует. Из отраслей добывающей промышленности развитие получили лишь те, в которых заинтересованы иностранные монополии.

Поставляя на внешние рынки ценное минеральное сырье и сельскохозяйственные продукты (колумбит, олово, какао, земляной орех, продукты масличной пальмы), Нигерия в то же время является рынком сбыта промышленных товаров, ввозимых в основном из Англии. Во всех основных отраслях экономики хозяйничает английский капитал⁷.

В послевоенные годы усилилось проникновение в Нигерию американских монополий⁸.

Колониальный режим обрекает многомиллионное население Нигерии на голод и нищету. Бывший чиновник колониальной администрации в Нигерии К. Фордж следующим образом характеризует положение на-

⁵ Нигерия располагает разнообразными природными богатствами. На ее территории имеются залежи угля, нефти, олова, колумбита, вольфрама, свинца, цинка, урана, золота, серебра, меди, никеля и т. д. См. *Nwankwo Chukwuemeka. African dependencies: a challenge to western democracy. A study of the resources, commerce and industries of Nigeria and suggestions for the economic development of the dependency.* New York, 1950, p. 207.

⁶ «Review of economic activity in Africa, 1950 to 1954». U. N. New York, 1955, p. 137; «Labour in the United Kingdom Dependencies». London, 1957, p. 37.

⁷ «Объединенная Африканская компания» («United Africa company»), филиал англо-голландского концерна «Юнилевер», владеет большим числом предприятий торговли, транспорта, лесной промышленности. В конце 1956 г. на предприятиях этой компании было занято свыше 25 тыс. рабочих и служащих. Другая английская компания «Лондон Тин Корпорейшн» контролирует большую часть оловодобывающих компаний страны.

⁸ Обосновывая заинтересованность США в Нигерии, журнал «Каррент Хистори» в мае 1956 г. писал: «Нигерия важна со всех точек зрения: размер территории, численность населения; сырье (минералы, какао, масло и т. д.). Нигерия является источником 95% мирового производства колумбита, крупнейшим покупателем которого являются США. Она имеет также олово, возможно, нефть, уран и другие минералы, имеющие стратегическую ценность. Ее экономический потенциал огромен, хотя в настоящее время он эксплуатируется лишь частично».

¹ По оценке на 1957 г. См. «Digest of statistics», vol. 7. Lagos, January 1958, p. 3.

² Включая площадь Британского Камеруна.

³ G. Brian Stapleton. The wealth of Nigeria. London, 1958, p. 49; K. M. Buchanan, J. C. Pugh. Land and people in Nigeria. London, 1955, p. 84; «Colonial office. Report on Nigeria for the year 1953». London, 1955, p. 9.

⁴ В состав федерации входят также неподопечная территория Британский Камерун и федеральная территория Лагос.

селения этой страны: «Большинство населения Нигерии может тратить пенс там, где мы тратим шиллинги, хотя, чтобы быть обеспеченным в Нигерии, надо иметь по крайней мере столько же денег, сколько и в Англии. Средняя зарплата нигерийцев — 5 шиллингов в день, повсюду имеются безработные. Папиросы продаются на рынках по одной штуке, а спички по 10 штук. Большинство жителей не имеет возможности приобрести обувь. Почти все население страны (особенно дети) страдает от малярии, однако лишь немногие могут покупать лекарства. Имеется один врач там, где у нас 60 или больше. Один зубной врач приходится на 2 млн. жителей. Средняя продолжительность жизни нигерийцев 30 лет, тогда как в Англии она составляет 60 лет»⁹.

В результате хищнической эксплуатации природных ресурсов страны и колониальной политики, препятствующей экономическому развитию Нигерии, национальный доход в расчете на душу населения в 14 раз меньше, чем в Англии¹⁰, тогда как стоимость жизни в обеих странах одинакова.

Политический гнет колонизаторов, варварское расхищение природных богатств, беспощадная эксплуатация коренного населения вызывали сопротивление народов Нигерии. Активная борьба нигерийцев за освобождение своей страны началась в годы первой мировой войны, однако она не носила массового характера. Не было еще современного промышленного пролетариата и других классов буржуазного общества. Отсутствовали политические партии.

Первая политическая партия Нигерии — Национально-демократическая — была основана в 1922 г. Она поставила перед собой цель — добиться самоуправления Нигерии в рамках Британской империи. Этого добивались также различные молодежные организации страны (Союз студентов Нигерии и др.), оказавшие значительное влияние на рост национального самосознания населения¹¹.

Участие нигерийцев во второй мировой войне способствовало усилению национального движения¹². Различные общественные организации все более настойчиво выдвигали требования о предоставлении Нигерии самоуправления. Так, например, еще в 1942 г. Союз студентов Западной Африки¹³ принял резолюцию, требующую немедленного предоставления самоуправления странам Британской Западной Африки.

После второй мировой войны резко изменилась расстановка классовых сил, сложилась новая политическая обстановка в стране. Значительно укрепились позиции национальной буржуазии, выросли численность и организованность рабочего класса. Формирование национальной буржуазии в Нигерии происходило в основном во время и после второй мировой войны. В ее состав входят торговцы, связанные с внутренней и отчасти внешней торговлей, владельцы небольших предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья, а также нескольких относительно круп-

⁹ «The Worker». New York, March 2, 1958, p. 8. Министр здравоохранения Северного района Малам Ахмади признавал, что в районе имеется 500 тыс. больных проказой, из которых в 1956 г. лечилось лишь 119 тыс. См. «West African pilot». Lagos, January 8, 1958.

¹⁰ G. Brian Stapleton. Указ. соч., стр. 98.

¹¹ N. Azikiwe. The development of political parties in Nigeria. London, 1957, p. 5—7.

¹² В годы войны англичане завербовали 372 тыс. африканцев, из них около 166 тыс. служили за пределами своих стран. Нигерийцы участвовали в боях в Бирме, на Ближнем Востоке, в Сомали и Эфиопии. См. Hailey. An African survey. London, 1957, p. 253; A. Burns. History of Nigeria. London, 1955, p. 240.

¹³ Организация, объединяющая студентов Гамбии, Ганы, Нигерии и Сьерра-Леоне, обучающихся в Англии. Создана в 1925 г. нигерийцем И. Соланке. См. «The Times British colonies review». London, 1954, № 15, p. 12.

ных предприятий в текстильной и в других отраслях легкой промышленности. В последнее время национальный капитал увеличил вложения в горнодобывающую, цементную, текстильную и пищевую промышленность, а также в предприятия транспорта. Начиная с 1952 г., ежегодные капиталовложения нигерийцев в экономику страны превышают инвестиции иностранного капитала.

Рост удельного веса национального капитала в экономике страны и укрепление экономических позиций национальной буржуазии сопровождаются значительным повышением ее политической активности и обострением ее противоречий с английским монополистическим капиталом.

Развитие промышленности: строительство новых предприятий в горнодобывающей, текстильной, цементной, обувной и в других отраслях промышленности, развитие транспорта и т. д. — все это приводило к значительному росту численности рабочего класса. Одной из важнейших особенностей рабочего класса является его концентрация на крупных предприятиях угольной, оловодобывающей и некоторых других отраслей производства; это способствует росту сплоченности и облегчает организацию рабочих. В настоящее время в Нигерии насчитывается около 150 тысяч рабочих и служащих, входящих в профессиональные союзы¹⁴.

Большое влияние на рост национального самосознания различных слоев нигерийского общества, и прежде всего интеллигенции и национальной буржуазии, оказала политическая деятельность видного представителя национальной буржуазии, нынешнего премьера Восточного района Н. Азикве¹⁵. В 1943 г. он опубликовал работу «Политические основы Нигерии», в которой Азикве выдвинул план, предусматривающий получение страной независимости в течение ближайших 15 лет, а также разработал проект будущей конституции Нигерии на основе изучения конституции ряда стран, в том числе Советской Конституции. Обосновывая требование предоставления независимости Нигерии, Азикве писал:

«Мы должны иметь самоуправление. Великобритания не может отказывать нам в праве, которое мы имеем от рождения. Англия не может вести войну за свободу и одновременно держать миллионы нигерийцев в состоянии политического рабства... Нигерийские солдаты проливают сейчас свою кровь в пустынях Ближнего Востока и Северной Африке; в джунглях Бирмы и в горах Восточной Африки, они жертвуют своими жизнями во имя демократии, они сражаются и умирают во имя того, чтобы нигерийцы и народы всех других стран могли жить и пользоваться политической свободой»¹⁶.

Важнейшим событием в жизни страны явилось создание 26 августа 1944 г. самой крупной партии национальной буржуазии «Национального Совета Нигерии и Камеруна» (НСНК). Партия была создана вначале как федерация различных организаций — политических, профсоюзных,

¹⁴ «Labour in the United Kingdom Dependencies». London, 1957, p. 37.

¹⁵ Ннамди Азикве родился в 1904 г. в Нигерии. После окончания миссионерской школы и учительского института работал младшим клерком в государственном казначействе. В 1928 г. он уехал учиться в США, где провел семь лет. Обучался в Сторер-колледже в Виргинии, получил степень магистра филологических наук в колледже Линкольна в штате Иллинойс и магистра естественных наук в Пенсильванском университете. В 1931 г. стал преподавателем государственного права в колледже Линкольна. В 1934 г. он возвратился в Африку. В 1934—1937 гг. работал главным редактором газеты «Африкан морминг пост», издававшейся в Аккре (Гана). В 1937 г. переезжает в Нигерию и начинает издавать газету «Вест Африкан Пайлот». Вскоре он становится владельцем ряда газет. Азикве — автор ряда книг и брошюр. См. «Who's who in Nigeria». Lagos, 1956, p. 91; «Observer». London, May 19, 1957; «Current biography». New York, July 1957, vol. 18, № 7, p. 7—8.

¹⁶ N. Azikiwe. Political blueprint of Nigeria. Lagos, 1943, p. 63—64.

женских, молодежных и т. д., а с 1951 г. строится по принципу индивидуального членства. Инициаторами создания НСНК явились Г. Макколей¹⁷ и Н. Азикве, который с 1946 г. является его бессменным руководителем. НСНК быстро завоевал поддержку широких слоев населения. Его программа предусматривает борьбу за национальную независимость, за демократическую конституцию и единство страны¹⁸. НСНК с самого начала опирался на поддержку довольно широких слоев мелкой городской буржуазии, интеллигенции, крестьян и рабочих. В колониальной Нигерии классовые противоречия отступали на второй план перед основным и решающим противоречием — между империализмом и всем народом Нигерии. В этих условиях национальная буржуазия, используя слабость классовых организаций пролетариата и крестьянства, располагала реальной возможностью объединить все или почти все национальные силы на основе борьбы за независимость, против империализма.

Росту авторитета НСНК среди широких слоев трудящихся способствовала и решительная поддержка, которую партия оказала первой в истории Нигерии всеобщей забастовке рабочих и служащих государственных и муниципальных учреждений, требовавших увеличения заработной платы. Стачка началась в конце июня 1945 г. и продолжалась 45 дней. Забастовка вынудила колониальные власти принять решение о создании специальной комиссии для рассмотрения вопроса об увеличении прожиточного минимума¹⁹.

Первая всеобщая забастовка рабочих и служащих, наряду с другими выступлениями народных масс, заставила колонизаторов пойти не только на экономические, но и на известные политические уступки национально-освободительному движению.

Рост массового национального движения заставил правительство Англии обещать населению Нигерии ввести конституцию, предусматривающую расширение представительства африканцев в местном законодательном органе. В заявлении Исполкома Коммунистической партии Великобритании (июль 1954 г.) отмечалось:

«Политическая история Нигерии за последние годы, в особенности после второй мировой войны, это история сменявших друг друга «конституций», которые предоставляло английское правительство под давлением нарастающего национального движения»²⁰.

Однако, идя на известные уступки, выражением чего являются конституционные реформы, английские колониальные власти всячески стремятся задержать продвижение Нигерии к независимости, продлить свое пребывание в этой стране. Они отдают себе отчет в том, что крах колониального режима в Нигерии будет означать решительный шаг по пути ликвидации всех колониальных владений Англии в Африке.

Английский юрист Д. Н. Притт, характеризуя конституции английских колоний и их роль в империалистической политике, подчеркивал, что эти конституции «должны обеспечить» приемлемые для колонизаторов пути для отступления в тех случаях, когда дальнейшее сопротивление неотвратимому процессу освобождения от колониальной зависимости становится для них политически невыгодным. В этих условиях колонизаторы стремятся к тому, чтобы отступление проходило по возможности

¹⁷ Известный политический деятель Нигерии и активный участник национально-освободительного движения. Основатель национально-демократической партии (1922 г.). Умер в 1946 г. См. *N. Azikiwe. The development of political parties in Nigeria*, p. 5.

¹⁸ Там же, стр. 10.

¹⁹ «The Times», July 2, 1945.

²⁰ «World news». London, August 14, 1954, p. 649.

медленнее, при сохранении за метрополией возможно большей степени контроля. В то же время уступки должны быть достаточно значительными, чтобы предотвратить серьезные волнения или восстания в колониях, а также критику со стороны общественного мнения в самой Англии²¹.

В марте 1945 г. были опубликованы конституционные предложения тогдашнего губернатора Нигерии Ричардса. Наряду с расширением представительства африканцев в Законодательном Совете до 28²², Ричардс предлагал также в качестве шага на пути к созданию «ответственного правительства» и привлечению большего числа африканцев к участию в «законодательной машине» разделить страну на три отдельных района, со своими законодательными органами²³. Английские колонизаторы стремились под видом укрепления местных органов власти усилить противоречия между представителями отдельных частей страны с тем, чтобы не дать им сплотиться для совместной борьбы за независимость.

Передовые силы страны повели решительную борьбу против предложений Ричардса. «НСНК начал всенародную агитацию против конституции, подготовленной одним человеком без ведома и согласия миллионов нигерийцев, которых она непосредственно касалась»²⁴. 27 марта 1945 г. НСНК направил губернатору для передачи министру колоний меморандум, в котором указывалось, что новая конституция должна обеспечить большее участие африканцев не только при обсуждении вопросов, но и при их решении²⁵.

В апреле 1946 г. НСНК организовал поездку своих руководящих деятелей по стране, чтобы заручиться поддержкой населения для дальнейшей борьбы против конституции. Было решено также направить делегацию протеста в Лондон. Жители 153 городов и деревень поддержали НСНК и собрали средства для отправки в Лондон делегации НСНК²⁶ во главе с Азикве. Однако лейбористское правительство Ричардса вступило в силу в январе 1947 г. Нигерия была разделена на административные районы с отдельными региональными палатами, действующими как коллегии выборщиков по отношению к центральному Законодательному Совету. Весьма показателен состав этих палат. Палата Собрания Северного района состояла из 19 английских чиновников (официальные члены) и 21 африканца, из которых 6 назначались губернатором, а остальные должны были избираться местными властями, а фактически назначались феодалами Севера. В Западном районе Палата Собрания состояла из 14 англичан и 19 африканцев. 5 из них назначались губернатором, остальные избирались вождями йорубов и местными органами власти. То же самое было и на Востоке, где из 18 африканцев 5 назначались губернатором, а остальные — местными властями. Конституция не предоставляла Палатам Собрания районов законодательных полномочий. Их функции помимо избрания представителей в центральный Законодательный Совет были исключительно совещательными. Палаты Собраний могли лишь обсуждать законопроекты, касающиеся районов, и передавать свои предложения губернатору через старшего английского чиновника в районе — глав-

²¹ Д. Н. Притт. Конституции английских колоний и их роль в империалистической политике. «Международная жизнь», 1958, № 5, стр. 139.

²² По конституции Клиффорда, введенной в 1924 г., в Законодательном Совете было 10 африканцев. См. «Nigerias constitutional story (1862—1954)». Lagos, 1956, p. 24.

²³ «Colonial office. Proposals for the revision of the constitution of Nigeria». London, March, 1945.

²⁴ N. Azikiwe. The development of political parties in Nigeria, p. 13.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же, стр. 14—15.

ного комиссара. В Северном районе помимо Палаты собрания создавалась еще и Палата вождей, состоящая из 3 англичан и 22 феодальных правителей-африканцев²⁷. Таким образом конституция Ричардса знаменовала собой начало политики регионализации, т. е. раскола страны на отдельные противостоящие друг другу районы.

«Конституция Ричардса не учитывала национальных границ. Большое число африканцев йоруба было оставлено в Северном районе и отделено от своих единоплеменников на Западе. Регионализация была в основном средством осуществления политики «разделяй и властвуй» — отмечалось в заявлении исполкома Коммунистической партии Великобритании²⁸.

По конституции губернатор был наделен правом вето и фактически располагал всей полнотой законодательной и исполнительной власти. После введения конституции Ричардса, против которой выступало большинство населения, борьба народных масс значительно усилилась. Выступления нигерийцев против конституции свидетельствовали о ее непрочности. В конце 1949 г. произошло событие, которое ускорило крах конституции Ричардса и, вопреки намерениям колониальных властей, заставило их пойти на дальнейшие уступки. 18 ноября 1949 г. по приказу английских колониальных властей были расстреляны бастовавшие шахтеры Энугу, причем было убито и ранено более 50 шахтеров²⁹.

Колониальные власти надеялись запугать рабочих Нигерии, затормозить рост национального движения. Однако «кровавая пятница в Энугу», как назвал эту расправу английский прогрессивный журнал «Лейбор Мансли»³⁰, привела к прямо противоположным результатам. Во многих городах Нигерии (Порт-Харкорт, Онитша, Аба и др.) произошли столкновения населения с полицией³¹. Один из лидеров Западной Нигерии Боде Томас заявил в связи с событиями в Энугу: «Волнения будут продолжаться. Мы не можем успокоить народ после того, что случилось с шахтерами»³².

В этих условиях английские колониальные власти ускорили введение новой конституции. В январе 1950 г. состоялась конституционная конференция в Ибадане, на которой были приняты рекомендации о новом расширении представительства африканцев в центральных и местных органах власти. 30 июня 1951 г. вступила в силу конституция Макферсона (по имени нового губернатора Нигерии). Палата Представителей (так стал называться Законодательный Совет) состояла теперь из 136 нигерийцев и 6 англичан. Исполнительный Совет был преобразован в Совет Министров, состоявший из 18 членов (6 англичан и 12 африканцев, по 4 от каждого района). Губернатор являлся председателем Совета Министров. Министры-африканцы назначались им из числа членов Палаты Представителей. Были расширены права районных Палат Собраний, созданы местные органы исполнительной власти — Исполнительные Советы, в Западном райо-

²⁷ G. Padmore. Pan-Africanism or communism? New York, 1957, p. 270—271; «Nigerias constitutional story», p. 8—10.

²⁸ «World News», August 14, 1958, p. 649.

²⁹ Рабочие требовали установить им минимальную ставку заработной платы в 5 шиллингов 10 пенсов, вместо 3—4 шиллингов в день. О том, сколь скромны были требования шахтеров, свидетельствуют цены на обычные продукты питания и одежду на рынке Обвати (район шахты, где произошла забастовка). Согласно отчету официальной комиссии по расследованию событий в Энугу, эти цены (14 декабря 1949 г.) были следующими: хлеб — 1 шиллинг за фунт, сушеная рыба — 2 шиллинга 6 пенсов, сандалии — 16 шиллингов, мыло — 1 шиллинг 4 пенса, полотенце — 4 шиллинга 9 пенсов и т. д. См. «Colonial office. Report of the commission of enquiry into the disorders in The Eastern provinces of Nigeria». London, 1950.

³⁰ «Labour monthly». London, January, 1950, p. 26.

³¹ «West Africa». London, December 3, 1949, p. 1145.

³² Там же.

не создана Палата вождей. Вместо должности главного комиссара района вводилась должность губернатора (lieutenant-governor), наделенного правом вето в отношении региональных Палат Собраний³³. Таким образом конституция Макферсона не только закрепила политику регионализации, начатую Ричардсом, но и пошла еще дальше в этом направлении.

Политика регионализации способствовала возникновению новых партий в отдельных районах страны. В 1948 г. в Западном районе образовалась националистическая и религиозная организация йорубов — Эгбе Омо Одудува — «Общество сынов великого короля Одудува» — легендарного предка йорубов. Эта организация выступала за национальную исключительность и защищала интересы феодалов йоруба³⁴. В середине 1950 г. на ее базе была создана политическая партия Западного района — «Группа Действия» — во главе с нынешним премьер-министром Западного района Обафеми Аволово. «Группа Действия» в отличие от НСНК, отстаивавшего единство страны, открыто выступила с позиций регионального сепаратизма, заявив, что прежде всего она будет бороться за самоуправление для Западного района. Лидер партии О. Аволово еще в 1947 г. в своей книге «Путь Нигерии к независимости» подчеркивал неподготовленность Нигерии к получению независимости, доказывал, что Нигерия является лишь «географическим понятием», а не единой страной³⁵. Подобные взгляды объективно не противоречили установкам колониальных властей, осуществлявших политику регионализации.

В 1951 г. в Северном районе была создана партия Северный Народный Конгресс во главе с нынешним премьер-министром Северного района Альхаджи Ахмаду Сардауна Соко. Это в основном партия феодалов Севера, значительная часть которых склонна к компромиссу с английским империализмом и опасается чрезмерного развертывания национально-освободительного движения. Создание двух крупных партий на Западе и Севере ослабило позиции НСНК, который с «самого начала был бельмом на глазу у английских колониальных властей»³⁶.

После обнародования конституции Макферсона национально-освободительное движение стало развертываться с новой силой. В течение 1952—1953 гг. имели место неоднократные забастовки горняков и железнодорожников. Выдвинутый НСНК лозунг «Одна страна, одна конституция, одна судьба» стал широко популярным в стране. В этих условиях руководители «Группы Действия», а также партии Северный Народный Конгресс были вынуждены изменить свою тактику и выступить в поддержку лозунга о предоставлении всей Нигерии независимости.

В апреле 1953 г. начался новый конституционный кризис, вызванный тем, что в Палату Представителей было внесено предложение потребовать от английского правительства предоставления Нигерии самоуправления уже в 1956 г. Это предложение было поддержано депутатами — членами НСНК и Группы Действия. Против него выступили депутаты от партии Северный Народный Конгресс. Несколько министров центрального правительства вышли в отставку. В стране создалось крайне напряженное положение. Колониальные власти были вынуждены созвать в Лондоне летом 1953 г. новую конференцию по вопросу об изменении конституции. Цель конференции состояла, как указывалось в печати, в том, чтобы «рассмотреть трудности, мешающие нормальному действию нынеш-

³³ «The Nigeria (Constitution) order in council, 1951». London, 1951, p. 63.

³⁴ «Народы Африки». М., 1954, стр. 344. Характерно, что с целью поощрения деятельности этой организации ей было предоставлено 100 тыс. ф. стерлингов. См. «The Times», 21 мая 1948 г.

³⁵ O. Awolowo. Path to Nigerian freedom. London, 1947.

³⁶ «World news». London, May 25, 1957, p. 323.

ней конституции и внести в нее необходимые изменения»³⁷. В письме к политическим лидерам районов губернатор Макферсон сообщал, что министр колоний не возражает против обсуждения на конференции вопроса о предоставлении стране самоуправления в 1956 г., однако ясно дал понять, что это не должно «в какой-либо степени связывать английское правительство»³⁸.

Английские колониальные власти, будучи уверенными в том, что феодалы Севера решительно выступят против предоставления стране самоуправления, заявляли о том, что они «готовы» рассмотреть вопрос о предоставлении самоуправления Нигерии в 1956 г. Журнал «Вест Африка» (близкий к министерству колоний) опубликовал даже передовую статью под весьма характерным заглавием «Кто разделяет и кто управляет», в которой пытался доказать, что лишь позиция Севера препятствует решению вопроса о самоуправлении³⁹.

Было решено, что в 1956 г. будет созвана новая конференция для рассмотрения вопроса о предоставлении местного, регионального самоуправления тем районам, которые этого потребуют. Результатом конференции 1953 г. явилась новая конституция (Литтлтона), вступившая в силу 1 октября 1954 г. Она предусматривала дальнейшее расширение состава Палаты Представителей, в которую теперь входят 184 нигерийца и 3 англичанина. Совет Министров федерации состоит из 10 министров-африканцев (по 3 от каждого района и 1 от Южного Камеруна.) Назначаются они по рекомендации лидера партии большинства в районе. Одновременно были значительно расширены полномочия региональных органов власти. Палаты Собраний районов получили право принимать законы без представления их на рассмотрение центрального правительства. Согласно новой конституции Нигерия объявлялась федерацией. Была введена должность генерал-губернатора федерации. В районах создавались Советы Министров во главе с премьер-министрами-африканцами⁴⁰. Однако вследствие сохранения права вето фактически власть по-прежнему оставалась в руках английского генерал-губернатора и подчиненных ему чиновников.

В соответствии с конституцией в конце 1954 г. были проведены первые федеральные выборы, на которых НСНК получил большинство мандатов в Восточном и Западном районах, что обеспечило партии право назначить 6 министров (из 10) в Федеральный Совет Министров. Влияние НСНК и его лидера Азикве тревожило английское министерство колоний. Оно усиленно искало возможности опорочить Азикве и тем самым скомпрометировать НСНК. Такой случай представился в 1956 г., когда большинство членов НСНК потребовало в Палате Собраний Восточного района реорганизации Африканского Континентального банка, основателем которого был Азикве, с тем чтобы этот банк стал органом финансирования экономического развития Восточного района. Это требование было продиктовано желанием вырваться из финансовых тисков английского «Банка Британской Западной Африки», монополизировавшего банковские операции в Восточной Нигерии. Воспользовавшись обсуждением этого вопроса в Восточной Палате Собраний, один из противников Азикве обвинил его в использовании государственных средств с целью личного обогащения и предложил назначить комиссию по расследованию. Несмотря на то, что это предложение было отклонено Палатой, министр колоний

³⁷ «West Africa». London, July 25, 1953, p. 683.

³⁸ Там же.

³⁹ «West Africa», August 16, 1953.

⁴⁰ «Nigerias constitutional story», p. 21—22.

Леннокс Бойд поспешно назначил комиссию по расследованию поведения Азикве в связи с деятельностью Африканского Континентального банка. Это вызвало взрыв возмущения в Нигерии и особенно в Восточном районе. Азикве направил Леннокс Бойду телеграмму, в которой говорилось: «Нет таких сил, которые воспрепятствовали бы нашему продвижению к политической и экономической свободе. Только мы (нигерийцы. — Л. П.) должны решать, куда вкладывать наши деньги»⁴¹.

Федеральный министр торговли и промышленности К. О. Мбадиве, выступая 25 июля 1956 г. в Энугу, резко осудил действия министра колоний: «Если бы было высказано сомнение относительно поведения какого-либо министра английского правительства или самого правительства, то означает ли это, что правительство Англии должно просить правительство какой-либо другой страны назначить комиссию по расследованию... Министр колоний воспользовался политикой «большой дубинки» только для того, чтобы напомнить нам, что мы все еще являемся колониальным народом»⁴². Возмущение нигерийцев нашло свое выражение в частности и в том, что 7 августа 1956 г. Палата Собраний Восточного района выразила недоверие губернатору района Плиссу, который вскоре подал в отставку.

Тем не менее так называемый процесс Азикве позволил английскому правительству отсрочить до мая 1957 г. созыв конституционной конференции, первоначально согласно решению Лондонской конференции 1953 г. намеченной на 1956 г. Трибунал (так была названа комиссия по расследованию) признал Азикве «виновным в нечестных действиях», но был вынужден отметить, что им (Азикве. — Л. П.) руководило стремление создать местный банк и облегчить условия предоставления кредитов населению Восточного района⁴³.

18 января 1957 г. Национальный исполнительный комитет НСНК решил, что правительство Азикве должно подать в отставку, Палата Собраний Восточного района должна быть распущена, а Африканский Континентальный банк превращен в государственный банк Восточного района. Новые выборы в Палату Собраний были назначены на 15 марта 1957 г. Газета «Вест Африкэн Пайлот», орган НСНК, писала в связи с решением трибунала:

«Трибунал сделал самое худшее, что он мог. Однако окончательный судья в этом деле не трибунал, а народ Восточного района. Когда он 15 марта пойдет к избирательным урнам, он вынесет безошибочный приговор и превратит отчет трибунала Фостер-Саттона в ничего не стоящий документ»⁴⁴.

Выборы в Восточную Палату Собраний принесли победу НСНК, получившему 64 места из 84⁴⁵. Азикве остался премьер-министром Восточного района. Сразу же после выборов он обратился к премьер-министрам Северного и Западного районов с призывом совместно добиваться независимости Нигерии.

26 марта 1957 г. в федеральной Палате Собраний обсуждался вопрос о самоуправлении для федерации. Палата единодушно приняла решение

⁴¹ «West Africa», July 21, 1956, p. 519.

⁴² «West Africa», July 28, 1956, p. 543.

⁴³ «Nigeria. Tribunal of inquiry appointed by warrant of appointment dated the fourth day of August, 1956. Report of the tribunal appointed to inquire into allegations reflecting on the Official conduct of the Premier of, and certain persons holding Ministerial and other public offices in, the Eastern region of Nigeria. Presented by the Secretary of State for Colonial Affairs by Command of Her Majesty». London, January 1957, p. 42.

⁴⁴ «West African pilot», Lagos, January 21, 1957.

⁴⁵ В прежнем составе Палаты Собраний НСНК имел 72 места. См. «West African pilot», January 21, 1957; March 22, 1957.

уполномочить делегатов на предстоящую в Лондоне конференцию, потребовать предоставления стране самоуправления в 1959 г.⁴⁶

16 и 17 апреля 1957 г. в Лагосе состоялось совещание премьер-министров трех районов, на котором также было решено потребовать предоставления независимости стране в 1959 г.⁴⁷ Премьер-министры договорились о необходимости добиваться включения этого вопроса в качестве первого пункта повестки дня предстоящей конференции⁴⁸. Таким образом, впервые руководители основных частей страны пришли к соглашению по самому важному для Нигерии вопросу. Эта крупная победа национальных сил явилась следствием непрерывно крепнущего освободительного движения в Нигерии и растущей борьбы за независимость колониальных стран во всем мире. Бандунгская конференция, решительно осудившая колониализм, успехи арабского освободительного движения на Ближнем Востоке и в Северной Африке, образование государства Гана — оказали большое влияние на Нигерию, содействовали сплочению ее национальных сил.

Новая конференция по вопросу об изменении конституции открылась 23 мая 1957 г. Уже при обсуждении вопроса о повестке дня выяснилось, что председательствовавший на конференции Леннокс Бойд не хочет обсуждать первым вопрос о предоставлении Нигерии самоуправления в 1959 г. Он заявил, что сначала надо рассмотреть вопрос о местном самоуправлении. Неожиданно для остальных нигерийских делегатов руководитель делегации Западного района О. Аволово поддержал Леннокс Бойда⁴⁹.

Конференция началась с рассмотрения вопроса о предоставлении самоуправления Западнему и Восточному районам. Было решено предоставить этим районам местное самоуправление⁵⁰, а также создать комиссию для изучения вопроса о положении национальных меньшинств и о создании новых административных районов. Специальная комиссия должна была определить границы избирательных округов в связи с достижением соглашения о расширении состава Палаты Представителей до 320 членов. Конференция приняла решение о введении поста премьер-министра федерального правительства и о возобновлении работы конференции для рассмотрения докладов комиссий⁵¹. Однако главный вопрос — о дате предоставления Нигерии независимости — остался нерешенным.

Перед окончанием работы конференции (она закрылась 26 июня) Леннокс Бойд заявил об отказе английского правительства назвать точную дату предоставления Нигерии независимости. На следующий день премьер Северной Нигерии Сардауна Сокото, выступая от имени всех делегаций, сообщил, что руководители всех частей страны решили оставить за собой право потребовать предоставления Нигерии самоуправления не позже 2 апреля 1960 г.

Таким образом, колонизаторам вновь удалось обойти вопрос о дате предоставления Нигерии независимости. Вместе с тем конференция показала, что позиции английских властей сильно ослаблены, а поле для их маневров еще более сузилось.

⁴⁶ «Nigeria news supplement». Washington, May 1957, p. 1.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ «West African pilot», July 12, 1957.

⁴⁹ Аволово нарушил так называемое «джентльменское соглашение», достигнутое на совещании трех премьер-министров. См. «West African pilot», July 12, 1957; July 25, 1957.

⁵⁰ Речь идет о предоставлении большей самостоятельности правительствам Западного и Восточного районов в области здравоохранения, просвещения, дорожного строительства и т. д.

⁵¹ См. «Report by the Nigeria constitutional conference held in London in May and June 1957». London, 1957.

Английские колониальные власти всячески пытаются выдать себя за защитников национальных меньшинств. Они хотят использовать сложность национального вопроса в Нигерии для того, чтобы разединить народы страны и восстановить друг против друга правительства отдельных районов. В печати поднята шумиха вокруг вопроса о будущем статуте страны, будет ли Нигерия оставаться федерацией, на сколько районов или самостоятельных государств она должна быть разбита и т. д.

Настоятельную необходимость сплочения всех народов и национальных групп, населяющих страну, а также политических партий и общественных организаций, стоящих на платформе борьбы за свободу и независимость Нигерии, отчетливо сознают представители самых широких слоев населения во всех районах Нигерии. Массы рядовых членов всех политических партий требуют от своих руководителей достижения полного единства в борьбе за независимость, ибо выдвижение на первый план местных, узко понятых интересов объективно оказывает помощь колонизаторам в их стремлении отсрочить предоставление политической независимости Нигерии.

В последние месяцы колонизаторы усилили свои попытки расколоть единство народов Нигерии, используя противоречия между различными политическими партиями и национальными группами. Так, накануне возобновления работы Конституционной конференции английская печать много писала о так называемом «кризисе»⁵² в НСНК, пытаясь выдвинуть на первый план «Группу действия» Аволово, который в прошлом не раз проявлял склонность к компромиссу с колониальными властями и стремление подчинить задачу достижения национальной независимости для всей Нигерии более ограниченным требованиям предоставления самоуправления ее отдельным районам.

Однако крепнущее единство народов Нигерии опрокинуло расчеты колонизаторов. Именно тот факт, что политику сепаратизма поддерживают лишь определенные круги феодалов и компрадоров, тесно связанных с английской администрацией, и что все основные общественные классы и группы нигерийского общества — пролетариат, крестьянство, интеллигенция и национальная буржуазия — твердо стоят на позиции единства страны в борьбе за независимость, — предопределил успех Конституционной конференции, которая открылась 29 сентября 1958 г.

Главный вопрос, который должна была решить конференция — это вопрос о дате предоставления Нигерии независимости. Еще до открытия конференции все лидеры Нигерии выступили с заявлением о своей решимости добиваться предоставления стране независимости в 1960 г., не связывая это с исходом переговоров по всем другим вопросам. В день открытия конференции они вновь подтвердили это намерение.

Конференция рассмотрела доклады комиссий по вопросу о национальных меньшинствах и о создании новых административных районов, были обсуждены также будущий статут Южного Камеруна и Лагоса и некоторые другие вопросы.

Делегаты конференции пришли к соглашению относительно проведения в Южном Камеруне в ближайшем будущем плебисцита, который должен определить статут этой территории. Было достигнуто соглашение о создании единой полиции, подчиненной федеральному правительству,

⁵² Речь идет о внутрипартийных разногласиях, приведших к исключению из партии двух членов ее руководства, являвшихся федеральными министрами. Характерно, что английская печать стремилась представить внутреннюю борьбу в НСНК показателем того, что в настоящее время основным вопросом для Нигерии является разрешение внутренних разногласий, а не борьба за независимость.

и о создании управления по освоению дельты р. Нигер. Что же касается вопроса о национальных меньшинствах и создании новых административных районов, а также вопроса о будущем статусе Лагоса, то было решено внести в конституцию поправку, предусматривающую рассмотрение этих вопросов после получения страной независимости.

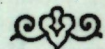
25 октября 1958 г. Леннокс Бойд заявил о согласии Великобритании предоставить Нигерии независимость 1 октября 1960 года.

Таким образом, народы Нигерии, ведущие длительную и мужественную борьбу за избавление от колониального гнета, одержали еще одну крупную победу.

Единство и сплоченность народов Нигерии в их борьбе против колониализма явятся залогом новых побед на ее славном и трудном пути к полному политическому и экономическому освобождению.

SUMMARY

The author of the article notes that the peoples of Nigeria are intensifying their liberation struggle against English colonial oppression. In their efforts to sustain their domination in Nigeria the English colonizers carried out a few reforms in the sphere of colonial administration in the post-war period. The author analyses several constitutions worked out by the English for Nigeria and shows that the aim of all of them was to check the liberation movement of the peoples of Nigeria.

ИЗ ИСТОРИИ ЗАХВАТА ФРАНЦИЕЙ ЮЖНОГО ВЬЕТНАМА

Ю. П. ДЕМЕНТЬЕВ и МАЙ ТХУК ЛОАН

История французской агрессии в Индо-Китае и Юго-Восточной Азии в целом не получила до сих пор удовлетворительного освещения. Работы вьетнамских историков Чан Хью Льеу, Чан Ван Зяу и др., а также книга прогрессивного французского историка Шено затрагивают эту проблему лишь в общем плане, не раскрывая экономических и политических причин французских захватов во Вьетнаме.

Специального исследования на эту тему нет и в советской исторической литературе. В какой-то мере интересующие нас вопросы разработаны в книге А. Л. Нарочницкого «Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке» (1860—1895 гг.), однако в ней мало внимания уделено истории самого Вьетнама, не привлечены, в частности, материалы, содержащиеся в работах вьетнамских историков.

* * *

К середине XIX в., когда правительство Наполеона III начало захватнические войны на Индокитайском полуострове, во Вьетнаме, куда в первую очередь были направлены устремления французских колонизаторов, уже происходил процесс разложения феодального строя.

В начале XIX в. вводится денежный налог, появляется необходимость в чеканке монет¹. Развитие товарно-денежных отношений усиливало процесс расслоения и обезземеливания крестьянства, вызывало разрушение общины. Право на периодически распределяемые в общинах земельные наделы стали получать только общинники, записанные в налоговые реестры. Безземельные крестьяне вынуждены были снимать участки в качестве арендаторов-издольщиков у выделившихся из массы общинников представителей деревенской верхушки (нотаблей). С общинных и частных земель взимался поземельный налог, с каждого внесенного в списки общинника — подушный налог. Налогами облагались также внешняя торговля, рынки и паромы, рыбная ловля и добыча соли; доходы с рудников и лесных промыслов. Была введена трудовая повинность населения, главным образом внесенных в списки крестьян. Продолжительность ее равнялась приблизительно 60 дням в году. Поддержание в порядке дамб и дорог, прорытие каналов и другие работы, лежавшие на обязанности общины, выпадали на долю беднейшей части населения — тех, кто не был внесен в списки налогоплательщиков.

¹ Ж. Шено. Очерк истории вьетнамского народа. М., 1957, стр. 117.

Тяжелое положение населения усугублялось лихоимством и бездельностью мандаринов. Вся система их управления «препятствовала подъему сельскохозяйственного производства, мешала развитию внутренней и внешней торговли, отвлекала из сферы производства рабочую силу»². Так, нередко были случаи, когда из-за бездействия властей не поддерживались в порядке дамбы и плотины, что причиняло неисчислимые бедствия населению. При Минь-Манге, в частности, были разорены 13 районов (108 деревень) в провинции Хай-зюнг в связи с тем, что вода прорвала плотины на берегах рек Лам, Тю до Хонг-Ха, Тха-Бинь³.

Стремясь уменьшить в стране число недовольных и избавиться от пауперов — участников восстаний и волнений, правительство пыталось использовать их на обработке пустующих земель. Начиная с 1817 г. по приказу Зя-Лонга безземельных разыскивали и селили на заброшенных и целинных землях; Минь-Манг указом от 1831 г. предоставлял «каждому, кто попросит об этом» любой участок пустующих земель⁴. Освоение пустошей происходило и в централизованном порядке, путем организации военных поселений и колоний заключенных. Однако все эти меры лишь в незначительной степени облегчали положение обезземеленного крестьянства. Поэтому в 1831 г. перед правительством Минь-Манга по-прежнему стояла проблема наделения беднейшего крестьянства землей. Минь-Манг, в частности, попытался даже провести аграрную реформу в провинции Бинь-динь, где положение крестьянства было наиболее тяжелым⁵.

Мероприятия правительства — попытки аграрной реформы, распределение пустующих земель и т. д. — не изменили положения в стране. Земли, предназначенные для распределения среди крестьян, большей частью захватывались деревенской верхушкой. Основная же масса вьетнамского крестьянства продолжала голодать и нищенствовать. Так, в 1856 г., незадолго до вторжения французов, от голода умерло более 600 тыс. крестьян⁶.

Недовольство крестьян выливалось в восстания, возглавлявшиеся, как правило, различными чиновниками или феодалами. Часто эти восстания поднимались под флагом борьбы за свергнутую Нгуэнами династию Ле. Участие в них принимали и национальные меньшинства. В 1821—1827 гг. произошло крестьянское восстание под руководством недовольного правительством мандарина Фам Ба Вана; в 1826—1827 гг. — восстание в Тонкине, явившееся отголоском крестьянского движения тайшонов; в 1831—1837 гг. в Тонкине же восстали крестьяне под руководством одного из потомков династии Ле-Лей Зюй-Лыонга; в 1833—1835 гг. восстание крестьян на юге Вьетнама возглавил Ле-Ван Кхой; в это же время на севере восстали племена мунгов и тхо, под руководством Нунг-Ван Вана.

В 1854 г. был раскрыт заговор против царствующего в стране императора Ты Дыка. Уцелевшие после арестов заговорщики подняли восстание и долгое время, укрываясь в горах, сражались против правительства⁷. Упорный характер восстания объяснялся тем, что оно было поддержано крестьянскими массами и горными племенами на севере Вьетнама.

² Ж. Шено. Указ. соч., стр. 104.

³ Trần Văn Giáp. Nam. Kỳ Chống Pháp (Chân Văn Giáp. Французская агрессия во Вьетнаме). Hà Nội, 1956, стр. 39.

⁴ Ж. Шено. Указ. соч., стр. 109.

⁵ Chân Văn Giáp. Указ. соч., стр. 38.

⁶ Там же, стр. 39.

⁷ T'oung-Pao, 1910, p. 422 (Донесение Бурбулона, Макао, сент. 1856 г.).

Положение Вьетнама осложнялось напряженными отношениями с Сиамом, главную роль в этих отношениях играла борьба из-за Камбоджи. Согласно договору 1847 г., Камбоджа признала себя вассалом двух суверенов — Вьетнама и Сиам. Однако Сиам, воспользовавшись тем, что внимание правительства Вьетнама было отвлечено внутренними неурядицами, к 1850 г. добился в Камбодже решающего влияния. С 1850 г. король Камбоджи стал регулярно отправлять своих сыновей в качестве заложников ко двору сиамского короля, принявшего также титул короля Камбоджи⁸. Тем не менее правительство Ты Дыка рассчитывало восстановить в Камбодже прежнее влияние Вьетнама и лишь выжидало подходящего для этого случая.

Сложное внутреннее положение и напряженные отношения с Сиамом облегчали французским колонизаторам проникновение в страну.

Устремления французских колонизаторов в Юго-Восточную Азию и на Дальний Восток в годы Второй империи определялись как экономическими, так и политическими мотивами. Экономическая экспансия была обусловлена прежде всего обострившейся потребностью в промышленном сырье — шелке и хлопке, а также желанием избавиться от английских посредников, наживавшихся на поставках этого сырья. Так, в 1856 г. из общей суммы в 200 млн. фр., на которую Франция ввезла шелк, 95 млн. фр. приходилось на произведенные через английских торговцев закупки товаров, доставленных на английских кораблях. В то же время общий объем непосредственно французской торговли в Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке ограничивался суммой в 6—7 млн. фр. в год. Значительно расширились закупки хлопка, в котором крайне нуждалась французская промышленность: в 1856 г. сумма хлопковых торговых операций достигла 189 млн. фр.⁹. Китай и Индо-Китай интересовали французских промышленников прежде всего как источник сырья — шерсти, риса, индиго, а также меди, олова, чая, пряностей и других колониальных товаров.

Далее, Вторая империя рассчитывала при помощи колониальных войн отвлечь внимание широких народных масс от внутренних и внешнеполитических дел Франции. Свою колониальную экспансию правительство Луи-Наполеона осуществляло под маской защитника и покровителя католических миссий. Таким путем оно намеревалось усилить не только свое политическое влияние внутри страны и на международной арене, но и укрепить блок с католической реакцией, которая могла послужить ему верным помощником в борьбе со все нараставшими в стране оппозиционными настроениями. Французские католические миссии в Индо-Китае являлись серьезной политической силой. Пропаганда колониальных захватов, которую вели миссионеры-католики под видом защиты «религии, морали и цивилизации», давала возможность французскому правительству в случае необходимости выступать в роли якобы представителя и защитника идей прогресса и цивилизации. Разветвленная сеть миссий в странах Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока, в частности в Индо-Китае, становилась весьма серьезной материальной силой, в значительной степени облегчавшей действия как французских дипломатов, так и армии.

Пропагандой христианства в странах Индо-Китае занимались французское Общество заграничных миссий, католические ордена иезуитов и лазаристов. Их деятельностью руководила Конгрегация пропаганды веры в Риме. Семь викарнатов Общества обосновались в Восточной, Западной

⁸ Ch. Meyniard. Le Seconde Empire en Indo-Chine. Paris, 1891, p. 369.

⁹ Подсчитано по «Tableau décennal du commerce de la France», 1847—1856, part. 1. Paris, 1857, p. 44, 116.

и Южной Кохинхине, в Камбодже, в Западном и Южном Тонкине¹⁰ и, наконец, в Сиаме¹¹. Общее число французских миссионеров, которые действовали во Вьетнаме к 1856 г., достигло сорока человек¹². Число «обращенных» установить довольно трудно, так как соперничавшие организации, как правило, сильно преувеличивали свои успехи. Во Вьетнаме, например, по данным «Аннюэр де Де Монд», в 1853—1854 гг. насчитывалось едва несколько тысяч «обращенных»¹³, тогда как миссионеры писали о 600 тыс.¹⁴.

К непосредственному осуществлению своих захватнических планов на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии, и прежде всего во Вьетнаме, французские колонизаторы смогли перейти лишь с середины 50-х годов XIX в., когда в этом районе сложилось довольно тесное англо-французское сотрудничество. Английские захватчики были заинтересованы в военной и дипломатической поддержке Франции при проведении своих операций против Китая в 1856—1860 гг., Франция со своей стороны нуждалась в английских базах в Юго-Восточной Азии и в благожелательном отношении английской дипломатии к ее захватнической деятельности во Вьетнаме. Таким образом, агрессия Франции во Вьетнаме была тесно связана и в значительной мере обусловлена ее сотрудничеством с Англией.

Именно в этом плане во время англо-французских переговоров (сентябрь 1856 — март 1857) стал вопрос о совместных действиях Англии и Франции в Китае. «Лорд Мальмсбори, — доносил об этих переговорах русский посол в Лондоне, — придавал большое значение солидарности действий, которую необходимо было сохранить между двумя правительствами, чтобы Франция (в Китае. — Ю. Д., М. Т. Л.) не пошла дальше того, что Англия считала необходимым для охраны своих интересов»¹⁵. Англия претендовала на оккупацию Фуцжоу, Амоя и Чифу на побережье Китая; Франция — на захват бухты Туран и какого-нибудь пункта в Китае, удобного для основания военно-морской базы; США, которые также предполагалось привлечь к активным операциям против Китая, предоставлялась возможность оккупировать Тайвань¹⁶.

Следует, однако, отметить, что окончательная договоренность о том, что Франция уступает Англии главную роль в агрессивных действиях против Китая, получив взамен свободу рук во Вьетнаме, была достигнута лишь к концу 1859 г. Объяснялось это тем, что у Франции не было достаточно сил для осуществления больших колониальных захватов одновременно в Китае и в Индо-Китае.

Французскому правительству важно было также заручиться поддержкой Испании, чтобы получить возможность использовать в качестве военной силы привычных к местному климату солдат из испанской колонии — Филиппин. В ходе переговоров, которые проходили в конце 1857 — начале 1858 г., испанское правительство охотно соглашалось на совместное с Францией¹⁷ выступление. Военные действия во Вьетнаме отвлекали

внимание Франции от Филиппинских островов, куда французская экспансия была направлена еще со времени Луи-Филиппа. Это, несомненно, устраивало испанских колонизаторов, их стоворчивость объяснялась также и тем, что правительство Луи-Наполеона в этот период сохраняло благожелательный нейтралитет по отношению к действиям Испании в Африке, испанское правительство, кроме того, рассчитывало приобрести новую колонию на севере Вьетнама. 1 января 1858 г. испанский министр иностранных дел сообщил французскому послу в Мадриде Тюрго, что его правительство уже отдало приказ на Филиппины выделить для действий во Вьетнаме 1400 человек пехоты, артиллерийскую батарею и 2 корабля¹⁸.

Командующим французскими силами во Вьетнаме был назначен адмирал Риго де Желуйи. Ему предписывалось оккупировать бухту и полуостров Туран, а затем заключить договор или добиться протектората над Южным Вьетнамом¹⁹. 27 июня 1858 г. был подписан Тяньцзиньский договор с Китаем, а 30 августа соединенные франко-испанские силы из Гонконга направились во Вьетнам. Предлогом для начала военных действий во Вьетнаме послужило преследование якобы вьетнамскими властями французских и испанских католических миссионеров²⁰.

1 сентября франко-испанские войска прибыли в бухту Туран и начали военные действия. На следующий день им удалось овладеть устьем реки, которая открывала путь в город Туран и далее — в столицу Вьетнама Хюэ. Однако начавшийся муссон и заграждения, воздвигнутые вьетнамскими войсками, преградили путь французским кораблям. Риго де Желуйи не мог решиться начать наступление на столицу в незнакомой местности, при губительном для европейских солдат климате, без поддержки флота. Малочисленность войск не давала возможности также оккупировать город Туран и сделать его центром операций против Хюэ, а рассчитывать на подкрепления из Франции не приходилось, ибо в Европе назревала итальянская война. Лихорадка, холера, дизентерия, наконец, изнурительная жара уносили из рядов французских войск больше жизней, чем схватки с вьетнамской армией. Все это заставило Риго де Желуйи отказаться от захвата Хюэ, чтобы не поставить войска под угрозу полного разгрома. Он решил попытаться захватить Сайгон, который по торговому и военному значению не уступал Турану и к укреплениям которого легче было подойти с моря, что давало возможность использовать французский военный флот.

В результате усиленной бомбардировки города с моря и последовавшего за тем штурма франко-испанским войскам удалось занять Сайгон. При этом они захватили богатые трофеи — оружие, 85 тыс. кг пороха, огромные запасы риса и значительные денежные суммы.

Однако бедственное положение окруженных в фортах Турана французских войск вынудило Риго де Желуйи взорвать укрепления Сайгона и, оставив в одном из фортов часть своих войск, поспешить на выручку осажденным.

Осада была снята лишь после упорных боев. Войска оккупантов оказались в очень тяжелом положении. Прежний уверенный тон Риго де Желуйи в донесениях во Францию сменялся жалобами на трудности и просьбами о подкреплениях. «Правительство было обмануто относительно характера этого предприятия в Кохинхине»²¹, — доносил он в Мини-

¹⁸ Там же, стр. 163 (Нота МИД Испании 1 января 1858 г.).

¹⁹ Там же, стр. 158 (Письмо в Министерство морского флота и колоний, 25 ноября 1857 г.).

²⁰ В частности, казнь испанского католического миссионера Диаса.

²¹ Bazancourt. L'Expéditions de Chine et de Cochinchine. Paris, 1861, 1 partie, p. 297 (Донесение Риго де Желуйи, 29 января 1859 г.).

¹⁰ В Восточном и Центральном Тонкине действовали испанские доминиканцы.

¹¹ H. Cordier. France et la Cochinchine, 1852—1858: La mission du Catinat à Toungape (1856). «T'oung-Pao», 1906, p. 482—484.

¹² «T'oung-Pao», 1910, p. 389 (Донесение Пелерена Монтиньи).

¹³ «Annuaire des Deux Mondes, 1855—1856», Paris, 1856, p. 894.

¹⁴ «T'oung-Pao», 1910, p. 389 (Донесение Пелерена Монтиньи).

¹⁵ АВПР, МИД, Канцелярия, 1858, д. 97, л. 37. Донесение Брунинова, 29 июля/10 августа 1858 г., № 196.

¹⁶ Там же, Канцелярия, 1857, д. 144, л. 326—327. Донесение Киселева, 26 декабря/6 января 1857/58 г., № 196.

¹⁷ «T'oung-Pao», 1911, № 2, p. 162 (Письмо МИД в Министерство морского флота и колоний 3 декабря 1857 г.).

стерство 29 января 1859 г. Население ненавидело захватчиков, и даже христиане, на которых так рассчитывали миссионеры, выступили против оккупантов. При каждом удобном случае местные жители уничтожали отдельных солдат и офицеров франко-испанских войск²².

Французское правительство ничем не могло помочь своему экспедиционному корпусу. В Европе Франция вела войну с Австрией. В Китае в результате провокации Англии и Франции у Дагу были возобновлены военные действия. Сменивший Риго де Жёнуин 1 ноября 1859 г. контр-адмирал Паж получил новые инструкции. Ему надлежало подписать с Вьетнамом договор, который, не требуя возмездия контрибуции и уступок территории, включал бы статьи о свободе проповеди христианства, пребывании трех консулов в портах Вьетнама и французского поверенного в делах в столице империи Хюэ.

Тем временем окончилась война в Китае (1860 г.). Французское правительство получило возможность значительно усилить свои войска во Вьетнаме и поспешило перейти к решительным действиям. Такая поспешность была связана с опасением, что Англия, пользуясь своим военным превосходством, сама предпримет попытку захватить Сайгон²³. Испанское правительство в этот период уже не поддерживало французскую экспедицию с прежней готовностью. К 1861 г. число испанских войск в Сайгоне сократилось до 230 чел. и, несмотря на настойчивые просьбы, испанское правительство не посылало новых подкреплений. Связано это было с боязнью, что все выгоды от захватов во Вьетнаме достанутся Франции²⁴.

Главкомандующим войсками во Вьетнаме был назначен адмирал Шарне. В его распоряжение из Китая была направлена большая часть французского экспедиционного корпуса: 1000 солдат и офицеров, 68 военных кораблей, оснащенных 474 орудиями, экипажем в 8500 человек²⁵. Всего французская армия во Вьетнаме насчитывала 3500—4000 человек сухопутных войск²⁶.

Военно-морские силы должны были обеспечить оккупантам господство в верховьях реки и на ее берегах, а экспедиционный корпус — взять штурмом форт Кп Хоа. Таким образом, весной 1861 г. французское командование ограничивало свою задачу расширением контролируемой французскими войсками территории вокруг Сайгона²⁷. Кп Хоа был взят 25 февраля, после упорного сопротивления вьетнамской армии. Следующим пунктом, куда направили свой удар франко-испанские войска, был Тонг-Кеу — продовольственная база вьетнамской армии²⁸.

Одновременно сухопутно-морские силы захватчиков поднялись вверх по реке Донг-Най и захватили все укрепленные пункты, расположенные по ее течению. Под контролем оккупационной армии оказались важные пути сообщения богатейших районов Южного Вьетнама. После этого развернулись действия французских войск против крепости Ми Тхо, расположенной у впадения одного из рукавов реки Западная Вайко в Меконг. В результате этой операции Шарне рассчитывал овладеть территорией между реками Меконг и Западная Вайко²⁹. Эту операцию дол-

жен был осуществить отряд, состоявший из роты десантников, 200 человек морской пехоты, 30 испанских солдат и имевший в своем распоряжении 3 канонерки и одну горную гаубицу³⁰. 27 марта отряд выступил к крепости Ми Тхо по р. Пост, защищенной многочисленными заграждениями и фортами.

Французские солдаты, расчищавшие реку от заграждений, поставленных вьетнамской армией, вынуждены были работать по пояс в воде, под палящими лучами солнца. В армии захватчиков начались заболевания³¹. Силы экспедиционного отряда таяли, и только после того, как из Сайгона прибыли подкрепления, захватчики смогли приступить к непосредственным действиям против Ми Тхо. К этому времени французский отряд насчитывал до 900 солдат и офицеров³² при 18 орудиях³³. Однако Ми Тхо была захвачена войсками контр-адмирала Пажа, которые 12 апреля по реке Меконг подошли к крепости Ми Тхо, уже оставленной ее защитниками.

Победы французских войск при Кп Хоа и захват ими Ми Тхо значительно усилили при дворе Ты Дыка позиции и без того влиятельных сторонников мирных переговоров с Францией. В эту группу входили мандарины Трыонг Данг Кве, Фан Тхань Зян, Лыу Лыонг и др. Эта группировка выступала за переговоры и мир с захватчиками. «Враги сильны, у них современные корабли, и поэтому нам трудно победить их», — говорили они, считая, что после подписания мира с Францией в стране наступит благоденствие и покой. «Самая лучшая тактика, — советовали они Ты Дыку, — это защита и мир»³⁴.

Другую позицию занимала группа патриотов — мандарины То Тран, Фан Хью Нги, Тран Ван Ви, Ле Ньен Гыу, Нгуэн Данг Дизу и др. К этой же группе примыкали и командующие вьетнамской армией Нгуэн Тры Фыонг и Фам Тхе Хиен. Эта группировка считала, что, несмотря на силу врагов, страна располагает еще значительными возможностями для сопротивления захватчикам³⁵. Патриоты выступали против переговоров с врагами и предлагали «сражаться, чтобы защищаться, а затем уничтожить их (захватчиков. — Ю. Д., М. Т. Л.)»³⁶. Нгуэн Тры Фыонг, подчеркивал коварство французов и предупреждал Ты Дыка, что после подписания перемирия страна подвергнется «моральному и материальному разорению»³⁷.

Однако Ты Дык согласился с мнением наиболее влиятельной группировки Трыонг Данг Кве и пошел на переговоры с Францией, что привело Вьетнам вначале к утрате южных провинций, а затем и к потере самостоятельности. Ты Дыком в данном случае руководили не только страх перед сильным врагом и надежда на выкуп трех провинций, уступки которых требовала Франция, но и боязнь крестьянских восстаний. Некий Та Ван Фунг³⁸, воспитывавшийся в детстве католическими миссионерами, выдал себя за потомка династии Ле и в 1861—1862 г. поднял в Тонкине восста-

³⁰ L. Pallu. Указ. соч., стр. 121.

³¹ См. там же, стр. 124; F. Castano. L'expédition de Chine. Paris, 1864, p. 259.

³² Среди них было небольшое количество испанских солдат.

³³ L. Pallu. Указ. соч., стр. 142.

³⁴ «Đuống sự thù y mat». Цит. по Чан Ван Зяу. Указ. соч., стр. 94.

³⁵ Там же, стр. 96.

³⁶ Там же.

³⁷ Trần Huy Liệu. Lịch sử tám mươi năm chống Pháp (Чан Хью Лиу. 80 лет борьбы против французских колонизаторов). Hà Nội, 1956, tr. 31.

³⁸ Одно время он служил переводчиком в войсках оккупантов. См. Lê Thành-Khôi. Указ. соч., стр. 368.

²² Bazancourt. Указ. соч., стр. 338.

²³ Lê Thành-Khôi. Le Việt-Nam, histoire et civilisation, vol. I. Paris, 1855, p. 368.

²⁴ См. L. Pallu. Histoire de l'expédition de Cochinchine en 1861. Paris — Nancy, 1888, p. 16—17.

²⁵ Bazancourt. Указ. соч., ч. II, стр. 336; L. Pallu. Указ. соч., стр. 10.

²⁶ Lê Thành-Khôi. Указ. соч., стр. 368.

²⁷ Bazancourt. Указ. соч., ч. II, 1862, стр. 337—338.

²⁸ L. Pallu. Указ. соч., стр. 102.

²⁹ Там же, стр. 122.

ние, активно поддержанное крестьянами северных районов страны. Та Ван Фунг установил связь с французскими и испанскими миссионерами, однако адмирал Боннар, опасаясь, как бы Тонкин не попал в руки Испании в случае успеха восстания, не поддержал восстание. Дав согласие на французские требования, Ты Дык получил возможность сосредоточить все усилия для борьбы против Та Ван Фунга.

5 июня 1862 г. уполномоченный вьетнамского правительства Фан Тхань Зян подписал сайгонский договор³⁹, по которому Франция получила остров Пуло-Кондор и три провинции Южного Вьетнама (Бьен-хоа, Зя Динь и Динь Туонг). Французским торговым и военным кораблям разрешалось плавать по реке Меконг до границ Камбоджи. Французским и испанским католическим миссионерам гарантировалась неприкосновенность и свобода деятельности на территории Вьетнама. Три порта — Туран, Бала и Хуанон — объявлялись открытыми, и в них провозглашалась свобода торговли. Кроме того, Вьетнам обязывался не уступать своей территории какому-либо другому иностранному государству без согласия Франции (ст. 4) и должен был выплатить Франции и Испании громадную контрибуцию в размере 4 млн. серебряных долларов.

Несмотря на капитуляцию вьетнамского правительства, в стране продолжало расти партизанское движение сопротивления, начавшееся с первых дней военных действий. В этом движении принимали участие не только широкие народные массы, но и части регулярных войск, оставшиеся на занятой врагом территории, и некоторые правительственные чиновники. Поставленные французами во главе занятых районов мандарины также часто поддерживали повстанцев, снабжая их рисом и одеждой⁴⁰.

Борьбой народа против захватчиков руководили в основном представители класса феодалов как мелких, так и крупных, которые в ходе этой борьбы действовали в общенациональных интересах.

Не прекращались стычки между войсками французских захватчиков и местными жителями, которые при приближении войск захватчиков бросали свои жилища и, скрываясь от оккупантов, нападали на них из засады⁴¹. Французский военный историк Базанкур подчеркивает, что вьетнамские войска в это время, избегая больших сражений, стали применять тактику непрерывных отдельных нападений на французские войска⁴².

В декабре 1861 г. партизанами была потоплена канонерка «Эсперанс», на которой погибло 17 оккупантов. В январе 1862 г. подверглись нападению войска французских захватчиков, направлявшиеся из Сайгона в Бьен-хоа. 10 марта 1862 г. была взорвана стоявшая в порту Ми Тхо французская канонерка, на которой погибли 25 солдат. Почти непрерывно совершались нападения на французские посты. Все это значительно ухудшало положение французских войск во Вьетнаме.

Среди вождей партизанского движения в работах вьетнамских историков упоминаются имена До Чинь Тхоана, До Куанга, Хо Хуан Нгуэна. В провинции Динь Туонг действовал Чан Суан Хоа; в 1861—1863 гг. в провинциях Тан Ан и Рак За партизанами руководил Нгуэн Чун Чин⁴³. Наиболее видным вождем партизанских отрядов, сражавшихся в 1860—1864 гг. против французских захватчиков, был офицер вьетнам-

ской армии, сын крупного военного мандарина Чьонг Динь, который в начале действовал в районе Тан Хоа и Гоконга, а затем, подчинив себе более мелкие партизанские отряды, распространил свои действия на районы Тан Ам, Ми Тхо, Зя Динь и Шолон. Отряд Диня состоял в начале из 6 тыс. человек, главным образом крестьян-бедняков⁴⁴. Динь, как и многие другие руководители партизанского движения из числа офицеров и мандаринов, оставаясь на позициях «феодалной верности» и желая сохранить в глазах народа «лицо» двора, не называл себя командиром и формально подчинялся пользовавшемуся доверием двора бездарному и трусливому чиновнику Тьок Чынг⁴⁵.

До подписания мира в 1862 г. наиболее крупной операцией партизанского отряда Диня было нападение в ночь с 21 на 22 июня 1861 г. на Гоконг с целью его захвата.

Во время подписания мирного договора с Францией Тьок Чынг и Чьонг Динь были вызваны ко двору, где им было приказано расформировать отряды и прекратить борьбу с захватчиками⁴⁶. После подписания договора Фан Тхань Зян трижды обращался к Диню с требованием прекратить сопротивление оккупантам. Однако поддержанный всеми своими отрядами Динь категорически отказался сделать это. 16 декабря 1862 г. его отряды предприняли новое наступление на французов. Партизаны полностью освободили от захватчиков провинции Бьен-хоа, Зя Динь, Ми Тхо и блокировали оккупантов в своих укрепленных пунктах. Такое положение продолжалось три месяца. Лишь 25 февраля 1863 г., в результате контр-наступления французов, эти провинции вновь были захвачены ими. Однако и после отступления отряд Диня сохранил значительные силы (10800 бойцов)⁴⁷.

Отважный вьетнамский патриот Динь погиб в бою с оккупантами. Преданный одним из своих офицеров, оказавшимся агентом врагов, он 20 августа 1864 г. попал со своим отрядом в засаду, был ранен в бою и, не желая сдаваться врагам, покончил жизнь самоубийством.

После гибели Диня наиболее крупной фигурой партизанского движения стал Нгуэн Зюу Зьонг, также бывший офицер вьетнамской армии. Центром операций его отряда был район Донг Тхань Мьон⁴⁸.

Подписание неравноправного, кабального договора с Францией вызвало большое недовольство среди народа и части чиновников. Стремясь смягчить впечатление от этого постыдного акта, Ты Дык неоднократно делал заявления о грабительском характере договора⁴⁹ и о том, что правительство Вьетнама не считает его окончательным⁵⁰. Подписывая договор, Ты Дык рассчитывал, что ему еще удастся выкупить захваченные провинции. С этой целью он направил в 1863 г. в Париж влиятельного сторонника мирных переговоров с Францией Фан Тхань Зяна, подписавшего договор 1862 г. Внутриполитическая обстановка во Франции, равно как и международное положение, благоприятствовали планам вьетнамского правительства. Неудачная авантюра Луп-Бонапарта в Мексике подорвала престиж империи и вызвала очередное обострение англо-французских отношений, что было крайне невыгодно для политики Франции в Европе и в Юго-Восточной Азии.

Провал мексиканской экспедиции способствовал резкому усилению

³⁹ Чан Ван Зю. Указ. соч., стр. 151.

⁴⁰ Там же, стр. 152.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же, стр. 162.

⁴³ Там же, стр. 167.

⁴⁴ Чан Хюи Лиеу. Указ. соч., стр. 31.

⁵⁰ Чан Ван Зю. Указ. соч., стр. 136.

³⁹ Текст договора см. L. Reinach. Recueil des traités conclus par la France en Extrême Orient (1684—1902). Paris, 1902, p. 94—98.

⁴⁰ Nguyễn Thông «Kỹ thuật văn sao». Цит. по Чан Ван Зю. Указ. соч., стр. 153, 154.

⁴¹ Bazancourt. Указ. соч., стр. 337—338.

⁴² Там же.

⁴³ Чан Хюи Лиеу. Указ. соч., стр. 47.

антиправительственной оппозиции внутри страны. Трудящиеся массы, ремесленники и рабочие, окончательно потеряв веру в обещания правительства улучшить их положение, все охотнее прислушивались к агитации республиканцев и социалистов, требовавших свержения Второй империи и установления республики. На выборах 1863 г. победила либеральная оппозиция, которая в стенах Законодательного собрания выступала с осуждением политики дорогостоящих войн и колоннальных экспедиций. Против расходов на войну выступала также и часть деловых кругов, главным образом представители промышленности.

Все это определяло поведение правительства Наполеона III, когда оно приняло решение направить во Вьетнам миссию Обарэ для подписания соглашения о возвращении Вьетнаму трех провинций.

Соглашение, подписанное Обарэ 15 июля 1864 г., вызвало резкое недовольство сторонников колоннальных захватов. Высшие офицеры морского флота Франции во главе с Шасселу-Лоба, Шарнэ и другие, а также влиятельные представители военного министерства, депутаты от портовых городов, значительная часть торгово-промышленных кругов и финансовой аристократии — все, в чьей поддержке при сложившихся обстоятельствах был особенно заинтересован Наполеон III, повели яростную кампанию, вначале против миссии Обарэ, а затем — за отмену подписанного им соглашения. В конечном счете Наполеон III уступил, и соглашение Обарэ ратифицировано не было. Чтобы окончательно уничтожить все пути к соглашению с Вьетнамом, главнокомандующий французскими войсками в Южном Вьетнаме Ла Грандьер в июне 1867 г. под предлогом борьбы с партизанским движением захватил оставшиеся под властью Ты Дыка провинции Южного Вьетнама.

Так, используя экономическую отсталость страны и предательскую политику феодальных верхов, ценой кровавых экспедиций, причинивших тяжелые страдания не только вьетнамскому народу, но и стоивших больших жертв народу Франции, правительство Луи-Наполеона захватило Южный Вьетнам, рассчитывая на дальнейшее расширение своих владений в Индо-Китае. Однако попытка колонизаторов подчинить себе Вьетнам натолкнулась на растущее сопротивление вьетнамского народа. Вьетнамские патриоты вписали немало славных страниц в историю борьбы своего народа за свободу и национальную независимость.

SUMMARY

The article is an analysis of the French colonial expansion in Indo-China at the time of the Second Empire. The authors show that the growing demand for raw materials and the quest after markets for French industrial production intensified French colonial expansion in those years. The backwardness of feudal Viet-Nam and the treacherous policy of the feudal lords made it easy for France to conquer South Viet-Nam. This caused great sufferings to the Vietnamese people and entailed heavy sacrifices for the people of France. The occupation of South Viet-Nam by the French brought about a surge of the liberation movement. Many a glorious page has been inscribed by the Vietnamese patriots in the history of their people's struggle for freedom and national independence.

ЭТНОС И СОЦИАЛЬНОЕ ДЕЛЕНИЕ В АССИРИИ

И. М. ДЬЯКОНОВ

Существует мнение, что термин «ассириец» (нисба *aššurāju*, позже *aššurū*) служил не для определения принадлежности к городу Ашшуру (*Aššur*) или к стране Ассирии (*māt Aššur*), а для обозначения особой неполноправной, этнически чуждой ассирийцам-сеμίтам категории населения. «Ассирийцами», согласно этому мнению, называли собственно не ассирийцев, а покоренное ими хурритское население. Ученые, разделяющие эту точку зрения, считают, таким образом, что социальное деление в Ассирии совпадало с этническим. Такова концепция, которая была разработана Л. А. Липиним¹ в развитие взглядов, изложенных Г. Р. Драйвером и Дж. Майлзом в их комментариях к публикации среднеассирийских законов. По мнению Драйвера и Майлза, термином «ассирийцы» обозначались только рядовые представители ассирийского населения².

Автор настоящей работы не рассматривает термин «ассирийцы» как социальный и полагает, что вообще для древнего Востока этническое деление, как правило, не совпадало с социальным. Эта точка зрения была уже высказана в ранее опубликованных работах³, но, поскольку выяснение вопроса о роли этноса в социальной структуре Ассирии имеет большое значение, мы считаем нужным вновь возвратиться к этой проблеме и рассмотреть ее более подробно.

В староассирийский период (по 1600 г. до н. э.) и в первые века среднеассирийского периода (XVI—XI вв.) понятие «страна Ассирия» не применялось. Существовал город-государство Ашшур с его колониями, окруженный рядом других городов-государств. Ни царство Илушумы (XX в. до н. э.), ни Шамши-Адада I (XIX в. до н. э.) не назывались Ассирией.

¹ Л. А. Липин. Из истории социальных отношений в Ассирии. «Палестинский сборник», 3 (66), 1958, стр. 41 сл.

² G. R. Driver and J. Miles. The Assyrian laws. Oxford, 1935, p. 285, сл. Г. Р. Драйвер и Дж. Майлз в своих теоретических построениях опираются на П. Кошакера. Однако последний, выделяя на основании текста «Среднеассирийских законов» (CAZ), III, § 44, из свободных ассирийцев — *aššurāju* особую категорию — *mār amēli* (патриции), считал, по-видимому, *aššurāju* категорией не столько противоположной «патрициям», сколько более широкой («гражданин города Ашшура» вообще). Но, видимо, *mār amēli* в среднеассирийских законах нигде не обозначает «патрицию». См. P. Koschaker. Quellenkritische Untersuchungen zu den «altassyrischen» Gesetzen. Leipzig, 1925, S. 76 сл.

³ И. М. Дьяконов. Развитие земельных отношений в Ассирии. Л., 1949, стр. 8, 65; «Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства». «Вестник древней истории», 1952, № 4, стр. 228 сл. Ср. P. Koschaker. Указ. соч., стр. 75 сл.

Правители Ашшура стали титуловаться *šar māt Aššur*, «царями страны Ассирии» лишь после победы над Митанни (начало XIV в.)⁴.

Как доказал Э. Вайднер, среднеассирийские законы сохранились преимущественно в копиях XI в. На этом основании он датирует их временем Тиглатпаласара I⁵. Однако имеются и копии XIV—XIII вв., например фрагмент F. Содержание же этих законов⁶ позволяет отнести их ко времени ашшурского города-государства⁷ и датировать XVI—XV вв.

Расширение границ Ассирии, начатое при Ашшурбали I около 1400 г., продолжалось в XIV—XIII вв. После временного упадка Ассирии и утери ею внешних владений Ассирийская держава была воссоздана в конце XII в. Тиглатпаласаром I. «Имперский период» истории Ассирии продолжался до ее падения в конце VII в. Начиная со времени Тиглатпаласара I⁸ мы встречаем выражение *niše mātī, niše māt Aššur* «люди страны», «люди страны Ассирии», обычно в контексте «ана *niše māt Aššur uraddi*» («жителей такого-то покоренного района») прибавил к людям страны Ассирии».

По мнению Л. А. Липина⁹ под словами «люди страны Ассирии» подразумевались полноправные ассирийцы. В формуле же ассирийских царских надписей «*ilku tūpšikku kī ša aššurī emidsunūti*» («воинскую и строительную повинность наложил на них, как на ассирийцев») Л. А. Липин видит свидетельство превращения покоренных в неполноправных подданных Ассирии.

Рассмотрим теперь более подробно аргументацию Л. А. Липина.

Л. А. Липин начинает с вопроса об этимологии слова *Aššur*.

«В древнейших документах из Ашшура, — пишет он, — мы обнаруживаем различное написание имени (бога и города Ашшура. — Н. Д.)... что заставляет предположить заимствование его из чуждого ассирийским семитам языка»¹⁰. К таким написаниям автор относит *A-šir, A-šur, Aš-šur* и *A-usar*. Действительно, до тех пор, пока не были исследованы правила староассирийской орфографии, подобные расхождения в написании вызывали недоумение исследователей, особенно написание *A-šir*. Теперь же известно, что староассирийская, как и староаккадская орфография, не передавала удвоения согласных, и поэтому не могла передать звучание *Aššur* иначе как путем написания — *A-šur*. Удвоение *š* в этих

словах засвидетельствовано, однако, более ранней шумерской передачей. В начертании *A-šir* знак *ŠIR* в староассирийском письме читается как *šur*, следовательно, и в данном случае надо читать *A-šur = Aššur*. Написание имени *Aššur* без удвоения *š* часто встречается и в более позднее время, и это естественно, так как, по общеизвестному правилу, передача удвоенных согласных в ассирийско-вавилонской письменности была необязательной, и наряду со *scriptio plena* — *Aš-šur* допускалась *scriptio defectiva* — *A-šur*. Итак, существует только одна форма данного имени — *Aššur*, но разные орфографические передачи его.

Написание *A-USAAR* является идеограммой (или псевдоидеограммой), подобно еще одному, не отмеченному Л. А. Липиным, написанию: *AN. ŠAR*. Появление этих начертаний связано с желанием отождествить бога Ашшура с какими-либо божествами шумерского пантеона; на основе «народной этимологии» были выбраны божества с именами более или менее сходными по своему звучанию, однако к действительной этимологии имени Ашшур они никакого отношения не имеют.

Трудно установить огласовку имени *Aššur*. Иноязычные транскрипции (др.-еврейск. *Aššūr*, арамейск. *Atūr*) указывают на чтение **Aššūr*¹¹. Тогда это было бы простым семитским именным образованием типа **qattul* от общеизвестного корня **šr*. Но аккадские тексты не дают достаточного основания для чтения этого имени с долгим *ū*: долгота здесь, возможно, возникла позднее и не на аккадской почве, а именно потому, что в других семитских языках огласовка по типу **qattul* невозможна.

Однако для ассирийского диалекта характерно образование типа **qattul* вместо общесемитского **quttul*¹². Таким образом, этимология имени *Aššur* может являться чисто семитской.

Вывести *Aššur* из хурритского языка трудно. Поэтому Л. А. Липин¹³ поддерживает высказанную П. Кречмером точку зрения, согласно которой *Aššur* (с удвоением *š*!) — это индийское *asura* «дух» (без удвоения *s*!). Однако общеизвестно, что многие этимологии Кречмера не выдерживают критики. Совершенно фантастична и данная этимология. Имя *Aššur, Aššurum* засвидетельствовано еще для III тысячелетия; списки правителей Ашшура также относятся к началу III тысячелетия; по археологическим данным, город был основан в IV тысячелетии, между тем как имена индийского происхождения начинают встречаться в Передней Азии лишь со II тысячелетия. Возможно, предвидя подобное возражение, Л. А. Липин пишет: «То, что субарей-хурриты говорили на языке, отличном от индоевропейских, не должно нас смущать, так как племена хурритов были весьма многочисленны и распространены на огромной территории: языковые заимствования могли, таким образом, иметь место еще в глубокой древности»¹⁴. В действительности ни языковые, ни антропологические данные (хурриты принадлежали к так называемому «ассироидному» или «переднеазиатскому» варианту балкано-кавказской расы) не дают оснований заключить, что хур-

⁴ В надписи царского писца Мардукнадинахе правитель Ашшурбали I назван «царем множеств» (*šar kiššāti*). E. Ebeling, B. Meissner, E. F. Weidner. Die Inschriften der altassyrischen Könige. Leipzig, 1926, S. 39; V. Scheil. Notes d'épigraphie et d'archéologie assyriennes. «Recueil des travaux relatifs à la philologie et l'archéologie égyptienne et assyrienne», XIX, 1897, p. 44; E. A. W. Budge and L. W. King. Annals of the Kings of Assyria. London, 1901, p. 388. В частных документах правители династии Ашшурбаи иногда называются царями, но в официальных надписях этот титул не встречается. Первые термин «царь Ассирии» (*šar māt Aššur*) засвидетельствован в надписях Арикденилу. E. Ebeling, B. Meissner, E. F. Weidner. Указ. соч., стр. 49 сл.; O. Schroeder. Keilschrifttexte aus Assur historischen Inhalts. Zweiter Heft. Leipzig, 1921, S. 29; E. A. W. Budge and L. W. King. Указ. соч., стр. 3; F. Lenormant. «Revue archéologique». 2-e série, XX (1869), p. 350.

⁵ E. F. Weidner. Das Alter der mittelassyrischen Gesetzestexte. «Archiv für Orientforschung», XII (1937), S. 46 сл.

⁶ Среднеассирийские законы (САЗ), III, § 24, § 1, § 6; и др.

⁷ П. Кошакер имел полное основание обозначать среднеассирийские законы как *Stadtrecht* (P. Koschaker. Указ. соч., стр. 69 сл.). Правда, он не отождествляет все среднеассирийские законы с ашшурским городским правом, а считает его лишь одним из их источников. Однако разнородность (по происхождению) среднеассирийских законов оспаривается.

⁸ E. A. W. Budge and L. W. King. Указ. соч., стр. 35, I, 59—60; стр. 37, I, 88; в анналах VIII—VII вв. — *passim*.

⁹ Л. А. Липин. Указ. соч., стр. 47 сл.

¹⁰ Там же, стр. 43.

¹¹ Между прочим, такое чтение дает в другом месте и Л. А. Липин (отличая имя бога *Aššur* от имени города *Aššūr*), что противоречит его теории. См. Л. А. Липин. Аккадский (вавилонско-ассирийский) язык, вып. I, Хрестоматия с таблицами знаков. Л., 1957 стр. 10. Отмеченное расхождение объясняется тем, что список знаков и текст к нему в хрестоматии Л. А. Липина представляют собой полное воспроизведение текста Делича (F. Delitzsch. Assyrische Lesestücke, 5. Auflage. Leipzig, 1912, S. 3).

¹² W. von Soden. Grundriss der akkadischen Grammatik. Roma, 1952, § 55 и 22; § 97, e.

¹³ При этом Л. А. Липин ссылается на «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes», XXX (1917—1918), стр. 15 сл. Древнеиндийск. *asura* означает «демон, черт». Правда, родственное франск. *ahura* означает, напротив, «владыка, господин», но это слово вряд ли может рассматриваться как прототип аккадск. *Aššur*.

¹⁴ Л. А. Липин. Указ. соч., стр. 46.

риты населяли территорию на востоке далее западных частей Ирана, да и то не ранее II тысячелетия до н. э. Но допустим, что они расселились по всему Ирану и Кавказу. Тогда, согласно теории Л. А. Липина, можно нарисовать следующую картину: какое-то из весьма многочисленных хурритских племен, встретившись где-то далеко на периферии своего ареала с носителями индийских языков, заимствовало у них нарицательное имя для духов — *asu*, перенесло это имя на конкретное второстепенное божество другого хурритского племени, населявшего центр ареала, и по нему было дано название городу. Нам подобный ход событий не кажется вероятным.

В подтверждение своей теории Л. А. Липин приводит и другие доводы: 1) «По-видимому, шумеро-вавилонское божество Энкиль пользовалось в древнейшие времена значительно большей популярностью и большим почетом среди семитского населения и в самом городе Ашшуре, чем местное божество — бог Ашшур. Только позже местный божок Ашшур, все более выдвигаясь на передний план, превращается в главного бога не только в городе Ашшуре, но и во всей Ассирии»¹⁵; 2) «Древнейшие правители города Ашшура, как известно, также носили явно несемитские имена: Ушния (или, может быть, Аушния) и Кикия»¹⁶; 3) В ряде случаев город Ашшур, страна Ашшур, люди страны Ашшур ищутся с детерминативом бога перед словом «Ашшур», что указывает на то, что «имя бога перешло на название города, а затем и на название страны и народа»¹⁷.

Аргументация Л. А. Липина вызывает, однако, следующие возражения. 1) Говоря о большей популярности Энкиля в древнейшее время, Л. А. Липин повторяет старую точку зрения, основанную на том, что в надписях Шамши-Адада I (но не ранее) Энкиль занимает более важное место, чем Ашшур. Но, как доказал Б. Ландсбергер¹⁸, Шамши-Адад I был царем не Ашшура, а города Шубат-Энкиля (совр. Чагер-Базар в Северной Месопотамии), где находилась его главная резиденция, и где Энкиль, естественно, был главным божеством. С этим обстоятельством связано и то, что надписи Шамши-Адада I составлены на вавилонском диалекте (с некоторыми ассиризмами) и вавилонским, а не ассирийским письмом. 2) Вряд ли подлежит сомнению то обстоятельство, что древнейшее население Ашшура было хурритским или смешанным семито-хурритским. Это, однако, не означает, что хурриты и семиты враждовали между собой: принадлежа к одной общине, они должны были в равной мере чувствовать себя ашшурцами, или «ассирийцами». Ссылка на Ушнию и Кикию устарела: нам известны теперь десятки правителей Ашшура, правивших до Ушнии и Кикии, и в их числе есть как хурриты, так и семиты¹⁹. 3) Подобно Л. А. Липину, мы полагаем, что город Ашшур был назван по имени божества, свидетельством чего, с нашей точки зрения, являются такие обозначения этого (?) города в надписях III династии Ура, как *Aš-su-*

*rum*²¹, *Ša-Aš-su-um*²¹, *Ša-su-ru-um*, *Ša-aš-ru-um*²⁰, где *ša*, может быть, показатель притяжания. В надписи Илушумы²¹ город назван *a-lum*²¹ *A-lum* «город (бог) Ашшур». Но вряд ли это обстоятельство имеет какое-либо отношение к разбираемой проблеме.

Итак, с нашей точки зрения, город Ашшур получил название по имени божества, по-видимому, семитскому, задолго до появления в Пердней Азии индийского языка, и был населен как семитами, так и хурритами. Чтобы ответить на вопрос, имела ли эта разнородность этнического состава жителей Ашшура какое-либо отношение к его социальному составу, нужно обратиться к документам.

Л. А. Липин оставляет в стороне документы староассирийского периода. Это обусловлено тем, что они относятся почти исключительно к купеческим колониям вне Ассирии. Следуя за Л. А. Липиным, обратимся к документам среднеассирийского периода.

Приведем, прежде всего, все те тексты, в которых упоминаются «ассирийцы» (*aššurāju*, ж. р. *aššur(a')itu*).

I) САЗ, III, § 24 трактует о порядке выдачи беглой жены мужу: «Если жена человека бежит от своего мужа (и) войдет в дом ассирийца, будь то внутри того самого города (поселения), будь то в окрестных поселениях, где он ей указал (или: где ей указали) дом...», и т. д. — Упоминание «ассирийца» здесь понятно: жена бежала из Ашшура, и рассчитывать на ее выдачу можно было лишь в том случае, если она укрылась у ашшурского гражданина, так как на чужестранца, находившегося на своей территории, ашшурская юрисдикция не распространялась, и добиться выдачи женщины чужестранцем можно было только дипломатическим путем. Перед нами — право города-государства Ашшур.

II) САЗ, II, § 8 (этот текст не столь безнадёжен, как может показаться из передачи Л. А. Липина)²²: «[Сын человека, дочь человека] или кто бы то ни было, кто помещен²³ в качестве залога [и вместо серебра в доме ассирийца, а срок прошел, [на который они договорились (?), (то) если он полностью [внесет(?)] серебро, сколько будет цены его, [он может забрать (?)] [все, что ему принадлежит (?)]; если (же) он не [полностью внесет (?)] серебро, сколько будет цены его, [(то) кредитор] (тем самым) приобретает и берет [себе (этот залог)] сообщит „только основную сумму серебра“ и [. . . процентов (?)] не должно быть». Смысл этого параграфа законов заключается в том, что должник может выкупить свой залог даже по истечении срока займа, если полностью возместит стоимость залога; конец параграфа, по-видимому, относится к случаю беспроцентного займа с правом кредитора пользоваться залогом. В данном случае «ассириец» выступает не как бесправное лицо. Л. А. Липин не толкует приведенный параграф. Но, с его точки зрения, кредитор здесь должен был бы быть неполноправным хурритом. Да и во всех имеющихся в нашем распоряжении договорах о займе, заключенных в согласии с САЗ, II, § 8, должники должны были бы быть семитами, а кре-

¹⁵ Л. А. Липин. Указ. соч., стр. 44. Но если бы Ашшур был божеством неполноправного покоренного населения, то он вряд ли мог стать божеством покорителей. Это могло произойти в случае слияния их с местными жителями, но Л. А. Липин как раз это и отрицает.

¹⁶ Там же, стр. 44.

¹⁷ Там же, стр. 45.

¹⁸ B. Landsberger. Assyrische Chronologie und «dunkles Zeitalter». «Journal of Cuneiform studies», VIII, I (1954), p. 35 сл.

¹⁹ Полный список ассирийских царей начинается с 17 правителей, «обитавших в шатрах». Имена их скорее семитские, чем хурритские. Эти 17 царей, а также следующие 16, из которых по крайней мере 11 носят семитские имена, перечислены, по-видимому, в произвольном порядке. Ушния занимает 16-е, а Кикия — 28-е место. См. J. J. Gelb. Two Assyrian king lists. «Journal of Near Eastern studies», XIII, 4 (1954), p. 210 сл.

²⁰ «Reallexikon der Assyriologie» hrsg. von B. Meissner und E. Ebeling. Leipzig, 1928, s. v. Datenlisten, S. 143—144. Я вижу в *Aššurum* более древнюю форму с сохранившимся еще надежным окончанием, но уже, как обычно для аккадских собственных имен, несклоняемую.

²¹ E. Ebeling, B. Meissner, E. F. Weidner. Указ. соч., стр. 8; строки 27—28.

²² Л. А. Липин. Указ. соч., стр. 54.

²³ Как указал П. Косхакер (P. Koschaker. Neue keilschriftliche Rechtsurkunden aus der El-Amarna-Zeit. «Sitzungsberichte der Sächsischen Akademie der Wissenschaften». Philosophisch-Historische Klasse, XXXIX, S. 26—27), выражение «помещен в качестве залога» является пережиточным, так как речь идет об ипотеке, при которой залог фактически не переходил во владение кредитора до просрочки займа.

диторы — хурритами, что, как мы увидим ниже, не соответствует действительности.

Из-за фрагментарности текста нельзя объяснить, почему кредитор назван в нем «ассирийцем», но в то же время текст не дает основания считать кредитора ни неполноправным, ни этнически чуждым господствующей части населения.

Статьи САЗ, в которых встречаются термины «ассириец», говорят о правовом положении залога до истечения срока займа, а также залога, перешедшего в собственность кредитора (как мы увидим, ассирійская юридическая практика знала различные виды займа как с автоматическим переходом просроченного залога в собственность кредитора, так и без такого перехода).

III) САЗ, II, § 2: «[Если человек отдаст] за серебро другому человеку [либо жену (? — или: сына) человека], либо дочь человека, которые находятся в его доме] вместо серебра и как [залог, или отдаст [кого-либо друго]го (или: что-либо) друго]е, что находится в его доме [вместо серебра и как залог, (то)] он теряет свою часть в своем серебре, [(и) по цене, равной его (цене) (?), он должен [отда[ть] хозяину всего этого; ему должно да[ть] 30 (?) ударов палками], и 20 дней он должен выполнять царскую работу.

§ 3: [Если человек] отдаст за серебро в другую страну [либо жену (? — или: сына) человека], либо дочь человека, которые [находятся в его доме] вместо серебра и как залог, [и его уличат клятвенным показанием и дока]жут против него, (то) он теряет свою часть в своем серебре, [и по цене, равной его (цене) (?)], он должен отдать что-либо хозяину; ему должно да[ть] 60 (?) ударов палками], и 40 дней он должен выполнять царскую работу. [А если человек, которого он отда[л], умрет в другой стране, [то он должен восполнить [(за его) жизнь].

Ассирийца и ассирийку, взятых [за полную це]ну, он [может от]дать в другую страну».

Рассматривая эти параграфы, Г. Р. Драйвер и Дж. Майлз, а также Л. А. Липин, рассуждают так: жену (или сына) и дочь человека нельзя продать за границу, а ассирийца или ассирийку — можно. Значит ассириец имеет меньше прав, чем сын человека. Но в § 2 правило о запрещении продажи залога распространяется не только на членов семьи должника, но и на всякий вообще залог. Если считать, что неполноправного должника можно продать за границу, то почему же продажа всякого залога (следовательно, и возможного заложника — неполноправного) в пределах страны (о чем идет речь в § 2) карается палочными ударами, принудительным трудом и утерей суммы долга?

В действительности дело обстоит иначе. Если залог находился в доме кредитора «за свою цену», то при этом именно условии за невыкупом его в срок он считался «купленным» кредитором, или, согласно ассирійскому словоупотреблению, «взятым за полную цену». О таких заложниках, невыкупленных должником, а поэтому считавшихся купленными кредитором, речь и идет в конце § 3. Между тем, в § 2 и в начале § 3 (где говорится о жене — или сыне — и дочери человека) речь идет не о купленных людях, а о находящихся в залоге и еще подлежащих выкупу должником. Купленного продать можно, а заложного — нельзя.

Понятно, почему в конце § 3 необходимо было упомянуть, что речь идет о купленных ассирийцах: купленного чужеземного раба можно было продавать куда угодно, и это разумелось само собой. Иначе обстояло дело с продажей в чужую страну своего соотечественника и однообщинника: против этого восставали мораль и правосознание древневосточного человека, и право на такую продажу приходилось вводить законодатель-

ным путем в интересах крупных рабовладельцев. Древнееврейские постановления, в которых больше внимания уделяется интересам рядовых свободных, запрещают держать соотечественника в рабство более шести лет²⁴ и продавать рабыню-еврейку за рубеж²⁵. По той же причине в законах Хаммураби проводится различие между рабом-вавилонянином и рабом-чужестранцем²⁶, и т. д.

IV) САЗ, III, § 44: «Если ассириец или если ассирийка, которые находились в доме человека за свою цену в качестве залога, взяты за полную цену] ([ša ana šim gam]er laqūni, т. е. куплены. — И. Д.), (то) он может ударить, таскать (за волосы), бить его по ушам и просверливать (?) (их)». Здесь точно так же, как и в САЗ, II, § 3 просроченный залог считается (при соответствующей договоренности) купленным и переходит в полную собственность кредитора, даже если заложник — ассириец.

Л. А. Липин не согласен с таким объяснением. Судя по документам юридической практики, пишет он, заложник, если он был ассирийцем-семитом, вообще не мог перейти в собственность кредитора даже в случае просрочки займа; это могло произойти лишь с хурритом, который только обозначался словом «ассириец»²⁷. Прежде чем разобрать это утверждение, остановимся еще на двух²⁸ случаях упоминания «ассирийцев» в среднеассирийских текстах:

V) E. Ebeling. Keilschrifttexte aus Assur juristischen Inhalts. Leipzig, 1927 (KAJ), 2: Известный ростовщик Кидин-Адад принимает на себя содержание дочери обедневшего соседа (договор об «оживлении») вместе с патриархальной властью над нею (право выдать замуж и получить калым, право заставлять работать на себя). Договор содержит обязательство Кидин-Адада, что он не будет с ней дурно обращаться (la ú-la-ma-an-[ši]), не будет бесчестить (la ú-ma-a[z]-zi-[ši]), а будет обращаться с ней, «только как со своей дочерью, (как с) ассирийцем» (ki-i mārti-šu-ma aš-[š]u-ga-ja-e ú-ra-us-zi). «Нельзя предположить, — пишет Л. А. Липин, — чтобы в городе Ашшуре относились к своим дочерям иначе, чем в других городах Ассирии»²⁹. Но суть дела не в том, как относились в городах Ассирии к дочерям. Дети ассирийца не обязательно были ассирийскими гражданами: они могли быть детьми от рабыни (amtu) или от пленной наложницы (esirtu) и тогда либо вовсе не имели никаких прав, либо получали права лишь в случае отсутствия законных детей или особого признания отцом их матери перед свидетелями (САЗ, III, § 41). Отсюда необходимость указания на «ассирийское гражданство» в документе KAJ, 2: в нем оговорено, что речь идет не просто о любой дочери Кидин-Адада, а о лице, пользующемся правом ассирийского гражданства.

По мнению Л. А. Липина, «ассирийцы» — это не ассирийцы-семиты, а хурриты. С этой точки зрения в данном документе как девушка, так и усыновитель, ростовщик Кидин-Адад, должны быть хурритами, поскольку предполагается, что его дочь имеет правовой статус «ассирийца». Но оба носят чисто семитские имена. Указание Л. А. Липина на то, что имя девушки неассирийское, основано на недоразумении. Девушка на-

²⁴ Ex. XXI, 1 сл. и Deut. VII, 15 сл.

²⁵ Ex. XXI, 8.

²⁶ §§ 117, 280. Ср. И. М. Никольский. Частное землевладение и землепользование в Древнем Двуречье. Минск, 1948, стр. 100 и прим. 253 и мп. др.

²⁷ Л. А. Липин. Указ. соч., стр. 52—54.

²⁸ Третий случай, упоминаемый Л. А. Липиным на стр. 54 (САЗ, III, § 40), сюда не относится: восстановление [aš-šu-ra-a-te], принадлежащее Г. Р. Драйверу, не обосновано, см. «Вестник древней истории», 1952, № 4, стр. 220, прим. 7. Ссылка Л. А. Липина на то, что так обычно восстанавливают, неточна.

²⁹ Л. А. Липин. Указ. соч., стр. 47.

звана в документе E-ṭi-ur-tum или E-ṭi-gu-tum. «Очевидно, — пишет Л. А. Липин. — это имя было чуждо писцу, и он не знал, как его писать правильно»³⁰. Однако имя это — чисто семитское: Eṭirtum «спасительница» или Eṭērtum «спасение»³¹. Необычное написание E-ṭi-ur-tum вместо *E-ṭi-ir-tum — так называемое «ломаное» написание — встречается в среднеассирийских документах и, в частности, в данном документе: ṭ-ra-us-zi вместо ṭ-ra-as-si (urpassi). Имя Eṭirtum, очевидно, сокращение имени типа Šēṭā-ēlirat «богиня Шеруа — спасительница»³². Как известно, древневосточные имена состояли из целых предложений, в быту же употреблялись уменьшительные — гипокористики. В частности, в Ассирии очень распространены были гипокористики 1) с суффиксами -ija(u), -āja(u) (типа писби)³³, ранее, до основательного знакомства исследователей с хурритской ономастикой³⁴, без исключения принимавшимися за хурритские имена; 2) с суффиксами на -tum, -ūtum и -ātum, а также 3) гипокористики в виде инфинитива (масдара) или причастия, образованные от глагольной формы, содержащейся в полном имени-предложении.

VI) В документах KAJ, 7 и KAJ, 167 упоминается девушка Asuat-Idiqat, бывшая приблизительно в таком же положении, как и Этиртум. Она находилась в доме некоего Ашшуррицу, возможно — кредитора, но затем была выкуплена — обменена на рабыню-чужестранку (субареянку, т. е. хурритку). При этом оговаривается, что Асуат-Идикуат — aššurā-ṭum «ассирийка». Ашшуррицу сохранил над Асуат-Идикуат патриархальную власть, и впоследствии она была выдана им замуж за раба, но сохранила личную свободу. Имя ее чисто семитское — «уврачеванная (?) рекой Тигром». Asuat — форма 3 л. ж. р. пермансива от корня 'sw, может быть, отыменного (от существительного ašū «врач», из шумерск. a-zu). Но хотя значение корня не совсем ясно, сама форма не вызывает ни малейшего сомнения (ср. часто встречающуюся в этих же документах пермансивную форму zakuat от корня zkw «быть свободным»). Вполне закономерен и вариант Asāt-Idiqat с «авилонским» (но встречающимся и в Ассирии)³⁵ стяжением гласных³⁶.

³⁰ Л. А. Липин. Указ. соч., стр. 47.

³¹ Или Eṭirūtum, если это гипокористик на -ūtum от финитной формы глагола. Разница между Eṭirtum и Eṭirūtum (Eṭērtum) — примерно такая же, как между «Маша» и «Маня».

³² Ср. приводимое Л. А. Липиним (стр. 63) имя из документа KAJ, 28: Im-mu-ug-gu-tum, т. е. Immugūtum, абстрактное образование на -ūtum от финитной формы immugur (асс. диалектная форма вместо *immagur) полного имени (ср., Eṭirūtum). Л. А. Липин, в данном случае, правильно считает это имя семитским.

³³ Эти имена обычно образованы от одного из компонентов полного собственного имени-предложения: от подлежащего (Silli-ja от Silli «моя сень»), особенно часто от имени божества, входившего в состав предложения (например Sinni-ja, Mardukki-ja), или от сказуемого (Iqīš-ja от Iqīš «подарил», Iddin-ja от iddin «дал», Izqur-ja от izqur «насадил, утвердил»). Все эти сокращенные имена восходят к полным именам типа Silli-Marduk «моя сень — бог Мардук», Sin-Iqīš «Бог Син подарил мне», и т. п.

³⁴ В настоящее время хурритские имена могут быть в большинстве случаев не только отождествлены как таковые, но и проанализированы по составным элементам (См. J. J. Gelb, P. M. Purves and A. A. MacRae. Nuzi Personal Names. Chicago, 1943). В среднеассирийских документах мне встретилось всего три безусловно хурритских имени: Tammanhe (дед должника), Zige (отец одного из должников в KAJ, 85) и Ari-Kummi (отец кредитора, KAJ, 37, 46 и 85). Кроме того, имеется еще несколько имен неясной этимологии.

³⁵ Правда, в ассирийском стяжение зарегистрировано пока только для глаголов с последним коренным j, но можно ожидать такие формы и для глаголов с последним коренным w. См. W. v. Soden. Указ. соч., § 105 j (стр. 148) и ср. парадигму № 30b, прим. 5.

³⁶ Л. А. Липин (стр. 56) упоминает еще один документ, в котором встречается термин aššurāju. Речь идет о документе O. Schroeder. Keilschrifttexte aus Assur

Имеются также документы из соседней с Ашшуром Аррахи, совершенно аналогичные трем приведенным выше (KAJ, 2, 7 и 167). Так, в издании «Annals of the American Schools of Oriental Research», XVI, № 42 упоминается некая девушка Хальпапуша, которая передается в удочерение Ханата, влиятельной рабыне царской родственницы. Ханата предоставляется право выдать Хальпапушу замуж, — в частности, по своему желанию, и за раба, — но в сделке оговаривается (стк. 20 сл.): ṭ-na-na-to ṭhal-pa-pu-ša ša ki-i mārat [A]r-ra-ār-ḥi i-p[u]-ša-aš-ši a-na amti³⁷ la ṭ-ta-ar-ši — «но Ханата должна поступить с Хальпапушей как с гражданкой Аррахи: в рабыню она не должна ее превращать». В документе «Révue d'assyriologie et d'archéologie orientale», XXXII, № 12, речь идет о выдаче замуж чужой дочери лицом, приобретшим над ней патриархальную власть, и также отмечается, что она остается «гражданкой Аррахи».

Параллель с документами KAJ, 2, 7 и 167 очевидна, а следовательно, очевидно и то, что термин aššurāju «ассириец» означает в этих последних документах принадлежность к полноправным гражданам Ашшура.

Таким образом, нельзя считать обоснованным вывод Л. А. Липина, что «в Ассирии, по крайней мере среднего периода, термин aššurāju («ассириец») обозначал человека свободного состояния субарийско-хурритского происхождения, не пользовавшегося всей полнотой гражданских прав подобно свободным лицам господствующего этнического элемента ассирийского государства»³⁷.

Свой вывод Л. А. Липин пытается подкрепить, во-первых, ссылкой на то, что из документов юридической практики следует, что общественное положение хурритов было более низким, чем положение семитов (по мнению Л. А. Липина, только залог должника-хуррита переходил, в случае просрочки займа, в собственность кредитора) и, во-вторых, ссылкой на аналогии с тем, что имело место в Вавилонии и Палестине.

Разберем эти ссылки. Единственным критерием того, кто из должников, упоминаемых в среднеассирийских документах, является хурритом и кто семитом, очевидно, являются их имена. Мною составлен перечень имен кредиторов и должников по долговым сделкам, изданным в KAJ. Из генеалогий упоминаемых в документах лиц видно, между прочим, что хурритские³⁸ и семитские имена нередко встречаются в одной семье,

verschieden Inhalts. Leipzig, 1920, 217, (а не KAJ, 217, как указано у Л. А. Липина), представляющем запись прямых переговоров царя с «ассирийцами». Последние обращаются к царю, именую его šattu lēl (URU.D.) a-šur-a-jameš (строка 20) «царь, господин ассирийцев» или, точнее, «гражданин Ашшура». Такое понимание термина aššurāju здесь не подлежит сомнению, так как при нем употреблен детерминатив города.

³⁷ Л. А. Липин. Указ. соч., стр. 57. Г. Р. Драйвер и Дж. Майлз приводят еще один довод в подтверждение наличия двух социально и этнически разнородных слоев в составе среднеассирийского общества: в САЗ, III, § 30 сл. и § 42 они видят два разных обряда и порядка заключения брака. Между тем, в § 42 говорится лишь, что после совершения обряда помазания невесты елеем и принесения на пиру символического подарка (?) ḥugurrāte брак считается нерасторжимым, а в § 30 сл. речь идет об экономических условиях брака (различные виды калыма, брачных обеспечений, приданого и т. п.). Принесение калыма, согласно § 30, еще не делает брачную сделку окончательной: отец невесты может еще выразить нежелание выдать свою дочь за данного жениха, и тогда отцу жениха предоставляется право (но не вменяется в обязанности) аннулировать сделку. Кроме того, стороны при известных условиях могут еще замкнуть одного жениха — другим, и одну невесту — другой. Все это не противоречит § 42. Лишь после брачного обряда по § 42, когда совершается помазание определенной девушки, брак вступает в силу окончательно, по-видимому, даже до перехода невесты в дом свекра (§ 32); по, вероятно, этот переход обычно следовал сразу за брачным обрядом.

³⁸ «Хурритскими» в приводимых подсчетах мы условно называем все вообще не-семитские имена и имена с неясной этимологией. Ср. примечания 33 и 34.

причем как среди должников, так и среди кредиторов. Из сопоставления данных ономастики с текстом документов видно, что принадлежность имени должника к хурритскому или к семитскому языку не имеет никакого отношения к условиям сделки. Это подтверждается даже теми единичными примерами, которые приводит Л. А. Липин.

Заем в среднеассирийское время имел различные формы³⁹. Наиболее распространенным было условие (I), по которому проценты начинали нарастать с определенного срока⁴⁰ [edānu ʕtiqmā annaku ana ʕipti illak — «(как только) срок прошел, свинец (т. е. деньги) пойдет в рост»]. В этом случае залог до истечения срока займа даже не переходит в пользование кредитора, а тем более в его собственность, и может быть выкуплен даже после просрочки займа. Таково, по-видимому, положение, предусмотренное законом САЗ, II § 8 (первая часть).

По другому условию (II), залог переходит в пользование кредитора «за свою цену», а в случае неуплаты суммы займа и процентов по истечении срока считается «купленным»: [edānu ʕtiqmā ʕapratušu laqia — «(как только) срок прошел, залоги его куплены», или «купленным за полную цену» (ana šim gamer laqī)]. Эту формулу мы и встречаем в САЗ, II, § 3 и III, § 44. (Как мне указала Н. Б. Янковская, это условие применялось к некредитоспособным должникам. Документы из Аррапхи и Нузу показывают, что заключению займа на этом условии обычно предшествовал ряд займов тем же должникам на первом, более мягком условии).

Согласно третьему условию (III), залог поступает в пользование кредитора вместо процентов (САЗ, II, § 8, вторая часть?) и может быть выкуплен после уплаты основной суммы займа.

Л. А. Липин считает, что займы, предоставленные по условию II, заключались только с хурритами, официально называвшимися «ассирийцами». В действительности это не так. Уже из перечисленных Л. А. Липиним трех случаев только в двух должники носят семитские имена (КАЖ, 46⁴¹ и 66), так как имя Innashiru, (КАЖ, 35, читать ^mIn-na-ās-hi-[r]u, а не «Инаш-харру», как у Л. А. Липина) — не хурритское (аналогий в хурритской ономастике нет), а семитское, образованное от глагольной формы, которая содержалась в полном имени: innashir — «он обращен (к такому-то богу)». Если же взять все случаи займа типа II, то мы увидим, что только в приведенном Л. А. Липиним документе КАЖ, 66 должники, возможно, хурриты, а в остальных 11 случаях они семиты⁴². В договорах по займам типа I и III, а также в тех редких случаях, когда условия займа отличались от указанных трех типов, упоминается четыре должника с хурритскими именами и именами неясной этимологии, три должника, отец или дед которых носили хурритские имена, и 58 семитов⁴³.

Можно добавить, что из примерно 30 известных нам ростовщиков у двоих

³⁹ См. P. Koschaker. Neue Keilschriftliche Rechtsurkunden aus der El-Amarna-Zeit. «Abhandl. der Phil. Historische Klasse der Sächs. Akademie der Wissenschaften», XXXIX, 5. Leipzig, 1928, S. 92—130; Н. М. Дьяконов. Развитие земельных отношений в Ассирии. Л., 1949, стр. 67; «Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства». «Вестник древней истории», 1952, № 4, стр. 241 сл.

⁴⁰ Фактически проценты бывали уже включены в отмеченную договором сумму займа.

⁴¹ КАЖ, 46 не предусматривает конфискации просроченного залога; заем выдан ana us'ti «для вспомоществования» и не относится ни к типу II, ни к остальным из обычных типов.

⁴² КАЖ, 12, 14, 24, 27, 35, 63, 64, 68, 142, 150, 163. В четырех случаях должники носят уменьшительные имена на -ija (КАЖ, 12, 64, 68 и 163).

⁴³ Из них некоторые (около десяти) носят уменьшительные имена на -ija.

были имена неясной этимологии (Pūipilhā, КАЖ, 47⁴⁴, и Igā(j)e (?), КАЖ, 70) и один имел хурритское отчество (Rēš-Aššur, сын Ari-Kummi, КАЖ, 37, 46, 85); двое названы сокращенными именами на -ija (Kīnija, сын Pil-Kube, КАЖ, 28, 58 и Mardukk[ija], КАЖ, 78)⁴⁵.

Таким образом, анализ имен показывает, во-первых, что хурритов в Ашшуре вообще было очень мало, и, во-вторых, что они имелись во всех слоях населения.

Перейдем теперь к вопросу об аналогиях. Л. А. Липин ссылается на то, что и вавилонские законы предоставляют различную степень обладания гражданскими правами полноправному гражданину — māṛ awīlīm (в Ассирии māṛ amēli) и «покоренному» — muškēnum (которого он сопоставляет с ассирийским aššurāju). Однако термины для первой из этих двух социальных категорий — не māṛ awīlīm, а awīlum «человек», а māṛ awīlīm всегда обозначает либо «(несамостоятельный, находящийся под патриархальной властью) ребенок, сын человека», либо «один из числа awīlum, кто-либо из awīlum». В среднеассирийских законах māṛ amēli никогда не было социальным термином, а всегда обозначало «сына, находящегося под патриархальной властью». Что же касается muškēnum⁴⁶, то Л. А. Липин, не оговаривая наличия других точек зрения, целиком присоединяется к высказанному более полустолетия назад Г. Винклером мнению⁴⁷, что muškēnum — это покоренное семитами древнейшее население Вавилонии. К мнению Г. Винклера в свое время присоединился, как известно, акад. В. В. Струве⁴⁸, но это толкование никто никогда не пытался документально обосновать. Между тем, за последнее время появились исследования А. Ван Праага⁴⁹, Г. Р. Драйвера и Дж. Майлза⁵⁰, И. М. Дьяконова⁵¹, Э. А. Снайзера⁵², которые на значительном материале стремились доказать, что muškēnum назывались, независимо от происхождения, люди, сидевшие на царской земле и получавшие землю не от общины, а в условное пользование от царя⁵³. Эта категория имеет

⁴⁴ Возможно, что это имя имеет все же ассирийскую этимологию («бойтесь моих уст»).

⁴⁵ По долговым сделкам типа I, заключенным согласно САЗ, II, § 8, кредитору были «ассирийцами», то есть, по мнению Л. А. Липина, хурритами. Между тем долговые сделки, заключаемые ростовщиками, носившими хурритские или неясные имена, относятся к разным типам: КАЖ, 46 — к II, КАЖ, 28, 58, 70, 78, 85 — к I, КАЖ, 37 — процентный заем, КАЖ, 47 относится к особому редкому типу.

⁴⁶ Muškēnum — причастие каузативной породы от корня k'n; в этой породе глагол означает «совершать земной поклон, падать ниц»; таким образом, muškēnum — это «обязанный совершать земной поклон», а не «покоренный».

⁴⁷ H. Winckler. Die Gesetze Hammurabis in Umschrift und Übersetzung. Leipzig, 1904, S. 11.

⁴⁸ В. В. Струве. Проблема зарождения, развития и упадка рабовладельческих обществ древнего Востока. «Известия Государственной академии истории материальной культуры», М.—Л., 1934, стр. 60. Ср. «Всемирная история», т. I. М., Изд-во АН СССР, 1955, стр. 296.

⁴⁹ A. Van Praag. Droit matrimoniel assyro-babylonien. Amsterdam, 1945, p. 52—61.

⁵⁰ G. R. Driver and J. M. Miles. The Babylonian Laws, I. Oxford, 1952, p. 92—93, 106. Ср. также J. Klíma. Zákony Chammurapiho. Praha, 1954, str. 84.

⁵¹ Н. М. Дьяконов. Muškēnum и повинностное землевладение на царской земле при Хаммураби, «Eos», XLVIII, 1, p. 37 сл.

⁵² E. A. Speiser. The muškēnum. «Orientalia», № 27, 1, 1958, p. 19 сл.

⁵³ В том же номере «Палестинского сборника», где помещена статья Л. А. Липина [№ 3 (66), 1957], опубликована работа акад. В. В. Струве «Борьба с рабством-должничеством в Вавилонии и Палестине», где в прим. 8 на стр. 6 высказано мнение, что упомянутая в нашем тексте трактовка muškēni «опровергается письмом саповника царства Мари Бахдильма, сообщавшего, что наводнение затопило некоторую часть земли, принадлежавшей мушкену, но не затронуло полей дворца. Из этого письма Бахдильма следует, стало быть, что мушкену не сидели на земле дворца, то есть на царской земле». Но в письме Бахдильма [Archives royales de Mari, VI, № 3] речь идет о полях дворца, обслуживавших собственно дворец и соответствующих земле nig-

свою аналогию в ассирийском обществе, но отнюдь не в лице «ассирийцев»⁵⁴. Следовательно, противопоставление *awilum* и *muškēnum* не подтверждает теории, что местное несемитское население в Ассирии занимало приниженное положение.

Л. А. Липин ссылается, далее, на библейское законодательство, согласно которому *tōšab* (Л. А. Липин переводит — «старожил») и *gēr* (Л. А. Липин переводит — «новопоселенец») не пользовались равными правами с собственно израильтянами-общинниками. Однако *tōšab* были не «старожилками», а пришлым элементом, «присельниками» и, подобно «метэкам» и «перизкам» в Греции, не были членами общины: существенная разница, ибо речь, таким образом, вовсе не шла об их этническом происхождении⁵⁵. В «Книге Бытия», XXIII, 4 *tōšab* называет себя Авраам: будучи пришельцем в хеттской общине Хеброн, он не может приобрести в ней земли без разрешения общины. В «Книге Исход», XII, 45, «Книге Левит» XXII, 10 говорится, что нечлены общины — *tōšab* и наемник — не могут принимать участия в культовой трапезе; в Lev. XXV, 6 и 35—40 *tōšab* — временно проживающий в доме общинника гость, работник или наемник; а в III «Книге Царств», XVII, 1 *tōšab* — оказывается не кто иной, как израильский пророк Илья!

Во всех этих случаях речь идет не о покоренном населении, а о бывших из своей общины или страны случайных переселенцах. Для них в Ассирии и Вавилонии тоже был свой термин — *ubāru*⁵⁶. То же самое можно сказать и о термине «чужестранец» — *gēr*. Это — странник («Книга Иова», XXXI, 32; «Книга Иеремии», XIV, 8); очень часто «*gēr*» служит пояснением к термину *tōšab* или выступает как его синоним; иногда *gēr* — иноземец, часто «ксен». Этот термин также не относится к бесправному покоренному населению.

Таким образом, нет никаких данных, чтобы утверждать, что классово-сословное деление в среднеассирийский период проходило по линии этнического деления.

Так же было и в новоассирийский период. По мнению Л. А. Липина, полноправные ассирийцы в это время назывались *nišē māt Aššur* «люди страны Ассирии», а «ассирийцами», *aššurū*, назывались неполноправные несемиты⁵⁷. В доказательство этого утверждения он приводит лишь два аргумента: 1) Желая оказать чужеземцам почести, Саргон усаживает их за одним столом с «людьми страны Ассирии», а наказывая покоренных и уведенных в плен иноплеменников, он налагает на них повинности как на «ассирийцев»⁵⁸. 2) Отец автора знаменитого «Письма Саргона II к богу Ашшуру» о походе на Урарту в 714 г. до н. э., названный в тексте *aššurū*, носит хурритское имя.

И *nišē māt Aššur* и *aššurū* достаточно часто упоминаются в памятниках новоассирийского времени. Однако приведенные Л. А. Липиным слу-

еп-на времени Уруккины, *muškēnū* же сидели, конечно, не на этой земле, а на земле, лишь принадлежавшей царю и соответствующей *kur-га* времени Уруккины, о чем свидетельствует ряд данных памятников старовавилонского периода. См. указанные в предыдущих сносках работы.

⁵⁴ См. «Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства». «Вестник древней истории», 1952, № 4, стр. 222, 232 сл., 245 (о термине *ḥuršu*).

⁵⁵ О «присельниках» разного типа на древнем и эллинистическом Востоке см. А. Г. Перизанян. Перодулы и *ieroī* храмовых объединений Малой Азии и Армении. «Вестник древней истории», 1957, № 2, стр. 65 и поправку в № 4, стр. 224.

⁵⁶ Об *ubāru* см. Н. М. Дьяконов, *Muškēnum* и повинностное землевладение на царской земле при Хаммураби, «Еос», XLVIII, 1, р. 59⁵¹. В законах Билаламы (§ 41) с ним сопоставлен *mtūdu* («странствующий») мудрец. Аналогичным термином было также слово *ḥarīru*, см. J. Bottéro. Le problème de *ḥabiru*. Paris, 1954.

⁵⁷ Л. А. Липин. Указ. соч., стр. 47 и 56—57.

⁵⁸ Там же, стр. 57.

чаи (всего два) не могут и сами по себе служить доказательством того, что «ассирийцы» занимали приниженное положение, или были этнически чужды господствующему классу. В единственной надписи Саргона II, на которую ссылается Л. А. Липин, говорится: «людей области Муцацира я причислил к людям страны Ассирии и (притом)⁵⁹ воинскую и строительную повинность наложил на них, как на ассирийцев». Из этого видно, что «люди страны Ассирии» и «ассирийцы» — одно и то же: ведь это одних и тех же людей Муцацира царь Саргон и причислил к людям страны Ассирии и наложил на них повинности как на «ассирийцев». Кстати, об уводе в плен в этой связи не говорится.

Подтверждение правильности нашего вывода находим и в других надписях Саргона II. Так, например, на переселенных в Табал пленных («людей стран, покоренных богом Ашшуром, моим владыкой» — *nišē mātāti ki-šit-ti Aššur bēli-ja*) Саргон наложил «ассирийскую повинность» (*ṭup-šik-ki aš-šu-ri*), или, как в «Анналах» 177—178, «пго моего владычества» (*ni-ir bēlu-ti-ja*); в одном из текстов эти люди названы «ассирийцами; почитающими мое владычество» *laššur^{ki}-ū pa-liḥ be-lu-ti-ja* — «Торжественная надпись», 32). Казалось бы, это дает полное подтверждение тезиса Л. А. Липина. Но в другом месте про таких же «людей стран, покоренных моей рукой» (*niše mātāti ki-šit-ti qa-ti-ja*) сказано, что «я причислил их к людям страны Ассирии, и (вследствие этого)⁶⁰ они владели мое ярмо» (*[it]-ti nišē māt Aššur^{ki} am-nu-šū-nu-ti-ma i-šu-tu ap-šā-ni* — «Торжественная надпись», 108—109; «Анналы», 227). Какое-либо различие в социальном положении тех и других усмотреть трудно. Очевидно, *aššurū* и *niše māt Aššur* — одно и то же⁶¹.

Aššurū обозначает не только «ассириец», но и специально «ашшурец», «гражданин города Ашшура». Как известно, в новоассирийский период граждане Ашшура были освобождены сначала от некоторых, а потом и от всех податей и повинностей и, таким образом, занимали в государстве не приниженное, а особо привилегированное положение. Сохранилась (во фрагментарном виде) грамота Саргона II городу Ашшуру, согласно которой его граждане освобождались от мобилизации (*dekūt mātī*), рекрутского набора (*šisīt nāgiri*), повинностей (*ilku ṭupšikku*) и пошлин (*miksi*)⁶². Аналогичная грамота, еще более расширявшая привилегии ашшурцев, была издана царем Асархаддоном⁶³.

Одна из самых чтимых семитских богинь Ассирии носила имя *Ištar aššurītu* — конечно, не как богиня непривилегированных туземцев, а как богиня ашшурская, ассирийская.

Остается вопрос о писце, который был «ассирийцем» или сыном «ассирийца». Текст⁶⁴ гласит: *dup-pi m. d. Nabū-šal-lim-šu-nu* *ṭupšar šar-ri rabū* *la GAL.GI.U* *um-ma-an* *la Šarru-GI.NA. šar māt Aššur^{ki} bu-uk-ru* *la HAR-ma-ak-ki* *ṭupšar šarri* (пробел) *BAL.TIL^{ki}-a* «таблица Набушал-

⁵⁹ Союз *mā* означает при глаголе «и затем», «и таким образом», «и притом», «и вследствие этого», см. W. v. Soden. Указ. соч., § 123a, S. 177—178.

⁶⁰ Союз *mā*.

⁶¹ Выражение *niše mātī* встречается и без прибавления слова «Ассирия»: например, в тексте VR, 10, X, 87—94 так названы повстанцы, убившие маннейского царя Ахшери и перебившие царский род. Ср. др.-еврейск. *am 'hā-'ārāš*. (И. Д. Амусин. «Народ земли». «Вестник древней истории», 1955, № 2, стр. 14 сл.). Термин *niše* «люди» неоднократно применяется в деловых документах новоассирийского периода даже к рабам.

⁶² H. Winckler. Sammlung von Keilschrifttexten, II, № 1.

⁶³ L. Messerschmidt. Keilschrifttexte aus Assur historischen Inhalts. Erstes Heft. Leipzig, 1911, № 51, I, 1—12.

⁶⁴ F. Thureau-Dangin. Une relation de l'huitième campagne de Sargon II. Paris, 1912, p. 429.

лимшуну, великого царского писца, главного мудреца, везира Саргона, царя Ассирии, первенца Хар(?)макку, царского писца, ашшурца». *Aššurū* написано при помощи идеограммы *BAL.TIL*⁶⁵, которая обозначает только город Ашшур. Поэтому *aššurū* может здесь обозначать только «гражданин города Ашшура»⁶⁵, а отнюдь не «неполноправный хуррит».

Нам хорошо известна иерархия рангов ассирийских чиновников⁶⁶. «Царский писец», в документах чаще называемый «дворцовым писцом» или «писцом страны», занимает в этой иерархии 17-е место, сразу после крупнейших общегосударственных должностных лиц и впереди начальников областей. Маловероятно, чтобы такую должность мог занимать неполноправный⁶⁷.

Подводя итоги, мы можем заключить, что в Ассирии, точно так же как в Шумере⁶⁸ и в ряде других государств древнего Востока, покоренных (п своих), конечно, угнетал господствующий класс, но вовсе не потому, что они были ему этнически чужды⁶⁹. Еще не было наций, и поэтому в социальном отношении важнее была совместная принадлежность к общине, к определенному культу, к определенному подданству, чем язык, на котором говорил человек, и его этническое происхождение. Этим объясняется и сравнительно легкое вытеснение одного языка другим. Еще не проявлялась языковая стойкость, столь характерная для позднейших национальных языков, когда сохранение языка было условием сохранения национально-самобытной культуры. Хурриты Месопотамии легко сменили свой язык на аккадский в течение второй половины II тысячелетия, а аккадский за время господства аккадоязычной Ассирийской державы I тысячелетия был безболезненно вытеснен распространившимся по всему этому многоплеменному государству арамейским языком.

Для определения социального состава ассирийского общества необходимо анализировать его классовую структуру, а не этническую.

S U M M A R Y

This paper is devoted to a detailed analysis of the term *aššurāiu*, *aššurū*. A study of the occurrences of this term, especially in Middle Assyrian texts (the Assyrian Laws, the documents KAJ, 2,7, 167, KAV, 217, Neo-Assyrian royal inscriptions, etc.) and of the social position of the persons mentioned in the legal documents and bearing Akkadian and Hurrite names enables the author to arrive at the following conclusion:

In Assyria the ethnic origin («nationality») of a person had no connection with his social position. The term *aššurāiu*, *aššurū* did not signify a social position but denoted 1) «a citizen of Asshur», 2) «an Assyrian» in a general sense.

A study of social conditions in Assyria should not be based on its ethnic structure but on its class structure.

⁶⁵ При названии города Ашшура достаточен древний детерминатив *k1*, а более новый детерминатив *41* не обязателен.

⁶⁶ С. Н. W. Johns. *Assyrian Deeds and Documents*, II. Cambridge, 1901, p. 182.

⁶⁷ Как мы видели выше, царский писец мог даже, подобно царю и некоторым наиболее могущественным наместникам, воздвигнуть стелу с собственной надписью. А Хармакку был, к тому же, отцом царского везира. И имя его — не обязательно хурритское: суффикс *-kku* нередко встречается, например, и в аккадской передаче числительных имен (Arukku, царевич из дома Ахеменидов).

⁶⁸ См. Th. Jacobsen. The assumed conflict between Sumerians and Semites in early Mesopotamian history. «Journal of the American Oriental Society», № 59, 4 (1932), p. 486.

⁶⁹ Сдирая кожу с непокорных или сжигая их на кострах, Ашшурнацирапал, например, не делал никакого различия между иноплеменниками и ассирийцами, хотя и называл одних — арамеями, замунцами и т. п., а других — ассирийцами. См., в частности Ann. I, 101—II, 1, AKA, I, p. 254 сл.

ФОЛЬКЛОР НАРОДОВ ВОСТОКА В ТВОРЧЕСТВЕ Л. Н. ТОЛСТОГО

Э. Е. ЗАЙДЕНШУР

Народы Востока, особенно «высокоодаренный и духовными и телесными силами» народ Индии, «мудрый», «великий и могущественный китайский народ», а также «умный» и «энергичный», «свободный от суеверий» народ Японии, живо и глубоко интересовали Толстого¹. Симпатии великого писателя к восточным народам отражены в его многочисленных высказываниях и обширной переписке с писателями, общественными деятелями, учеными и простыми людьми Индии², Китая³, Ирана⁴, Японии⁵ и других стран Востока. Связи Толстого с Востоком не раз были предметом исследований⁶, но ни в одной из известных нам работ не рассказано о глубочайшем интересе писателя к восточному фольклору.

Между тем, сказки и легенды Востока занимали немаловажное место в произведениях Толстого. На протяжении всей своей жизни писатель неоднократно обращался к неисчерпаемой сокровищнице фольклорных произведений Востока, причисляя их к лучшим образцам мировой литературы.

Еще в 1862 г. в книжках «Ясная Поляна», выходивших как приложение к педагогическому журналу того же названия, были помещены две арабские сказки из «Книги

¹ Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений. Юбилейное издание, т. 37, стр. 259; т. 36, стр. 290, 295; т. 69, стр. 153.

² Л. Н. Толстой. Письмо к индуисту. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 245—273; см. также т. 73, стр. 101—102; т. 78, стр. 32; т. 80, стр. 110—111; т. 81, стр. 247—248; т. 82, стр. 137—141; о переписке Толстого с Ганди см. «Литературное наследство», № 37-38, стр. 339—352.

³ Л. Н. Толстой. Письмо к китайцу. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 290—299.

⁴ Там же, т. 73, стр. 94—95.

⁵ Л. Н. Толстой. Письмо к японцу Ино-Абэ. Полн. собр. соч., т. 75, стр. 176; см. также т. 69, стр. 30—31, 153; т. 75, стр. 223—224; т. 76, стр. 142—144; т. 77, стр. 89—90.

⁶ В. Г. Чертков. Толстой и Японцы. «Свободное слово», 1905, № 6, стб. 2-5; П. И. Вирюков. Толстой и Восток. «Новый Восток», 1924, № 6, стр. 392—402; P. Birukoff. Tolstoi and der Orient. Briefe und sonstige Zeugnisse über Tolstois Beziehungen zu den Vertretern orientalischer Religionen. Zürich und Leipzig, 1925; С. Г. Апресян. Русская литература на Востоке. «Вестник Академии наук СССР», 1948, № 7, стр. 89—91; Kalidas Nag. Tolstoi and Gandhi. London, 1950; Derk Bodde. Tolstoi and China. London, 1950; В. Гордлевский. Толстой в Турции. «Восток», 1925, № 5, стр. 208—212; В. Рудман. Лев Толстой и Восток. «Сибирские огни», 1953, № 5, стр. 162—167; И. М. Гольдберг. Индийские журналы Яснополянской библиотеки как один из источников изучения национально-освободительного движения в Индии. «Советское востоковедение», 1955, № 4, стр. 116—130; А. И. Шифман. Лев Толстой — друг Индии. «Советское востоковедение», 1957, № 1, стр. 95—105, и другие.

тысячи и одной ночи». Одна из них, «Дунышка и сорок разбойников»⁷, весьма близка к арабской сказке «Али Баба и сорок разбойников», которая произвела «большое» впечатление на Толстого в детские годы⁸. В юбилейном издании отмечено, будто это произведение является переработкой русской народной сказки⁹. Вероятно, редактора имели в виду сказку «Мудрая девица и семь разбойников» из сборника Афанасьева. Сличение их текстов дает основание считать, что не русский, а арабский вариант положен в основу сказки, вошедшей в книжки «Ясная Поляна». Содержание ее значительно ближе к арабскому варианту, нежели к русскому, а такие подробности, как «сорок разбойников», а не семь (как в сказке из сборника Афанасьева), и особенно восклицание «Сезам, отворись!» вместо афанасьевского варианта: «Дверцы, дверцы, отворись!», — рассеивают всякие сомнения относительно первоисточника.

Напечатанная в книжках «Ясная Поляна» сказка «Неправедный суд»¹⁰ представляет собой переделку «Сказки о багдадском купце Али Коджин [Али Ходже]». Обе арабские сказки были изменены так, что стали понятны крестьянским детям России. Место действия перенесено в русскую деревню; действующим лицам даны русские имена; использованы характерные для русских народных сказок обороты и традиционные формулы, но сюжет и идея арабского варианта остались в неприкосновенности.

Трудно установить, из какого издания «Тысячи и одной ночи» взяты тексты сказок для книжек «Ясная Поляна». Нет прямых указаний и на то, в какой мере сам Толстой принимал участие в переделке названных сказок; но зная, как ревностно и строго относился он к содержанию книжек, можно полагать, что в отборе сказок его голос был решающим. Сохранившаяся рукопись сказки «Неправедный суд», написанная, очевидно, одним из учителей с собственноручными исправлениями Толстого, свидетельствует о том, что он, безусловно, сам редактировал переработку арабских сказок, напечатанных в книжках «Ясная Поляна».

Спустя десять лет, писатель начал работать над «Азбукой», явившейся в какой-то мере осуществлением замысла Толстого «написать *resumé* всего того», что он знал о воспитании и обучении¹¹. «Эта азбука одна может дать работы на 100 лет. Для нее нужно знание греческой, индийской, арабской литературы», — писал Толстой¹². В «Книжки для чтения», содержащие всего 209 рассказов, басен и сказок, вошло свыше тридцати образцов восточного фольклора.

Первоисточник легенды «Китайская царица Силянчи»¹³ и японской сказки «Золотоволосая царевна»¹⁴ не установлен. Толстой заимствовал их содержание из русских книг¹⁵. Таким образом, писатель пользовался не переводом подлинника этих народных легенд, а в известной мере уже переработанным текстом.

Из помет Толстого на оглавлении первого издания «Азбуки» известно, что 23 произведения были заимствованы из индийского фольклора, четыре — из арабского, одно — из турецкого, а на одном была помета «восточная сказка». Как признает сам Толстой, он составлял оглавление «по памяти». Однако изучение источников убеждает, что пометы Толстого довольно точны; вызывает лишь некоторое сомнение указание, что сказка «Царский сын и его товарищи» — турецкая, тогда как ее следует отнести к циклу «Панчатантры».

Источниками, из которых Толстой почерпнул многие народные произведения Во-

⁷ «Книжки „Ясная Поляна“, 1862, февраль, стр. 86—113.

⁸ Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 66, стр. 67.

⁹ Там же, т. 8, стр. 630.

¹⁰ «Книжки „Ясная Поляна“, 1862, март, стр. 5—22.

¹¹ Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 61, стр. 116.

¹² Там же, т. 61, стр. 283.

¹³ «Азбука», кн. I. СПб., 1872, стр. 91—92.

¹⁴ Там же, кн. II, стр. 43—45.

¹⁵ См. П. Перевалеский. Предметные уроки по Песталоцци. СПб., 1862, стр. 226—227; Ф. Чижов. Письма о шелководстве. СПб., 1853, стр. 142—144.

стока, особенно индийские, были два сборника, изданные на французском языке. Первый — под общим заглавием «Panthéon littéraire. Littérature orientale»¹⁶ содержит: 1. Собрание восточных сказок под названием «Тысяча и один день», 2. «Индийские сказки и басни Бидпая» и, наконец, 3. «Индийские, персидские и турецкие басни и сказки». Вторым сборником, из которого Толстой выбирал восточные сказки, был «Les Avadânas»¹⁷, включавший не известные до того времени (как отмечает составитель сборника С. Жюльен) индийские сказки, притчи и басни. Обе книги с множеством пометок Толстого сохранились в его личной библиотеке. Почти все отобранные писателем произведения ведут свое начало от знаменитого индийского памятника «Панчатантра».

Какие же темы преимущественно привлекали внимание Толстого — педагога и художника, который, по его собственному признанию, «руководился в выборе рассказов для азбуки только их понятностью и интересом для детей»¹⁸.

Во втором из названных сборников вслед за заглавием каждой басни и сказки приведена в виде подзаголовка основная тема произведения. Отобранные Толстым басни имеют, например, такие подзаголовки: «О глупых людях», «О тех, кто теряет все из-за глупого честолюбия», «О тех, у кого узкие взгляды», «Не будьте упрямы до глупости», «О тех, кто хочет освободиться от роли, которая ему определена природой», и т. д. Выбирал Толстой басни, высмеивающие жадность («Волк и лук», «Обезьяна и горшок»), осуждающие нечестность («Два купца»), восхваляющие помощь («Муравей и голубка»), трудолюбие («Галчонок») и т. п. Внимание Толстого привлекала реалистичность характеристик, которые даны животным в «Панчатантре».

Весь сказочный материал, вошедший в «Азбуку», был обработан писателем. В письме к Н. Н. Страхову от 15—20 августа 1872 г. Толстой писал, что включенные в «Азбуку» басни Эзопа «переведены буквально», а басни «с индийского из 2-х французских переводов — переделаны de fond en comble»¹⁹. В действительности же многие басни Эзопа также подверглись существенной переработке писателем, а некоторые индийские басни были почти буквально переведены им.

Анализируя работу Толстого над переделкой иноязычных, в данном случае восточных, народных произведений, необходимо помнить, что писатель не ставил перед собой задачи переводчика или публикатора, которые должны в возможно большей неприкосновенности донести до читателя текст оригинала. Совсем иные побуждения руководили Толстым. Индийские народные новеллы, сказки и басни пленяли писателя своей глубокой житейской мудростью. В наиболее доступной форме довести до своего юного читателя сюжет, а главное, ведущую идею произведения — такова была задача, стоявшая перед великим русским писателем и педагогом. И он, к тому времени уже автор «Войны и мира», переделывал некоторые сказки и басни по несколько раз.

Проследим художественные приемы, которыми пользовался Толстой, обрабатывая иноязычные сказки и басни.

В «Книжках для чтения» есть сказка «Царь и сокол»²⁰, первоисточником которой является индийская притча «О верном соколе»²¹ (она входит и в «Книгу тысячи и одной ночи» в виде «Рассказа о царе ас-Синдбаде»)²². Толстой заимствовал ее из упомянутого выше сборника «Panthéon littéraire», где она названа «Султан и сокол». Сохранив это название, писатель лишь заменил султана царем. В источнике сказка начинается с

¹⁶ «Panthéon littéraire. Littérature orientale. Romans Contes orientaux «Les mille et un jours». Contes persans, traduits en français par Petis de Lacroix, suivis de plusieurs autres recueils de contes, traduits des langues orientales». Paris, 1839.

¹⁷ «Les Avadânas». Contes et apologues indiens inconnus jusqu'à ce jour, suivis de fables, de poésies et de nouvelles chinoises, traduits par M. Stanislas Julien, t. 1—3. Paris, 1859.

¹⁸ Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 67, стр. 99.

¹⁹ Там же, т. 61, стр. 307.

²⁰ «Азбука», кн. III, стр. 9.

²¹ «Индийские сказки». М., 1956, стр. 47—48.

²² «Книга тысячи и одной ночи» в восьми томах, т. 1. М., 1958, стр. 49—51.

рассказа о султани, который любил соколиную охоту и у которого был любимый сокол; перечислены достоинства сокола, кратко описана охота. Только после этого вступления идет основное содержание сказки о том, как преданный сокол спас султана от смерти. Он выплескивал из чаши отравленную воду всякий раз, когда султан, не подозревавший, что вода отравлена, хотел напиться. Рассерженный султан убил сокола и только потом узнал, что сокол спас его.

Толстому нужен был лишь центральный эпизод. Он опустил вступительную часть и начал свою сказку сразу с действия. В первой редакции (всего их было три) писатель сохранил в начале сказки некоторые детали. Во французском оригинале говорится: «выезжая на охоту, султан держал сокола на руке», у Толстого — в первой редакции: «царь пустил с руки сокола». Близок к оригиналу эпизод о том, как во время охоты царь усакал далеко от своих слуг, как у царя появилась жажда. В последней редакции нет этих подробностей. Начало сказки ограничено двумя короткими фразами: «Один царь на охоте пустил за зайцем любимого сокола и поскакал. Сокол поймал зайца». Следует отметить изменения, внесенные Толстым в подлинник. В оригинале говорится: «сокол охотится за газелью». Не известную русским детям газель Толстой заменил сначала «зверем», а затем ввел хорошо знакомого русскому ребенку «зайца».

В подлиннике написано: «газели, несмотря на усилия сокола, посчастливилось убежать от преследователей». У Толстого же сокол показан сразу победителем: «Сокол поймал зайца». После приведенных двух начальных фраз идет центральный эпизод: «Царь отнял зайца и стал искать воды». Дальнейший текст является почти дословным переводом подлинника. Царь нашел воду, которая «по капле капала», и когда подставленная царем чаша наполнилась, сокол выплескивал воду. В оригинале сокол дважды выплескивает воду, после чего султан убивает его; у Толстого соблюдено традиционное для русских сказок трехкратное повторение действия.

Существенной переделке подверглась заключительная часть сказки. В первых редакциях окончание было близко к оригиналу: убив сокола, царь послал слугу за водой, «слуга увидал в воде змею. Она выпустила свой яд в воду. Слуга вернулся к царю и сказал, отчего нельзя пить эту воду» (так во второй редакции). В окончательном же тексте Толстой пользуется художественным приемом, характерным для его детских рассказов, — возможно дольше держать читателя в напряжении. Действие в последнем эпизоде замедлено: «Только и слуга не принес воды, он вернулся с пустой чашей и сказал: ту воду нельзя пить». Лишь после этого идет объяснение, отчего нельзя пить воду: «в роднике змея, и она выпустила свой яд в воду». Введены отсутствующие во французском издании рассуждения слуги: «Хорошо, что сокол разлил воду. Если бы ты выпил этой воды, ты бы умер». Значительно сокращены слова царя, которыми выражена основная идея сказки. Во французском переводе говорилось: «Я лишил жизни того, кто стремился сохранить мою», — сказал султан, глубоко вздохнув, — вода, которую сокол мешал мне выпить, вытекала из этого отравленного источника». У Толстого та же мысль выражена проще и сильнее: «Дурно же я отплатил соколу: он спас мне жизнь, а я убил его».

Приведем еще пример переделки индийской сказки, которая заимствована из того же сборника и носит в оригинале заглавие «Два путешественника»²³. Сказка входит также в персидскую версию «Калилы и Димны». Вот ее краткое содержание. Два друга Салем и Ганем отправились путешествовать. Они остановились для отдыха у родника, находящегося у подножья высокой горы и окруженного кипарисами, соснами, чинарами. Отдохнув, друзья пошли вдоль родника и дошли до того места, где вода вливалась в бассейн, у края которого была мраморная доска с надписью: кто перейдет на другую сторону ручья, поднимет на плечи находящегося там каменного льва и, не оглядываясь, пронесет его через все встретившиеся ему препятствия до вершины горы, тот достигнет счастья. Ганем, несмотря на убеждения Салема не делать этого, решил отправиться искать счастья. Он выполнил все, что говорилось в надписи и,

когда достиг вершины, каменный лев издал страшный рев. На этот рев бежался народ, который сделал затем Ганема царем.

Под пером Толстого эта индийская сказка превратилась в русскую сказку «Два брата»²⁴. Два друга Салем и Ганем заменены были сначала двумя приятелями Николаем и Иваном, а затем просто двумя братьями (без имен). Исчезла экзотическая обстановка, в которой оказались Ганем и Салем: пустыня, фонтан, ручей под тенью кипарисов, сосен и чинар, бассейн и на нем мраморная доска с надписью. В сказке Толстого братья отправились путешествовать, в лесу они легли отдохнуть и увидели камень, на котором было что-то написано. Самая надпись на камне, указывающая путь к счастью, стала проще и более понятна русскому ребенку: надо отнять медвежат у медведицы и «бежать без оглядки прямо в гору. На горе увидишь дом и в доме найдешь счастье».

В тексте индийского оригинала имеются восточные изречения. Один из путешественников, убеждая второго не прельщаться обещанным счастьем и не рисковать, напоминает ему изречение: «куда бы вы ни входили, не ставьте никогда ногу, не выяснив точно места, где ее поставить, и достаточно ли широко отверстие, через которое вы должны выйти». Другой отвечает ему словами поэта: «Я знаю, что вы не из тех, кто любит пить вино, но, тем не менее, вы не упускаете случая прийти в кабачок, чтобы увидеть пьющих со стаканом в руке». Толстой заменил эти изречения близкими по смыслу русскими пословицами: «Искать большого счастья — малое потерять»; «Не сули журавля в небе, а дай синицу в руки». Эти поговорки приводит один из братьев, убеждая второго не соблазняться поисками счастья. «Волков бояться — в лес не ходить. Под лежащий камень вода не потечет», — отвечает второй брат, решивший отправиться искать счастья.

Подобные приемы характеризуют работу Толстого над переделкой для «Азбуки» восточных народных произведений, в которых он выдвигал на первый план общечеловеческие мотивы, а не восточную экзотику и местный колорит. Таким образом, писатель, не изменяя ни сюжета, ни композиции сказок, не переосмысливая их идейно, переносил действие на русскую почву. Большая же часть индийских басен, особенно тех, где действующими лицами являются животные, не потребовала какой-либо существенной переработки. Таковы, например: «Мышь под амбаром», «Голова и хвост змеи», «Волк и лук», «Обезьяна и горох», «Царь и слоны», «Слепой и молоко» и другие. Они в почти точном переводе Толстого (конечно, не с оригинала, а с французского издания) вошли в «Книжки для чтения».

Как показали многочисленные исследования, рассказы «Панчатантры» различными путями проникали в Россию. Они отразились и в древних русских сборниках назидательных притчей, и в народных сказках, и в баснях Крылова. В этом смысле и «Книжки для чтения» Толстого можно также в известной мере считать одним из более поздних проводников сюжетов «Панчатантры» в Россию.

Толстой включал восточные народные произведения не только в книжки для детей, он использовал их в своих художественных и публицистических сочинениях в качестве своеобразных вставок, подтверждающих рассуждения автора.

Например, в известном эпизоде романа «Война и мир» наполеоновских мародеров, бежавших из Москвы с награбленным добром, Толстой сравнивал с обезьяной, которая, «запустив руку в узкое горло кувшина и захватив горсть орехов, не разжимает кулака, чтобы не потерять схваченного, и этим губит себя»²⁵. В несколько иной интерпретации эта индийская басня приведена в «Книжках для чтения» под заглавием «Обезьяна и горох»²⁶.

Пятнадцатая глава «Крейцеровой сонаты», не вошедшая в окончательный текст повести, начинается с пространного монолога Позднышева о «бессознательной ревности». Позднышев говорит о себе: «Я придумывал все самые невозможные плутни с ее стороны. Я подозревал ее в том, что, совестно сказать, что она, как эта царица «Тысячи

²⁴ «Азбука», кн. II, стр. 34—36.

²⁵ Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 353.

²⁶ «Азбука», кн. I, стр. 67—68.

и одной ночи», изменяет мне с рабом почти на моих глазах, смеясь надо мною»²⁷. Сопоставление с «Рассказом о царе Шахрияре и его брате», которым начинаются арабские сказки «Тысячи и одной ночи», понадобилось Толстому для того, чтобы выразительнее передать душевное состояние обуреваемого ревностью человека.

Еще большую идейную нагрузку приобретает подобный художественный прием в теоретических сочинениях писателя. Толстой стремился сказочными образами оживить свои рассуждения, заострить свои положения, сделать их более доходчивыми. Индийскую сказку, включенную в «Азбуку» под заглавием «Водиною и жемчужиной», Толстой много лет спустя вставил в трактат «Так что же нам делать?»: «Есть индийская сказка о том, что человек уронил жемчужину в море и, чтобы достать ее, взял ведро и стал черпать и выливать на берег. Он работал так не переставая, и на седьмой день морской дух испугался того, что человек осушит море, и принес ему жемчужину. Если бы наше общественное зло угнетения человека было море, то и тогда та жемчужина, которую мы потеряли, стоит того, чтобы отдать свою жизнь на вычерпывание моря этого зла»²⁸. Подобную же роль выполняет эпизод из пятого путешествия Синдбада-морехода «Книги тысячи и одной ночи», введенный в первоначальный вариант статьи Толстого «Рабство нашего времени»²⁹.

В беседах великий художник слова также часто прибегал к помощи сказок и легенд для подкрепления своих мыслей. Вот почему мемуарная литература хранит немало приводимых им сказок и легенд разных народов. Так, Толстой видел глубокий смысл в арабской легенде о пастухе³⁰. Согласно преданию, Моисей упрекнул пастуха за лживую молитву. Пастух не стал больше молиться и пришел в отчаяние. Тогда бог с укором сказал Моисею, отогнавшему от него верного раба: «Слова ничего не значат, вижу сердце того, кто ко мне обращается»³¹. Толстой позже включил легенду в «Путь жизни»³².

Религиозно-философские легенды Востока привлекали внимание Толстого особенно в последний период его жизни. Не раз он перечитывал предания об индийском божестве Кришне, с которыми он познакомился по присланной ему Баба Бхарати книге о Кришне³³. «Прекрасная история Кришны», — записал Толстой в дневнике 29 января 1907 г.³⁴ Через два года он вновь читал о Кришне³⁵, и по его поручению были переведены для издания отдельной книжкой легенды о Кришне и приписываемые ему изречения. Толстой отредактировал перевод и написал предисловие. Издание не осуществилось³⁶.

Своей идеей всепрощения привлекала к себе симпатии писателя и буддийская поэтическая легенда, приведенная в исследовании Г. Ольденберга³⁷. Главное действующее

²⁷ Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 315.

²⁸ Там же, т. 25, стр. 307.

²⁹ До окончательного текста этот эпизод не дошел. См. Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 88, стр. 202, 210.

³⁰ Л. Н. Толстой прочел эту легенду в «Московском сборнике», М., 1897, стр. 163.

³¹ Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 78, стр. 178; см. также А. Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого, т. I. М., 1922, стр. 215.

³² Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 63.

³³ В. Р. Bharati. Shree Krishna. The Lord of Love. New York, 1904. Книга сохранилась в Яснополянской библиотеке.

³⁴ Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 56, стр. 181.

³⁵ Там же, т. 57, стр. 40.

³⁶ Предисловие Толстого напечатано в Полн. собр. соч., т. 40, стр. 423—424, 435.

³⁷ Г. Ольденберг. Будда, его жизнь, учение и община. Пер. с немецкого. М., 1884, стр. 244—245. «Читал Будду», — отметил Толстой в дневнике 5 мая 1907 г. (см. Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 56, стр. 194). 12 июля 1907 г. А. Б. Гольденвейзер записал: «Лев Николаевич перечитывает книгу Ольденберга об индусской философии. Он говорит, что это хорошая и интересная книга». (А. Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого, т. I, стр. 195).

лицо легенды — царевич Кунала, сын царя Ашоки. Это имя он получил благодаря необычайной красоте своих глаз, которые можно было сравнить с глазами птицы Куналы. По приказанию царицы, его мачехи, на любовь которой царевич не ответил, ему были вырваны оба глаза. Узнав об этом, царь страшно разгневался, но царевич Кунала просил отца помиловать царицу. В этот момент у него появились чудесные глаза. Основная мысль легенды отвечала запросам художника-моралиста. Изложение этой легенды под названием «Глаза Куналы» было включено во второе издание «Круга чтения»³⁸.

Однако самый продолжительный и неугасающий интерес вызывала у Толстого легенда о Будде, которую писатель причислил к образцам «искусства высшего рода», передающим «высшие чувства». Впервые Толстой ввел эту легенду в «Исповедь» (1879 г.). В это произведение вошла и «восточная басня» (как ее называет Толстой) о путнике в колоде, которая входит также в индийский сборник «Панчатантра». Оба восточных предания приобретают под пером писателя форму вставных рассказов, включенных в текст «Исповеди», тесно сливаясь с рассуждениями автора. В последующем изложении (гл. VIII) Толстой свободно оперирует художественными образами этих произведений.

В 80-х годах Толстой задумал написать очерк о Будде³⁹. Однако этот замысел полностью не осуществился; завершены были только вступление и первые две главы, в которых изложена легенда о рождении Будды (сон царицы Майи и предсказание волхвов)⁴⁰.

В 1905 г. писатель снова возвращается к задуманной им прежде теме и пишет очерк о Будде для «Круга чтения». В новом произведении нет легенды о рождении Будды, которой открывался очерк 80-х годов, но зато подробно изложена легенда о его жизни, а также основные догмы буддизма⁴¹. В 1908 г. очерк был заново отредактирован для второго издания «Круга чтения».

Среди источников, которыми пользовался Толстой при составлении очерка о Будде, были упомянутая выше книга Г. Ольденберга и сочинение С. Билля⁴².

Весной 1907 г., как свидетельствует Д. П. Маковицкий⁴³, Толстой в одной из бесед сослался на индийский рассказ «о царе, который пошел в пустынники, похожий на рассказы о христианских пустынножителях». Вероятно, здесь также упоминалась легенда о Будде.

В последний год жизни Толстой редактировал книгу П. А. Буланже о Будде⁴⁴. Быть может, эта работа явилась стимулом к новому художественному замыслу. В записной книжке сохранился набросок задуманной сказки, сделанный писателем за два месяца до кончины. Действующее лицо — царь «молодой, красивый, здоровый, богатый». Встретив на прогулке старика, а затем мертвеца и узнав, что и его ждет та же участь, он затосковал. Перед ним встал вопрос: «зачем жить?». Когда он обратился за советом к умному старцу, последний сказал: «Сделай так, чтобы не тебе служили люди, а ты бы служил». И старец велел царевичу уйти из дворца и пойти в работники к нуждающемуся мужику. Царь последовал совету старца: «прожил лето и выучился

³⁸ «Круг чтения». Изд. 2-е, т. 3. М., 1912, стр. 125—127; см. также Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 583.

³⁹ Историю писания Толстым очерка о Будде см. Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 887—890.

⁴⁰ Там же, т. 25, стр. 540—543.

⁴¹ Там же, т. 41, стр. 96—101.

⁴² S. Beal. Outline of Buddhism. From chinese sources. London, 1870. Эта книга хранилась в архиве В. Г. Черткова с пометками Толстого.

⁴³ Записки Д. П. Маковицкого. (Рукопись хранится в Государственном музее Л. Н. Толстого.)

⁴⁴ «Жизнь и учение Сиддхарты Готамы, прозванного Буддой, т. е. Совершеннейшим». С приложением извлечений из буддийских писаний. Сост. П. А. Буланже. Под ред. Л. Н. Толстого. М., 1911.

работать и стал другим помогать, и когда пришел к старцу, то сказал, что ему так хорошо, как никогда не было, что он стал песни петь»⁴⁵. Вероятно, на следующий же день Толстой сделал запись, намечавшую развитие сюжета: «К сказке. Как он стал раздавать, как пришел обманщик, вокруг него стала вражда, ненависть... зависть. — Старец велел уйти к бабке. Как он скопил вдове до зари и как запел песню»⁴⁶.

Сюжетно не законченная сказка Толстого напоминает легенду о Будде. Герой сказки Толстого, подобно Сиддхарте, тоже молодой царь, который, увидя старика, а затем мертвеца, стал думать: «зачем жить?». Окончание же сказки чисто толстовское. Мудрый старец указывает путь спасения; последовав совету старца, царь становится простым работником, служит людям и в этом обретает счастье. Моральный смысл задуманной Толстым сказки и ведущая роль в ней мудрого отшельника приближают ее к сказкам легендарного типа.

Внимание Толстого привлекали и пословицы восточных народов. Толстой вообще любил пословицы и поговорки, много их знал, часто ими пользовался и в своей речи, и в своих произведениях. Так, в дневнике 1884 г., именно тогда, когда Толстой, по свидетельству его жены, «с увлечением» читал Конфуция и «все, что касается китайцев, их жизни, религии и пр.»⁴⁷, было записано шестнадцать китайских пословиц⁴⁸.

В период работы над сборниками: «Мысли мудрых людей на каждый день» (1903 г.), «Круг чтения» (1906 г.), «На каждый день» (1909—1910 гг.) и «Путь жизни» (1910 г.) — Толстой много читал о религии и культуре народов Востока и включил в составляемые книги афоризмы восточных мудрецов, а также восточные пословицы и поговорки: арабские, индийские, китайские, турецкие.

Из 52 пословиц, вошедших в эти сборники, восточных было 20, русских — 29, одна — латинская и две французские. Приводимые ниже примеры дают представление о характере восточных пословиц, привлечших внимание Толстого:

«Лучший язык тот, который тщательно сдерживается; лучшая речь та, которая тщательно обдумывается. Когда ты говоришь, слова твои должны быть лучше молчания» (араб.);

«Кто за глаза поносит меня, тот боится меня; а кто в глаза хвалит — презирает меня» (кит.);

«Лишь чужими глазами можно видеть свои недостатки» (кит.);

«Правдивость — единственная монета, которой везде ход» (кит.);

«Если ты направился к цели и станешь дорогою останавливаться, чтобы швырять камнями во всякую лающую собаку, то никогда не дойдешь до цели» (тур.);

«Поступай днем так, чтобы ночью твой сон был спокоен, а в молодости так, чтобы старость твоя была спокойна» (инд.);

«Наживи себе то богатство, которого воры не могут похищать, на которое тираны не смеют посягать, которое и по смерти за тобою останется, никогда не убавляется и не тлеет» (инд.) и др.

Кроме пословиц, в составленные Толстым сборники мыслей мудрых людей вошли афоризмы из древнеиндийского эпоса «Махабхараты», в особенности из религиозно-философской поэмы «Бхагавад-Гита». Толстым были использованы афоризмы из «Хитопадешы» и «Рамаяны».

Вот несколько образцов изречений, выбранных Толстым из индийского эпоса:

1. «Если бы не было ни неба, ни Бога, управляющего миром, добродетель была бы все-таки обязательным законом жизни. Знать, что справедливо, и исполнить это — в этом преимущество человека» («Рамаяна»);

2. «Только тот учен, кто хорошо поступает» («Хитопадеша»);

3. «Лучше лишиться жизни, чем льстить низким. Нищета лучше, чем роскошь

⁴⁵ Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 58, стр. 210—211.

⁴⁶ Там же, т. 58, стр. 212.

⁴⁷ Письмо С. А. Толстой к Т. А. Кузминской, конец февраля 1884 г. (Рукопись хранится в Государственном музее Л. Н. Толстого).

⁴⁸ Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 61—62.

через служение богатым. Не стоять у дверей богатого и не говорить голосом просящего — это лучшая жизнь» («Хитопадеша»).

Восточные легенды, сказки и пословицы заняли в творчестве Толстого большое место. Они дали богатый материал Толстому-педагогу, ими смело и широко воспользовался Толстой-художник.

При переводе и переделке сказок и легенд Востока Толстой выступал не как писатель, дающий литературную обработку фольклорного материала, а как одаренный сказитель, способный проникаться духом поэзии восточных народов и переносить его на новую почву.

Широкое использование Толстым восточного фольклора — свидетельство глубочайшего уважения писателя к народам Востока и его высокой оценки их творческого гения.

SUMMARY

The article gives a brief review of the folklore of the peoples of the East used by Leo Tolstoy in his works.

The author speaks of the artistic means employed by Tolstoy and shows that in these Eastern tales, legends and fables the great writer retained the spirit of the poetry of the Eastern peoples.

МАТЕМАТИКА СТРАН БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА В СРЕДНИЕ ВЕКА *

В. А. РОЗЕНФЕЛЬД и А. П. ЮШКЕВИЧ

2. МАТЕМАТИКА СТРАН БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА В XI—XII ВЕКАХ

XI в. был веком новых войн: в конце X и начале XI в. многие страны Ближнего и Среднего Востока и север Индии подверглись завоеваниям полчищ Махмуда Газневи, в середине XI в. Ближний и Средний Восток был завоеван кочевниками-сельджуками, основавшими могущественную империю, которая простиралась от Средиземного моря до границ Китая.

Как красноречиво свидетельствует крупнейший математик этого времени Омар Хайям, положение ученых было тогда весьма трудным¹.

Одним из виднейших математиков начала XI в. является хорасанец Абу-л-Хасан Али б. Ахмад ан-Насави (ум. ок. 1030 г.). Он работал в Рее и Исфахане при дворе буидских султанов, а после захвата этих городов Махмудом Газневи был, как и ряд других ученых, вывезен ко двору последнего. Трактат *المقنع في الحساب الهندي* (Достаточное об индийской арифметике), рукопись которого хранится в Лейденской университетской библиотеке (Cod. og. № 566/6), был сначала написан ан-Насави по-персидски, а затем, при дворе Махмуда Газневи, переведен, очевидно, самим автором, на арабский. Здесь ан-Насави излагает несколько математических приемов китайского происхождения, дошедших, быть может, через индийцев. В частности, он излагает арифметический способ извлечения кубического корня, применявшийся в древнекитайском трактате I в. до н. э. «Математика в девяти книгах»² и представляющий собой начатки общего метода численного решения любых алгебраических уравнений с одним неизвестным, называемого в настоящее время методом Руффини-Горнера. При извлечении корней ан-Насави, как и китайский математик III в. Лю Хуэй, пользовался дробями со знаменателями, равными степеням 10, например вычислял $\sqrt[3]{17}$ как $\frac{1}{100}\sqrt[3]{170000} = \frac{412}{100}$ (ответ записывался в шестидесятиричных дробях: $4^{\circ}7'12''$).

В это же время в Каире работал крупнейший физик средневековья, уроженец Басры, Абу-Али ал-Хасан б. ал-Хасан б. ал-Хайсам (965—1039), или, сокращенно, Ибн ал-Хайсам, известный в Европе как Alhazen. Классическое *كتاب المناظر* (Сокровище оптики) Ибн ал-Хайсама в латинском переводе было основным руководством по оптике в средневековой Европе. В трактате *شرح المصادرات كتاب اقليدس* (Комментарии к введениям книги Эвклида), рукописи которого находятся в Казанской университетской библиотеке (№ 104 араб.) и Бодлеяне (№ 958), и сочинении

* Окончание. Начало см. «Советское востоковедение», 1958, № 3, стр. 101—108.

¹ См. Омар Хайям. Математические трактаты. Перевод В. А. Розенфельда. «Историко-математические исследования», вып. 6, 1953, стр. 15—112.

² См. «Советское востоковедение», 1958, № 3, стр. 104, сн. 8.

في حل شكوك كتاب اقليدس في الاصول (О разрешении сомнений в книге Эвклида «Начала»), списки которого хранятся в Казанской университетской библиотеке (№ 103 араб.) и Лейденской университетской библиотеке (Cod. og. № 516), Ибн ал-Хайсам рассматривает теорию параллельных линий.

Известно, что еще в древности учение о параллельных привлекало особое внимание математиков. Знаменитый V постулат Эвклида о параллельных стал предметом многочисленных попыток доказательства из каких-либо других, казавшихся более очевидными, предложений. Этому постулату посвятил, в частности, некоторые свои работы Ибн Курра.

Ибн ал-Хайсам доказывает V постулат, основываясь на допущении, что при движении вдоль данной прямой перпендикулярного к ней отрезка другой конец отрезка описывает прямую³ (утверждение, что геометрическое место точек, равноотстоящих от прямой по одну сторону от нее, есть прямая, равносильно V постулату).

В трактате *في قسمة الخط الذي استعملها ارشميدس في المقالة الثانية في الكرة والاسطوانات* (О делении линии, которую Архимед применил во второй книге о шаре и цилиндре), рукопись которого хранится в Лейденской университетской библиотеке (Cod. og. № 14/26), Ибн ал-Хайсам дает геометрическое построение корня кубического уравнения, к которому была приведена в комментариях ал-Махани задача Архимеда о делении данного шара плоскостью на сегменты с данным отношением объемов⁴. Интересно, что в этом геометрическом доказательстве, как и в доказательстве V постулата, Ибн ал-Хайсам применяет движение.

В трактате *في مساحة الجسم المكاني* (Об измерении параболоида), рукопись которого хранится в библиотеке India office в Лондоне (№ 743/11)⁵, Ибн ал-Хайсам вычисляет с помощью античного метода исчерпывания объем тел вращения сегмента параболы вокруг хорды, что равносильно вычислению определенных интегралов от функций x^3 и x^4 . После трудов Архимеда, квадратуры и кубатуры которого соответствовали вычислению интегралов от функций x и x^2 , это был лучший результат в данной области, превзойденный только в XVII в. Попутно Ибн ал-Хайсам дал правило суммирования ряда $1^4 + 2^4 + \dots + n^4$.

Примерно в одно время с Ибн ал-Хайсамом в Каире, в своего рода академии Дар ал-хикма (Обитель мудрости) работал выдающийся астроном, составитель знаменитых астрономических таблиц Абу-л-Хасан Али б. Абн Санд Абд ар-Рахман б. Ахмад б. Юнис (ум. 1009).

На первую половину XI в. приходится расцвет деятельности одного из крупнейших энциклопедистов средневековья, уроженца Хорезма Абу-р-Райхана Мухаммада б. Ахмада ал-Бируни (973—1048). Ал-Бируни принадлежит большое количество трудов по различным точным наукам⁶. Самая крупная и значительная из них *القانون المسعودي في الهيئة والنجوم* (Канон Мас'уда по астрономии и звездам), посвящена Мас'уду Газневи, советником которого ученый был в последние годы своей жизни. Неплохое издание этого трактата (по семи рукописям) выпущено Османским университетом⁷.

³ См. О. Хайям. Указ. соч., стр. 69—71.

⁴ Это решение приведено в книге «L'Algèbre d'Omar Alkhaayâmî», publiée, traduite et accompagnée d'extraits de manuscrits inédits par F. Woepcke. Paris, 1851, p. 91—94.

⁵ Немецкий перевод с комментариями: H. Suter. Die Abhandlung über die Ausmessung des Paraboloides von Ibn al Haitham. «Bibliotheca mathematica», № 12, 1912, S. 289—332.

⁶ См. о них, в частности, в кн. X. У. Садыков. Бируни и его работы по астрономии и математической географии. М., 1953.

⁷ Abu-r-Rayhan al-Biruni. Al-Qanun al-Mas'udi, vol. I—II. Hyderabad, 1954—1955; см. также C. Schoy. Die trigonometrischen Lehren des persischen Astronomen Abu'l-Raihan Muh. ibn Ahmad al-Biruni, dargestellt nach al-Qanun al-Mas'udi. Hannover, 1927.

III книга трактата представляет собой систематическое изложение тригонометрии и содержит подробные тригонометрические таблицы. С составлением этих таблиц связано определение стороны правильного 9-угольника, которое ал-Бируни свел к кубическому уравнению $x^3 + 1 = 3x$ и решил с помощью последовательных приближений, но как в точности — неизвестно.

В этот же период работает величайший врач и философ средневековья, уроженец Бухары, Абу-Али Хусайн б. Абдаллах б. Сина или, коротко, Ибн Сина (970—1037), известный в Европе как Авиценна. Математике посвящены книги IX—XII энциклопедического трактата Ибн Сины كتاب الشفاء (Книга исцеления). В большинстве рукописей «Книги исцеления» эти книги опущены. Список их хранится в Лейденской университетской библиотеке (Cod. or. № 84). Книги IX—XII носят названия كتاب بطليموس الكبير المعمول به المجستي (Сокращенный Эвклид, лл. 545 в.—578 в.), علم العدد (Великая книга Птолемея, обычно называемая Алмагестом, лл. 579 а.—637 в.), علم الهند (Наука чисел, лл. 637 в.—648 в.) и علم الموسيقى (Наука музыки, лл. 648 в.—654 в.). «Сокращенный Эвклид» представляет собой краткое изложение «Начал» с некоторыми добавлениями. «Книга Птолемея» есть краткое изложение «Великого построения» Птолемея, в которое, как сообщает биограф, Ибн Сина «включил десять геометрических предложений и добавил в конце «Алмагеста» такие вещи по астрономии, которых раньше не существовало»⁸. «Наука чисел» есть опять-таки краткое изложение «Введения в арифметику» Никомеха (I в. н. э.); среди добавлений Ибн Сины упомянем способ проверки извлечения квадратного корня с помощью девятки⁹. Проверка с помощью девятки, основанная на том, что остатки от деления на 9 любого целого числа и суммы значений его цифр равны между собой, сперва применялась к умножению и делению. Применение ее к извлечению квадратного и кубического корней незадолго до Авиценны описал индийский ученый X в. Арибхатта II.

Центральной фигурой математики XI—XII веков, да, пожалуй, и всего средневековья был уроженец Нишапура Абу-л-Фатх Омар б. Ибрахим Хайям или ал-Хайям (1040—1123), пользующийся мировой известностью как поэт. Он руководил астрономической обсерваторией в Исфахане при сельджукском султани Малик-шахе и разработал календарную реформу 1079 г. Хайям написал три математических трактата: مشكلات الحساب (Трудности арифметики), في البراهين على مسائل الجبر والمقابلة (О доказательствах задач алгебры и алгебраических задач) и شرح ما اشكل من مصادرات كتاب اقليدس (Комментарии к трудностям во введениях книги Эвклида)¹⁰. Рукопись арифметического трактата не обнаружена, но в своей алгебре Хайям сообщает, что распространил в нем индийский прием извлечения квадратных и кубических корней из целых чисел на корни любой степени¹¹. Контекст, в частности ссылка на индийский способ извлечения корней, позволяет думать, что предложенный Хайямом способ извлечения корней любой степени не восходил к китайскому, о котором говорилось выше, а был основан на правиле введения двучлена в любую натуральную степень, известном в Европе как «бином Ньютона».

Алгебраический трактат был издан в 1851 г. Францем Веппе¹² на основе рукописей, хранящихся в Лейденской университетской библиотеке (Cod. or. № 14/26) и в

⁸ Жизнеописание Абу-Али Хусейна ибн Абдаллаха Ибн Сины, рассказанное им самим и записанное его учеником Абу Убейдом ал-Джуджидани. Перевод М. И. Занда. «Литературный Таджикистан», вып. 5. Сталинабад, 1953, стр. 131—144. См. также К. Lokotsch. Avicenna als Mathematiker. Erfurt, 1912.

⁹ См. F. Woepcke. Mémoire sur la propagation des chiffres indiens. «Journal Asiatique», 6 série, t. I, 1863, p. 501—503.

¹⁰ См. С. В. Морочник и Б. А. Розенфельд. Омар Хайям — поэт, мыслитель, ученый. Сталинабад, 1957.

¹¹ О. Хайям. Указ. соч., стр. 22.

¹² См. сп. ⁴. Русский перевод Б. А. Розенфельда: О. Хайям. Указ. соч., стр. 15—66. См. также: комментарии к этому трактату Б. А. Розенфельда и А. П. Юшкевича (там же,

Парижской национальной библиотеке (№№ 2458/7 и 2461). Здесь впервые алгебра выступает как особая наука. Хайям объявляет предметом алгебры не только числа, но и непрерывные величины; однако он рассматривает только положительные коэффициенты и корни уравнений. Хайям производит классификацию линейных, квадратных и кубических уравнений и добавляет к шести видам, рассмотренным ал-Хорезми, еще 19 видов кубических уравнений. Для каждого из этих видов уравнений Хайям указывает построение решения с помощью пересечений окружностей, равнобедренных гипербол и парабол. Таким методом решения кубических уравнений пользовались в древности Менехм, Архимед и др., а незадолго до Хайяма — Абу-л-Вафа, Ибн ал-Хайсам, Абу-с-Сахл Вайджан б. Рустам ал-Кухи (конец X в.), Абу-л-Джуд Мухаммад б. Лайс (X в.). Но лишь Хайям дает подробное изложение геометрического учения о кубических уравнениях, к которым приведено было большое число разных задач геометрии. Он обнаруживает в ряде случаев наличие двух корней, но из-за несовершенства чертежа не замечает возможности трех (положительных) корней. Хайям рассматривает вопрос о границах корней; общую теорию он применяет к анализу численных уравнений. Несомненно, что Хайям делал попытки решить кубические уравнения в радикалах, что удалось только итальянским математикам XVI в.

Единственная рукопись комментариев Хайяма к «Началам» Эвклида хранится в Лейденской университетской библиотеке (Cod. or. № 199/8). Она была опубликована в 1936 г. известным иранским ученым и общественным деятелем Таги Эрани¹³. Первая часть трактата посвящена теории параллельных линий. Хайям критикует доказательство V постулата Ибн ал-Хайсамом за то, что в нем используется движение, и дает доказательство на основе другого постулата, приписываемого им Аристотелю. При доказательстве Хайям рассматривает четырехугольник с двумя прямыми углами при основании и равными боковыми сторонами и высказывает три гипотезы относительно его верхних углов, приводя эти гипотезы в противоречие с высказанным им постулатом¹⁴. Доказывая от противного, что эти углы не могут быть ни острыми, ни тупыми, Хайям, по существу, доказывает первые теоремы соответственных неевклидовых геометрий.

Вторая часть трактата посвящена теории отношений. Хайям заменяет эвклидово определение равенства отношений непрерывных величин, которое считает хотя и правильным, но затемняющим суть дела, другим: два отношения равны, если, по современной терминологии, совпадают их разложения в непрерывную дробь. Хайям дает соответствующее определение большего отношения и доказывает равносильность теории Эвклида и собственной, в которой он, как показывают исследования, имел некоторых предшественников¹⁵. Он доказывает при этом существование четвертой пропорциональной величины к трем данным (у Эвклида в общем случае необоснованное)

стр. 115—143) и А. П. Юшкевич. Омар Хайям и его «Алгебра». «Труды Института истории естествознания АН СССР», т. II, М.—Л., 1948, стр. 499—534. Английские переводы: The Algebra of Omar Khayyām, transl. by Daoud S. Kasir. New York, 1931. The Algebra of Omar Khayyām by H. J. J. Winter and W. 'Arafat. «Journal of Royal Asiatic Society of Bengal». 1950, № 16. Персидский перевод в кн. غلام حسين مصاحب جبر و مقابلة خيام (Гулам Хусайн Мусахиб. Алгебра и мукабала Хайяма). Тегеран, 1317/1938.

¹³ Discussion of difficulties of Euclid by Omar Khayyām. Ed. by T. Erani. Teheran, 1936. Русский перевод Б. А. Розенфельда: О. Хайям. Указ. соч., стр. 67—107. См. также комментарии к этому трактату Б. А. Розенфельда и А. П. Юшкевича, там же, стр. 143—168.

¹⁴ Подробнее о теории параллельных линий Хайяма см. Б. А. Розенфельд. Новые исследования по предистории неевклидовой геометрии, дополнение II к книге: В. Ф. Каган. Основания геометрии, т. 2, М., 1956, стр. 322—330.

¹⁵ См. E. B. Plooi. Euclid's conception of ratio and his definition of proportional magnitudes as criticized by Arabian commentators. Rotterdam, 1950.

с помощью (недостаточного) принципа непрерывности, которому он дает аристотелевскую формулировку: «Величины можно делить до бесконечности, т. е. они не состоят из неделимых». Третья часть трактата посвящена теории составных отношений, применявшихся в астрономически-тригонометрических расчетах. Для обоснования того, что составление отношений можно рассматривать как умножение, Хаййам предлагает расширить понятие числа и рассматривать как числа любые непрерывные величины, т. е. и несоизмеримые. Это был принципиальный шаг вперед в расширении понятия о числе: ранее под числом понимали целые и дроби, Хаййам же включил в категорию чисел также иррациональные положительные числа. Под произведением вводимых им новых чисел Хаййам, по-видимому, подобно Ибн Курре, понимал новое число, которое можно вычислить с требуемой степенью точности, перемножая достаточно точные рациональные приближения множителей. Все эти теоретические построения служили для обоснования все более выдвигавшейся на первое место практики вычислений с рациональными приближениями иррациональных чисел — корней алгебраических уравнений и тригонометрических величин.

Следует упомянуть также наиболее крупного математика мусульманской Испании XI в. Абу-Мухаммада Джабира б. Афла из Севильи (в Западной Европе он был известен под именем Geber). Джабиру принадлежит астрономический трактат *كتاب الهيئة* (Книга астрономии), рукопись которого хранится в Эскуриале. Латинский перевод трактата, выполненный Петром Аппианом, был издан в XVI в.¹⁶ В работе Джабира имеется тригонометрическая глава, содержащая ряд оригинальных положений и выводов.

В XI—XII в. математика в мусульманских странах развивается целиком на своей собственной основе. Математики этих стран в целом уже значительно опережают индийцев в тригонометрии, алгебре и вычислительной технике; вместе с тем они не следуют за индийской математической школой в применении довольно развитой алгебраической символики и отрицательных чисел, а также в разработке общих методов решения теоретико-числовых задач 1 и 2 степени. Время более серьезных и плодотворных контактов с китайской математикой еще впереди. В этот период вычислительные методы совершенствуются, методы извлечения квадратных и кубических корней обобщаются на любую степень, многие вопросы геометрии сводятся к алгебре, геометрически решаются все виды кубических уравнений с положительными корнями, вычисляются все более точные тригонометрические таблицы.

В то же время комментирование теории отношений «Начал» Эвклида приводит к расширению понятия числа до вещественного (положительного) числа, а комментирование теории параллельных линий приводит к существенным геометрическим открытиям.

3. МАТЕМАТИКА СТРАН БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА В XIII—XV ВЕКАХ

XIII в. проходит под знаком нашествия кочевников-монголов. Но и это нашествие, несмотря на разорение культурных центров и гибель многих ученых, не привело все же к уничтожению науки в завоеванных странах. Усилились связи между учеными разных стран, завоеванных монголами, в частности между учеными Ирана и Китая, что, в конечном итоге, не могло не способствовать последующему новому подъему науки.

Крупнейшим математиком XIII в. был, несомненно, хорасанец Насир ад-дин Мухаммад б. Хасан ат-Туси (1201—1274). Он основал в Мараге (близ Тавриза) астрономическую обсерваторию, где работали крупнейшие ученые стран, завоеванных монголами, в том числе и китайский ученый Фао Мун-чжи. В результате наблюдений в

¹⁶ «Gebri filii Affla Hispalensis de astronomia libri IX». Nürnberg, 1534.

этой обсерватории были составлены *زيج ايلخاني* (Эльханские астрономические таблицы)¹⁷, посвященные монгольскому хану Хулагу. Ат-Туси написал комментарии к геометрическому трактату Хаййама. Рукописи их хранятся в библиотеке Сипахсалар в Тегеране и была частично изучена Д. Ю. Смитом в 1935 г.¹⁸

Важнейшими математическими произведениями ат-Туси являются *تحرير اتلیدی* (Изложение Эвклида) и *كتاب الشكل القطاع* (Трактат о полном четырехстороннике). Рукописи «Изложения Эвклида» хранятся в библиотеке Института востоковедения в Ленинграде (№ А 258), Институте рукописей АН Грузинской ССР (араб. фонд, № 1090), Казанской университетской библиотеке (№ 1695 араб.), Берлинской государственной научной библиотеке (№ 5918/9), Баварской государственной библиотеке (№ 848), в Британском музее (№ 1374/5), Парижской национальной библиотеке (№ 2465/8). «Изложение Эвклида» представляет собой изложение «Начал» с рядом дополнений ат-Туси. До нас дошли две редакции «Изложения» — ранняя, из 15 книг, более близкая к тексту Эвклида, и поздняя, из 13 книг, где текст «Начал» подвергся более коренной переработке. Первая редакция была напечатана в Тегеране в 1881 г.¹⁹, вторая — в Риме в подлиннике в 1594 г., в латинском переводе — в 1657 г.²⁰

Из добавлений ат-Туси во второй редакции отметим восходящее к Аристотелю определение непрерывной величины, отсутствующее у Эвклида: «Величина — количество, части которого имеют одну или несколько общих частей». В обеих редакциях ат-Туси рассматривает те же два вопроса, которые были в центре внимания Хаййама, — теорию параллельных линий и теорию составных отношений. В частности, в теории параллельных линий ат-Туси рассматривает тот же четырехугольник, что и Хаййам, и те же три гипотезы и, опровергая первые две гипотезы, доказывает ряд новых теорем неевклидовых геометрий; исходит он из постулата, близкого к постулату Хаййама²¹.

Рукописи «Трактата о полном четырехстороннике» хранятся в Ленинградской публичной библиотеке (фонд Ханькова, № 144), в Берлинской государственной библиотеке (№ 5956), в Бодлеяне (№ I 875/16) и Парижской национальной библиотеке (№ 2467/10, 11). Трактат был издан в Стамбуле в 1891 г.²² Он был написан по-персидски, а затем переведен на арабский язык. Эту работу можно назвать первым систематическим курсом тригонометрии; до того тригонометрия всегда излагалась в книгах по астрономии.

Трактат состоит из пяти книг. В первой книге трактуются теория составных отношений, необходимая для тригонометрии. Здесь ат-Туси развивает идею Хаййама

¹⁷ См. Г. Д. Мамедбейли. Из истории Марагинской обсерватории. «Труды совещания по истории естествознания». М.—Л., 1948, стр. 150—160; его же. Мухаммед Насирэддин Туси. Баку, 1957.

¹⁸ D. E. Smith. Euclid, Omar Khayyâm and Saccheri. «Scripta mathematica», vol. 3, No 1, 1935, p. 5—10.

¹⁹ نصیر الدین الطوسی تحریر اقلیدس فی علم الهندسة (Насир ад-дин Туси. Изложение Эвклида в науку о геометрии), Тегеран, 1881.

²⁰ Арабский текст: Euclidis Elementorum geometricorum libri tredecim ex traditione doctissimi Nasiridini Tusini, nunc primum arabice impressi. Roma, 1594; латинский перевод: Euclidis Elementorum libri tredecim, studio Nasseredini. Roma, 1657.

²¹ Более подробно о теории параллельных линий ат-Туси см. В. Ф. Каган. Основания геометрии, т. 1. М.—Л., 1949, стр. 118—123; Б. А. Розенфельд. О математических работах Насирэддина Туси. «Историко-математические исследования», вып. 4, 1951, стр. 489—512, и его же статью, указанную в сн. ¹⁴.

²² Nasiruddin Toussy. Traité du quadrilatère, ed. par A. Caratheodory. Constantinople, 1891. Русский перевод под ред. Г. Д. Мамедбейли и Б. А. Розенфельда: Мухаммед Насирэддин Туси. Трактат о полном четырехстороннике (Шакулул гита). Баку, 1952, с предисловием З. Д. Халилова и Г. Д. Мамедбейли и примечаниями Б. А. Розенфельда.

о расширении понятия числа на непрерывные величины²³. Вторая книга посвящена теореме Менелая о полном четырехугольнике на плоскости и ее различным частным случаям. В третьей книге рассматривается плоская тригонометрия, четвертая книга посвящена теореме Менелая о полном четырехстороннике на сфере. В пятой книге изложена сферическая тригонометрия. Здесь приводятся теоремы сферической геометрии, доказанные предшественниками ат-Туси, и впервые излагаются все шесть случаев решения сферических треугольников по трем элементам. Наиболее интересным является случай определения сторон сферического треугольника по его трем углам, не имеющий аналога на плоскости. Для решения этой задачи ат-Туси вводит понятие полярного треугольника, вершины которого являются полюсами сторон первого треугольника, и устанавливает связь между сторонами и углами двух взаимнополярных треугольников, благодаря чему задача об определении сторон сферического треугольника по его углам сводится для полярного треугольника к решенной ранее задаче об определении углов сферического треугольника по его сторонам.

С Марагинской обсерваторией была тесно связана астрономическая обсерватория в Ханбалыке (ныне Пекин) при дворе монгольского хана Хубилая, двоюродного брата Хулагу, возглавляемая китайским инженером и астрономом Ко Шу-цзинем (1231—1316). Ханбалыкская обсерватория была построена с помощью специалистов, выпущенных из Мараги, и Ко Шу-цзинь занимался тригонометрией под влиянием ат-Туси.

В XIV в. страны Ближнего и Среднего Востока вновь опустошаются завоеваниями Тимура, но в начале XV в. внук Тимура Улут-бек, покровительствовавший ученым и сам занимавшийся астрономией, организует новый научный центр в Самарканде²⁴. Крупнейшим ученым Самаркандской обсерватории был гиланец Гийас ад-дин Джамшид б. Мас'уд ал-Каши (умер около 1430 г.). До приезда в Самарканд ал-Каши составил زیج خاقانی (Хаканские астрономические таблицы), посвященные Шахруху, отцу Улут-бека; эти таблицы представляли собой усовершенствование «Эльханских таблиц» ат-Туси. Специально для составления тригонометрических таблиц ал-Каши написал رسالة البرق والجب (Трактат о хорде и синусе). Непосредственно к астрономической проблематике примыкает رسالة المحيطية (Трактат об окружности). В Самарканде ал-Каши пишет математическую энциклопедию مفتاح الحساب (Ключ арифметики) и участвует в создании вычисленных в результате наблюдений самаркандской обсерватории زیج جدید کورکانی (Новых Гурганских астрономических таблиц). Ал-Каши является также автором ряда специальных астрономических таблиц²⁵.

Рукописи «Ключа арифметики» находятся в Ленинградской публичной библиотеке (коллекция Дорна, № 131), Берлинской государственной научной библиотеке (Spr. № 1845 и Spr. № 1824 bis), Лейденской университетской библиотеке (Cod. or № 185). Текст последней рукописи был опубликован в 1956 г.²⁶. «Ключ арифметики» состоит

из пяти книг. Первая книга посвящена арифметике целых чисел. Здесь излагается исчисление с помощью «индийских цифр»; далее с помощью этих цифр производятся действия удвоения, раздвоения, сложения, вычитания, умножения, деления и извлечения корня любой степени из целых чисел. Извлечение корня, вернее, определение его целой части, производится древнекитайским способом (приводится пример извлечения корня пятой степени). Для отыскания дробной поправки применяются тут же излагаемые правила возведения двучлена в любую степень и образования необходимых для этого биномиальных коэффициентов; все эти правила ал-Каши рассматривает как известные ранее.

Вторая книга посвящена арифметике дробей. Здесь, среди прочего, ал-Каши, быть может, отчасти под влиянием китайцев, вводит десятичные дроби, свойства которых определяет по аналогии с применявшимися астрономами шестидесятиричными дробями — минутами, секундами, терциями, квартами и т. д. Десятичные дроби применяются также для повышения точности при извлечении корней. Третья книга посвящена «исчислению астрономов», т. е. арифметическим действиям с целыми и дробями в шестидесятиричной системе: отметим здесь формулировку правил, соответствующих нашим правилам, $a^m \cdot a^n = a^{m+n}$, $a^m : a^n = a^{m-n}$ при любых целых m, n .

В четвертой книге рассматривается измерение плоских фигур и тел — многоугольников, круга и его частей, призм и цилиндров, пирамид и конусов, шара, правильных и некоторых полуправильных многогранников. При рассмотрении треугольников ал-Каши пользуется тригонометрией и приводит таблицы, заимствованные из «Эльханских таблиц» ат-Туси. При рассмотрении круга и круглых тел ал-Каши пользуется приближенным значением чисел, равным $3\ 8\ 2\ 9\ 44$ терций = 3,141593. Далее говорится об измерении объемов тел по их весам и приводится таблица удельных весов ряда твердых и жидких тел. Особо рассмотрены способы измерения арок и сводов, полых куполов и так называемых сталактитовых поверхностей, широко применявшихся в архитектуре стран Востока; при измерении полых куполов ал-Каши применяет прием приближенного интегрирования.

Пятая книга посвящена алгебре. Приводя результаты своих предшественников по классификации и геометрическому решению кубических уравнений, ал-Каши упоминает о своей работе над недошедшим до нас аналогичным трактатом по классификации и решению уравнений 4-й степени. Далее излагается решение линейных уравнений по способу двойного ложного положения, применявшемуся и ранее (впервые — в Китае не позднее начала н. э.), приводится ряд правил суммирования числовых рядов, правила теории пропорций, излагаемой одновременно и для чисел и для непрерывных величин, и т. д.

Рукопись «Трактата об окружности» находится в Стамбульском Военном музее (№ 756); текст этой рукописи был опубликован Паулем Люкем²⁷ и затем авторами настоящей статьи²⁸. Цель трактата состоит в вычислении отношения окружности к диаметру с максимальной необходимой точностью. Ал-Каши принимает за длину окружности среднее арифметическое между периметрами вписанного и описанного правильных многоугольников с $3 \cdot 2^n$ сторонами, причем n должно быть таково, что если даже радиус круга будет равен «расстоянию от Земли до неподвижных звезд», который ал-Каши считает в 600 000 раз больше радиуса земного шара, то разность между периметрами этих многоугольников будет меньше толщины конского волоса. Ал-Каши находит, что для этого должно быть $n = 28$, т. е. $3 \cdot 2^n = 805\ 306\ 368$. Далее, с исключительно высокой техникой приближенных вычислений ал-Каши вычисляет указанное

²⁷ P. Luckey. Der Lehrbrief über den Kreisumfang von Ğamšīd b. Mas'ūd al-Kāšī. Berlin, 1953.

²⁸ См. сн. 26. В нашем издании приведены с большей полнотой таблицы вычислений.

²³ Более подробно о теории составных отношений ат-Туси см. Ф. А. Касумханов. Теория непрерывных величин и учение о числе в работах Мухаммеда Наспрэддина Туси. «Труды Института истории естествознания и техники», т. 1. М., 1954; стр. 128—145.

²⁴ Подробнее см. Т. Н. Кары-Ниязов. Астрономическая школа Улутбека. М.—Л., 1950.

²⁵ Описание всех известных астрономических таблиц в странах ислама см. в кн. E. S. Kennedy. A survey of Islamic Astronomical tables. «Transactions of the American Philosophical Society», vol. 46, No 2, 1956, p. 123—177.

²⁶ Ал-Каши. Ключ арифметики. Трактат об окружности. М., 1956. Перевод с арабского В. А. Розенфельда (стр. 7—308). Редакция В. С. Сегала и А. П. Юшкевича. Комментарии А. П. Юшкевича и В. А. Розенфельда (стр. 320—380). С приложением репродукций арабских рукописей обоих трактатов (стр. 383—566). О собственно арифметической части «Ключа арифметики» см. P. Luckey. Die Rechenkunst bei Ğamšīd b. Mas'ūd al-Kāšī mit Rückblicken auf die ältere Geschichte des Rechnens. Wiesbaden, 1950.

среднее арифметическое, получая, что при радиусе круга 1 отношение окружности к диаметру равно $3\ 8\ 29\ 44\ 0\ 47\ 25\ 53\ 7\ 25$ септим = 3,14159265358979325. Из найденных ал-Каши 18 десятичных знаков неверен только последний.

«Трактат о хорде и синусе» до нас не дошел, но мы располагаем изложением его наиболее существенной части в трактате *دستور العمل و تصحيح الجداول* (Правила действий и исправлений таблиц) Махмуда б. Мухаммада Марнам-Челеби (умер 1525 г.), турецкого астронома, воспитанника самаркандской школы. Рукопись этого труда хранится в Парижской национальной библиотеке (старый персидский фонд, № 163)²⁹. Цель «Трактата о хорде и синусе» состоит в определении $\sin 1^\circ$ по известному значению $\sin 3^\circ$. Искомый $\sin 1^\circ$ является корнем кубического уравнения $3x - 4x^3 = \sin 3^\circ$. Ал-Каши приближенно решает это уравнение с помощью чрезвычайно простого и изящного итерационного алгоритма, приводящего к цели гораздо быстрее, чем так называемый метод Руффини-Горнера, который должен был быть знаком ученому из китайских источников. Ал-Каши находит, что $\sin 1^\circ = 1\ 2\ 49\ 43\ 11$ квинт. Метод ал-Каши явился блестящим дополнением к геометрической теории кубических уравнений и не был превзойден до работ европейских математиков XVII в. Упомянем в этой связи, что при решении одной астрономической задачи ал-Марвази и другие математики Среднего Востока встретились с необходимостью приближенного решения одного трансцендентного уравнения и здесь также применили итерационный алгоритм³⁰.

В XIII—XV вв. математики стран Ближнего и Среднего Востока, вступив в непосредственный контакт с математиками Китая, достигли апогея своих достижений в вычислительной математике — в расчете тригонометрических таблиц, решении сферических треугольников, решении алгебраических уравнений, извлечении корней в вычислении числа π , в действиях как с шестидесятичными, так и с десятичными дробями, во всей технике приближенных вычислений. Вычислительная практика основывалась на развитии теории составных отношений, т. е. расширении понятия числа, при котором это понятие распространялось на непрерывные величины. Получили дальнейшее развитие и другие теоретические вопросы.

4. ВЛИЯНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ МАТЕМАТИКИ СТРАН БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА НА ЕВРОПЕЙСКУЮ МАТЕМАТИКУ

Оригинальные и переводные труды математиков и астрономов Ближнего и Среднего Востока оказывали огромное влияние на развитие культуры и науки в Европе, уже начиная с XII в.

В XII в. на латинский язык были переведены арифметический и алгебраический трактаты ал-Хорезми и появилось упомянутое выше переложение первого из этих трактатов, выполненное Иоанном Севильским. В процессе борьбы «алгористов» с представителями староримской арифметики позиционная нумерация и «индийские цифры» 1, 2, ..., 9, 0 окончательно осваиваются в Западной Европе и получают здесь название «арабских цифр». Латинизированная форма имени ал-Хорезми *Algorithmus* становится сначала названием арифметики, основанной на позиционной десятичной системе счисления, а впоследствии (уже у Лейбница) — названием всякого регулярно го вычислительного процесса. Название алгебраического трактата ал-Хорезми сначала в форме *algebra et almucabala*, а затем в форме «алгебра» становится названием этой дисциплины. Примерно тогда же переводятся алгебраические и арифметические трактаты Абу-Камила. В это же время переводятся с арабского сочинения Ибн ал-

²⁹ Французский перевод отрывка этой рукописи, содержащей изложение части трактата ал-Каши см. L. Sedillot. De l'algèbre chez les arabes. «Journal Asiatique», Ser. 5, t. 2, 1853, p. 323—356. Русский перевод этого отрывка в указанном в сн. 26 русском издании работ ал-Каши, стр. 311—319.

³⁰ См. E. S. Kennedy and W. R. Transue. A medieval iterative algorism. «American mathematical monthly», vol. 63, No 2, 1956, p. 80—83.

Хайсама, Ибн Сины, ал-Фараби и др. В XII в. с арабского переводятся на латинский «Начала» Эвклида, «Алмагест» Птолемея, труды Архимеда и Аполлония и других ученых эллинистической эпохи; переводы этих произведений с греческого были сделаны только в XV—XVI вв. В это время в Испании, Италии, Южной Франции работают целые школы переводчиков с арабского³¹.

Первый крупный западноевропейский математик Леонардо Пизанский (Фибоначчи, ок. 1170—1250) учился в Бугии (Тунис). Его капитальный труд по арифметике и алгебре «*Liber abaci*» написан под сильным влиянием Абу-Камила, у которого Фибоначчи заимствует большое количество арифметических и алгебраических задач. Другой крупнейший европейский математик эпохи средних веков — Регiomontan (Иоганн Мюллер из Кенигсберга, 1436—1476), автор тригонометрического трактата «*De triangulis omnimodis planis et sphaericis*», широко использует тригонометрические работы математиков стран Ближнего и Среднего Востока, в частности ал-Баттани и ат-Туси. С «Изложением Эвклида» ат-Туси в Европу попали идеи Хайяма и ат-Туси по теории составных отношений и по теории параллельных линий. С идеями Хайяма и ат-Туси о распространении понятия числа на непрерывные величины весьма родственны идеи «Геометрии» Рене Декарта (1594—1650) о геометрических отрезках как числах, с помощью которых могут быть описаны переменные величины³². Мы не располагаем сведениями о непосредственном знакомстве Декарта с работами ат-Туси, но с этими работами несомненно был знаком Джон Валлис (1616—1663), один из учителей Исаака Ньютона (1643—1727), дифференциальное и интегральное исчисление которого было бы невозможно без понятий вещественного числа и переменной величины. Работа Валлиса «*De postulato quinto et definitione quinta lib. 6 Euclidis*» посвящена как раз теории параллельных линий (основанной на V постулате Эвклида) и теории составных отношений (основанной на V определении 6 книги «Начал»). Валлис излагает точки зрения ат-Туси по этим вопросам и критикует их³³. Теория параллельных линий ат-Туси рассматривается также итальянским математиком Джироламо Саккери (1667—1733) в его «*Euclides ab omni naevo vindicatus*», где рассматривается тот же четырехугольник, часто называемый четырехугольником Саккери, и три гипотезы, которые первыми изучили Хайям и ат-Туси³⁴. Если развитие теории составных отношений было одной из предпосылок введения переменных величин и открытия дифференциального и интегрального исчисления, то развитие теории параллельных линий привело к другому величайшему событию в истории математики — открытию неевклидовой геометрии. К сожалению, ученые Западной Европы не были знакомы с работами ал-Каши и излагаемые им важнейшие результаты были переоткрыты учеными Западной Европы на полтора-два столетия позже: формула возведения двучлена в любую натуральную степень («бином Ньютона») Михаилом Штифелем (1486—1567) в 1545 г. в «*Die deutsche Arithmetica*», десятичные дроби Симоном Стевином (1548—1620) в работе «*La Disme*» в 1582 г.; число π с 17 десятичными знаками было вновь вычислено Адрианом ван Рооменом (1561—1615) в 1593 г. в «*Methodus polygonarum*».

В настоящей статье мы старались охарактеризовать развитие математики в странах Ближнего и Среднего Востока в IX—XV вв. в соответствии с нынешним уровнем наших знаний в этой области. Но множество работ средневековых математиков Ближнего и Среднего Востока до сих пор не изучено, и даже не все имеющиеся рукописи занесены в каталоги библиотек и музеев. Первоочередной задачей сейчас представляется издание комментированных переводов основных математических трактатов ал-Хорезми, Ибн Курры, Абу-Камила, Абу-л-Вафы, ал-Караджи, ан-Насави, Ибн

³¹ Подробнее см. G. Sarton. Introduction to the history of sciences, v. II. Baltimore, 1931, гл. III, XVI, XXX, XIV.

³² См. А. П. Юшкевич. О математике народов Средней Азии в IX—XV веках. «Историко-математические исследования», вып. IV. М.—Л., 1951, стр. 455—488.

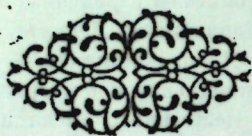
³³ J. Wallis. De postulato quinto et definitione quinta lib. 6 Euclidis. Opera mathematica, t. 2. Oxford, 1693, p. 665—673.

³⁴ G. Saccheri. Euclides ab omni naevo vindicatus. Milano, 1733.

ал-Хайсама, ал-Бируни, Ибн Сины, ат-Туси. Если учесть, что исследование некоторых фундаментальных работ Хайяма, ат-Туси и ал-Каши только за последние годы раскрыло совершенно новые стороны развития математики в странах Ближнего и Среднего Востока в средние века, то вряд ли можно сомневаться в том, что через некоторое время предложенная нами здесь суммарная характеристика окажется неполной и недостаточной.

SUMMARY

Part II of the article (see part I in No. 3 of our journal) gives a brief review of the development of mathematics in the countries of the Near and Middle East in the 11—15 centuries. The article contains references to the works of an-Nasawi, Ibn al-Haitham, al-Biruni, Ibn Sina, Umar Khayyam, Jabir b. Afla, Nasir-ad-din at-Tusi, Jamshid al-Kashi.

НАУЧНЫЕ ЗАМЕТКИ

ТАДЖИКСКОЕ ПЎСТ 'КОЖА, КОЖУРА, КОРА, ОБОЛОЧКА, СКОРЛУПА, ШЕЛУХА, ШКУРА'

А. А. ФРЕЙМАН

I

Статья в основной своей части была написана несколько лет тому назад. Ее завершению в свое время помешали сторонние обстоятельства.

Уже стало трюизмом утверждение, что нельзя научно понять язык, игнорируя его историю. Проследим в пределах возможности историю слова *пўст* в надежде, что это позволит нам, может быть, еще более уточнить значение данного слова, означающего, если обобщить указанные выше значения¹, наружный покров животных и растительных организмов.

История слова, его значения тесно связаны с историей его формы. Изменения последней подчиняются общим закономерностям. В этом отношении в иранских языках весьма существенное значение имеет история вокализма и недостаточно или, лучше сказать, почти совсем не учитываемая история интонации.

Гласный *ū* современного таджикского литературного языка может быть определен как закрытый огубленный долгий гласный заднего ряда среднего подъема. В положении перед фарингальными и увулярными согласными в заимствованных из арабского (*рӯҳ* 'дух', *туҳмат* 'клевета') и незаимствованных словах (*мӯҳр* 'печать') этот гласный возникает из исторически краткого *u*. В отдельных случаях он отражает исторически краткое *a* после глухого огубленного увулярного *x* (*хӯрдан* 'кушать' из раннего *x^vardan*).

Во всех остальных случаях гласный *ū* таджикского языка отражает древнеиранский дифтонг *aū*, среднеиранский, среднеперсидский монофтонг *ō* (др.-перс. *daušā* > ср.-перс. *dōst* > тадж. *дӯст* 'друг'²; др.-перс. *gauša* > ср.-перс. *gōš* > тадж. *ғӯш* 'ухо' и т. п.).

Постулированное согласно сказанному выше среднеперсидское *pōst* отмечено П. Хорном³ в уже указанном значении 'шкура, кожа' (Fell, Haut). Это же слово представлено и в других среднеиранских языках. Наиболее существенное значение для нашей задачи имеет среди них согдийский.

¹ См. «Русско-таджикский словарь». Под ред. А. Дехоти и Н. Н. Ершова. Гл. ред. Е. Э. Бертельс. М.—Сталинабад, 1949, под соответствующими русскими словами; «Таджикско-русский словарь». Под ред. М. В. Рахими и Л. В. Успенской. Гл. ред. Е. Э. Бертельс. М., 1954, под словом «пўст».

² На чередовании *z/s* в истории этого слова мы здесь не останавливаемся за недостатком места. К тому же для вопроса, поставленного в статье, данное чередование не существенно.

³ Paul Horn. Grundriss der Neupersischen Etymologie. Strassburg, 1893, S. 75.

Согдийское *pust* с производными от него *pustk* мн. ч. *pust'yt* засвидетельствовано много раз. В нашем собрании согдийских документов с горы Муг⁴ представлено около 40 согдийских документов, написанных на коже. В изданных документах⁵ говорится о кожах (*pust*), а также изделиях из кожи различного качества и сорта (*st'yu'n* (тадж. *cazmiñi*) *pust* 'сафьяновые кожи', *pust čw w'ry'k* 'отборные кожи', *m'w*, 'узда' (перс. *خ*). Они хранились в специальных складах-амбарах (*pustβr'n'k* 'склад кож'). Содержимому в этих складах велся строгий учет, о чем свидетельствуют, к примеру, вышеуказанные документы. Кожа *pust* в качестве материала для письма широко применялась в Средней Азии и Иране. Осложненное суффиксом — *ak*⁶ среднеиранское, согдийское *pust* (*pōst*) приобрело значение 'письменный документ на коже' (а впоследствии и на материале растительного происхождения: дерево, бумага, коре и т. д.), 'книга, сутра' (в текстах буддийского содержания)⁷. В этом значении согд. *pustk* заимствовано в санскритский язык, где это слово засвидетельствовано в значении 'книга, рукопись' — *pustaka*⁸.

II

Итак, согласно вышеуказанным фонетическим соответствиям — древнеиранское *au* > среднеиранское *ō* > таджикское *ū*, — таджикскому *nūst* должно соответствовать среднеиранское *pōst* (согд. *pust*) и древнеиранское *pausta*.

В поисках этимологии этого слова Хорн (см. выше) привлекал авестийское *pašto* — первую часть сложного *paštōfraðahm*, не останавливаясь на несоответствии авест. *q* среднеперсидскому *ō*. Значение авест. *paštōfraðahm*⁹ не вполне ясно. По-видимому, в контексте речь идет о скальпе. Как бы то ни было, из пехлевийского перевода этих мест и комментария следует, что «пехлевийские» переводчики и комментаторы понимали под авест. *pašto*, *pašta* — среднеперсидское *pōst*, т. е. 'кожу'. Однако непреодолимым, как казалось, препятствием была трудность исторического сопоставления авест. носового *q* с среднеиранским *ō*. В авест. ожидался бы, как выше было сказано, дифтонг *au*. Поэтому Бартоломе в указанном месте своего словаря говорит: '*pašta* — «кожа, особенно кожа человека». Этимология (?), среднеперсидское (пехл. перевод), новоперсидское *pōst*, но откуда *ō*?'

Отказываются от возможности этимологического сопоставления вышеприведенного авестийского слова со среднеиранским *pōst* и Хьюбман¹⁰, и даже Э. Бенвенист¹¹.

⁴ См. «Согдийский сборник». Л., 1934.

⁵ См. А. А. Фрейман. Датированные согдийские документы с горы Муг в Таджикистане. «Труды Института востоковедения», т. XVII, 1936, стр. 151—152; его же. Согдийский рукописный документ на коже 6 В 5 из собрания документов с горы Муг. «Вестник древней истории», 1940, 1(10), стр. 99—101; см. также W. B. Henning. The Sogdian Texts of Paris. «Bulletin of the school of Oriental and African Studies», 1946, № 4, p. 714.

⁶ Этому суффиксу посвящается отдельная статья. Нельзя не признать справедливым замечание М. Ф. Фазылова («Вопросы языкознания», 1953, № 6, стр. 159), упрекающего таджиковедов в недостатке внимания к вопросам словообразования. В последнем наиболее пренебрегаемым участком является словопроизводство.

⁷ Ср. «Согдийский сборник», документ № 1: *pustk(w)*; также E. Benveniste. Textes sogdiens. Paris, 1940, p. 268, 339 etc: *pustk*, мн. ч. *pust'yt* 'книга, сутра' ('livre, sutra').

⁸ См. R. Gauthiot. Iranica. «Mémoires de la Société de Linguistique de Paris», 1915, t. 193, fasc., p. 130—131.

⁹ Это сочетание встречается два раза. Интересующихся подробностями отсылаем к Chr. Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904, kol. 904.

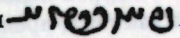
¹⁰ Hübschmann. Persische Studien, Strassburg, 1895, S. 48.

¹¹ E. Benveniste. Études sur le vieux-pers. «Bulletin de la Société de Linguistique de Paris», 1951, t. 47, fasc. 1, p. 48: «...Vu l'indécision du sens («cuir, chevelue, scalp?»)

Мы думаем, однако, что различие, о котором пишет Э. Бенвенист, не непреодолимо.

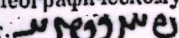
А. Мейе в блестящем анализе авестийских гимнов (яштов) показал необходимость учета особенностей авестийской графики, ее изменения от времен первой записи, через редакционные поправки, до того состояния канонизованного текста, которое мы застаем в лучшем случае в рукописях XIV в.¹²

Дело, очевидно, в том, что в авестийском языке слова *pašta*-никогда не существовало.

В написании авестийским алфавитом *pašta*-второй (из пяти) знак, который должен выражать носовой гласный *q*, является лигатурой, состоящей из алефа и нуна¹³. Последняя буква в курсивных зороастрийских (пехлевийских) текстах сплошь и рядом смешивалась с вавом:

Не учитывая этого обстоятельства, невозможно было бы интерпретировать авестийские и пехлевийские тексты. Основываясь же на этом наблюдении, вытекающем из изучения поздней арамео-зороастрийской палеографии, мы имеем право вместо нуна нашего слова поставить вав, если такое чтение позволит нам вразумительно толковать текст, удовлетворительно объяснить слово. Сделав это (поставив вместо нуна вав), мы получаем в анализируемом слове следующие буквы: *p'rst'*.

Таким образом, в вокализированном авестийском тексте получается реальное, как мы думаем, авестийское, древнеиранское слово *pausta*- вместо фиктивного, никогда не существовавшего в языке *pašta*-. Получается слово с древнеиранским дифтонгом *au*, закономерным развитием которого в среднеиранских языках было *ō*, и далее в таджикском языке *ū*, т. е. *pausta*, *pōst*, тадж. *nūst*.

Близок к такому решению был Готто¹⁴. Однако, доверившись палеографическому толкованию лигатуры Андреаса (см. выше), он склонен был видеть в авест. не **pausta*, а *posta*—форму для древнеиранского языка, при ударе на первом слоге, едва ли реальную.

Эта же самая форма **pausta* должна постулироваться и для другого документально засвидетельствованного древнеиранского языка — древнеперсидского. Новые исследования в области древнеперсидского языка позволили поставить в порядок дня и эту задачу.

В 1948 г. археологической экспедицией Г. Кемерона была обследована Бехистунская надпись. Тщательно подготовленной экспедиции, завершившей столетнее изучение этого замечательнейшего исторического и языкового памятника, удалось достигнуть больших результатов как в историческом, историко-культурном, так и в языковом отношении.

Результаты экспедиции, насколько нам известно, Г. Кемероном пока не опубликованы¹⁵.

Будучи занят другими срочными работами и зная, с каким нетерпением научный мир ждет известий о новых открытиях в данной области, Г. Кемерон сообщил некоторые данные о своем чтении Бехистунской надписи двум ученым, наиболее потрудившимся *et la différence insurmontable entre av. pašta-et pōst, il faut laisser la forme avestique en dehors de ce débat où elle n'a assurément rien à faire...*

¹² См. A. Meillet. Sur le texte de l'Avesta и «Journal Asiatique», 1920, № 2, p. 187—203.

¹³ Ф. Андреас (см. F. C. Andreas und J. Wackernagel. Die vierte Gatha des Zurušthros. «Nachrichten der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen», Berlin, 1919, S. 2) полагает, что данная лигатура состоит из трех знаков: алефа, вавы и нуна. Это чтение палеографически произвольно и приводит к неправильному толкованию языковых фактов, о чем ниже.

¹⁴ См. R. Gauthiot. Указ. соч., стр. 131.

¹⁵ Предварительное сообщение Г. Кемерона (G. G. Cameron. Darius carved history on Ageless rock. «National Geographic Magazine», 1950, pp. 825—844) было нам недоступно, мы знаем о нем только по беглому упоминанию у Э. Бенвениста (Указ. соч., стр. 21, сноска).

в интерпретации памятников древнеперсидского языка, разрешив им опубликовать эти данные, не дожидаясь издания его работы.

Один из них, соотечественник Г. Кемерона, Р. Кент смог благодаря этому внести некоторые уточнения в свой монументальный труд¹⁶, подытоживающий его многолетние занятия древнеперсидским языком, используя, с разрешения Кемерона, чтения последнего.

Другим ученым, с которым Кемерон поделился некоторыми своими достижениями, был знаменитый французский языковед-иранист Э. Бенвенист.

Последний, используя с разрешения Г. Кемерона его чтения в цитированной выше статье в разделе «Sur la technique de l'écrit» (стр. 40—49), путем блестящего анализа строк 89—90 четвертого столбца Бехистунской надписи сделал несколько открытий, весьма существенных для истории иранской культуры и языкознания. Одно из них имеет непосредственное отношение к истории таджикского слова *njcm*, чему посвящена наша статья.

Эламский текст данного места надписи со значением «Я велел сделать надписи на сыром кирпиче и на коже» облегчил Кемерону его задачу установить соответственно чтение древнеперсидского текста.

Поскольку слово «кожа» уже было известно из персидского *čarm*, санскрита и авестийского *čarman-*, то Бенвенисту не представило особого труда, используя чтение Кемерона, фиксировать это слово и для древнеперсидского в надписи Дария в форме местного падежа *čarmā*¹⁷.

Несколько сложнее обстояло дело с установлением формы и значения древнеперсидского слова, соответствовавшего эламскому *halat* «сырой кирпич».

Основное затруднение состояло в неясности первого знака. Этот знак мог бы быть прочитан как *vi*, *pa* или *ṭa*. Бенвенист остановился на втором чтении, так как только в этом случае целое слово, состоящее, по-видимому, из пяти или четырех слогов, давало бы возможность этимологического (смыслового) и грамматического толкования.

Второй, третий и четвертый знаки — *va-sa-la-* — не вызывали сомнения. Поскольку следующее слово *čarmā*¹⁸ «на коже» стояло в местном падеже, то можно было ожидать, что и данное первое, которое соответствовало бы эламскому *halat* «сырой кирпич», точно так же должно было бы стоять в местном падеже. Такая форма от тематической основы *pavastā-* (женского рода) *pavastāyā* (местный падеж) и постулируется Бенвенистом¹⁹. Основное значение этого древнеперсидского слова — «оболочка» — выведено мастерски Бенвенистом путем сравнения его с соответствующим ведическим *pavastā*²⁰ и указанием на существовавшую в древнем Вавилоне технику сохранения писанных на глине документов и наложенных на них «обертки», «конвертов» из глины же. Такой способ гарантировал подлинность документов, поскольку «конверт» обеспечивал тождественность подлинника и его копии, отпечатанной на глиняной обертке. О таком же способе гарантии документов у персов говорит и Геродот (III, 128)²¹.

Как указывает Э. Бенвенист, развитием древнеперсидского *pavastā* в среднеперсидском является *pōst*. При этом он ссылается на аналогичные примеры, где др.-перс. *-ava-* превращалось в ср.-перс. *ō-*: др.-перс. приставка *ava* > ср.-перс. *ō*; др.-перс. *fravata* «вниз» > ср.-перс. *frōt*; др.-перс. **zavar* — «сила» > ср.-перс. *zōr* и др.²².

Однако констатация этих соответствий недостаточна для показа лежащего в их основе процесса исторического развития. Переход древнеперсидского *-ava-* в среднеперсидское *ō* может быть понятен только при учете того, что:

¹⁶ Roland G. Kent. Old Persian Grammar, Texts, Lexicon. New Haven, 1950.

¹⁷ Первый пример местного падежа от основы на -n в древнеперсидском.

¹⁸ Последние знаки этого слова... *ta-a-ya* были в свое время прочитаны еще Кипгом и Томпсоном.

¹⁹ Встречается два раза (l) в Ведах со значением «обертка, оболочка», быть может, «оболочка из земли или глины».

²⁰ См. E. Benveniste. Указ. соч., стр. 44—46.

²¹ Там же, стр. 42.

1) *v* в древнеперсидском, как и в других древнеарийских языках, был не шумным согласным, а полугласным, каким он остался и по сей день в осетинском: ср. осет. *ṭard* «выпадение осадков» — тадж. *борон* «дождь»;

2) переход древнеиранского *pauastā* в среднеперсидское *pōst* можно себе представить только при учете, что ударение падало на первый гласный. вследствие чего следующий гласный (не ударенный) редуцировался и выпал, а оставшийся дифтонг *au*, как обычно, превратился в *ō*: *pāuastā* > *pāusta* > *pōst*.

Таким образом, мы можем утверждать следующее:

1. Таджикское слово *njcm* закономерно развилось из древнеиранского *pavastā* > *pāusta* > *pōst* > *njcm*.

2. Его значение «наружный покров животных и растительных организмов (кожа, кора, оболочка...)» постепенно развилось из основного значения древнеиранского *pavasta* «оболочка, глиняная оболочка».

3. Засвидетельствованное в канонизированном (огласованном — *vulgata*) тексте Авесты слово *pasta* — ср.-перс. *pōst* «кожа (?)», скальп (?)²², в действительности не существовало. Такое слово, очевидно, возникло, как и ряд других, подобных ему, вследствие ошибки, допущенной при вокализации текста, который был записан первоначально невокализованным «пехлевийским» алфавитом. В действительности же это слово звучало в Авесте, как и в древнеперсидском, **pauasta*.

4. Изменение значения этого слова находится в самой тесной зависимости от изменения материальной культуры ираноязычных стран, от полного вытеснения глины как материала для письма кожей, а также материалом растительного происхождения.

5. Сохранение старого названия (*pavasta* > *pōst*) в новых условиях (кирпич-сырец > кожа) может свидетельствовать о более медленном развитии в данной обстановке словарного запаса сравнительно с материальной культурой.

6. Изучение истории слов в данной статье лишний раз показывает необходимость самого пристального внимания к вопросам ударения и интонации в иранских языках.

SUMMARY

Tracing the evolution of the Tajik word *pōst* meaning 'skin', 'peel', 'shell', 'cover', 'hide', the author arrives at the conclusion that it developed from the ancient Iranian *pavastā* *pāusta* > *pōst* > *pōst*, the meaning of the ancient Iranian 'cover', 'clay cover' having gradually changed to what could be interpreted in general as 'the outward cover of animals and plants'. The word *pasta* which is on record in the canonized Avesta actually did not exist — it is the result of an error which originated when vocalising the text. It was pronounced as *pauasta*.

²² Chr. Bartholomae. Указ. соч., столбец 904.

К. ВОПРОСУ О ПИСЬМЕННОСТИ БОХАЙЦЕВ

Э. В. ШАВКУНОВ

Вопрос о письменности бохайцев вряд ли мог серьезно привлечь к себе чье-либо внимание, так как по сообщениям древнекитайских хроник и на основании данных некоторых археологических исследований очевидно, что бохайцы имели письменность, а также записи [дел и событий.— Э. Ш.]¹, для чего обычно использовали китайские иероглифические знаки.

При археологических исследованиях в районе Верхней столицы Бохая на территории Северо-Восточного Китая японскими археологами было обнаружено несколько обломков кровельной черепицы с надписями на китайском языке. Тот факт, что подобные надписи встречаются довольно часто², свидетельствует о сравнительно широком распространении китайского языка и письменности среди привилегированных сословий бохайского общества. Проникновению китайского письма в значительной мере способствовала практиковавшаяся в Бохае посылка студентов в учебные заведения Китая. Кроме того, в сельских местностях при некоторых храмах устраивались специальные училища, в которых молодежь обучали грамоте. В Бохае существовал даже особый закон, по которому запрещалось вступать в брак прежде, чем молодой человек не овладеет грамотой и искусством стрельбы из лука. По свидетельству тех же древнекитайских хроник, «Бохай было одно из самых цветущих государств на берегу Восточного моря, страну просвещения и ученых»³.

Но было бы ошибкой считать, что бохайцы, получавшие образование в специальных училищах при сельских храмах, обучались китайской иероглифической письменности. Последнее было доступно лишь детям состоятельных слоев бохайского общества. Здесь мы, вероятнее всего, имеем указание на наличие в этих училищах обучения бохайскому языку с помощью приспособленной для этой цели письменности.

Подобные стремления заменить китайскую иероглифику иной системой письма, которая соответствовала бы нормам того или иного языка, можно наблюдать у древних тюрков, киданей, чжурчженей, уйгур и т. д. То же самое, следует полагать, имело место и в Бохае. Так, в рассказе «Ли Бо, „небожитель“, пьяный пишет письмо, устроившее государство Бохай» говорится, что император Сюаньцаун получил письмо от бохайского короля, которое было написано непонятными знаками в виде отпечатков лап животных и птиц⁴. Как содержание письма, так и ряд событий и лиц, описанных в этом рассказе, не вызывают сомнения в их исторической достоверности. Поэтому сообщение о существовании у бохайцев еще и своей, неиероглифической письменности заслуживает пристального внимания.

Обнаруженный в районе города Уссурийска обломок каменной плитки⁵ с

¹ 舊唐書, 本三十, 卷一百九十九下, 列傳第一百十九, 渤海 (Цзю Тан шу).— Стара Танская история, кн. 30, гл. 199, ч. 2, повествование 149, раздел «Бохай».

² См. статью А. П. Окладникова. Остатки бохайской столицы у г. Дунциньчэн на р. Муданцзян. «Советская археология», 1957, № 3, стр. 198—214 и рукописный перевод с японского языка О. А. Штакельберг статьи Итоо. «История архитектуры Маньчжоу-го», ч. IV, гл. III, Бохай (Личный архив).

³ В. Горский. Начало и первые дела Маньчжурского дома. «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», т. I, СПб., 1852, стр. 23.

⁴ «Удивительные истории нашего времени и древности. Набранные рассказы из сборника XVII в. „Цзинь гу цигуань“, М.—Л., 1954, стр. 242. «Цзинь гу цигуань» восходит своими истоками к устному литературному творчеству китайского народа X—XII веков.

⁵ Плитка представляет собой плоскую гальку размером 23 × 20 см и в настоящее время хранится в фондах Приморского краеведческого музея.

надписью (см. рис. 1) в какой-то мере проливает свет на вопрос, каким было бохайское письмо. Еще японский этнограф Торин Рюдзо⁶, изучая эту надпись, указывал на ее большое сходство с древнетюркскими руническими письменами, но из этого он сделал лишь один вывод: плитка с рунической надписью свидетельствует о существовании тесных связей бохайцев с тюрками, каковыми она и была завезена в район древнего бохайского областного центра Шуайбинь (Суйбин), где ныне расположен город Уссурийск. Каких-либо попыток дешифровать надпись на плитке, по всем признакам, не было предпринято, так как Торин Рюдзо ничего не говорит о содержании надписи.

Не являясь специалистами в области тюркологии, мы все же взяли на себя смелость попытаться разобрать надпись. Оказалось, что надпись на плитке сделана негативно и напоминает печать.

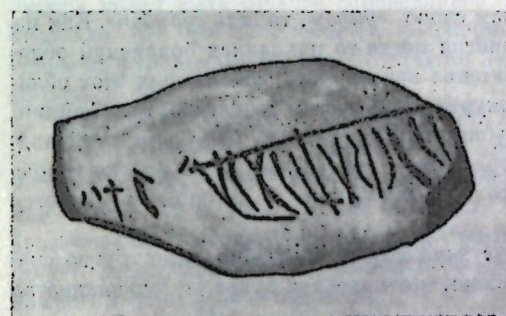

Рис. 1

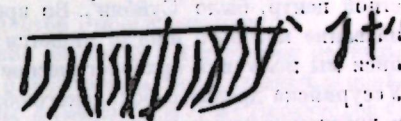

Рис. 2

Негативный характер надписи штампа, по-видимому, и явился основной причиной того, что она до сих пор не была дешифрована. На рис. 2 надпись воспроизведена такой, какой она должна была бы выглядеть в виде оттиска. Бросается в глаза имеющаяся сверху нее прямая горизонтальная черта, которая проведена либо в подражание санскритскому или тибетскому способу письма, либо же с целью прямолинейного написания букв, поскольку резьба их на камне в негативном плане представляет некоторые затруднения. Видимо, в силу последнего обстоятельства надпись на плитке выполнена крайне небрежно и с большим трудом поддается дешифровке.

Как и всякая руническая надпись древнетюркского происхождения, она читается справа налево. Первые три знака не имеют над собой горизонтальной черты и находятся в несколько обособленном по отношению к основной части надписи положении. Значение этих знаков непонятно. Что же касается второй половины надписи, то здесь удалось разобрать все буквы.

Вторая половина надписи начинается, по всей вероятности, с буквы ζ (в тексте ψ). Однако, если небольшая черточка в верхнем правом углу буквы относится к последней, то мы имеем букву ζ и, что несколько не нарушает смысла слова. Вторая, четвертая и десятая буквы обозначают гласную о или у. Третья по счету буква $\mathfrak{Z}$, несомненно, передает й, ай, ой. Пятая и шестая буквы выполнены очень небрежно, тем не менее в них угадываются буквы $\mathfrak{X}$ (или λ) б и ч. Седьмой знак, по-видимому, также является буквой б, которая пишется как $\mathfrak{J}$. Восьмая и одиннадцатая буквы обозначают с. Девятый знак $\mathfrak{K}$ представляет, надо полагать, видоизмененное написание буквы $\mathfrak{I}$ (или $\mathfrak{X}$) д.

⁶ 鳥居龍藏. 人類學及人種學上より見たる東北亞細亞 (Торин Рюдзо. Северо-Восточная Азия в антропологическом и этнографическом отношении). Токно, 1925, табл. II, рис. 4.

Ближайшую аналогию большинству этих букв мы находим в рунических надписях, обнаруженных в 1893 г. Клеменцом в Хойто-Тамире⁷, а также в имеющихся на двух прислицах рунических надписях, найденных в Усть-Ордынском Бурят-Монгольском округе Иркутской области⁸.

В целом же надпись после ее дешифровки имеет следующий вид:

11	10	9	8	7	6	5	4	3	2	1
1	>	ʃ	1	ʃ	ʃ	ʃ	>	ʃ	>	ʃ
или										
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
с	у	й	у	б	ц	б	с	д	у	с

Сочетание первых шести букв дает нам слово *суйубц*, то есть *суйубинг*. Как известно, на месте нынешнего города Уссурийска когда-то находился бохайский областной центр Шуайбинь. Древнекитайское чтение иероглифов, означающих этот областной центр, было 'Суйбин'. Во времена чжурчженей здесь находился округ Сюйпин, название которого иногда пишется как Субин. Таким образом, благодаря этой надписи мы получили археологическое подтверждение о существовании в районе города Уссурийска древнего бохайского областного центра Суйубинг, о котором упоминается в древнекитайских хрониках.

Относительно смыслового значения сочетаний других букв пока еще трудно сказать что-либо определенное. Вполне возможно, что конечная буква |с (одиннадцатая по счету) является сокращением написанием суффикса -са маньчжурского языка⁹.

Значение надписи не исчерпывается подтверждением местонахождения древнего бохайского города Суйубинг. Теперь мы можем с большей долей достоверности заявить, что, помимо китайской иероглифической письменности, бохайцам было известно еще и древнетюркское руническое буквенное письмо, которое, по-видимому, пользовалось большой популярностью среди широких слоев бохайского общества.

SUMMARY

The article contains data indicating that in addition to Chinese hieroglyphic signs the population of Pohai used the ancient Turkic runic letters. The author tries to decipher an inscription on a stone plate found in the environs of Ussuriysk which stands on the site of the former Pohai regional center, Shuaipin (or Suyuping).

⁷ W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. St. Petersburg, 1894, S. 261—268.

⁸ Э. Р. Рыздылон. К древнетюркским рунам Прибайкалья. «Эпиграфика Востока», 1953, т. VIII, стр. 86—90.

⁹ Суффикс -са употреблялся с именами существительными, обозначающими чины, должности и т. п. Такое определение суффикса дано сотрудницей Отдела истории и археологии ДВ филиала АН СССР Л. И. Сем.

О ЗВУКОВОМ ПОТЕНЦИАЛЕ ДВУХ ЕГИПЕТСКИХ ГРАФЕМ

С. В. ДОНИЧ

Существует ошибочное представление о некоторых фонемах египетского языка в силу плохой традиции переносить особенности коптской фонетики на египетскую.

В частности, при передаче h и t допускаются чуждые для египтян аффрикаты gh и th вместо фактических фрикативных h и t .

Насколько этот вопрос считался уже окончательно решенным, видно по той реакции, какую вызвала в свое время моя точка зрения у крупнейшего немецкого египтолога Курта Зете. В письме от 26 июля 1933 г. он писал: «Ваша критика Олбрайта и Эмбера может быть отчасти справедливой... Но Вы впадаете в полное заблуждение, отклоняя то, что мне кажется бесспорным; уравнения $\text{d} = \text{g}$, $\text{t} = \text{th}$ являются одним из фундаментальнейших открытий Эмбера и полностью доминируют над многим шатким у него».

В настоящее время несостоятельность эквивалентов Эмбера очевидна.

Обратимся к фактам. Фонетические соответствия звуков d и t в разные периоды истории египетского языка и их корреспонденции в родственных языках дают основание отнести эти звуки к зубным согласным. Фонемы d (межзубное d) и t (межзубное c) существовали в египетском языке на протяжении всей его истории, о чем свидетельствуют письменные обозначения. Им не предшествовали в доистории ни *g и ни *k , как это мыслят себе семитологи.

Доказательством аналогии звучания египетских фонем d и t с идентичными арабскими служат прежде всего регулярные переходы их соответственно в другие фонемы.

Наблюдаются следующие случаи изменения фонемы d в египетском и семито-хамитских языках:

1. Переход d в d одинаково характерен для египетского и арабского языков. Благодаря близости этих звуков в некоторых семитских языках их даже обозначают одной буквой; то же относится к t и t , если не считать диакритического знака в виде точки. Спонтанное изменение согласных с убывающей длительностью $\text{d} > \text{d} > \text{t}$ — распространенное явление в египетской фонетике. Например: д. db.t > н. db.t > п.-г. tb.t > санд. twth 'кирпич'; д. wdh > с. wdh > г. wth санд. otwt 'обернуться'; д. sd > с. sd > п. st 'разбивать'.

2. Звук d может быть промежуточным звеном в ходе фонетической эволюции $\text{d} > \text{d} > \text{t}$ (древнейший звук d переходит в Среднем царстве или позже в d , а затем в t). Теория Эмбера — Олбрайта об обязательном происхождении ег. d от первоначального *g плохо согласуется с этим фактом. Примеры: д.-н. dhn > п. dhn > г. thn 'отбивать такт'; д. hnd > с. п. hnd > г. hnt 'шестьдесят' и др.

3. Переход древних звуков d и d в t , наблюдаемый в египетском и семито-хамитских языках, подтверждает близость ег. d к d ; ср. д.-г. dw > санд. toot 'гора';

¹ Сокращения, принятые в статье, следующие:

египетское слово = ег.,

Древнего царства = д.,

Среднего » = с.,

Нового » = н.,

позднего периода = п.,

греко-римского » = г.,

18 династии = 18 д.,

коптское слово = к.

сандского диалекта = санд.,

бохайского » = бох.,

древнееврейское = ев.,

древнегреческое = гр.,

семитское = семит.,

арабское слово = ар.,

старого корня = ар. с.,

нового » = ар. н.,

общее для сирийского и египетского

диалектов = сир. диал.,

только для египетского диалекта =

= ег. диал.,

вавилонское слово 14 века до н. э. =

= вав.,

ассирийское слово 7 века до н. э. =

= асс.,

нубийское слово = нуб.,

эфиопское слово = эфиоп.

чередуются с *t*; а не с *ts*. Следовательно, *ḡ* и *ṣ* были присущи только коптскому языку.

В письме от 26 мая 1934 г., написанном за несколько дней до смерти, К. Зете сообщает о том переломе, который произошел в нем: «... Вы правы: нельзя просто с помощью *ḡ* транскрибировать , потому что оно не показывает его возможного развития в (копт. *ṭ*). Здесь лучшей передачей является именно *d*; правда, это *d* в египетской транскрипции должно бы быть чем-то вроде *ḡ* для лингвистов. То же самое следует сказать и о . Иначе говоря, К. Зете вынужден признать существование рядов зубных согласных *d* — *d* — *t* и *t* — *t* — *d* в египетском языке, на основании которых реконструируется звучание и и устанавливается соответствующая транскрипция.

Ниже приводится таблица соответствий египетских фонем в семито-хамитских языках в историческом развитии:

В египетском языке				В семито-хамитских языках										Семитские эквиваленты по Олбрайту*
д. и позже	с.	н.	п., г.	ар.	вав.	асс.	евр.	пуб.	эфиоп.	гр.	копт.			
					XIV в. до н. э.	VIII в. до н. э.	I тыс. до н. э.		IV в. до н. э. и позже	III—XVI вв.				
										санд.	бох.			
<u>d</u>	d	d	t	<u>d</u> , d, d, t, s, z, ḡ	t	t, s	z	d, z	d	τ, θ	ⲁ	ⲥ, ⲉ	g(ʿ), s, d, z	
d	<u>d</u>	<u>d</u>	t	t, t, s, d, d, ḡ	t	t	d, t	t	t	τ, δ	ⲧ	ⲥ, ⲉ	d, t	
z	s			z, z, s, s, ḡ		z				ς	ϥ	ϥ	z, <u>d</u>	
<u>t</u>	t	t	d	t, t, s, s, d, <u>d</u>	z, t	z, t	s, s, z, d	t		ς, τ	ⲁⲧ	ⲉ	k	
t	<u>t</u>	t	d	t, t, d, d, <u>t</u>	d	t, d				τ, θ	ⲧ	ⲉ	t, t	
s	z			s, z			ṣ	s		ς	ϥ	ϥ	t, s, ṣ	

* Таблица В. Ф. Олбрайта приведена в «Journal of the American Oriental Society», т. 47, p. 237.

SUMMARY

S. Donich opposes the traditional treatment of the Egyptian and as graphemes for expressing the affricates *ḡ* and *ṣ*. In the author's opinion, the phonetic potentials for these Egyptian symbols were the interdental fricatives *d* and *t*. That is evident from the numerous equivalents to *d* and *t* in the Egyptian language in different periods, and from their equivalents in other Semitic and Hamitic languages. The author traces the evolutionary groups *d* — *d* — *t* and *t* — *t* — *d* in the Egyptian language.

НАХОДКА РУКОПИСИ НОВОГО ИСТОРИЧЕСКОГО СОЧИНЕНИЯ

В. А. РОМОДИН

В июне 1958 г. в Куны-Ургенче Ташаузской области Туркменской ССР канд. ист. наук С. Г. Агаджанов при содействии канд. филолог. наук Б. Ахундова и председателя Куны-Ургенчского райкомхоза А. Клычева обнаружил рукопись исторического сочинения, посвященного в основном средневековому Хорезму. Название этого сочинения и имя его автора пока не установлены.

Обнаруженная рукопись принадлежит жителю Куны-Ургенча Юсупбаю, хранящему ее как семейную реликвию. Для Академии наук Туркменской ССР с нее сняли фотокопию. Предварительный просмотр рукописи и фотокопии показывает, что найденное сочинение, по-видимому, представляет фрагмент или раздел какого-то более обширного труда. Время переписки точно установить пока не удалось, но бумага, на которой написано сочинение, имеет водяные знаки одной из дореволюционных русских фабрик, что свидетельствует о сравнительно поздней дате составления списка.

В рукописи около 200 листов, выполнена она черной тушью, на языке, близком к языку туркменской классической литературы, почерк — среднеазиатский насталик.

Сочинение содержит описание ряда памятников Куны-Ургенча и рассказы о местных мусульманских шейхах, часть которых восходит к домонгольскому времени. В изложении событий, непосредственно предшествовавших завоеванию Средней Азии войсками Чингис-хана, встречаются любопытные детали о взаимоотношениях Хорезмшаха Ала ад-дина Мухаммеда (1200—1220) с верховным каганом монголов. Ход монгольского завоевания Мавераннахра очерчен бегло, гораздо более подробно повествуется о нашествии монголов в Хорезм, особое внимание уделяется судьбе Куны-Ургенча. Затем излагаются события до эпохи Тимуридов включительно. Имеется ряд данных, характеризующих экономику Хорезма в описываемое время: о торговле, о ценах на различные товары и т. д.

Сотрудник Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР С. Г. Агаджанов приступил к изучению этого нового исторического сочинения.

SUMMARY

In discussing the discovery in Kune-Urgench, Tashauz district, Turkmenian SSR, of a manuscript (200 folios) devoted mainly to Khoresm in the middle ages, the author of the item gives a general description of it.

The author and the title of the manuscript, as well as the date when it was written, have not been established as yet.

ИЗ ИСТОРИИ ПРЕПОДАВАНИЯ ПЕРСИДСКОГО ЯЗЫКА В РОССИИ И СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

М. Е. РАДОВИЛЬСКИЙ

I

Уже известные русские путешественники — купцы Афанасий Никитин¹ и Ф. А. Котов² сообщают некоторые сведения о персидском языке. Однако его первыми знатоками в России являлись переводчики и толмачи при посольском приказе в Москве³, выходцы из Астрахани и Казани, усваивавшие язык в самой восточной среде этих городов. Только при Петре I началось обучение персидскому языку. Сенатский указ от 18 января 1716 г. предписывал направить в Иран при посланнике Волынском пять учеников Московской академии для овладения персидским, арабским и турецким языками⁴.

Первым учреждением в России, где началось преподавание персидского языка, явилась Коллегия иностранных дел. Приглашенный в качестве переводчика Коллегии Г. Я. Кер вел там с 1732 г. по 1740 г. занятия с пятью воспитанниками Московской академии⁵. Кером был составлен неосуществившийся проект учреждения Восточной академии, где подготовка практиков-переводчиков, толмачей и каллиграфов сочеталась бы с подготовкой ученых-востоковедов⁶.

Несмотря на то, что М. В. Ломоносовым в черновых записях об уставе и штате Академии наук и Университета предусматривался преподаватель «ориентальных языков и древностей»⁷, в основанном в 1755 г. Московском университете востоковедение представлено не было.

Практически безрезультатными оказались предпринимавшиеся в последней четверти XVIII в. попытки организовать на восточных окраинах России изучение персидского языка, возложив преподавание на имевшихся там переводчиков⁸.

Только с созданием, в соответствии с университетским уставом 5 ноября 1804 г., отделений восточной словесности в университетах началось планомерное обучение персидскому языку.

¹ «Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466—1472 гг.» 2-е изд. доп. и перераб. М.—Л., 1958.

² «Хождение на Восток Ф. А. Котова в первой четверти XVII века». СПб., 1907.

³ «Дипломатические и торговые сношения Московской Руси с Персией». «Труды Восточного отделения императорского археологического общества», т. XXI, 1892, стр. I—II.

⁴ «Полное собрание законов Российской империи», т. V, 1713—1719. СПб., 1830, стр. 189, № 2978.

⁵ П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. 1, СПб., 1862, стр. 250.

⁶ П. Садовский. Восточные литературы и русские ориенталисты. «Русский вестник», 1856, т. II, № 3, кн. 2, стр. 116.

⁷ См. П. Пекарский. «История императорской Академии наук в Петербурге», т. II. СПб., 1873, стр. 921.

⁸ С. К. Булич. Очерк истории языкознания в России, т. 1. СПб., 1904, стр. 406.

В Харьковском университете персидский язык преподавался в 1805—1806 гг. И. Б. Берендтом, а несколько позже, в 1830—1836 гг., Б. А. Дорном, с отъездом которого обучение восточным языкам здесь прекратилось.

В Московском университете преподавание персидского языка было начато в 1811 г. крупным русским востоковедом А. В. Болдыревым, автором первых в России учебных пособий по персидскому и арабскому языкам. Прерванное в 1837 г. в связи с увольнением А. В. Болдырева преподавание было возобновлено его учеником П. Я. Петровым в 1852 г. и велось с некоторыми перерывами до 1872 г.

На долгие годы стал центром востоковедения в России Казанский университет, где с 1807 по 1817 г. вел курс персидского языка Х. М. Френ, а затем, сравнительно недолго, его ученик Я. О. Ярцев. Сменивший их Ф. Эрдман вел курс в течение 26 лет, с 1818 по 1844 г.⁹. В первые годы целью преподавания персидского языка в Казанском университете являлась подготовка переводчиков, а с 30-х годов и подготовка научных кадров.

С преподаванием восточных языков в Казани связан также не осуществившийся проект создания «Азиатской академии», где должны были изучаться языки, история и литература народов Востока, а также издаваться словари и грамматики восточных языков, тексты и переводы восточных классиков. Преподавание языка, согласно этому проекту, отделялось от преподавания литературы и поручалось особому лектору, а также «образованным мусульманам», которые должны были бы вести языковую практику¹⁰. Заслугой казанских востоковедов было солидно поставленное обучение персидскому языку в 1-й Казанской гимназии (с 1822 г.). Выпускники гимназии, обладая знанием языка, могли стать переводчиками военного ведомства или поступали на «восточный разряд» университета¹¹.

Персидский язык преподавался и в некоторых других средних учебных заведениях: Астраханской гимназии (с 1811 г.), училище Персеса, гимназии и мусульманских училищах в Тифлисе, Неплюевском военном училище (с 1824 г.) и прогимназии (до 1875 г.) в Оренбурге, Одесской школе восточных языков (с 1828 г., в 1837 г. преобразована в Восточный институт при Ришельевском лицее).

В Петербурге преподавание персидского языка было начато Ф. Б. Шармуа в Главном педагогическом институте, основанном 23 декабря 1816 г. и в 1819 г. преобразованном в университет. Цель преподавания заключалась «в образовании просвещенных и сведущих в восточных языках чиновников для дипломатических сношений со странами Азии и для употребления по части управления зависящих от России народов...», а также в основательном приуготовлении ученых для занятия кафедр восточных языков в университетах¹².

В 1829 г. О. Сенковским, Х. Френом и Ф. Шармуа был составлен проект учреждения при Петербургском университете «полного класса восточных языков», где «могли бы получить образование молодые профессора, предназначенные для преподавания впоследствии восточных языков при всех русских университетах»¹³.

27 августа 1855 г. торжественно открылся Восточный факультет, который должен был готовить теоретически и практически образованных востоковедов для службы по разным ведомствам. Преподавание восточных языков в других университетах было прекращено. Курс обучения продолжался четыре года; пятый год отводился для языковой практики. Теоретический курс — грамматика, чтение, перевод и анализ произведе-

⁹ См. также А. С. Шофман, Г. Ф. Шамог. Восточный разряд Казанского университета. «Очерки по истории русского востоковедения», сб. 2. М., 1956, стр. 420—421.

¹⁰ См. Оуваров. Projet d'une Académie Asiatique. S.-Petersbourg, 1810.

¹¹ См. Ковалевский. Обзор хода и успехов преподавания азиатских языков в императорском Казанском университете до настоящего времени. Казань, 1842, стр. 11.

¹² В. В. Бартольд. Обзор деятельности факультета, 1855—1905. «Материалы для истории факультета восточных языков», т. IV. СПб., 1909, стр. 47—48.

¹³ «Материалы для истории факультета восточных языков», т. I. СПб., 1905, стр. 100.

ний персидских классиков — читался профессором; практические занятия вели лекторы-персы. На обучение персидскому языку в Петербургском университете определенный отпечаток наложила деятельность А. А. Казембека как преподавателя персидского языка (с 1849 г.) и затем как декана восточного факультета. Он считал, что «ученая цель должна занимать факультет лишь настолько это необходимо для приготовления нужных для преподавателей языков азиатских»¹⁴. Чисто практические цели ставил перед востоковедным образованием и устав 1884 г. Однако фактически обучение в конце XIX — начале XX в. носило преимущественно академический характер. Изучение персидского языка в этот период связано с именами академика К. Г. Залемана и профессора В. А. Жуковского¹⁵.

Другим центром преподавания персидского языка в Петербурге было основанное в 1823 г. Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, готовившее дипломатов для службы на Ближнем Востоке. Здесь вели работу те же преподаватели, что и в университете. Однотипной была и методика преподавания. Ряд воспитанников учебного отделения (А. Ходзько, Шпицагель) и тесно связанных с ним *Офицерских курсов*, готовивших работников для Кавказского и Азиатского округов (А. Г. Туманский, И. Д. Ягелло, М. Д. Гутор и др.), оставили известный след в истории русской иранистики. В последние годы перед Великой Октябрьской революцией во главе Учебного отделения стоял В. А. Жуковский.

В Москве центром подготовки востоковедов было основанное в 1815 г. *Московское армянское учебное заведение*, впоследствии Лазаревский институт восточных языков. Преподавание персидского языка было введено здесь в 1825 г.¹⁶, но только с образованием *«специальных классов»* (1872 г.) оно приобрело систематический и целеустремленный характер. «Специальные классы» готовили переводчиков для государственной службы. Преподавание, в соответствии с этим, носило практический характер (чтение и перевод, устная практика на бытовые темы, перевод с русского, занятия каллиграфией¹⁷). Преподавание персидского языка в «специальных классах» связано с именами акад. Ф. Е. Корша (преподававшего с 1892 г. по 1914 г.), Мирзы Джафара (с 1876 г. по 1917 г.), М. А. Гаффарова.

В начале XX в. преподавание персидского языка велось также в небольшом объеме в *Практической восточной академии* в Петрограде (с 1910 г. по 1917 г.), в *Коммерческом институте* в Москве, в *Офицерской школе* в Ташкенте.

Первым русским пособием по персидскому языку была *«Персидская хрестоматия»* А. В. Болдырева (М., 1826 г.), бывшая основным учебным пособием в течение почти всего XIX в. Тщательно подобранные тексты, расположенные в порядке возрастающей трудности, знакомили студентов не только с языком, но и со многими образцами классической литературы, а приложенный к хрестоматии краткий грамматический очерк служил к ним своеобразным ключом.

В 1832 г. в Тифлисе вышла на персидском языке *«Краткая грамматика персидского языка»* А. Бакиханова. Через десять лет она была переиздана там же в русском переводе, выполненном самим автором. Слабой стороной работы было отсутствие в ней научной систематизации грамматического материала. Довольно сдержанно принятая книга А. Бакиханова не стала пособием для преподавания в университетах. Все же она сохраняет свое значение как первая в нашей стране сравнительно полная грамматика персидского языка.

¹⁴ «Материалы для истории факультета восточных языков», т. I, стр. 392.

¹⁵ Б. В. Миллер. Труды русских ученых в области иранского языкознания. «Ученые записки Московского государственного университета», вып. 107, т. III, кн. 2, 1946, стр. 72; А. И. Кононов. Столетие восточного факультета Ленинградского университета (1855—1955). «Советское востоковедение», 1956, № 2, стр. 86.

¹⁶ «Семидесятипятилетие Лазаревского института восточных языков». М., 1891.

¹⁷ «Обзорение преподавания в „специальных классах“ Лазаревского института восточных языков в 1916/17 академическом году». М., 1916.

Обстоятельностью и последовательностью изложения отличается *«Грамматика персидского языка»* И. Березина (Казань, 1853 г.), одна из первых работ, в которой рассматриваются и некоторые вопросы персидского синтаксиса. В Париже в 1852 г. издает свою *«Grammaire persane»* русский дипломат А. Ходзько, много внимания уделявший лексике и фразеологии живой персидской речи.

Среди учебных пособий этого периода назовем также *«Учебник персидского языка»* В. Иоаннисиянца (М., 1856 г.) и *«Начальное руководство к изучению арабского, персидского и татарского языка»* М. С. Бекчуринна (Казань, 1859 г.). Вторым из них пользовались в Оренбургском Неплюевском училище. Оба пособия страдали существенными недостатками и не давали полного освещения вопросов персидской грамматики.

Важное место среди учебной литературы принадлежит *«Краткой грамматике по-персидского языка»* К. Р. Залемана и В. А. Жуковского (немецкое издание 1889 г., русское — 1890 г.), до сих пор не потерявшей своего значения. В работе дано систематическое научное изложение персидской грамматики на основе классических текстов. В русском варианте грамматики отмечены и некоторые факты живого персидского языка. В ряду лучших пособий стоит также *«Грамматика персидского языка»* Мирзы Джафара, в создании которой принял участие и академик Е. Ф. Корш (I изд. 1884 г., II изд. 1901 г.). Привлекая материалы и классического и живого персидского языка, авторы стремились приблизить изложение к практическим нуждам. Мирзе Джафару принадлежит также *«Книга персидско-русско-французских разговоров»* (I изд. 1883 г., II изд. 1896 г.) — лучшее из такого рода пособий по богатству лексики и фразеологии, расположению материала и разработке тем.

Другие грамматические работы — *«Краткий очерк персидской грамматики (этимология)»* С. А. Геппенера (1888 г.), *«Краткая этимология»* А. Ф. Хашаба (1906 г.), *«Персидская грамматика»* М. Д. Гутора (1914 г.) не имели научного значения, а практическая ценность их в большой степени ослаблялась методическими недостатками.

В отдельную группу можно выделить пособия, составленные исключительно для практических нужд: *«Руководство к практическому изучению персидского языка»* В. Т. Наливкина (Самарканд, 1900 г.), *«Самоучитель персидского языка»* Н. Терлецкого (Тифлис, 1908 г.), разговорник *«Русский в Персии»* (СПб., 1913 г.). Наряду с некоторыми интересными моментами методического характера, эти пособия имеют существенные недостатки: произношение в некоторых случаях искажено, грамматика освещена неполно, лексика рационально не отобрана.

Наш обзор учебных пособий можно закончить перечнем лексикографических работ. В течение всего XIX в. основным был словарь, приложенный к *«Персидской хрестоматии»* А. В. Болдырева и содержавший примерно 5 1/2 тысяч слов.

Вершиной дореволюционной персидской лексикографии следует считать *«Персидско-русский словарь»* М. Гаффарова (т. I, 1914; т. II, 1927), выгодно отличавшийся от современных ему аналогичных словарей на Западе точностью сведений, полнотой охвата классической и, в известной мере, разговорной лексики, богатством фразеологии. Во многом уступает ему компилятивный *«Полный персидско-русский словарь»* Н. Д. Ягелло (Ташкент, 1910 г.).

Заслуживает внимания *«Русско-персидский словарь»* А. Ф. Хашаба (СПб., 1906 г.). Однако ценность его снижают неточная транскрипция, несоответствие состава лексики практическим целям словаря, отсутствие фразеологии.

В преподавании персидского языка до 1917 г. существовали два направления: академическое (или филологическое) и практическое. В первом отражалась выработанная русскими востоковедами методология филологической работы, охватывающей весь комплекс знаний в области культуры какого-либо народа на базе изучения его языка и литературы¹⁸. Сам объект изучения и характер материалов способствовали успехам филологической подготовки в университетах России. Практическая подготовка оказывалась слабее. Объясняется это, по нашему мнению, несоответствием ха-

¹⁸ См. Е. Э. Бертельс. К вопросу о филологической основе изучения восточных памятников. «Советское востоковедение», 1955, № 3, стр. 11.

рактера учебных пособий, построенных на классических текстах, целевой установке на активное владение языком, узким практицизмом в преподавании, от чего страдала целостность представления о системе языка, отсутствием хороших учебников по живому персидскому языку, а подчас (например на восточном факультете Петербургского университета) и недостаточным вниманием к языковой практике.

II

Преподавание персидского языка в Советском Союзе за прошедшие 40 лет тесно связано с развитием всего советского востоковедения.

Включение в круг исследования современного языка, новой литературы, современного положения страны, экономики, бывших до революции, как правило, вне интересов академического востоковедения; требование приблизить науку к жизни, дать сумму знаний и навыков, необходимых для практической работы — все это вызвало перестройку преподавания и создание новой востоковедной высшей школы.

После Великой Октябрьской социалистической революции преподавание персидского языка продолжалось на *Восточном факультете Петроградского университета*, а затем на этнолого-лингвистическом отделении образованного в 1919 г. факультета общественных наук (ФОН)¹⁹. С 1925 г. по 1930 г. преподавание персидского языка сосредоточивалось на факультете языка и материальной культуры (ЯМФАК). Характер учебных материалов и методика преподавания еще не претерпели значительных изменений: общее направление преподавания имело филологический уклон, занятия включали чтение, перевод и комментирование текстов²⁰.

В 1930 г. на базе ЯМФАК и других гуманитарных факультетов университета был создан *Ленинградский институт истории, философии, литературы и лингвистики* (ЛИИФЛИ). При подготовке специалистов-иранистов особое внимание уделялось истории языка и литературы²¹.

В 1937 г. ЛИИФЛИ слился с Ленинградским университетом. Персидский и другие восточные языки стали преподаваться на филологическом факультете. Исследовательская и педагогическая деятельность иранской кафедры и здесь по-прежнему ограничивалась почти исключительно вопросами классической литературы и истории иранских языков²².

Значительно расширилось изучение персидского языка в ЛГУ с созданием в 1944 г. *Восточного факультета*. Курс персидского языка предполагает ныне сочетание лекционных и практических занятий с серьезным преобладанием последних. Помимо этого определенное количество часов отводится на развитие навыков устной речи²³. Разнообразна научно-исследовательская деятельность коллектива кафедры²⁴.

В целях подготовки работников со знанием восточных языков для государственных учреждений постановлением Совета Народных Комиссаров от 7 сентября 1920 г. были созданы *Ленинградский институт живых восточных языков* и *Центральный ин-*

¹⁹ См. «Отчет отделения языковедения и литературы за 1923—1924 уч. год». Архив ЛГУ, св. 46, д. 11, стр. 39.

²⁰ См. «Сообщение проф. А. А. Фреймана в предметную комиссию древнего мира». Архив ЛГУ, св. 30, д. 1, стр. 145; «Отчет по отделению языковедения и литературы ФОН ЛГУ за 2-й триместр 1925 г.». Архив ЛГУ, св. 46, д. 11, стр. 36.

²¹ «Основные языковые специальности по лингвистическому факультету ЛИИФЛИ на 1935—1936 уч. год». Архив ЛИИФЛИ, д. 1, стр. 1; «Условия приема в Ленинградский институт истории, философии и лингвистики на 1936—1937 уч. год». Л. 1936, стр. 5.

²² «Отчеты о выполнении плана научно-исследовательских работ по ЛГУ, 1940 г.». Архив Министерства высшего образования, ар. 92, св. 14.

²³ «Ведомость распределения педагогических поручений на 1950/51 уч. г.». Архив ЛГУ, св. 180, д. 15.

²⁴ См. А. Н. Болдырев и Л. А. Березный. Научная деятельность Восточного факультета ЛГУ в 1954 г. «Советское востоковедение», 1955, № 1, стр. 143.

ститут живых восточных языков в Москве (впоследствии Московский институт востоковедения)²⁵.

Ленинградский институт живых восточных языков, функционировавший до 1938 г., должен был готовить: «а) работников для практической деятельности на Востоке и в связи с Востоком и б) научных работников для востоковедных высших учебных заведений»²⁶. Целью обучения являлось овладение современным персидским языком в его письменной и устной форме, умение читать и переводить различные литературные и публицистические тексты, современную прессу, деловую переписку и различные документы. Материалы должны были отвечать требованиям научного изучения предмета; в то же время в учебные планы не включалось ничего, что имело лишь теоретическое значение и не находилось в прямой связи с практическими целями института²⁷.

В 1931 г. институт был переименован в *Ленинградский восточный институт*²⁸ и реорганизован на новых учебно-методических основах. В подготовке специалистов сделан был упор на активное владение живым персидским языком, умение читать, писать и говорить. Существовавшее еще в начале 30-х годов мнение о том, что можно учить «разговору вообще», сменилось впоследствии требованием подбора определенной тематики занятия по развитию навыков устной речи²⁹.

В Институте был создан ряд учебных пособий, отражавших новые установки в преподавании. Важное место среди них занимает «*Современная персидская пресса в образцах*» А. А. Ромаскевича (1931 г.), отличающаяся рядом методических достоинств и разнообразием материалов по общественной и экономической жизни Ирана 20-х годов. Сочетанием научной добросовестности с простотой изложения характеризуется «*Грамматика персидского языка*» Е. Э. Бертельса (1926 г.); особенно полно изложен в ней раздел, посвященный морфологии современного персидского языка. «*Учебник персидского языка*» (1932 г.) того же автора содержал учебные тексты на бытовую и общественно-политическую тематику, грамматические пояснения и материалы для чтения; упражнений, однако, в этом учебнике было еще мало. В последующие годы велась работа по созданию и других учебных пособий³⁰.

В Москве с 1918 по 1920 г. персидский язык преподавался по обширной программе на этнолого-историко-филологическом факультете Лазаревского переднеазиатского института, как он тогда назывался³¹. По тем же принципам, что и в Ленинградском восточном институте, хотя и с известными отличиями в учебных планах и программах, велось преподавание в выросшем из Лазаревского института *Московском институте востоковедения*. Как и в ЛВИ, каждый студент изучал один восточный язык. Программа была рассчитана на три, а с 1925 г. — на 4 года³². Преподавание персидского и других восточных языков в этих учебных заведениях по целевой установке, характеру материалов и методике представляет качественно новое явление по сравнению с тем, что было в дореволюционной практической востоковедной школе. Это нашло отражение в интересной по содержанию и построению грамматике Л. И. Жиркова «*Персидский язык*» (1927 г.).

²⁵ См. «Труды института востоковедения», сб. № 2, 1940, стр. 19.

²⁶ «Справочные сведения по Ленинградскому институту живых восточных языков за 1924 — 1925 уч. г.». Л., 1925 г., стр. 12.

²⁷ Там же, стр. 54.

²⁸ Архив Ленинградского восточного института (ЛВИ), оп. 7222-12, к. 11, д. 7.

²⁹ См. «Стенографический отчет совещания о методике преподавания восточных языков. Май 1933 г.». Архив ЛВИ, оп. 7222-14, к. 15, д. 43, стр. 6, 14.

³⁰ «Протоколы заседаний иранской кафедры за 1935—36 уч. г.». Архив ЛВИ, оп. 7222-17, к. 28, д. 54, стр. 6; «Протоколы заседаний иранской кафедры за 1937—38 уч. г.». Архив ЛВИ, оп. 7222-18, к. 17, д. 77.

³¹ См. «Справочник Московского института востоковедения». М., 1926, стр. 1.

³² См. М. П. Павлович. История и задачи новых востоковедных вузов. «Новый восток», 1925, № 10-11, стр. XIII.

После реорганизации в 1931 г. целевая установка Московского института востоковедения, как и ЛВИ, предусматривала подготовку специалистов, свободно владеющих живым персидским языком в устной и письменной форме. На изучение языка отводилось до 50% учебного времени. Программа предполагала знакомство с образцами современной и классической художественной литературы, изучение бытовой лексики, терминологии и т. п.³³ Много внимания уделялось улучшению методики преподавания восточных языков³⁴.

Новая методика преподавания вызвала создание работниками института ряда новых учебников.

В 1933 г. появились «Учебник персидского языка» (для первых двух лет обучения) А. Зарре и А. М. Касаева, насыщенный бытовой и общественно-политической лексикой, и «Учебник персидского языка для афганской кафедры» Мохамедова и Л. И. Жиркова. Недостатком обоих учебников являлось почти полное отсутствие упражнений. В 1940 г. вышел «Учебник персидского языка» (ч. I и II) А. М. Касаева и Н. Н. Томаса, выгодно отличавшийся более детально разработанной грамматикой, лучшим качеством текстов и разнообразной системой упражнений в 1-й части. Почти идентично ему второе издание учебника (1945—1946 г.). Мы не упоминаем здесь многочисленных «Хрестоматиях», «Сборниках» и т. п., изданных институтом и использующихся до сих пор в различных востоковедных учебных заведениях.

В последние годы своего существования институт готовил референтов-переводчиков. В течение двух лет функционировали созданные в 1948/49 уч. г. переводческий факультет и курсы усовершенствования переводчиков с русского языка на восточный. Хорошая практическая подготовка по языку сочеталась в институте со знанием истории и литературы страны³⁵. С 1954 г. преподавание персидского языка в том же объеме и с теми же целями было перенесено на Восточный факультет Московского государственного института международных отношений.

Успешно шло преподавание персидского языка на Восточном факультете Военного института иностранных языков (1942—1956 гг.). Кафедрой персидского языка была подробно разработана методика преподавания, составлены подробные программы³⁶, выпущен ряд учебников и хрестоматий. Теоретические и методические достоинства характеризуют «Вводный курс современного персидского языка» Г. А. Восканяна и Ю. А. Рубинчика (1951 г.). В 1952 г. был издан «Учебник персидского языка для 3-го года обучения» М. Е. Радовильского. Высокую оценку заслужил «Учебник персидского языка (первый год обучения)» Э. М. Алиева и Л. С. Пейсикова (1953 г.). В периодических изданиях института были опубликованы отдельные работы по методике преподавания персидского языка³⁷.

В Московском государственном университете систематическое изучение персидского языка возобновилось после почти семидесятилетнего перерыва на филологическом факультете с 1943/44 учебного года и на историческом — с 1944/45 учебного года³⁸. Кафедра иранской филологии продолжала традиционную практику комплексного изучения языка, литературы и культуры Ирана. Упор сделан был на преподавание современного персидского языка. Из работ иранистов МГУ в области языка следует упомянуть прежде всего «Персидско-русский словарь» Б. В. Миллера (М., 1950, II изд. — 1953) и «Краткий

³³ «Объяснительная записка к учебному плану МИВ на 1936-37 уч. год». Архив ЛВИ, оп. 7222-17, св. 29, д. 80, стр. 9-11.

³⁴ «Стенографический отчет совещания о методике преподавания восточных языков. Май 1933 г.». Архив ЛВИ, оп. 7222-14, к. 15, д. 43.

³⁵ См. Н. И. Конрад. Об изучении восточных языков в наших высших учебных заведениях. «Вопросы языкознания», 1952, № 1, стр. 135.

³⁶ «Программа по персидскому языку». М., ВИНЯ, 1955; «Программа по курсу перевода». М., ВИНЯ, 1954.

³⁷ См. ряд статей в «Трудах ВИНЯ», «Ученых записках ВИНЯ», «Бюллетене методического совета ВИНЯ».

³⁸ А. А. Стариков. Из истории восточной филологии в Московском государственном университете. «Советское востоковедение», 1955, № 6, стр. 86—87.

«очерк грамматики персидского языка» (приложение к словарю) В. С. Расторгуевой; а также «Учебник персидского языка» И. К. Овчинниковой (1956 г.).

В 1956 г. был создан Институт восточных языков при МГУ. Целевая установка предусматривала полное и всестороннее овладение языком и усиление филологической подготовки студентов.

Крупные центры востоковедной работы выросли в среднеазиатских и закавказских союзных республиках. Преподавание персидского языка началось там еще в первые годы советской власти. В декабре 1918 г. в Ташкенте был создан Туркестанский восточный институт, в 1924 г. преобразованный в Восточный факультет Туркестанского университета. Факультет существовал до 1931 г. Задачей его являлась подготовка кадров для научно-исследовательской работы в области востоковедения и для государственных учреждений Средней Азии³⁹. В небольшом объеме персидский язык преподавался также в 1928-1929 гг. на Восточном факультете Азербайджанского государственного университета⁴⁰ и в середине 20-х годов в Крымском государственном университете и Казанском восточном педагогическом институте⁴¹.

В 1943 г. после длительного перерыва преподавание персидского языка возобновилось на созданных решением партии и правительства Восточных факультетах Среднеазиатского и Азербайджанского университетов. Оно было введено также на организованных несколько позже Восточных факультетах Тбилисского и Ереванского университетов. Во всех этих учебных заведениях персидский язык преподается по широкой программе студентам, изучающим иранскую филологию и историю Ирана. Помимо этого персидский язык изучается как дополнительный в Узбекском университете (г. Самарканд) и Таджикском университете. Для филологической подготовки иранистов в наших университетах характерно расширение объектов изучения: наряду с произведениями персидских классиков привлекаются образцы современной художественной литературы, современная иранская пресса. Практические занятия включают чтение, анализ и перевод текста; некоторое количество часов отводится на развитие навыков устной речи. Ряд учебных пособий создан иранской кафедрой Азербайджанского университета. Среди них «Персидский язык» (учебник на азербайджанском языке) А. Азери (1952 г.), «Каллиграфия» Г. А. Дарабади (1953 г.) и т. д. Преподавание персидского языка в Тбилисском и Ереванском университетах также ведется по созданным там учебным пособиям. Усилению подготовки иранистов в Средней Азии должна способствовать организация в 1957 г. Восточного института в Ташкенте (на базе Восточного факультета Среднеазиатского университета).

Таков краткий обзор истории преподавания персидского языка в нашей стране.

Решения первой Всесоюзной конференции востоковедов (1957 г.), подчеркивавшей исключительную важность активного владения восточными языками для поднятия уровня исследовательской работы⁴², определяют новые, еще более значительные задачи и в этой области нашего востоковедения.

SUMMARY

The author reviews the history of the instruction of the Persian language in Russia from the beginning of the 18th century and in the USSR up to our days.

³⁹ См. «Хроника». «Новый Восток», 1926, № 13-14, стр. 445.

⁴⁰ См. «Учебные планы восточного факультета». «Известия восточного факультета Азербайджанского университета», 1929, т. IV, стр. 274.

⁴¹ См. «Учебный план Крымского университета»; «Учебный план отделения татарского языка и культуры Восточного педагогического института в г. Казани». В кн. «Учебные планы ВУЗ'ов», вып. XI, М., 1927.

⁴² См. «Решение первой всесоюзной конференции востоковедов». «Советское востоковедение», 1957, № 4, стр. 190—192.

⁴⁷ Советское востоковедение, № 6

ИСТОРИЯ СТРАН БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА В НОВОМ УЧЕБНИКЕ ПО ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ВОСТОКА *

До настоящего времени преподавание средневековой истории стран зарубежного Востока в высших учебных заведениях СССР затруднялось отсутствием учебников¹, что объяснялось, главным образом, недостаточной разработанностью истории стран Востока советскими медиевистами. Поэтому следует приветствовать инициативу Московского университета, выпустившего первый учебник по восточному средневековью.

В настоящей рецензии мы рассмотрим только главы учебника, посвященные истории стран Ближнего и Среднего Востока (гл. VII, ч. I; гл. VII, ч. II; гл. X, ч. II; гл. VI, ч. I; гл. IX, ч. II; гл. VI, ч. III; гл. XI, ч. II; гл. VII, ч. III).

Удовлетворяет ли данная книга требованиям, предъявляемым к учебникам для высшей школы, и стоит ли она на уровне современного состояния советской историографии?

По нашему мнению, ни «Введение», ни перечисленные выше главы (кроме главы VI части I и главы X части II) не могут, к сожалению, полностью удовлетворить студентов.

Отсутствие библиографии, изложения мнений и выводов различных советских ученых по вопросам периодизации и развития истории стран Ближнего Востока приводит к тому, что мнения самих авторов глав выдаются за окончательные выводы исторической науки. Нет в рассматриваемых главах и систематического обзора источни-

ков, отмечены лишь отдельные из них. Так, в разделе о культуре арабов (стр. 214—215) не упомянут крупнейший из ранних арабских историков — Балазури, а в разделе о турецкой культуре (стр. 358—359) — величайший историк Турции Мюнеджжим-баш. Часто, ссылаясь на источники, авторы не называют их, а иногда, назвав, неправильно цитируют. Так, в главе XI части II «Турция в XIV—XV вв.», автор, ссылаясь на свидетельство Ибн Баттуты, говорит, что «положение крестьян в новом (Османском, — *Авт.*) княжестве не изменилось, поскольку турки восприняли форму эксплуатации, существовавшую в западной части Малой Азии еще при византийском владычестве» (стр. 251). В действительности же Ибн Баттута ничего не говорит о положении крестьян в Османском эмирате.

По собственному признанию Ибн Баттуты он путешествовал там без знания турецкого языка и почти не встречал людей, знавших арабский, поэтому он и не мог ознакомиться с положением крестьян.

Вызывает возражения принятая в учебнике периодизация истории стран Ближнего Востока, согласно которой период развитого феодализма наступил там будто бы «к половине или к концу VIII в.» (стр. 8). Между тем в странах Ближнего и Среднего Востока признаки развитого феодализма: превращение большинства крестьян в феодальнозависимых, формирование феодального города, развитие условных форм феодального землевладения (наследственные лены с иммунитетом) и т. д. — отмечаются лишь в X в. В VIII и даже в IX в. в этих странах еще слишком большое место занимали патриархальный (сохранялась племенная общинная собственность на пастбища, племенная организация войска, велись межплеменные войны) и рабовладельческий уклады (рабский труд еще широко применялся в земледелии и ремесле; в 869—884 гг. произошло грандиозное восстание зинджей, в котором ведущую роль играли рабы).

Во «Введении» авторы пишут, что в XV—XVI вв. уже началось «разложение феодальных отношений», в «ведущих странах

Востока», среди которых назван и Египет, «возникли зачатки капиталистических отношений» (стр. 10), а в Иране и Турции эти процессы «были гораздо менее выражены» (стр. 11). Тезис о том, что зачатки капиталистических отношений в некоторых странах Востока появились до проникновения европейцев — вполне правильный. Однако проблема эта в историографии еще не совсем разработана. Поэтому не следовало бы так категорически утверждать, что процесс «разложения феодальных отношений» происходил именно в XV—XVI вв. и «в большинстве стран Востока». Авторы в данном случае смешивают упадок экономики в ряде феодальных обществ с разложением феодализма, которое немисливо без сколько-нибудь значительного развития капиталистического уклада. Далее, надо было показать на конкретных фактах, в чем выражался процесс возникновения зачатков капитализма. Между тем, в соответствующих главах не только ничего не говорится об этом процессе, например, в Египте, а, напротив, в противоречии с «Введением», утверждается, что там «в XV в. стали обнаруживаться явные признаки экономического упадка» (стр. 245), а в XVI—XVII вв. преобладали «застойные формы феодальных отношений» (стр. 365). Не находим мы в книге конкретного материала и о возникновении хотя бы предпосылок капиталистических отношений в Иране и Турции. Так, в общем правильный тезис «Введения» не подтверждается содержанием глав.

История арабов изложена в учебнике схематично, без приведения достаточного количества фактических данных и ссылок на источники и научную литературу. Авторы не дают четкого определения понятий «община», арабская «клентела» — *села*, совсем не упоминают о коммendaции и патронате (*илтиджа*, *илджа*), об иммунитете — этом необходимом атрибуте развитой феодальной земельной собственности² и т. д.

Отсутствуют самые необходимые сведения по истории доисламской Аравии (глава VII части I). Ничего не сказано о структуре племени и рода, о классификации арабских племен, о североарабском и южноарабском языках, о столь богатой памятниками южноарабской письменности и фольклорной поэзии северных арабов, о религии населения Северной и Южной Аравии и т. д.

Меню начала VII в. авторы определяют как «рабовладельческий город-государство» (стр. 89). Между тем в Мекке в начале VII в. имелись лишь зачатки города-государства, существовал совет родовых старшин (*дар ан-надва*), но не было выборных органов власти, суда и законодательства.

В оправдание тезиса о «кризисе и раз-

ложении рабовладельческих отношений» в VII в. (стр. 89), авторы стремятся представить общество Южной Аравии как развитое рабовладельческое. Однако сами они признают, что «рабовладельческое общество здесь характеризовалось сохранением значительных пережитков первобытно-общинного строя» (там же), а пережитки эти выражались, как известно, в сохранении родовой общины и родоплеменной организации. Рабовладельческое общество в Южной Аравии в VII в., по-видимому, оставалось неразвитым. Сомнительным является также и положение, что «рабы использовались в основном в крупных государственных мастерских» (там же).

Согласно излагаемой в главе схеме, раннефеодальное общество во Внутренней Аравии сложилось еще до больших арабских завоеваний. Доказательство этого тезиса авторы видят в появлении частной собственности на землю (стр. 90—92). Однако на основании источников трудно установить, была ли эта частная собственность на землю феодальной или рабовладельческой. Факт существования издольной аренды вряд ли можно считать доказательством феодального характера этой собственности. Издольная аренда земли существовала и в рабовладельческих обществах (конечно, характер ее здесь был существенно иной), упоминается она, в частности, и в «Афинской политике» Аристотеля. Сами авторы признают, что «основная масса членов племени... не являлась ни порабощенной, ни закрепощенной» (стр. 91). Могла ли существовать феодальная собственность на землю без феодальной зависимости и феодальной эксплуатации непосредственных производителей?

Авторы не отметили того обстоятельства, что проблема разложения первобытно-общинных отношений и образования классов в арабском обществе еще далеко не выяснена в подробностях и что по данному вопросу в советской исторической литературе имеется точка зрения (представленная в работах А. Ю. Якубовского, Б. Н. Заходера, Е. А. Беляева, в его прежних работах), согласно которой к началу VII в. в большей части Аравии складывался рабовладельческий уклад. Однако он не развивался в господствующий способ производства (как это имело место ранее в Мекке).

Авторы утверждают, что арабское государство было раннефеодальным (стр. 92—94). Однако этот вывод никак не вытекает из того, что они рассказывают о возникновении арабского государства. В самом деле, авторы говорят о борьбе бедных горожан и рабов с рабовладельцами в Мекке, о мекканской аристократии как о рабовладельческой, о борьбе Мединского земледельческого оазиса с той же мекканской (т. е. рабовладельческой) знатью (стр. 93) и вдруг неожиданно возникает «первое арабское раннефеодальное государство» (стр. 94). Но когда успели появиться феодалы? Ведь

* «История стран зарубежного Востока в средние века». М., Изд-во МГУ, 1957. Под ред. Ф. М. Адамба, Е. А. Беляева, И. М. Рейснера, Л. В. Симоновской.

¹ Курсы лекций Е. А. Беляева и Б. Н. Заходера, обладавшие значительными достоинствами, оспешали, однако, историю далеко не всех стран зарубежного Востока; к тому же они стали уже библиографической редкостью: Е. А. Беляев. Средиземноморье и Ближний Восток в средние века. М., Изд-во МГУ, 1940 (литогр.); Б. Н. Заходер. История восточного средневековья. М., Изд-во МГУ, 1944.

² См. К. Маркс. Капитал, т. 1, 1949, стр. 339.

ли о каких феодалах, например, в Медине или Мекке ничего не сообщают ни источники, ни авторы. Далее, если образовался уже класс феодалов, то должны появиться и феодальнозависимые крестьяне. Однако в источниках, в частности и в Коране, мы не находим никаких указаний на существование феодальнозависимых крестьян в Аравии того времени.

Е. А. Беляев, один из авторов и редактор учебника, в прежних своих работах проводил мысль, что государство Мухаммеда и ранний ислам были рабовладельческими. В докладе на XXIII Международном конгрессе ориенталистов он подчеркивал: «Коран провозгласил рабовладельческой психологией... Некоторые пытаются представить возникновение ислама в виде крупной революции, якобы преобразившей общественный строй арабов. Для такого представления Коран не дает никаких оснований... Рабство Коран признает социальным институтом, тоже установленным Аллахом»³. Ныне он выступил с концепцией, согласно которой государство Мухаммеда было феодальным, а ислам — феодальной религией.

Мы считаем, что прежняя концепция Е. А. Беляева была правильной, и автору следовало бы объяснить, что привело его к изменению первоначальной концепции.

Ссылаясь на Абу Юсуфа, законоведа конца VIII в., авторы пишут, что Мухаммед и его преемники — халифы «с первых же дней возникновения государственной власти широко раздавали земли на ленном праве — икта» (стр. 95). Ссылка эта, однако, неправомерна, ибо мусульманские законодательства VIII—X вв. старались, как известно, все правовые институты, возникшие в эти столетия, возвести ко времени Мухаммеда и сочиняли поэтому легендарные предания о Мухаммеде (хадисотворчество). Схема авторов противоречит выводам не только советских, но и западных историков (Поляк, Локкегорд, Клод Каэн); можно считать доказанным, что институт икта развивался постепенно от бенефиции к наследственному лену, и превращение икта в лен в разных странах Ближнего Востока завершилось между X и XIII вв. В первой половине VII в. выражение «икта» означало простое дарение участка земли — поля, сада, виноградника — в частную собственность, безотносительно к характеру этой собственности. Авторы же пытаются арабский простой глагол акта — «парезати, отвести [землю]» представить как термин

для обозначения феодального землевладения, каким он стал значительно позже. Они считают институт икта вполне сложившимся наследственным леном уже при Мухаммеде и первых халифах (стр. 100), перенося в VII в. черты позднего икта XII—XV вв. Авторы смешивают при этом разные виды икта (икта тамлик, икта иджара и др.), а также условия их держания; они допускают и прямые ошибки, утверждая, например, будто икта можно было продавать и покупать; на самом деле, это относилось только к одному виду икта — тамлик. Таким образом, студенты не получают из учебника представления ни о различных значениях и видах «икта», ни об истории развития этого института. Следует отметить также противоречивость в определении времени превращения икта в наследственное владение: на стр. 100 ошибочно утверждается, будто икта уже при первых халифах была наследственной, а на стр. 211 правильно указано, что позже, при Аббасидах, владельцы икта стремились превратить временное держание икта в наследственное.

Неправильной является характеристика мульты как земли, которую «обрабатывать было не обязательно» (стр. 100). Ничего не сказано об институте *зима*, неверно освещается образование вакфов (стр. 211).

Имеются погрешности и в освещении налоговой системы халифата (стр. 105). По утверждению авторов, начиная с 700 г. «все мусульмане не-арабы» законом были обложены подушной податью (джизья), чего, как известно, никогда не было и чего никогда не допускало мусульманское право.

Неправильно излагается в учебнике история восстания Абу Муслима. Авторы не показывают связи организаторов восстания с Аббасидами. Они полагают, что только после падения династии Омейядов «арабские феодалы, борясь за сохранение своего владычества, выдвинули к власти (?) нового халифа из рода Аббасидов» (стр. 107). На самом деле восстание Абу Муслима было подготовлено тайной организацией сторонников Аббасидов, возникшей еще в 724 г. Началось восстание не «в 740-х годах» (стр. 106), а точно в июне 747 г. Известно, что больше всего сторонников Аббасиды имели среди примкнувших к восстанию иранских феодалов-деханов. Победа восстания и привела Аббасидов к власти. Таким образом, утверждение Аббасидов явилось не «победой арабских феодалов» над народным движением, как сказано в учебнике, а победой одной группировки феодалов, преимущественно иранских, сумевшей использовать в своих целях народное движение, над другой — чисто арабской группировкой феодалов, сторонников Омейядов. Неверно также, будто «основной опорой Омейядов» были «вожди христианских арабо-сирийских племен» (стр. 103).

Авторы пишут, что на рубеже VI и

VII вв. в Византии происходило «дальнейшее (?) обострение кризиса рабовладельческого строя и становление феодализма», «в византийских владениях — Сирии и Палестине — происходили непрерывные восстания рабов» (стр. 92). Между тем к этому времени феодализм в Византии уже победил, и происходившие там в VI — начале VII в. восстания самаритян (относительно непрерывные), «зеленых» и другие не были восстаниями рабов.

Относительно лучше, чем глава VII части I, написана глава VIII части II. В ней использован более основательный фактический материал. Однако и она не лишена некоторых погрешностей. Так, большим недостатком является то, что хронологические рамки ее совпадают со временем династии Аббасидов (750—1258 гг.). Между тем периоды VIII—IX вв. и X — начала XIII вв. весьма существенно отличаются один от другого по уровню экономического развития, по формам феодальной земельной собственности и феодальной эксплуатации, по развитию феодального города и т. д. Руководствуясь династичным, чисто формальным признаком — существованием халифата династии Аббасидов, — автор искусственно соединил два различных периода.

Неудачны разделы об идеологии и культуре. Ничего не сказано в них о суфизме, арабской поэзии, архитектуре, орнаментальном искусстве. Ошибочным является утверждение автора (стр. 214), будто «Жизнь посланника божьего» Ибн Исхака дошло до нас в оригинале. На самом деле сохранились лишь переработки его Ибн Хишамом и Табаром. Характеристика позднего суннитского богословия — калама (стр. 215) многое теряет оттого, что до этого не была изложена система религиозных воззрений раннего ислама.

Слишком поверхностно освещено народное движение карматов конца IX—X вв. Читатель не найдет здесь ни слова ни об их социальном составе (участие ремесленных корпораций), ни об идеологии «секты карматов». Вряд ли может удовлетворить студента такое объяснение социальной программы карматов: они «проповедовали, что главным в государстве должен быть свободный крестьянин-общинник» (стр. 217). В действительности карматы отрицали частную собственность на землю; добивались всеобщего равенства (для свободных) и как конечной цели — равномерного распределения средств потребления.

Нельзя согласиться с утверждением, что лишь «очень незначительная часть земель находилась в частной феодальной собственности отдельных лиц и носила название мульты» (стр. 214). Земли этой категории преобладали в Армении и Грузии; согласно источникам (Ибн ал-Балхи), до X в. в Фарсе большую часть земель составляли мульты. Нет оснований говорить об оживленной торговле с Франкским государством VIII—IX вв.

(стр. 210). Торговые сношения стран Западной Европы с Ближним Востоком до XI в. были еще очень слабыми. Несомненно, на чем основано утверждение, что «духовный авторитет халифа... неизменно возрастал с середины X в.» (стр. 218).

Чрезмерная краткость изложения привела к тому, что история Багдадского халифата, державы Сельджукидов и монгольского завоевания изложена всего лишь на десяти страницах, ничего не сказано о строе феодального города, шесть строчек — о господстве сельджуков в арабских странах, две-три фразы о крестовых походах; ничего не узнает студент о государствах крестоносцев в Сирии и Палестине, о последствиях крестовых походов (о переходе руководящей роли в срезизоморской торговле к итальянским городам) и т. д. Ничего не говорится о Византии, Грузии и других соседях халифата, отношения с которыми играли существенную роль в истории арабских стран.

Встречаются в главах по истории арабов и досадные терминологические и хронологические ошибки. Владелец икта называется при Аббасидах «мукта», или иктадар (стр. 211 и др.), однако, последняя форма — персидская, встречается только в персидских источниках (с XI в. и позднее). Встречаются формы вроде «племя бану надиров» (невозможное сочетание араб. «бану» — «сыны» и русск. родит. падежа мн. числа от имени «Надир»). Вторая (а не третья, как в учебнике) осада Константинополя арабами происходила не в 716 г. (стр. 104), а с августа 717 по август 718 г. Реконкиста в Испании была закончена не в XVI в. (стр. 208, прим. 1), а в 1492 г. В числе крупнейших городов халифата VIII—IX вв. упомянут Каир (стр. 209), между тем он был основан только в 969 г. Гибель Бармакидов имела место не в 802 г. (стр. 213), а 29 января 803 г.; халиф Мутасим правил не в 839—842 гг. (стр. 213), а в 833—842 гг.

Главы по истории Ирана выгодно отличаются сравнительно большим фактическим материалом, но имеют ряд ошибок. Отметим важнейшие из них.

Хосров I не установил подати хараг и гезит (стр. 84), они существовали и до него. Неверно также, будто при нем налоги «были в целом легче» (стр. 84) прежних, ибо до этого они взимались натурой из доли урожая, теперь же — в твердых денежных ставках, независимо от размеров урожая, что при частых неурожаях было для населения более обременительным. На стр. 77 правильно отмечено разное значение терминов «дехан» и «азат», после чего на других страницах уже фигурируют «азаты-деханы», как если бы это были синонимы. При этом авторы пишут то «деханы», то «дехкане», то «дихкане», то «кед-худа» (стр. 76), то «кат-худа» (стр. 226). В числе культурных растений, которые до VIII—IX вв. в Иране «не выращивались или выращивались в ограниченных масштабах» названы фи-

³ См. Е. А. Беляев. Образование арабского государства и возникновение ислама в VII в., стр. 14. В серии: Доклады советской делегации на XXIII Международном конгрессе востоковедов, секция исламоведения. М., Изд-во АН СССР, 1954; см. также: Е. А. Беляев. История арабов. М., 1937; «Всемирная история», т. III, гл. VII (авторы А. Ю. Якубовский и Е. А. Беляев).

ники (стр. 219). На самом деле еще до н. э. здесь было много финикийских палмов (Страбон), и иранские финикийцы считались лучше арабских, что и отмечено в податном уставе Хосрова I в VI в. (Табари). Поземельная подать при Аббасидах составляла не $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ валового урожая (стр. 219), а от $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{2}$.

По словам автора, хуррамнты заимствовали из буддизма «идею переселения душ» (стр. 220). Однако в буддизме нет учения о «переселении душ» (да буддизм и не признает реального существования души, вместо души фигурирует «поток сознания»), а есть учение о «перерождениях», т. е. соединениях дхарм, составляющих «поток сознания», в новые комбинации. Идеи же метемпсихоза у хуррамнтов, вероятно, западного (пифагорейского?) происхождения. Едва ли у хуррамнтов вообще могли быть какие-либо связи с буддистами.

Нельзя писать, что «придя к власти в 813 г., Мамун сбросил маску и начал жестокие преследования... шитов и представителей иранской знати...» (стр. 221). Мамун не маскировался, он сознательно опирался вначале на шитов, а с 818 г. резко изменил свой политический курс под влиянием суннитских восстаний в Ираке. Иранскую знать он не только не преследовал, но, напротив, наделил обширными земельными пожалованиями; при нем уже после 818 г. возникли княжества Тахиридов и Саманидов. Началом государства Саманидов автор считает 882 г. Между тем три среднеазиатских удела Саманидов возникли около 819 г. и объединились в одно государство около 855 г. В. В. Бартольд называл 874 г. как дату возникновения государства Саманидов, что, однако, не оправдано, ибо в этом году Исмаил Саманид стал лишь уделным князем Бухары, государем же всего Саманидского царства он стал в 892 г.

Нельзя говорить, что государственные земли в Иране стали преобладающей категорией феодальной земельной собственности в период с конца IX до начала XIII в. (стр. 224—225). Эта категория земель преобладала до XI в., когда при Караханидах и Сельджукидах большая часть этих земель была роздана кочевым завоевателям на правах военных ленов. Автор противопоставляет мульковые (аллодиальные) земли хараджным. Между тем, мульковые земли могли быть и имущественными (мульк-и хурр) и могли быть обложенными хараджем (мульк-и харадж). Здесь смешаны разные принципы классификации (стр. 225).

Суфизм возник не в IX в., как указано в учебнике (стр. 227), а не позднее начала VIII в., в IX в. он лишь распространился в Иране. Пытаясь определить социальную базу суфизма в XI в. (стр. 228), автор смешивает две различные группы классов феодалов — «потомственную» хорасанскую знать и «патрициат», новую группу, сложившуюся уже в X—XI вв. Неудачна

формулировка: «язык „дари“, явившийся основой для таджикского и персидского (фарси) языков» (стр. 230). Дари и фарси — один и тот же литературный язык, сложившийся на основе родственных разговорных языков новоперсидского и таджикского.

Династию Зияридов неверно определять как «мелких владетелей» (стр. 232). Автор пишет: «Ценны некоторые подробности, сообщаемые «Кабус-намэ» о ремесленных организациях» (там же). Однако в «Кабус-намэ» мы этих подробностей не находим.

Автор полагает, что Якуб ибн-Лейс Саффар был потомком «старинной местной иранской знати» (стр. 222). Между тем известно, что Якуб был безземельным крестьянином, а впоследствии ремесленником, разбойником и наемным солдатом.

По словам автора, «известный историк Ходжа-Шамс-ад-дин Джувейни» занимал «должность начальника дивана при Хулагу-хане, владел обширными угодьями, приносившими ему более 3000 динаров в год» (стр. 234). Здесь, прежде всего, о двух разных лицах говорится, как об одном: политическим деятелем, начальником дивана был Шамс-ад-дин Джувейни, а историком — его брат Ала-ад-дин Джувейни. 3000 динаров — сумма незначительная. Согласно источникам, доходы Ала-ад-дина Джувейни составляли 10 тыс. динаров в день, то есть свыше 3 500 тыс. динаров в год.

Историк Рашид-ад-дин, по словам автора, происходил «из азербайджанских евреев» (стр. 234). Если Рашид-ад-дин (точнее, его дед) и происходил от евреев (вопрос этот остается неразрешенным), то это могли быть только евреи иранские, а никак не азербайджанские, ибо семья деда Рашид-ад-дина была родом из Хамадана, который, как известно, находится в Иране, а не в Азербайджане. Автор далее сообщает неточные данные о размерах купчура и хараджа при монгольском владычестве. Государство Музаффаридов никак нельзя назвать «небольшим» (стр. 237) — оно занимало весь Южный Иран. Кара-коюнлы и ак-коюнлы — не «племена» (стр. 238), а союзы племен; следовало также дать датировку государствам Кара-коюнлы и Ак-коюнлы. Автор утверждает, что произведение великого поэта Джами «Бахаристан» («Весенний сад») написано «прозой на арабском языке» (стр. 241) в то время, как «Бахаристан» написан по-персидски. Имя персидского историка Вассафа автор везде (стр. 234, 239) пишет «Васаф» (форма — грамматически невозможная).

Слово сарбедар (участник народного движения XIV в.) (в точной транскрипции *сар ба дар*, не *сар би дар*) значит «висельник», т. е. «отчаянный», «беспардонный», а не «бездомный» (стр. 237). «Почтовая станция» по-монгольски не «ясысы», как утверждает автор (стр. 237), а «ям». «Получающий плату» по-персидски не «муза-

дар» (стр. 223), а «муздар»; «земледелец» по-персидски не «кашавар» (стр. 226), а «кишавар». Титул монгольского государя Ирана ильхан автор почему-то везде пишет «Иль-хан», как если бы это было собственное имя.

В рассматриваемой главе допущен также ряд ошибок в хронологии. Так, халиф Харун ар-Рашид не мог «двинуться на подавление восстания» Рафи ибн Лейса в 804 г. (стр. 221), ибо это восстание началось в 806 г. Алп Тегин поднял мятеж против саманидского правителя не в 972 г. (стр. 226), а в 962 г. Историк Ибн аль-Асир умер не в 1232 г. (стр. 232), а в 1234 г. Тимур подавил восстание сербедаров в Самарканде не в 1369 г. (стр. 238), а в 1366 г. Историк Рашид-ад-дин родился не в 1245 г. (стр. 239), а в 1247 г. Даты жизни великого астронома Насир-ад-дина Туси не 1210—1273 гг. (стр. 240), а 1201—1274 гг.; историк Хафиз-и-Абру умер не в 1431 г. (стр. 241), а в 1430 г.

В главе VI части III фактических ошибок меньше. Отметим, однако, следующие места.

Тезис автора о расширении площади мульковых земель в Иране в XVI в. (стр. 334) не подтверждается сообщениями западноевропейских путешественников. В XVI и XVII вв. не было Ереванского и Тавризского *ганств* (стр. 335), они образовались в XVIII в. «С конца XV в...», — говорит автор, — основная масса крестьянства находилась в кабале у ростовщиков» (стр. 335). Между тем Рашид-ад-дин и Вассаф приводят много фактов о широком развитии ростовчества еще в XIII в., относительно же того, какая часть крестьянства в те или иные периоды находилась в кабале, мы не имеем определенных статистических данных.

Автор утверждает, что в Иране XVII в. «шахские мануфактуры были основаны на применении несвободного труда» (стр. 337). Это неверно. Из сообщений европейских путешественников, а также на основании сведений «Тазкират-ал-мулук» видно, что в это время в шахских мануфактурах работали свободные мастера по найму.

Остров Персидского залива назывался не «Ормуз» (стр. 340, повторено дважды), а Ормуз (точнее Хормоз). Автором поэмы «Тимур-намэ» назван «Хатиф» (умер в 1521 г.) (стр. 343—344). В действительности эту поэму написал Хатифи; Хатиф — имя другого известного поэта, умершего в 1784 г. Шах Аббас I правил не в 1588—1628 гг. (стр. 337, 338), а в 1587—1629 гг.⁴

Значительно больше конкретного материала по политической (но не по социально-экономической) истории содержат главы по истории Турции, но они изобилуют фактическими ошибками.

Автор связывает возникновение турецкого

⁴ Точные даты, на основании Искендера Мунши, см.: L. Bellan. *Chah Abbas I*. Paris, 1932, p.

государства с утверждением Османской династии — то есть следует средневековой династийной традиции. Тюркское племя каймы (по крайней мере, ядро его, из которого происходила династия Османов) пришло в Малую Азию в 30-х годах XIII в., а не «в конце XI в. и в первой половине XII в.», как пишет автор (стр. 250).

Ссылаясь на «свидетельство Ибн Батутты» автор утверждает, что турки «восприняли форму эксплуатации, существовавшую в западной части Малой Азии еще при византийском владычестве» (стр. 251). Но свидетельства этого у Ибн Батутты нет. Известно, что турецкая податная система не византийского, а восточного, иранско-халифатского происхождения. Феодальная иерархия у турок, при руководящей роли военной знати, «появилась» не при Мураде I (стр. 251), а еще при Сельджукидах. «Бей, ставший султаном» (Орхан-Аем.) не мог «вести» «государственную религию — ислам» (стр. 251), ибо ислам был государственной религией у сельджуков еще до завоевания ими Малой Азии.

Описывая османскую военно-ленную систему, автор отмечает, что «главный земельный фонд — «хасс» служил источником для выделения ленов» (стр. 251). В действительности лены выделялись из фонда государственных земель — *мири*. *Хасс* же — фонд султанских доменов, из которого выделялись не лены, а земли в кормление высоким государственным чиновникам на время отправления должности; эти временные пожалования также назывались *хассами*. Автор утверждает, что тимары и знамены жаловались военной знати во временное держание, но называет эти временные условные держания *ленами* (стр. 251—252, 256), а не *бенефициями*.

Противоречиво изложено положение крестьян после завоевания османами в XIV в. византийских территорий. В одном месте говорится, что оно «не изменилось» (стр. 251), в другом — что крестьяне «в отличие от византийских порядков были лично свободными и юридически могли переходить от одного феодала к другому». Далее указывается, что тогда же «феодалы установили собственность, хотя и не полную, на личность непосредственного производителя, а также «зависимость крестьянина и его прикрепление к земле» (стр. 256).

По словам автора, в XV—XVI вв. «основная масса крестьян... фактически была прикреплена к земле» (стр. 346); однако, поскольку законы султана Сулеймана Кануни запрещали право перехода, то следует говорить не только о фактическом, но и юридическом прикреплении. Вопреки утверждению автора (там же), мусульманское право, как правило, не разрешает «продавать или отчуждать вакуфную землю». Ничего не сказано о том, что земли, которыми наделались феодалы в порядке военно-ленной системы, «входили» в об-

ший фонд государственных земель (стр. 345) лишь номинально, поскольку эксплуатация крестьян на этих землях проводилась феодалами-ленниками, а не государством через его финансовый аппарат.

Сомнительно, можно ли говорить о круговой поруке в XVI в. как об общем явлении (стр. 346); так в «Реестре Горджистанского вилайета» (XVI в.), мы находим перечень имен глав семейств, отвечавших за сбор податей. Тапу — не налог, как утверждает автор (стр. 347), а сбор в пользу феодала земельного владельца, один из видов феодалной ренты.

Для характеристики аграрного строя Турции и Османского города целесообразно было бы привлечь материалы и исследования Омара Баркана, содержащие много конкретных фактов. Опубликованные Омером Барканом результаты переписей населения Османской державы в конце XV и в XVI в.⁵ опровергают утверждения автора о якобы застойном состоянии городов, ремесла и торговли в указанный период (стр. 347—348). По данным О. Баркана видно, что численность населения Бурсы, Анкары, Токата, Конии, Сиваса, Сарая, Скопле, Софии выросла между 1520 и 1580 гг. в два — два с половиной раза, а мусульманское население преобладало в большей части городов, кроме Сиваса, Афин, Салоник, Никополя и Трикалы. Материалы переписей дают также социальную статистику населения: оказывается, что больше половины мусульманского (т. е. в основном турецкого) населения городов было занято в ремесле и торговле. Омер Баркан приходит к выводу, что преобладание греков, армян и других немусульман среди крупного купечества — явление более позднее, датируемое XVIII—XIX вв.

«Процесс обособления ремесла от сельского хозяйства» на территории Турции развивался интенсивно не в XVII в., (стр. 356), а еще во времена владычества Византии. На стр. 356 выдвинуты два противоречащих друг другу тезиса: «...участие турецкого феодального города во внутренней торговле все еще оставалось незначительным» и «товарное производство городов широко обслуживало феодальное общество». А ниже мы вновь читаем, что рост товарного обращения был «слабым» (стр. 362).

Движения шейха Бедреддина Симавнаоглу, Берклюдже Мустафы и Торлак-Кемала — не три разных восстания, как пишет автор (стр. 257), а одно и то же вос-

⁵ См. Omer Barkan. Les recensements de la population et des terres dans l'Empire Ottoman. «Revue de la Faculté des sciences économiques d'Istanbul», t. II, 1940. O. L. Barkan. Recensement dans l'Empire Ottoman aux XV et XVI siècles «Journal of the economic and social history of the Orient», vol. I, part 1. Leiden, 1957, p. 9—36.

стание, распространившееся на три разных района. Имя вождя народного восстания 1519 г. в Малой Азии — шейх Джелал, а не «Джелали» (стр. 349).

Немусульман не принимали на государственную службу как правило, а не «в ряде случаев», как утверждает автор (стр. 256). Слово «райа» автор переводит как «бесправное население» (стр. 252). Буквально оно обозначает «паства» (в значении «народ»), терминологически «райа» — «податное сословие», чаще всего «крестьяне».

Характеристика Константинополя как «крупнейшего торгового и культурного центра», дававшего «громадные барыши от таможенных сборов с транзитной торговли» (стр. 258) верна для периода, предшествовавшего четвертому крестовому походу (1204 г.), но никак не для времени, непосредственно предшествовавшего турецкому завоеванию. Торговое значение города резко упало в результате перехода транзитной торговли в руки венецианцев и генуэзцев, изменения направления торговых путей и, наконец, вследствие турецкой блокады. В первой половине XV в. город находился в состоянии упадка.

Неверно, будто Мухаммед II «переименовал» Константинополь в «Истанбул», или «Стамбул» (стр. 260). Официально город еще долго продолжал именоваться «Константинийе», а название «Истанбул», происшедшее из греческого народного названия города — «Истинполи» от греч. εἰς τὸν πόλιν («к городу») и известное как европейцам (Клавихо), так и арабам, персам и туркам (в народной среде) еще с XIII в.⁶, стало официальным названием города гораздо позднее Мухаммеда II.

В учебнике неправильно указывается, что только г. Дубровник (Радуга) имел «право торговать с внешним миром» (стр. 348). Персидские источники говорят об оживленной торговле с Ираном таких городов Турции, как Измир, Бурса, Халеб и др. Пример, взятый автором, вообще не показателен: Дубровник был не турецким городом, а самоуправляющейся славянской городской республикой, признававшей протекторат Турции, о чем автор даже не упомянул.

Город Отранто был взят турками еще в 1479—1480 гг. (стр. 261), а в июле 1480 г. Ничего не сообщается о содержании кодекса законов Мухаммеда II «Капу-наме». Неясно, почему история борьбы Турции с государством Сефевидов, относящаяся уже к XVI в., излагается в главе, посвященной истории Турции в XIV—XV вв., а не в следующей главе. Говоря о восстании друзей, автор не поясняет, кто такие друзья (стр. 357), а ниже говорится о «друзьях и других племенах» (стр. 362). Как известно, друзья — не племя, а исмаилитская секта.

В разделе о культуре автор сообщает, что

⁶ См. статью «Istanbul» в. Encyclopédie d'Islam, vol. II.

родоначальник турецкой поэзии Али Ашк-паша, «умер в 1522 г.» (стр. 358). На самом деле он умер в 1332 г., т. е. двумя столетиями раньше. Из историков Турции Хаджи Халифа (у автора — Хаджи Кальфа) упомянут лишь как автор «Фазлика», не сказано, что он был автором не менее важной «Джихан-нама» и «Кашфаз-зуннун» и ряда исторических и географических трудов. Совсем не упомянут автор важнейшего труда по истории Турции — Мюнеджжим-башы (XVII в.).

Перечислить все недостатки рецензируемых глав не позволяют рамки рецензии. Отметим, однако, большой разбой в транскрипции имен в терминах. Так, мы встречаем написание то «Ибн Аль асир» (стр. 4), «Аль-Балхи» (стр. 230), то «Ибн-аль-Асир» (стр. 215), то «Шатт-эль-араб» (стр. 216), то «ахль-эль-амаль» (стр. 223), то «Шерефад-Дин» (стр. 241) и «Рашид ад-Дин» (стр. 240), то «Нур-ад-дин» (стр. 241), на одной и той же странице «Хасан-Бек», то «Искандер-бек» (стр. 230).

В учебнике немало искажающих смысл невыправленных опечаток в именах: «Мамун» вместо «Мамун» (стр. 214), «Миканли» вместо «Микали» (стр. 226), «Тарих-и Джехан чашан» вместо «Тарих-и джехангушай» (стр. 239), «иттимад-ад-доуле» вместо «иттимад ад-доуле» (стр. 337), «Халали» вместо «Хилали» (имя поэта, стр. 344). Благодаря лишней запятой известный персидский историк Абу-ль-Фазль Бейхаки превратился в двух историков — «Абу-ль-Фазль,

Бейхаки» (стр. 232), в другом случае пропуск запятой превратил двух весьма различных византийских историков с разной политической ориентацией — Франдан и Дуку — в одного автора — «Сфрандзи Дука» (стр. 259).

Общий вывод: даже если оставить в стороне имеющиеся в учебнике спорные положения, то обилие фактических, хронологических и терминологических ошибок: в упомянутых выше главах (кроме главы VI части I и главы X части II) не дает возможности рекомендовать его как учебное пособие для студентов. Учебник в целом может быть рекомендован для высших учебных заведений лишь в новом издании, после коренной переработки упомянутых глав.

В заключение отметим, что во «Введении» (стр. 13) в числе лиц, оказавших «большую помощь своими ценными указаниями» авторам учебника, назван и один из рецензентов — И. П. Петрушевский. Однако это упоминание в данном случае не оправдано, ибо подробные замечания И. П. Петрушевского авторы глав по истории арабов игнорировали, а в главах по истории Турции они использованы лишь в незначительной части.

В. И. Беляев, И. П. Петрушевский.

⁷ На 63 машинописных страницах к главам по истории арабов и Турции; главы по истории Ирана не рецензировались.

SUMMARY

V. I. Belyaev and I. P. Petrushevsky give a review of the chapters covering the history of the Arab countries, Iran and Turkey, which are included in the textbook «History of the Countries of the East in the Middle Ages» published by the Moscow University.

The reviewers consider that the majority of chapters reviewed contain various mistakes and inaccuracies. They express also their opinion on some general problems, for example, they do not agree with the division of the historical process into periods given by the authors.

НЕЗАВИСИМАЯ ИНДИЯ. 10 лет независимости. 1947—1957. Сборник статей. М., Изд-во восточной лит-ры. 1958, 198 стр.

За последние годы наша индологическая литература обогатилась рядом изданий. Советские ученые уделяют все большее внимание великой стране, которая переживает сейчас национальное возрождение. Вышедший недавно в Издательстве восточной литературы сборник «Независимая Индия» носит тематический характер: он посвящен борьбе народов Индии за достижение и укрепление независимости своей родины.

Открывается книга статьей покойного проф. И. М. Рейснера «Основные моменты освободительной борьбы народов Индии от начала английского завоевания до 1947 года». И. М. Рейснер, в частности, правильно отмечает, что наши ученые допускали в прошлом ошибочное толкование политических аспектов формирования индийской буржуазии, недооценивали обострения противоречий между национальной буржуазией и британским импери-

лизмом. На самом деле «...чем больше крепла местная буржуазия, тем сильнее становилось ее стремление к независимости», — пишет автор. — «Защищая в собственных интересах самостоятельное политическое, экономическое и культурное развитие Индии, национальная буржуазия не могла не выступать с общедемократическими требованиями ликвидации национального гнета, расовой дискриминации и деспотического правления английской бюрократии, играя тем самым прогрессивную роль в освободительном движении» (стр. 9).

Таким образом, история национально-освободительного движения в Индии наглядно демонстрирует необходимость делать различие между империалистической, загипнотизированной буржуазией, с одной стороны, и молодой, поднимающейся буржуазией угнетенных стран, с другой.

Большая статья Р. А. Ульяновского «Индия в борьбе за экономическую независимость» посвящена чрезвычайно важной и сложной теме — вопросам государственного капитализма.

Автор справедливо рассматривает проблему индустриализации современной Индии как борьбу за ликвидацию экономической стороны основного противоречия во вчерашней Индии — противоречия между ее народом, борющимся за независимость, и английским империализмом, осуществлявшим колониальное угнетение. Отсталость Индии — наследие колониализма, и путь к преодолению этой отсталости неизбежно проходит через достижение экономической самостоятельности.

Огромное значение имеет изменение положения страны в системе международных экономических отношений. Р. А. Ульяновский подчеркивает, что в своих отношениях с империалистическими державами Индия «фактически опирается на наличие мировой социалистической системы хозяйства, что позволяет ей использовать иностранный капитал под постепенным возрастающим контролем государства в целях промышленного развития» (стр. 22). Это положение относится и к целому ряду других молодых государств Азии и Африки.

Иностранный капитал, однако, не может быть основой индустриализации потому, что иностранный монополистический капитал ни политически, ни экономически не заинтересован в преодолении отсталости Индии. Местная же буржуазия не в состоянии обеспечить быстрого роста капиталовложений в современную тяжелую промышленность. В этом автор видит объективную экономическую необходимость осуществления крупных государственных капиталовложений.

Следует отметить, что природа и особенности госкапитализма в Индии, как и в других экономически слабых странах, еще недостаточно изучены. Весной нынешнего года эти проблемы явились предметом обсуждения на специальной

научной конференции, проведенной Институтом востоковедения АН СССР. Развитие госкапитализма в современной Индии — явление, несомненно, прогрессивное. При этом автор правильно подчеркивает, что буржуазия стремится использовать его в своих интересах. Так, в статье приводятся высказывания индийского экономиста В. К. Рао, отмечающего, что «государственные вложения не препятствуют развитию частного сектора или свободной игре частной инициативы. Наоборот, государственные расходы очень часто являются существенным предварительным условием для развития частных предприятий» (стр. 31—32).

Эта мысль имеет особое значение в свете попыток поборников колониализма помешать развитию госкапитализма в Индии, выдавая его за «приближение к коммунистическим образцам».

Существующие в Индии монополистические группы, в основном, оппозиционно относятся к политике госкапитализма. Р. А. Ульяновский правильно указывает, что индийское государство опирается на буржуазию как класс в целом, т. е. на широкие ее слои. Поддержка же со стороны народных масс помогает отстаивать принятый курс от нажима со стороны отдельных монополий и других реакционных сил.

В статье содержится большой цифровой материал, характеризующий соотношение и тенденции развития государственного и частного секторов в экономике Индии. Автор предостерегает от недооценки значения государственного сектора: 8% национального дохода, которые приходится на него, не отражают динамического характера госкапитализма, статистика не дает возможности полностью учесть темпы его накопления.

Статья Р. А. Ульянова не ограничивается анализом непосредственно госкапитализма, а затрагивает широкий круг других проблем экономического развития современной Индии.

Следующая статья — Т. Ф. Девяткиной и А. М. Дьякова — посвящена важному событию в истории Индии: реорганизации штатов на национальной основе. Авторы излагают пред историю вопроса, без которой трудно понять все значение реорганизации, проведенной в 1956 году. Крупные народности, населяющие страну, с конца XIX века стали складываться в нации, что привело к росту национально-освободительного движения. Требования о реорганизации провинций Британской Индии по лингвистическому принципу были по существу буржуазно-демократическими требованиями. Как правильно указывается в статье, это движение носило антиимпериалистический и антифеодальный характер.

В статье хорошо показывается также основные моменты британской политики в отношении туземных княжеств. Правда, здесь, на наш взгляд, есть отдель-

ные неточности, которые, независимо от желания авторов, преуменьшают роль княжеств в планах колонизаторов. Так, на стр. 88 мы читаем: «Вплоть до 1947 г. английские империалисты опирались на князей и стремились включить княжества в состав будущего Индийского Союза, чтобы усилить позицию сторонников оставления Индийского Союза в составе Британской империи». Конечно, речь шла далеко не об одном оставлении страны в составе Содружества (Индия и сейчас является его членом). Речь шла о сохранении ее полувнезависимого, подчиненного положения, о продолжении эффективного контроля над ней со стороны Англии. И княжествам предназначалась не последняя роль в этих планах.

Для верной оценки роли княжеств следовало бы привести данные об удельном весе их населения и территорий. Ведь согласно переписи 1941 г. на них приходилось свыше четверти всего населения (93 млн. чел.), а по площади они занимали около одной трети субконтинента. При разделе страны удельный вес княжеств в Индии еще более увеличился. В подавляющем большинстве из них английским правящим кругам удалось сохранить абсолютную власть князей — своих марionеток.

В независимой Индии реорганизация штатов по национальному принципу была проведена далеко не сразу и под давлением снизу, хотя Индийский национальный конгресс с 1921 г. сам выступал с таким требованием. Одна из основных причин этого, на первый взгляд, парадоксального явления состоит, как указывают авторы, в наличии противоречий между растущей местной буржуазией и монополистической верхушкой крупной буржуазии, состоящей из гуджаратских и марварийских капиталистов. Последние старались воспрепятствовать консолидации других наций и усилению позиций местной буржуазии (стр. 94).

В статье освещается ход борьбы прогрессивных сил за демократическое разрешение проблемы административного устройства. Авторы заявляют, что хотя реорганизация 1956 г. имела огромное положительное значение, она не разрешила полностью национальный вопрос в Индии. Обычно в этой связи ограничиваются ссылкой на наличие сильного движения за раздел штата Бомбей на Объединенную Махараштру и Великий Гуджарат. Поэтому особенно ценным представляется указание авторов на то, что проведенная реорганизация приняла во внимание лишь интересы дюжины самых крупных наций и совершенно не коснулась более мелких народов и племен. Таких народов, имеющих свой особый язык, свои обычаи и живущих более или менее компактными массами, в стране немало. Некоторые из них перечисляются в статье: сапталы (2,8 млн. чел.), бхили (1,2 млн.), гонды (1,2 млн.) и другие. Эта сторона

национального вопроса в Индии еще ждет своего разрешения.

А. А. Куденков в статье о советско-индийских экономических отношениях приводит большой материал о быстром росте товарооборота между Советским Союзом и Индией и указывает на большие выгоды, получаемые последней от этой торговли. В статье подробно излагаются различные формы технической помощи, оказываемой Советским Союзом Индии, и подчеркивается ее значение для страны, развитие которой долгие годы тормозилось империализмом. Куденков отмечает, что такое сотрудничество заставляет и империалистические державы идти на уступки в пользу Индии.

Жаль, что автор не остановился на таком направлении советско-индийских отношений, как прямая экономическая помощь СССР Индии в виде кредитов, предоставляемых на чрезвычайно выгодных условиях. Следовало бы сделать это, тем более, что советские кредиты толкают капиталистические страны на предоставлении Индии государственных займов и оказывают влияние на размеры и условия этих займов. В качестве примера можно привести последний американский заем. Таким образом, Индия получает от советских займов двойную выгоду.

Очень познавательна статья Л. С. Гаманюкова и Н. М. Гольдберга о советско-индийских культурных отношениях. Читатель найдет здесь как малоизвестные факты, относящиеся к прошлым векам, так и краткий обзор необычайно расширившихся наших культурных связей в период после освобождения Индии.

В статье Т. М. Ершова «Индийская республика — важный фактор мира» рассматривается роль Индии на международной арене.

История внешней политики Индии — это история становления новой великой державы мира, ибо роль страны определяется не только ее размерами и числом жителей, но и той политикой, которую она проводит. С момента достижения политической независимости Индия проводит политику мира и неучастия в блоках, политику сотрудничества со всеми государствами независимо от их социального строя. Однако нейтралитет Индии не есть уход от действительности, абстрагирование от конфликтов и потрясений, испытываемых миром. Ее позитивный нейтралитет предусматривает активное участие в международных делах, направленное на смягчение напряженности, на борьбу против опасности войны, против колониализма.

Т. М. Ершов вскрывает корни антиимпериалистической, антиколониалистской политики Индии.

Однако он мало останавливается на роли народных масс страны. Конечно, государственная власть в ней принадлежит буржуазии. Между тем, как указывал В. И. Ленин, политика — это есть отно-

шение между классами¹. Политика определяется интересами различных классов, их борьбой за свои интересы, соотношением их сил в этой борьбе. А роль трудящихся классов в Индии с каждым годом возрастает, и их влияние на внешнюю политику правящих классов нельзя недооценивать.

Рецензируемый сборник завершается статьей Е. П. Чельшева «Литература народов Индии и борьба за независимость». В ней дается обзор творчества отдельных народов за последние полтора столетия, творчества, вдохновляемого патриотизмом, идеями освобождения своей родины и ее развития по пути прогресса.

Е. П. Чельшев отмечает, что наряду с глубоко национальным, специфическим характером творчества каждого из народов, можно говорить об общих чертах современной прогрессивной литературы Индии. Эти черты он определяет следующим образом: а) проникнутая гуманизмом борьба против колониализма, за общественный

прогресс; б) постепенное формирование и укрепление реализма; в) восприятие древних национальных традиций и передовых интернациональных философских воззрений; г) взаимное воздействие друг на друга отдельных национальных литератур (стр. 155—156).

Прогрессивная литература Индии, пишет автор, сыграла огромную роль в движении за независимость. Современная литература ее народов также неразрывно связана с повседневной борьбой за лучшее будущее.

* * *

Сборник «Независимая Индия» — плод серьезного труда коллектива советских индологов. Он дает научный анализ и систематический обзор многих важнейших аспектов истории, экономики, политики и культуры Индии. Можно смело сказать, что издание сборника «Независимая Индия» — событие в советской индологической литературе.

С. А. Микоян

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 205.

SUMMARY

According to the reviewer the collection of articles «Independent India» published in connection with the tenth anniversary of India's Independence is a valuable contribution to Soviet indology. The articles contain a wealth of facts mirroring the achievements of the Republic of India which is steering its independent course.

Э. Ч. МЭММЭДОВ. *Эрб дили*. Баку, Азербайджан Университети nəşriyyatı, 1958, 570 стр.

Выход в свет «Учебника арабского языка» на азербайджанском языке знаменует собой новый шаг в развитии нашей отечественной арабистики в послевоенный период. Вместе с тем появление его свидетельствует о растущих потребностях нашего востоковедения, которые вызываются расширением преподавания китайского, индийского, арабского и других языков Востока. Как известно, изучение их сегодня уже не является монополией одних только высших учебных заведений; эти языки постепенно начинают занимать свое заслуженное место в учебных программах начальных и средних школ.

Рецензируемая книга построена целиком на базе современного литературного языка с учетом опыта, главным образом, послевоенных учебников¹. А. Дж. Мамедов

не мог не использовать и лучшие традиции бакинских арабистов, которые после революции одними из первых создают арабские хрестоматии², продолжая работу по созданию учебных пособий на арабском языке и в послевоенный период³.

Рецензируемый учебник написан для студентов II—IV курсов иранских и турецких групп Азербайджанского государственного университета, в которых арабский изучается как второй, вспомогательный восточный язык. По замыслу автора учебник должен помочь студентам овладеть основами арабской грамматики, выработать навыки чтения и перевода текстов средней трудности и умение вести несложные беседы на языке. Учебник начинается кратким предисловием на арабском языке (стр. 1—2), которое знакомит с историей

изучения арабского языка в Азербайджане и со структурой данного учебника. Общую вступительную часть завершает раздел, где даны краткие сведения об арабском языке (стр. 7—12) и библиография (16 наименований).

Практическая часть учебника начинается «Вводным курсом» (стр. 14—49), содержащим характеристику арабских гласных и согласных звуков, объяснение их артикуляции и правила начертания букв арабского алфавита. Такой фонетико-каллиграфический раздел включается в стабильный учебник впервые; обычно авторы опускают его, отсылая к специальному пособию Н. С. Каменского⁴. Характеристика звуков сопровождается удачно составленными сравнительными фонетическими упражнениями. В разделе правил письма похвалены попытки автора показать особенности некоторых рукописных графических начертаний (лигатур и т. д.). Вместе с тем при объяснении фонетических явлений встречаются иногда упрощения и неточности. Так, при описании кратких и длинных гласных (стр. 14—15) не подчеркнуто, что различение гласных по долготе и краткости в арабском языке имеет фонематический, смысловозначительный характер. Нельзя согласиться с автором в том, что под влиянием звонного [X] и глубокозаднего неба [K] последующий гласный [Y] переходит в [O]: хокм, дофл (стр. 19).

Это только внешнее, акустическое впечатление. Произносительное же намерение остается правильным (т. е. [Y]), так как именно [Y] по своему месту образования стоит ближе всего к этим согласным.

Далее из изложения (стр. 20) следует, что дифтонги [ay] и [ey] произносятся как [ay] и [ey]; однако такое произношение зафиксировано лишь в устной диалектальной речи, где эти дифтонги претерпевают серию превращений [ay→ay→ō], [ey→ey→ō]. В другом месте (стр. 33) автор обещает дать свод правил выбора протетического гласного при вasilировании слова, имеющего конечный суффикс, но ограничивается объяснением отдельных случаев выбора такого гласного. Между тем, существует строгая закономерность в выборе протетических согласных: [a→n], [i→a], [y→u или i]; исключение составляют слова с начальным некорневым облегчающим слогом [n], ибо при вasilировании эти слова всегда получают начальный протетический [n]: мин-и-бинн, ман-и-бнузу (по ср.: мин-ал-байти, ман-ил-лави).

Основной курс (стр. 50—470) состоит из двадцати пяти уроков, построенных по единому образцу: учебные тексты со словарем, грамматические и лексические пояснения, упражнения. Автор не ограничивается подробным описанием отмеченных в других учебниках отдельных грамматических

явлений, но делает попытку ввести в нашу учебную литературу мало разработанные вопросы арабской грамматики: он разбирает неправильные глаголы, различные виды сложноподчиненных предложений и т. д. В этом разделе также имеются некоторые незначительные недочеты. Например, при изложении грамматических категорий, присущих арабскому языку (стр. 52), автор упускает из виду категорию одушевленности и неодушевленности. Недоценка этой категории приводит его к ошибочному выводу о том, что подлежащее, обозначающее неодушевленный предмет, в двойственном числе требует после себя постановки глагола-сказуемого в ед. числе женск. рода, а не двойственном числе (стр. 116).

Следует отметить несколько неравномерное распределение грамматического материала по урокам; не всегда удачна и последовательность его подачи. Так, формы настоящего-будущего времени глагола 1 породы проходятся на втором курсе (урок 7), а с повелительным наклонением глагола студент может познакомиться только через два года — в конце четвертого курса (урок 21). В то же время в план первого года обучения включены сложные предложения — придаточные дополнительные и определительные. Вообще перегрузка первой части учебника вопросами синтаксиса в ущерб элементарным вопросам морфологии очень заметна.

Лексическая часть урока состоит, как правило, из основного учебного текста, одного или нескольких дополнительных текстов, словаря и лексического комментария. Для основных текстов уроков, составленных с целью активизации грамматики и лексики, характерна некоторая искусственность, однообразие приемов и сюжетов (в маленьком учебном тексте пятого урока, например, пять предложений из двенадцати начинаются оборотом «амма... фа... что касается, то...»).

Более удачным, на наш взгляд, оказался подбор оригинальных (вторых) текстов, предназначенных для самостоятельного чтения студентов. Извлеченные из арабских источников, эти тексты являются надежным материалом для закрепления лексики и грамматики урока, в то же время они знакомят студентов со средневековыми арабскими учеными и произведениями, имеющими большое значение для изучения истории народов нашей страны, в частности Азербайджана. На ценность подобных материалов в свое время указывал Н. Ю. Крачковский, который высказал идею о создании построенных на основе арабских источников, как бы по региональному признаку, дифференцированных хрестоматий для различных районов нашей страны⁵. Первым успешным и ценным опытом в этом

¹ Х. К. Баранов. Учебник арабского языка. М., 1947; А. А. Ковалев, Г. Ш. Шарбатова. Учебник арабского языка (для первого года обучения). М., 1954.

² Л. А. Зимин. Краткая арабская хрестоматия. Баку, 1920; П. К. Жузе. Арабская хрестоматия. Баку, 1923.

³ М. Эфендизаде. Эрб дилини ачары. Баку, 1947.

⁴ Н. С. Каменский. Вводно-фонетический курс современного арабского литературного языка. М., 1952.

⁵ Н. Ю. Крачковский. Предисловие к «Арабской хрестоматии» Л. З. Писарева. Л., 1950, стр. VII—VIII.

плана явилась хрестоматия Г. В. Церетели⁶, знакомящая с фактами прошлой культуры Грузии и Кавказа в целом. Нам кажется, что настало время, когда аналогичные работы могут быть созданы и арабистами других республик. Кроме отмеченных выше текстов, лексическая часть содержит также фольклорные материалы (пословицы, басни, анекдоты) и отрывки из современной прессы. Учебные тексты и словари к ним в целом дают необходимый минимум бытовой и общественно-политической лексики. Усвоению нужного лексического материала способствует и хорошо составленный тематический словарь-минимум (стр. 506—518). Правда, в отдельных случаях в нем имеют место неточности в выборе слов и фразеологических сочетаний (учебный год السنة الدراسية вместо السنة الدراسية или المدرسية, стр. 356; миролюбивый: محب السلم вместо محب السلم, стр. 103, 154; السلام عليك вместо السلام عليك, стр. 185, 202). Встречаются иногда и диалектизмы بعد شوية من الوقت (стр. 322).

В приложениях к учебнику (стр. 470—562) даны образцы фольклора, отрывки из современной художественной литературы, алфавитные словари (арабско-азербай-

⁶ Г. В. Церетели. Арабская хрестоматия. Тбилиси, 1949.

джанский и азербайджанско-арабский). Таково вкратце содержание удачного учебника А. Дж. Мамедова.

При переиздании, кроме исправления отмеченных выше недочетов, желательно, чтобы арабские материалы печатались по традиции с огласовками, а не с транскрипцией. Это сократило бы объем, по меньшей мере, на одну треть и избавило бы от множества опечаток, замеченных и незамеченных.

Наконец, в новом издании учебника А. Дж. Мамедова и в аналогичных пособиях по арабскому языку, готовящихся сейчас для других национальных вузов нашей страны, хотелось бы видеть больше сравнительных материалов, которые отражали бы общие и отличные явления строя арабского и соответствующего национального языка. С другой стороны, такое сравнение надо проводить и с теми зарубежными восточными языками (персидский, турецкий и др.), которые изучаются студентами как основные иностранные языки⁷. При соблюдении этих важных условий наши национальные учебники, несомненно, будут способствовать успешной подготовке специалистов широкого востоковедческого профиля.

Г. Ш. Шарбагов.

⁷ Насколько полезны подобные сравнения видно из ценного пособия С. С. Майзеля «Арабские и персидские элементы в турецком языке». М., 1945.

SUMMARY

The article is a detailed review of the Arabic language textbook compiled by A. J. Mamedov in the Azerbaijani language and published in Baku, in 1958. Discussing the merits and shortcomings of the book the reviewer arrives at the conclusion that it is a really good textbook of modern Arabic.

С. С. МАЙЗЕЛЬ. *Изафет в турецком языке*. Редакция, предисловие и примечания А. Н. Кононова. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1957, 184 стр.

Покойный С. С. Майзель отличался глубокими знаниями в области языковедения. Свободное владение многими восточными и европейскими языками помогало ему видеть в них то, что другие исследователи могли и не заметить. Его перу принадлежат работы по арабскому, персидскому и турецкому языкам. С. С. Майзель смело ставил и по-новому решал сложные вопросы современных восточных языков и, в частности, турецкого языка. Вот почему особый интерес у тюркологов вызвал вышедший в свет его труд «Изафет в турецком языке».

Вопрос об изафете, то есть о синтаксиче-

ских способах сочетания имен существительных, автор рассматривает не изолированно, а во взаимодействии с другими грамматическими категориями турецкого языка: определенности и неопределенности, единственности и множественности, вещественности, неотчуждаемой принадлежности, лица и числа. Некоторые из перечисленных категорий в приложении к турецкому языку открыты и разработаны С. С. Майзелем.

Книга состоит из двадцати шести глав, в которых дано всестороннее описание изафета. На богатом иллюстративном материале автор показал широкое употребление

изафетных конструкций и их важную роль в строе турецкого языка. Лексикализированные изафетные сочетания вошли в словарный состав языка. Изафет помогает классифицировать слова по частям речи, помогает лучше понять другие категории языка и, в первую очередь, категорию определенности и неопределенности. В книге С. С. Майзеля затрагивается прямо или косвенно много важных проблем турецкого языка. Несомненно, что эта работа явится ценным вкладом в науку о турецком языке.

К сожалению, автора работы уже нет в живых. Поэтому можно лишь высказать ряд соображений для обмена мнениями между тюркологами, продолжающими исследование в области турецкого изафета.

Прежде всего следует разобраться в трех основных типах изафета: двухаффиксном, одноаффиксным и безаффиксным. Можно ли все три типа изафетных сочетаний подвести под одно определение, которое сформулировано автором следующим образом: «Турецкий изафет представляет собой такое сочетание двух существительных, из которых одно, стоящее в родительном или неопределенном падеже, является определением и одновременно дополнением к другому — своему определяемому и одновременно дополняемому» (стр. 13)?

В этом определении имеется противоречие. Как известно, одно и то же слово не может быть ни в словосочетании, ни в предложении одновременно определением и дополнением или определяемым и дополняемым. Разрешению этого противоречия С. С. Майзель отвел в своей работе много места.

С одной стороны, автор не согласен с А. К. Боровковым, который считает, что двухаффиксный изафет «по существу стоит за пределами понятия «турецкого изафета» как синтаксической категории отношения определения и определяемого» и что в этом сочетании имеется лишь дополнение и дополняемое (см. стр. 75).

С другой стороны, автор не согласен с турецкой школьной грамматикой, которая рассматривает изафет только в плане дополнения (см. стр. 78).

Этот вопрос осложняется еще тем, что некоторые тюркологи (В. М. Насилов, Н. П. Дыренкова, Г. Алекберли и Г. Мирзазаде) считают безаффиксный изафет лишь вариантом одноаффиксного изафета (см. стр. 52—53). Турецкий же лингвист Тахсин Бангу-оглу вообще игнорирует безаффиксный изафет, а А. П. Поцелуевский признает изафетом только «детерминативное словосочетание, выражающее отношение принадлежности» (см. стр. 53).

Следовательно, вопрос определения изафета как грамматического явления довольно сложен. Мы полностью согласны с автором, что этот вопрос нельзя решить альтернативно, то есть либо считать изафетом отношение определения к определяемому, либо отношение дополнения к до-

полняемому (см. стр. 75). Нельзя, однако, одобрить попытку редактора книги А. Н. Кононова снять этот вопрос с повестки дня (см. примечание редактора на стр. 75).

Как же С. С. Майзель разрешил этот принципиальный спор?

Нам кажется, что автор не сумел найти достаточных аргументов для опровержения существующих точек зрения и вынужден был пойти на компромисс: он предложил считать первый член изафета одновременно и определением и дополнением, а второй член — и определяемым и дополняемым (см. стр. 13 и др.).

Вряд ли целесообразно называть одним грамматическим термином разные грамматические явления в том или ином языке. Если понимать под изафетом отношение определения к определяемому, то нельзя включать в этот же термин отношение дополнения к дополняемому.

Для этого С. С. Майзель ввел в научный обиход три названия изафета: двухаффиксный или посессивный (притяжательный), одноаффиксный или релятивный (относительный) и безаффиксный или индентитивный (качественный). Напрасно, стало быть, автор стремился уложить старое понятие изафета в три новых термина. Раз есть необходимость в этих терминах, значит налицо не одно, а три грамматических явления.

Путь решения этого вопроса, на наш взгляд, схематично можно представить так: двухаффиксный или притяжательный изафет выражает отношение дополнения к дополняемому (принятое дополнение), одноаффиксный или относительный изафет — отношение определения к определяемому (относительное определение) и безаффиксный или качественный изафет, ограниченный строгими рамками, указывает также на отношение определения к определяемому (качественное определение). Двухаффиксный изафет можно называть также дополнительным изафетом в отличие от двух других определительных: определительно-относительного и определительно-качественного.

Кроме того, имеется ряд замечаний по частным вопросам.

Автор книги не прав, когда говорит, что «любая часть речи, входящая в изафет, субстантивизируется». Едва ли можно объяснить субстантивацию употребление в качестве первого члена одноаффиксного изафета инфинитива и особенно спрягаемых форм глагола: *kaçmak arzusu* «желание убежать», *kaçar endişesi* «опасение, что он убежит» и др. (см. стр. 20).

Следует выразить сожаление, что объяснение формы «-ması» показано на избитом и искусственном примере: *Mühendis in gelmesi hepimizi sevindirdi* «Приход инженера обрадовал нас всех» (стр. 169). Разница значений форм *onun geldiği* и *onun gelmesi* остался нераскрытым (см. стр. 171).

Недостатком работы является причис-

ление к изафетным конструкциям словосочетаний, состоящих из числительного и существительного (см. стр. 44, 50, 51, 109, 112), а также некоторых других видов безаффиксного сочетания имен.

Можно сделать некоторые замечания и в адрес редактора. Так, примечание редактора (стр. 19) относительно допускаемого смещения частей речи и членов предложения в целом правильное, но ссылки на это примечание во многих конкретных местах нельзя признать верными (см. стр. 21, 23, 70, 121, 126).

Разве турецкое предложение *gitti sandım* (прим. ред. 3, стр. 148) является с точки зрения турецкой грамматики сложноподчиненным предложением? По нашему мнению, в этом предложении выражена

внутренняя речь — «Я подумал: «он ушел» — подобно *gitti dedim* «Я сказал: «он ушел»».

В книге имеются опечаточные формулировки. Например, в предложении: «В примере *kadının şarkası* слово *kadının* является примененным дополнением при имени существительном *şarkası*, которое служит дополнением (?)» (стр. 74) — в действительности должна бы идти речь не о дополнении, а о дополнителе.

* * *

Книга С. С. Майзеля — полезная и нужная. Научные и практические работники найдут в ней много ценных сведений и глубоких мыслей по вопросам грамматики турецкого языка.

К. М. Любимов

SUMMARY

While appraising very highly the work of the late S. S. Maizel, «Izafet in the Turkish Language», the reviewer makes a number of critical remarks relating especially to the definition of the Izafet.

В. И. КИСЕЛЕВ. *Путь Судана к независимости*. М., Изд-во восточной лит-ры, 1958, 188 стр.

J. S. R. DUNCAN. *The Sudan's Path to Independence*. London, 1957, XVI, 231 p.

Достижение Суданом независимости — результат длительной и упорной борьбы суданского народа с поработившими его английскими колонизаторами, вплоть до последнего времени пытавшимися в той или иной форме сохранить здесь свое господство.

Перед нами две книги о пути Судана к независимости — советского и английского авторов, вышедшие почти одновременно и случайно носящие одинаковое название. Остановимся в первую очередь на книге В. И. Киселева.

Книга В. И. Киселева, изданная Издательством восточной литературы, удачно пополняет пока еще весьма небогатую советскую литературу о Судане. Она представляет собой серьезное исследование, основанное на тщательном изучении имевшейся в распоряжении автора литературы на русском, английском и арабском языках.

Труд В. И. Киселева в основном посвящен истории национально-освободительного движения. В введении дается краткое географическое описание страны, этнографическая характеристика населяющих ее народов, краткий исторический экскурс, знакомящий читателя с основными этапами истории страны до захвата ее англичанами.

В первой главе рассматриваются социаль-

но-экономические предпосылки освободительного движения, колониальная эксплуатация Судана и ее последствия, положение народных масс. Особое внимание в этой главе привлекает раздел «Развитие национального капитализма, зарождение и развитие национальной буржуазии и рабочего класса». Автор подчеркивает, что «каждый шаг в развитии национальной суданской буржуазии усиливал ее конфликт с иностранным капиталом, сосредоточившим в своих руках ключевые позиции в экономике страны» (стр. 78). Третья глава — «Борьба за национальное освобождение» — является основной частью работы.

Автор отмечает, что корни национально-освободительного движения уходят в восстание махдистов 1888—1898 гг., которое явилось «богатым источником освободительных традиций для суданского национального движения последующих лет» (стр. 90). Из-за многочисленных волнений и восстаний племен английским империалистам удалось установить контроль над всей территорией Судана лишь к концу первой мировой войны. Великая Октябрьская социалистическая революция дала мощный толчок антиимпериалистическому движению в ряде арабских стран, которое захватило и Судан. Вторая мировая война непосредственно затронула Судан

и оказала большое влияние на рост политического самосознания народных масс страны. «Антифашистский, освободительный характер этой войны, в большой степени усиленный участием в ней страны социализма — Советского Союза, оказал революционизирующее влияние на народные массы колоний» (стр. 98).

Автор подробно прослеживает отдельные этапы борьбы суданского народа за независимость в послевоенные годы. Рассказывает о посылке суданской делегации из представителей всех партий в Каир в 1946 г., о значении лозунга о единстве долины Нила, как одной из особенностей суданского национального движения, которая заключалась в его тесной связи с национально-освободительным движением в Египте. Прогрессивные силы Судана и Египта, отмечает автор, требовали вывода английских войск, решали вопрос о будущих взаимоотношениях обеих стран на основе свободного самоопределения суданского народа, а феодально-монархические круги Египта сводили весь суданский вопрос лишь к простому государственному объединению Судана с Египтом («под короной короля Фарука» (стр. 110—111)).

Борьба между юнионистами (сторонниками создания единого государства — Судана и Египта) и сепаратистами ослабляла борьбу народных масс, затрундияла сплочение суданского народа с братским египетским народом. Однако «преобладающей тенденцией в развитии политических событий в обеих странах по-прежнему было стремление народов Судана и Египта общими силами покончить с колониальным гнетом английского империализма» (стр. 117). С этим выводом автора бесспорно надо согласиться. Выступления патристических организаций Судана и Египта совпали с рядом массовых забастовок суданских трудящихся в защиту своих экономических и политических прав. «Эти выступления трудящихся, хотя и проходили под экономическими лозунгами, в значительной мере способствовали общему подъему национально-освободительного движения» (стр. 125).

В. И. Киселев характеризует забастовочное движение в Судане в 1948—1951 гг., создание профсоюзных организаций. Деятельность суданских рабочих организаций выдвинула в 1950 г. суданское профсоюзное движение в ряд самых мощных в Африке.

В 50-х гг., отмечает автор, началось приобщение к освободительной борьбе суданского крестьянства — самого многочисленного класса страны; был создан ряд крестьянских организаций. Возникли новые прогрессивные организации: союз студентов, союз женщин-работниц.

Анулирование соглашений с Англией, развернувшееся в Египте движение за изгнание оккупантов из зоны Суэцкого канала дали новый мощный толчок развитию национально-освободительной борьбы и в Судане. Июльская революция 1952 г.

в Египте, свержение ненавистного народу феодально-монархического режима короля Фарука нанесли тяжелый удар по позициям английского империализма.

К началу 1953 г. все национальные политические партии Судана договорились с правительством Египта об основных принципах справедливого решения суданской проблемы. В этой обстановке Англия была вынуждена отказаться от системы кондоминиума. 12 февраля 1953 г. было подписано англо-египетское соглашение, основанное на признании принципа самоопределения для Судана.

В течение переходного периода английские власти предприняли ряд мер к тому, чтобы помешать суданскому народу решить свою судьбу, к тому, чтобы разжечь гражданскую войну в стране. В декабре 1955 г. суданские представительные органы приняли резолюцию о том, что Судан должен стать полностью независимой суверенной республикой с 1 января 1956 г.

В разделе «Судан после провозглашения независимости» освещаются первые шаги молодой республики.

В заключение автор подчеркивает, что «вся история национально-освободительного движения в Судане явилась ярким свидетельством свободолюбия суданского народа, его упорства, смелости и самоотверженности в борьбе с захватчиками; его решимости навсегда покончить с ненавистными колониальными порядками и добиться подлинной свободы и независимости» (стр. 132).

В книге имеются и отдельные недостатки. Назовем некоторые из них.

В русской дореволюционной литературе имелось несколько книг, посвященных Судану. Это работы А. С. Норова, Е. П. Ковалевского, Л. С. Ценковского, А. В. Елисеева, В. В. Юнкера — книги, хорошо известные В. И. Киселеву, который привел их в списке использованной литературы, но фактически очень мало использовал их в своей работе. Между тем работы перечисленных авторов, внесших много нового и ценного в изучение Судана, заслуживают большего внимания.

Нам хотелось бы сделать упрек автору и в том, что в экономических разделах работы им мало использованы восточные источники и приводимые им статистические данные основаны на изданной в 1951 г. работе Ю. И. Дмитриевского. Хотелось бы увидеть в работе и более точное освещение политики США в суданском вопросе. О роли США автор говорит вскользь (стр. 158—159).

Акт провозглашения Судана независимым государством явился еще одним свидетельством распада колониальной империи Великобритании в целом, провала британской колониальной политики в Африке, в частности. Это вынуждает правящие круги Англии широко пропагандировать заведомо лживую теорию о том, что признание независимости Судана — следствие доброй

воли самих англичан. В роли одного из популяризаторов этой официальной теории и выступает перед читателями Дж. Дункан, автор изданной в Лондоне книги «Путь Судана к независимости».

Дж. Дункан — писатель, лектор, радиокорреспондент, преуспевающий государственный чиновник. Указанная книга не является его единственным трудом. Однако непосредственно так называемой «суданской проблемой» он заинтересовался, видимо, только в связи с назначением его на официальный пост в Судане, где он проработал в общей сложности около 13 лет в английской колониальной администрации.

Книжка Дж. Дункана написана живо, образно. Однако ее нельзя назвать ни научным исследованием, ни политическим очерком, ни просто записками очевидца. В ней личные наблюдения автора часто прерываются весьма пространными, но поверхностными историческими экскурсами, написанными специально для обоснования тех или иных выводов сугубо политического характера.

К числу лучших страниц работы Дж. Дункана относятся отчеты о его поездках по Судану, его наблюдения и воспоминания, знакомящие читателя с географией и этнографией страны. Но таких страниц сравнительно немного.

Интерес представляет и довольно подробное описание структуры британской администрации в Судане (особенно структуры администрации девяти провинций страны), а также изложение, правда весьма схематичное, методов управления страной на примере деятельности самого автора. Знакомство с этой частью работы Дж. Дункана полезно не только с познавательной точки зрения, но еще и потому, что объективно, помимо воли самого автора, оно помогает рассеять миф о так называемом «кондоминиуме», т. е. о «совладении» Суданом на паритетных началах Англией и Египтом, миф, возникший после подписания этими странами известной конвенции 1899 г. Впрочем, это надо отнести не только за счет автора, но и издателей, поместивших в начале этой книги список всех генерал-губернаторов Судана за весь период так называемого кондоминиума (т. е. с 19 января 1899 г. по 1 января 1956 г.), в котором числится только имена английских чиновников, в том числе и А. К. Хелма, который в написанном им предисловии откровенно заявляет о том, что «...хотя администрация теоретически была объединенной, практически она была типично британской» (стр. V).

Основной лейтмотив книги — это утверждение автора, что события, описанные им, относятся к числу тех, которые являются всего лишь «...сырьем истории, тихим брожением в бочке» (стр. IX). В глазах Дж. Дункана, А. К. Хелма и еще с ними признание Судана независимой республикой — акт доброй воли англичан, которые до

с единственной целью способствовать ее прогрессу и развитию в ней демократических начал. Широкие народные массы, в данном случае народы Судана, их деятельность — лишь «сырье истории» и «тихое брожение в бочке», а правительства, и прежде всего правительство Великобритании, волею судеб призванные «опекать» и «помогать развитию» колониальных и зависимых стран, — это решающая сила. Последнее и является ответом на вопрос о том, каков же был путь Судана к независимости (раскрытию этой темы посвящены вторая глава — «Политика» и третья глава — «Национализм»).

Однако каждое утверждение, естественно, требует доказательства. Первым идет в атаку на возможные сомнения читатели А. К. Хелм. «Судан», — начинает он предисловие, — получил независимость в присутствии специальных представителей британского и египетского правительств, которые первыми признали и принесли свои поздравления в связи с новым статутом этой обширной территории, которая ранее находилась под управлением объединенной администрации... Этот день был днем гордости для Судана, таким же он был и для англичан...» (стр. V). Спрашивается, почему? Потому, снесит уверить читателей Дж. Дункан, что к этому моменту англичане в общем выполнили свою историческую миссию и заложили основы прогресса и демократии в Судане. Он описывает «благодеяния», которые оказали колонизаторы суданцам в области просвещения и здравоохранения. Если во времена завоевания Судана страна не знала никаких формальных законов (стр. XV), то к 1956 г. она получила и законы и законное правительство. И все это было достигнуто мирным путем. Первые 38 лет британского правления этот путь освещался гуманизмом и терпением генерал-губернаторов, стоявших на страже законов в рамках конституции Великобритании (стр. 209), а затем с 1937 г., когда «группа суданцев» решила объединиться и образовала Генеральный Конгресс лиц, закончивших учебные заведения, в стране началась активная политическая жизнь (стр. 139), которая и привела Судан к независимости.

Все это идиллия, созданная автором для легкомысленных читателей, рассыпается в пух и прах под ударами конкретных фактов, из которых складывается британская колониальная политика. Еще совсем недавно Судан являлся разительным примером «политико-политической» и культурной отсталости. До настоящего времени 90% населения страны неграмотно; до самого последнего дня английского господства в стране поддерживался порядок, при котором школы были доступны лишь 8—10% детей школьного возраста; в школах дети проходили «специальную» подготовку, рассчитанную на воспитание из них полуграмотных рабочих, солдат колониальных войск или, в лучшем случае, надсмотр

щиков на обширных плантациях, принадлежащих английским компаниям; во всей школьной системе господствовала расовая дискриминация. Так, если в Северном Судане обучение в школах велось на арабском и английском языках, то в Южном Судане — только на английском языке. Что же касается подготовки квалифицированных кадров из местной молодежи через высшую школу, то и тут главной целью была подготовка весьма немногочисленных кадров верноподданных чиновников, «своих людей» в администрации. Еще менее благоприятную картину представляет собой английское наследство в области здравоохранения. Даже по данным самого Дж. Дункана выходит, что на одну больницу в Судане приходилось около 200 тыс. человек, а на одного врача — 40 тыс. человек! Не случайно, выступая на Международной конференции в защиту детей в 1952 г., делегатка Судана заявила, что детская смертность в стране составляет 50%. Таковы реальные итоги деинициализации «цивилизаторов».

В своих исторических экскурсах автор, разумеется, ничего не говорит о том, что так называемое «прямое управление» Суданом, осуществлявшееся британской администрацией в период с 1899 по 1922 г., было на деле типичной военной диктатурой колонизаторов, которые долгое время никак не могли найти социальной опоры в стране и только путем карательных экспедиций и кровавых расправ ко времени мировой войны сумели установить контроль над всей территорией страны.

В книге нет ни слова о переходе к так называемому «косвенному управлению» в 1922 г., провозглашенному Лондоном «переходной ступенью к самоуправлению».

В образовании в 1944 г. Советательного совета Северного Судана при генерал-губернаторе автор видит «...первое конкретное волеизъявление суданской нации» (стр. 133), умалчивая о том, что создание этого «совета» было тем удобно для англичан, что не ущемляло их основных интересов хотя бы потому, что любое решение «совета» могло быть немедленно отменено генерал-губернатором. Создание «совета» имело целью обмануть суданский народ, а поскольку это не удалось или почти не удалось в то время и суданский народ все более и более решительно требовал свободы, Дж. Дункан с раздражением замечает: «...Поскольку это слово «свобода» Суданцы не имели национальной свободы, но в своей повседневной жизни они были более свободны, находились в большей безопасности, чем когда-либо они будут вновь» (стр. 221).

В поисках доказательства исторической миссии Англии в Судане автор чрезвычайно путано и надуманно повествует о сложных англо-египетских отношениях применительно к вопросу о Судане.

Так, например, известную конвенцию 1899 г., фактически утвердившую безраз-

дельное господство в стране британских генерал-губернаторов, он преподносит как акт, утверждавший равноправное англо-египетское управление (стр. 15—16); принудительный вывод египетских гарнизонов из Судана и формальная ликвидация кондоминиума в 1924 г., вызванные страхом перед тем резонансом, который возник в этой стране в связи с провозглашением Египта «независимым» государством, в его оценке чуть ли не положительное явление, поскольку «...с этого времени и до конца истории (т. е. истории британского господства. — *Лени.*) политическое управление страной было исключительно британским и в то же время суданским, так как шел процесс передачи власти...» (стр. 20—21). Известный своей печальной славой договор 1936 г., который «узаконивал» пребывание английских войск в Египте в качестве «союзных сил», автор рассматривает как «следующее важное конституционное развитие» (стр. 130), хотя статья 11 этого договора, как известно, формально восстанавливала в Судане положение, существовавшее до 1924 г.

Автор стремится всеми силами доказать, что именно Англия оберегала Судан от посягательств извне, в частности со стороны Египта. В событиях 1952 г. в Египте автор видит, прежде всего, опасный пример для суданской общественности, последствия которого были якобы обезврежены англо-египетским договором 1953 г.

Причину всех происшествий в Судане бед, по мнению Англии, довершить «опеку», т. е. крах английской политики «Разделяй и властвуй!», автор видит, главным образом, в национализме, под которым он подразумевает антимпериалистическое движение в стране.

Выступая против справедливых требований суданской общественности, стремившейся покончить с колониальным рабством, автор приводит свой последний аргумент в защиту британской «цивилизаторской миссии». «...Возможно, мы могли бы сделать больше, — неуверенно замечает он. — Историк последующих лет оценит эти усилия англичан и приговор, благоприятный или неблагоприятный, должен остаться за ним» (стр. 209).

Думается, что надежды автора на суд истории напрасны. Действительные цели британских колонизаторов в Африке и повсюду, где еще развевается их флаг, давно уже осуждены. Автор бессилен что-либо сделать, тем более, что, выступая в добровольной роли адвоката правящих кругов Англии, он был вынужден отрицать слишком многое, а еще больше замалчивать.

Нельзя доказать недоказуемое, и книга Дж. Дункана, помимо воли ее автора, является прекрасным подтверждением этой простой истины.

В. Л. Бодянский, Б. М. Данциг

SUMMARY

The review covers two books devoted to Sudan — V. I. Kiselev's «Sudan's Path to Independence», published in the USSR, and Duncan's book of the same title published in England.

The reviewers point out that whereas V. I. Kiselev proves that Sudan received its independence as a result of the national liberation movement, J. S. R. Duncan attempts to explain this historical event as a result of Great Britain's voluntary act.

The authors of the review hold that the declaration of Sudan's independence is another proof of the disintegration of the British colonial empire, the bankruptcy of England's colonial policy in Africa.

РЕАКЦИОННЫЕ РЕЦЕПТЫ РАЗРЕШЕНИЯ АЛЖИРСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

Глубокий интерес к событиям в Алжире породил во Франции обильную литературу, весьма многообразную по жанрам и политической направленности. В книгах буржуазных авторов даются различные толкования алжирской проблемы и выдвигаются соответствующие проекты ее урегулирования¹.

Взгляды наиболее правых кругов выражает известный профашист Жак Сустель, возглавивший в мае 1958 г. реакционный мятеж европейских ультраколониалистов в Алжире и являющийся сторонником применения во Франции методов военно-фашистской диктатуры. Книга Сустеля «Любимый и страдающий Алжир» представляет собой восхваление деятельности автора на посту генерал-губернатора Алжира с января 1955 г. по январь 1956 г. и открытую апологию колониального шовинизма французской империалистической буржуазии.

Рецепты, с помощью которых Сустель рассчитывал «разрешить» алжирскую проблему, были изложены в завуалированной форме уже в его первом выступлении в Алжирском Собрании 23 февраля 1955 г.: 1) необходимо во что бы то ни стало «умиротворить» Алжир, т. е. добиться «мира и безопасности для всех, правосудия и справедливости для всех»; 2) необходимо «ликвидировать» пропасть между мусульманами и европейцами в Алжире, избавиться от «ужасного комплекса страха и вражды» (ликвидировать страх ультраколониалистов перед национальным движением, по мысли Сустеля, — значит подавить это дви-

жение); 3) «В Алжире может происходить все, включая быструю эволюцию и даже «революцию» путем закона», при единственном условии: он должен остаться французским» (стр. 35). Реализовать все свои идеи в Алжире Сустель надеялся путем «интеграции» Алжира в состав Франции, т. е. путем того, чтобы «каждый день все больше и больше превращать Алжир в провинцию, самобытную, но, конечно, полностью французскую» (стр. 36). Ассимиляторский тезис «интеграции» был положен в основу деятельности Сустеля на посту генерал-губернатора Алжира. Он стал лозунгом путчиков, совершивших военно-фашистский переворот 13 мая 1958 г. Именно по поводу этого тезиса тунисская газета «Л'Аксон» писала 8 июня 1958 г., что «интеграция — это смерть алжирской души, разрушение и офранцузивание Арабского Магриба».

Пытаясь оправдать в глазах алжирцев свой план «интеграции», Сустель в своей книге уверяет, что Алжир-де больше не является колонией Франции, так как будто бы все алжирцы — полноправные граждане Франции. Французские власти не уничтожили коренное население Алжира (как, например, это сделали американцы с индейцами в США), а, наоборот, «заботятся о лечении и просвещении» алжирцев (стр. 75). О том, являются ли алжирцы «полноправными гражданами Франции», лучше всего спросить самих алжирцев и, прежде всего тех, кто, выражая подлинный чаяния всего алжирского народа, с оружием в руках борется против господства французских колонизаторов в своей стране. Что же касается «гуманности» последних, якобы помешавшей им истребить алжирцев, то объясняется она тем, что французские империалисты предпочли не уничтожить, а поработить алжирцев, эксплуатировать их дешевый труд — они руководствовались соображениями не «гуманности», а наживы и алчности. Рекламируемые Сустелем «заботы о лечении и просвещении» коренного населения выглядят на самом деле следующим образом: в стране

400 тыс. больных туберкулезом, 50% детей мусульман умирает в возрасте до 5 лет, за пределами крупных городов 1 врач приходится на 20—30 тыс. и даже 80 тыс. жителей, 80% населения неграмотно, на 5 тыс. студентов приходится не больше десятка мусульман².

Не ограничиваясь защитой откровенно колониалистских концепций и апологией французского империализма, Сустель злобно клеветает на национально-освободительное движение алжирского народа, на Фронт национального освобождения и Коммунистическую партию Алжира, на независимые государства Азии и Африки.

В целом, книга Сустеля от начала до конца является откровенной защитой колониализма и ассимиляторства. Автор выступает даже против решения алжирской проблемы в духе «федерализма» или «автономии», считая, что это поведет к «отделению» Алжира от Франции, к его «слиянию» с Магрибом и Лигой арабских стран (стр. 248—249).

За сохранение французского владычества в Алжире выступает и Эммануэль Бо де Ломени — автор брошюры «Алжир, преданный из-за денег. Ответ Раймону Арому». Автор полемизирует с известным консервативным публицистом и социологом Раймоном Ароном, в июне 1957 г. потребовавшим предоставить Алжиру независимость.

Раймон Арон в своей книге «Алжирская трагедия» доказывал, что дальнейшее продолжение «умиротворения», т. е. войны в Алжире, пагубно для Франции, ибо оно ведет лишь к бессмысленной гибели тысяч французов, ухудшению экономического и финансового положения Франции, последствием чего явятся еще более серьезные внутренние неурядицы. Утверждал, что экономически Алжир был, есть и будет в тягость Франции, Арон высказывался за уход Франции из Алжира и предоставление ему независимости, или, в крайнем случае, за федерацию Алжира с Францией на началах равенства.

Критикуя концепции Арона, Бо де Ломени отстаивает необходимость сохранения французского господства в Алжире. Потеря Алжира, утверждает он, приведет к утрате Францией всех ее африканских владений. Он скорбит по поводу «утраты» Францией Марокко и возмущается «пассивностью» французов перед эволюцией, с удивительной быстротой заставляющей нас терять одну за другой территории и позиции, на которые опирается наш международный авторитет» (стр. 11).

По мнению автора, Франции нужны большие территориальные пространства для подготовки контрастступления на «противника» (которого автор предпочитает не называть), для постройки новых заводов,

² Ларби Бухали. «Октябрьская социалистическая революция и национальное движение в Алжире», М., 1957, стр. 11.

для добычи сырья, для превращения населения этих территорий в рабочих или солдат (стр. 42—43). Таким образом, вся аргументация Бо де Ломени сводится к защите империализма, нуждающегося в больших хозяйственных территориях, которые можно было бы использовать в качестве военно-стратегических плацдармов, сферы приложения капитала, источника сырья, дешевой рабочей силы и пушечного мяса.

Лицемерно расписывая «страдания», «нищету» и прочие бедствия, которые якобы водятся в Алжире после ухода французов, Бо де Ломени в то же время превозносит мнимые «заслуги и дух самопожертвования» защитников колониального режима в Алжире (стр. 65).

Стремясь угодить мелкой и средней французской буржуазии, теснимой монополиями, Бо де Ломени демагогически выступает против проводимой французской администрации в Алжире политики концессий и государственных заказов, обогащающей «без подлинной общественной необходимости» привилегированное «меньшинство близких к власти». По его мнению, администрация должна была бы путем «справедливо распределяемых субсидий» новым предприятиям, сельскохозяйственным или ремесленным, развивать «широкий средний класс независимых производителей» (стр. 74), ибо ныне европейские колонисты в Алжире, как пишет автор, «самая твердая, самая прочная опора наших африканских позиций» (стр. 76—77).

В заключение Бо де Ломени высказывается за «федеральное» решение проблем всех французских колоний, включая Алжир. Характерно, что считая главным сохранением Алжира за Францией, ибо французам «эта земля (Алжир.— Р. Л.) обязана всем» (стр. 81), он рассматривает как второстепенные «дискуссии о лучшем политическом и административном режиме» (стр. 91).

В еще более «первозданном» виде колониализм выступает в книге Луи Поццо ди Борго «Алжир вчера и сегодня». Для Поццо ди Борго вообще не существует никаких политических, социальных и экономических проблем Алжира. Он считает, что лишь недостаток образования препятствует «моральному формированию» француза из алжирца, так как только образование может побудить алжирца стремиться стать французом «без стыда и с радостью» (стр. 14). Поццо ди Борго, как и Бо де Ломени, оплакивает судьбу французского империализма, теряющего одну позицию за другой. Он возмущается согласием «некоторых жителей метрополии» «оставить варварам прекрасный африканский дом, завещанный нам предками» (стр. 21).

Вопреки всем законам логики и здравого смысла автор объявляет все национальные движения в зависимых странах «колониальными империализмами». Со злыми нападками обрушивается он на марксизм, Советский Союз и коммунистические пар-

¹ Jacques Soustelle. Aimée et souffrante Algérie. Paris. Librairie Plon [1956], 305 p.; Emmanuel Beau de Loménie. L'Algérie trahie par l'argent. Réponse à M. Raymond Aron. St.-Brieux, Editions Etheel, 1957, 109 p.; Louis Pozzo di Borgo. Algérie d'hier et d'aujourd'hui. Paris, Édition du Conquistador, 1957, 134 p.; Germaine Tillion. Algérie en 1957. Paris, Édition de Minuit, [1957], 121 p.; Paul Ribeaud. Si je meurs en Algérie. Givors, André Martel, 1957, 190 p.

тии, даже на либеральные круги Франции, обвиняя их в «моральной поддержке» алжирских повстанцев.

Политические взгляды и чаяния Поццо ди Борго наиболее откровенно проявляются на последних страницах книги. Он, например, утверждает, что «туземцы наших старых королевских колоний испытывают тоску по благополучию, которое завещала им сладкая опека королей Франции» (стр. 82). Охваченный монархическим экстазом, он обрушивается на буржуазных республиканцев: «Вы распространили революции 89-го года на территориях нашей Империи. Вы поселили там Робеспьеров и Маратов» (стр. 83). Роялистские грезы настолько овладели автором, что он даже измышляет текст воображаемого обращения французского короля по поводу восстания в Алжире. В этом обращении — квинтэссенция политических идеалов Поццо ди Борго: угрозы полностью разрушить Каир, казнить всех руководителей повстанцев, объявить вне закона компартию Франции. В этом же обращении — надежды на помощь США и предложение заменить праздник 14 июля, «день ненависти и революции», праздником годовщины захвата французами города Алжира (стр. 113).

Следует отметить, что заглавие книги Поццо ди Борго совершенно не отвечает ее содержанию. Книгу можно было бы назвать «Французский колониализм вчера и сегодня», так как книга посвящена не столько Алжиру, сколько сожалениям автора о безвозвратно минувшем «золотом веке» французского колониализма, и содержит довольно откровенную проповедь монархической реставрации во Франции. Это еще раз доказывает примую связь колониализма со всеми реакционными течениями в политике вплоть до фашизма и роялизма.

Более умеренной по тону является работа этнографа Жермены Тийон «Алжир в 1957 году», представляющая собой дневник путешествия автора по Алжиру. Главной причиной «нынешней драмы» Жермены Тийон считает тот факт, что за 130 лет французского господства алжирцы не пользовались правами французов. Однако цель автора состоит в том, чтобы доказать необходимость сохранения «франко-алжирского коммюниса». Для этого Тийон вселенски выискивает прежде всего психологическое и этническое сходство алжирских мусульман с европейцами и вспоминает даже, что галлы были в Африке еще в составе римских легионов. Для этого же настойчиво внушается читателю, что «верующий мусульманский интеллигент» ближе к «христианскому интеллигенту», чем к своему неграмотному соотечественнику (стр. 17—19).

По мнению Ж. Тийон, все беды в Алжире происходят от голода, нищеты и «архаичного» образа жизни «туземцев», из которых $\frac{2}{3}$ «постепенно теряют материальные богатства и духовные ценности архаичных обществ, не имея возможности ...стать со-

временными людьми» (стр. 24). Почему 9 миллионов алжирцев не могут стать «современными людьми», т. е. приспособиться к достижениям новейшей техники и культуры, об этом Ж. Тийон не сообщает. Она сознательно затуманивает то, что именно жестокое колониальное угнетение довело коренное население до голода и нищеты (а ведь до 1830 г. Алжир снабжал Францию хлебом), что колонизаторы умышленно консервируют культурную и техническую отсталость местного населения, чтобы легче было его эксплуатировать.

Ж. Тийон выступает против предоставления Алжиру независимости с тем, чтобы он сам решил свои проблемы. На ее взгляд, это нереально. Она считает, что Франции необходимо затратить 2000 миллиардов франков в течение 5 лет для экономического развития Алжира и предоставить алжирцам ряд привилегий на заводах и в школах Франции. Она предлагает осуществить в Алжире «интенсивную промышленную цивилизацию», начальное образование для детей 6—14 лет, произвести необходимые затраты на профессиональное обучение и ликвидацию безработицы. Мусульманам, по ее мнению, необходимо также предоставить прогрессивное социальное законодательство и «нефальсифицированный бюллетень для голосования», т. е. «все, что есть у нас (французов). — Р. Л.) и чего нет у них» (стр. 111). Тогда, мол, «поток потечет вспять» (стр. 118), тогда, по Тийон, не будет речи о недовольстве алжирцев своими «благодетелями» — колонизаторами.

Таким образом, автор ратует за сохранение французского господства в Алжире и поэтому, несмотря на стремление Тийон занять позицию беспристрастного ученого, стоящего в стороне от политики, ее книга объективно оказалась в потоке «неоколониалистской» литературы, проповедующей сохранение колониального режима путем второстепенных реформ и уступок.

Репортаж Поля Рибо под претенциозным заголовком «Если я умру в Алжире» производит на первый взгляд «либерально-оппозиционное» впечатление. Автор — независимый журналист — свой рассказ ведет в тоне беспристрастного искателя приключений, иронизирует над официальным оптимизмом колониальных властей, предвещающих быстрый разгром алжирских повстанцев. Нельзя отказать автору в меткости некоторых его характеристик, представляют интерес записи бесед автора с мэром города Алжир, с наследным принцем Марокко.

Но наибольший интерес в книге представляет рассказ о пребывании Рибо в отряде алжирских повстанцев, в частности, о беседе с командиром этого отряда (стр. 74—80). Командир отряда сравнивает нынешнюю борьбу алжирских патриотов с борьбой патриотов Франции против немцев в 1940—1944 гг. Он говорит: «Мы не ненавидим французов, но если у фран-

цузов Северной Африки есть добрая воля, почему они не приняли наше предложение — признать факт существования алжирской нации, наше равенство с вами? Почему они обязательно хотят, чтобы Алжир был французской провинцией, тогда как Алжир таковой не является? Вы же понимаете, что мы сражаемся только благодаря поддержке всего народа. Если народ не был бы с нами, мы давно бы все умерли с голоду» (стр. 75).

Гневом и скорбью переполнен ответ командира на попытки Рибо обелить французских карателей: «Когда французы бомбардируют деревню, посмотрите, что от нее остается! Когда ваши полицейские хотят добиться «признания» у кого-либо, чье единственное преступление — иметь сына-партизана, то они его пытаются, а затем он навсегда исчезает. Вы не любите гестапо, а мы не любим ваших полицейских, главных виновников все увеличивающейся пропасти между нашими народами. Их руки обогреты кровью невинных людей» (стр. 76).

Рибо побывал и в другом отряде Армии национального освобождения Алжира, где ознакомился с ее организацией и политической программой, читал первый номер газеты повстанцев, видел немцев — солдат Иностранного Легиона, перешедших на сторону алжирцев. Он совершил также поездку в Марокко, удостоверился в солидарности марокканцев с борющимися Алжиром.

Однако, вопреки фактам, Рибо считает, что борьба алжирских патриотов якобы вдохновляется «расовыми предрассудками», а жестокости колонизаторов — всего лишь «ошибки чиновников» (стр. 80). Восставших алжирцев он рассматривает только в качестве «жесткой националистической пропаганды» (стр. 94). Признавая, что Алжир — это не часть Франции, Рибо тут же спохватывается: «Но чем был бы Алжир без Франции сегодня?» (стр. 183). Расписывая заслуги французов в Алжире, он в то же

время повторяет избитую клевету колонналистов по поводу политики правительства Египта и Марокко (стр. 180—181). Он выступает против переговоров с повстанцами, которые считает «капитуляцией» (стр. 188), и вполне в духе мятежников 13 мая высказывает свое недовольство «депутатами», призывает ответить контрреволюцией на «революционную войну панарабизма» (стр. 187). После подобных высказываний насмешкой звучит заключительное уверение Рибо в том, что он — «аполитичен» (стр. 189).

Во всех рассмотренных выше произведениях под тем или иным соусом протаскиваются колониалистские концепции, их авторы выступают с осуждением алжирских повстанцев, защищают так или иначе ассимиляторский тезис «Алжир — это Франция».

Рассмотренные здесь книги написаны до военно-фашистского путча 13 мая 1958 г. Однако можно сказать, что некоторые из вышеупомянутых работ, в частности книги Сустеля, Бо де Ломени и Поццо ди Борго, сами представляли идеологическое оружие подготовки майского мятежа колонизаторов. По литературе подобного рода можно судить об основном направлении французской буржуазной политической публицистики, защищающей своекорыстные интересы империалистических монополий, извлекающих громадные прибыли из эксплуатации Алжира и других колоний Франции. Однако многолетняя справедливая борьба алжирского народа против колониального гнета уже дает свои плоды. С 1954 г. народ имеет свою Армию национального освобождения, а с 1956 г. — свои национальные органы государственной власти. Провозглашение Алжирской Республики 19 сентября 1958 г. и образование Временного правительства этой республики знаменуют собой начало нового этапа освободительной войны алжирского народа.

Р. Ланда

M. PALMER. *The History of the Indians in Natal*. Cape Town, London, New York, Oxford University Press, 1957, 197 p.

После разгрома гитлеровской Германии едва ли найдется в мире страна, где бы расизм, возведенный в ранг государственной идеологии, принимал столь оголтелые формы и проводился в жизнь с таким размахом, как в Южно-Африканском Союзе. Поэтому положение индийского национального меньшинства в ЮАС — одного из угнетенных народов страны — давно уже утратило значение чисто местной проблемы и получило широкий международный резонанс. Достаточно вспомнить, что с 1946 г. этот вопрос включается в повестку дня каждой сессии Генеральной Ассамблеи

Организации Объединенных Наций, рекомендации которой правительство Южно-Африканского Союза неизменно демонстративно игнорирует.

Правящие круги ЮАС в своих попытках оправдать проводимую ими политику расовой дискриминации постоянно апеллируют к предрассудкам европейского населения страны, прибегая при этом к многочисленным измышлениям. Вот почему задача восстановления истинных обстоятельств иммиграции индийцев в Южную Африку, правды об их экономическом и политическом развитии и современном положении

приобретает научное и политическое значение. В этой связи нельзя оставить без внимания выход книги Мейбла Пальмер «История индийцев в Натале».

Автор книги — доктор философии Мейбл Пальмер — директор неевропейской секции Натальского университета с момента ее основания в 1936 году.

Пальмер не скрывает своих симпатий и антипатий, недвусмысленно высказывает свою точку зрения по существу расследуемого вопроса.

В ее работе отчетливо отразились как сильные, так и слабые стороны критики политического курса правящих кругов ЮАС, которая ведется с буржуазно-либеральных, абстрактно-гуманистических позиций.

В книге последовательно рассматриваются основные этапы истории индийцев в Южной Африке — от прибытия сюда первых партий переселенцев до сегодняшнего дня. При этом содержание работы и шире, и уже ее названия.

Пока Наталь, где сосредоточена преобладающая часть индийцев ЮАС, представлял собою отдельную колонию, повествование можно было в основном ограничить его государственными границами. Но коль скоро Наталь вошел в состав ЮАС, автор не мог пройти мимо положения индийцев в других провинциях — Капской и Трансваале, не мог не коснуться той общей для всей страны проблематики, которую невозможно раскрыть на материале собственно Наталья. Точно так же автор не мог ограничиться анализом чисто индийских проблем. Чтобы создать цельную картину, необходимо было показать главные моменты социально-экономического положения страны в целом, национальных взаимоотношений в ней, а также тех международных проблем, которые возникли в связи с широкой иммиграцией индийцев в Наталь.

Однако, расширив исследование в указанных направлениях, М. Пальмер в то же время неоправданно сузила анализ ряда вопросов, имеющих самое непосредственное отношение к теме книги. Это прежде всего касается национально-освободительного движения индийского населения, деятельности его организаций, в особенности в последние годы.

М. Пальмер подробно останавливается на обстоятельствах, побудивших правительство Наталья в 50-х годах прошлого века поставить вопрос о широкой иммиграции индийцев. Заметно увеличившийся спрос на сахар на мировом рынке сделал необычайно выгодным разведение сахарного тростника. В Натале для этого существовали весьма благоприятные условия, за исключением одного — дешевой рабочей силы. Привлечь к работе на сахарных плантациях африканцев, как показывает автор, в то время оказалось затруднительным, так как они не были приучены к изнурительному многочасовому труду, а разложение

натурального хозяйства в резерватах только начиналось.

Иммиграция индийцев в Наталь — сначала только законтрактованных рабочих на сахарные плантации и лишь впоследствии — торговцев, ремесленников, лиц свободных профессий, ехавших на собственный страх и риск, — началась в 1860 г. и продолжалась до 1911 г. Она, безусловно, способствовала росту производства и национального богатства страны. Вместе с тем, как отмечает автор, правящие круги Наталья в погоне за непосредственной прибылью не отдавали себе отчета в общественных результатах своей политики поощрения иммиграции. Однако «опасность ситуации» заключалась отнюдь не в том, в чем ее усматривает автор, — не в самом факте возникновения в Натале устойчивого индийского национального меньшинства, — а в той политике расовой дискриминации и культивирования расовой розни, которую проводили правящие круги Наталья, а впоследствии — Южно-Африканского Союза. Поэтому противопоставление Натально «счастливой страны» — Австралии, запретившей с самого начала неевропейскую иммиграцию, звучит в устах противника расовой дискриминации по меньшей мере двусмысленно.

Автор обстоятельно характеризует экономическое и гражданское положение законтрактованных индийских рабочих, иммигрировавших в Наталь, сообщает о фактах истязаний рабочих владельцами поместий, их низких заработках, крайней антисанитарии и полном отсутствии медицинской помощи. Плантаторы открыто и с самого начала нарушали условия содержания индийцев, предусмотренные соглашениями между правительством Наталья и индийскими властями, и принятое в связи с этим законодательство.

Однако, по мнению Пальмер, все это, по крайней мере на первых порах, были частные несовершенства, которые могли быть устранены тщательной продуманной реформами. Именно этим объясняется то пристальное внимание, которое уделяет она заключениям и выводам различных правительственных комиссий и нововведениям отдельных реформаторов. Несомненный подтекст изложения многочисленных проектов, которые никогда не были осуществлены, — сожаление о недостаточной проницательности властей, оказавшихся не в состоянии своевременно принять необходимые меры.

Ислагая законодательство, регулировавшее положение индийцев в Южной Африке, условия их въезда и проживания, Пальмер неоднократно ссылается на позиции, которые занимали правительства Англии и Индии в отношении того или иного законодательного акта. В целом, по ее словам, они благожелательно относились к индийским иммигрантам. Между тем, что касается британского правительства, то дело обстоит как раз наоборот. Фактический

материал, приводимый самой Пальмер, неопровержимо свидетельствует о том, что «защита» индийских иммигрантов — лишь демагогическая поза, которую британское правительство принимало тогда, когда это могло прикрыть его истинные планы. Так, в качестве одной из причин войны 1899—1902 гг. против Бурских республик Англия выдвинула свое стремление положить конец лишению там гражданских прав индийцев — британских подданных. Но уже через два года после окончания войны британский губернатор Южной Африки лорд Мильнер заявлял: «Я полагаю, что попытка установить равенство между цветными и белыми в Южной Африке совершенно непрактична и в принципе ошибочна» (стр. 65).

Что же касается позиции индийского правительства, то Пальмер совершенно не учитывает, что до 1947 г. власти, управлявшие Индией и представлявшие ее на международной арене, были лишь фикцией национального правительства, что они действовали в интересах британских колонизаторов, а не в интересах индийского народа. Именно поэтому колониальное правительство Индии согласилось в 1860 г. на то, чтобы иммиграция осуществлялась на основе общего соглашения без индивидуальных письменных контрактов, определяющих права законтрактованного, а в 1896 г. оно согласилось на введение дискриминационной подушной подати. Все эти факты не нашли должной оценки в работе М. Пальмер.

По истечении срока контракта индийцы приобретали право бесплатного возвращения на родину или поселения в Натале. Большинство иммигрантов оставалось в Африке на положении свободных фермеров, мелких торговцев, ремесленников. В последующие годы процесс расслоения индийской общины привел к возникновению и немногочисленной буржуазии. На все эти обстоятельства автор указывает довольно часто, сопровождая их заключениями о «процветании» индийской общины в Южной Африке в те или иные промежутки времени.

Пальмер явно переоценивает значение улучшения экономического положения индийского меньшинства Наталья в различные периоды. Прежде всего, как явствует из самой книги, значительное большинство индийцев жило в условиях отвратительных трущоб, подвергалось жестокой эксплуатации и разного рода ограничениям.

Автор детально следует развитию дискриминационной политики правительства Наталья, а затем Южно-Африканского Союза в отношении индийского населения. Читатель видит, как в течение многих десятилетий воздвигалось здание самой чудовищной расовой дискриминации, как в нарушение международных соглашений и торжественных обещаний индийское население постепенно лишалось элементарнейших человеческих прав: права голоса,

права свободного выбора местожительства, права владения землей, права равной оплаты за равный труд, права объединения в одних организациях с представителями других народов и т. д. Автор открыто критикует так называемую южноафриканскую «демократию», при которой «демократические институты устанавливаются лишь для одного класса и ему предоставляется полный контроль над другими группами или классами, которые не имеют представительства» (стр. 55).

Пальмер показывает, что расовая дискриминация индийцев началась с первых лет их пребывания в Южной Африке, никогда не прекращалась и доведена ныне до ее логического конца — до требования полной сегрегации, до применения насилия в небывалых масштабах.

Однако, наглядно показав расистскую политику в действии, убедительно разоблачив несостоятельность бесчисленных измышлений и злобной клеветы, которые выдвигались на различных этапах сторонниками дискриминации в оправдание своей политики, автор оказывается не в состоянии вскрыть ее истоки, ее классовые корни, которые, конечно, и определяют ее преемственность и основные линии. Ведь истоки дискриминационной политики следует искать в корыстных интересах господствующего класса, чье господство зиждется на разжигании расовой вражды, на экономическом и политическом порабощении угнетенных народов Южной Африки, на демагогическом лозунге «единственности» интересов всех белых в этой стране. Фальшивая предпосылка такого «единства» подчас проглядывает в качестве исходной точки некоторых рассуждений и самой Пальмер.

Большой интерес представляет глава книги, посвященная деятельности Ганди в Южной Африке. С именем Ганди связано первое массовое движение южноафриканских индийцев в защиту своих прав, движение неповиновения расистским законам, которое вырвало у правящих кругов ЮАС серьезные уступки (соглашение Сметса — Ганди 1914 г.) и замедлило процесс лишения индийцев их законных прав. О том, почему правительство ЮАС сочло целесообразным удовлетворить хотя бы некоторые из требований индийского населения, недвусмысленно заявил премьер-министр Сметс: «Мы не можем держать в тюрьме десять тысяч индийцев» (стр. 72).

Можно придергиваться различным точкам зрения относительно целесообразности средств борьбы, предлагавшихся Ганди, однако нельзя не признать, что возглавляемое им движение приобрело действительно массовый характер и заставило правительство считаться с собой. В связи с этим может вызвать лишь недоумение осуждение автором «нереалистической» позиции Ганди, который в разгар борьбы отклонил сотрудничество с комиссией, состав которой заранее предreshал ее вы-

воды: «Многие невзгоды, на которые жаловались индийцы, преувеличены или порождены их собственными действиями» (стр. 73). Впрочем, такая оценка этого шага Ганди вытекает из общего представления Пальмера о значении и перспективах национально-освободительной борьбы индийского населения Южной Африки.

В этой части концепция автора глубоко ложна и вступает в противоречие с многочисленными фактами, приводимыми в самой книге. Пальмер не скрывает своего сочувствия наиболее умеренным кругам индийской общины. Высшая мудрость, по ее мысли, заключается не в активной борьбе против дискриминации, а в настойчивых поисках компромиссных решений. Отсюда — подробный разбор Кейптаунского соглашения 1927 г. и соглашения в Претории 1944 г., которые, по ее мнению, открывали перспективу для решения индийского вопроса в ЮАС. Не вдаваясь в оценку этих документов, следует, однако, подчеркнуть, что «добрая воля» правящих кругов ЮАС оказалась не более, чем фикцией, что на практике из согласованных решений было изъято все, что могло в какой-то степени соответствовать интересам индийского населения. Обширный фактический материал, приведенный в книге, настоятельно требует противоположного вывода: индийцам нельзя полагаться на обещания властей.

Накануне принятия в 1943 г. закона, резко ограничившего право индийцев покупать землю и поселяться на ней, группа индийских политических деятелей вошла в состав комиссии, поставившей перед собой задачу отговаривать индийцев от покупки земли и поселения в районах, занятых преимущественно европейцами, дабы не давать поводов для антииндийской агитации. Опыт, как и следовало ожидать, с огорчением констатирует Пальмер, провалился, хотя совершенно ясно, что эта реакционно-утопическая затея объективно помогала политике южноафриканских расистов.

Еще поразительнее, что автор книги, объявивший себя противником расовой дискриминации, делает вывод, что «наиболее практичной формой» политического представительства индийцев в настоящее время явилось бы предоставление им избирательных прав на основе имущественного и образовательного ценза (для европейского населения ЮАС этих цензов не существует).

Характерна также оценка, которую дает Пальмер приходу новых сил к руководству Южно-Африканским Индийским Конгрессом в 1945 г. Она считает, что произошедшее изменение было весьма неблагоприятно, ибо новые руководители, лишены гибкости и изворотливости своих предшественников, заняли крайне непримиримую позицию по отношению к подготовленным властями новым расистским за-

конам. Их «неограниченная оппозиция» исключала возможность компромисса.

Рассматривая состояние и перспективы освободительного движения индийского населения Южно-Африканского Союза, Пальмер совершенно игнорирует важность создания объединенного фронта всех угнетенных народов ЮАС. Она ограничивается беглым упоминанием о растущей солидарности индийского и африканского народов в борьбе с поработителями, солидарности, нашедшей свое выражение в сотрудничестве Индийского Конгресса и Африканского Национального Конгресса. Ни слова не сказано в книге о Конгрессе народов Южно-Африканского Союза, состоявшемся в 1955 г., и о принятой на нем Хартии свободы. Можно без преувеличения сказать, что перспективы ликвидации национального гнета в ЮАС всецело зависят от того, как будет развиваться борьба за осуществление принципов этой Хартии в рамках единого многонационального фронта, включающего индийцев, африканцев, мулатов.

Политика расовой дискриминации, проводимая правящими кругами ЮАС, становится все более жесткой, и в то же время все больший размах приобретает борьба индийского населения за право свободного национального развития в стране, которая стала для него новой родиной. В этих условиях возможность какого-либо компромиссного урегулирования положения индийского меньшинства при сохранении основ существующего в Южной Африке режима делается все менее вероятной. Поскольку вне компромисса для Пальмера реальных путей решения индийского вопроса в ЮАС не существует, через всю книгу явственно проходит чрезвычайно пессимистическая оценка перспектив освободительного движения индийцев. «Многие опытные специалисты заявляют, что вопрос этот неразрешим», — отмечается на первой же странице книги. В заключительной главе Пальмер открыто солидаризируется с подобной точкой зрения. «Не существует никакой надежды на изменение ситуации», — пишет она на стр. 187.

Южно-Африканский Индийский Конгресс, пользующийся, по признанию самой Пальмер, полной поддержкой индийского населения ЮАС, придерживается на этот счет иного взгляда. «Свобода при жизни нашего поколения!» — стало лозунгом развивающегося в ЮАС национально-освободительного движения всех угнетенных народов. Хартия свободы 1955 года, в разработке которой принимали активное участие и индийские представители, свидетельствует об отчетливом понимании народными организациями основных задач борьбы и путей ее развития.

Отсутствие такого понимания не могло не сказаться на общей концепции представленной М. Пальмер истории индийцев в Натале.

А. З. Зусманович

SUMMARY

The article is devoted to M. Palmer's «History of the Indians in Natal» which tells us of the oppression of the Indian national minority in the Union of South Africa. This problem has long lost its purely local significance and has become a matter of world importance. To present the real facts of Indian immigration to South Africa and the situation now, to give a picture of economic and political development of the Indians in connection with the history of Natal — is a task of great scientific and political importance.

СУКАРНО. Сарина. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1958, 263 стр.

Издательство иностранной литературы выпустило в переводе на русский язык еще одну книгу виднейшего государственного и политического деятеля новой Азии президента Республики Индонезии Сукарно.

Как заявляет автор в предисловии к первому изданию своего труда, книга эта посвящена, в основном, рассмотрению вопроса о задачах женщины в национально-освободительной борьбе индонезийского народа. В знак благодарности к своей няне, которая была ему второй матерью и научила любить «маленьких людей», д-р Сукарно назвал книгу именем этой простой женщины — «Сарина».

Первое издание «Сарины» вышло в свет в Джокьякарте в 1947 г. — в один из самых тяжелых периодов истории молодой Индонезийской республики, на которую яростно наступали тогда голландские колонизаторы.

Разрешение женского вопроса Сукарно неразрывно связывает с исходом национально-освободительной борьбы всего индонезийского народа. Освобождение женщины, указывает он, придет лишь с освобождением всей нации.

Поэтому, посвятив свою книгу освещению проблем женского движения в различных странах и, в первую очередь, в Индонезии, Сукарно в то же время самым подробным образом излагает свои взгляды относительно целей, задач и тактики революции в Индонезии. Эти взгляды Сукарно разделяют лидеры и рядовые члены левого крыла крупнейшей в стране Национальной партии Индонезии (НПИ), а также представители ряда других политических партий и общественных организаций, многие видные политические и общественные деятели. Теоретические положения Сукарно о развитии индонезийской революции и характере индонезийского общества и государства на различных фазах их развития, известные под названиями мархаэнизма и панча сила¹, создают реальную

¹ Мархаэнизм (Мархаэн — мужское имя, широко распространенное среди крестьян Западной Явы) означает идеологию простого народа, бедняков. Левые лидеры НПИ называют мархаэнизмом свою народническую теорию построения в Индоне-

и прочную основу для сотрудничества с НПИ второй крупнейшей политической партии страны — Коммунистической партии Индонезии; всех подлинно-национальных и патриотических сил.

При подготовке книги «Сарина» автор рядом с другими материалами использовал некоторые работы К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, ряда видных марксистов.

Сукарно оценивает женский вопрос как социальную проблему исключительной важности и заявляет, что без ясности в этом вопросе невозможно успешное строительство национального государства и нового общества. Резко критикуя буржуазный строй за бесправное, поработенное положение женщины, Сукарно выступает последовательным сторонником фактического (а не только правового) равноправия женщины. Он приходит к выводу, что подлинное раскрепощение женщины возможно лишь в социалистическом обществе.

Социализм, заявляет Сукарно, невозможно «вести» сразу, особенно в такой отсталой стране, как Индонезия, три с половиной века изнывавшей под кровавым игмом колонизаторов и разоренной длительной и тяжелой колониальной войной. Социализм — эта программа на будущее. «...Только в социалистическом обществе человечество и мир могут быть спасены» (стр. 260).

Как же понимает Сукарно социализм? «Социализм, — пишет он, — это коллективные заводы. Социализм — это коллективная индустрия, наличие коллективного производства и коллективного потребления...

зани посредством взаимопомощи социалистического общества в соответствии с особенностями этой страны.

Панча сила (в переводе с санскрита — пять принципов) — выдвинутая Сукарно основа общественного и государственного строя Индонезии. Пять принципов включают в себя: 1) веру в бога при отделении церкви от государства и школы от церкви; 2) гуманизм; 3) национализм, означающий решимость индонезийского народа добиться национального единства и построить независимое национальное государство, включающее всю территорию страны; 4) демократию и 5) социальную справедливость.

Социализм — это удовлетворение различных потребностей человека, основанное на коллективизме, поднятом на уровень современной техники (стр. 211). В другом месте Сукарно определяет социализм как «...общество социального благосостояния и социальной справедливости, в котором нет эксплуатации человека человеком, нет эксплуатации человека государством, нет капитализма, нет бедности, нет порабощения, нет женщин, страдающих от изнеможения...» (стр. 259—260).

В рецензируемой книге неоднократно подчеркивается, что Индонезия находится в процессе революции, которая имеет две основные фазы. «В данное время, — указывает автор, — мы переживаем национальную фазу революции, а затем вступим в социальную фазу; национальная фаза — это создание нами национального государства, а социальная фаза — период, когда мы будем строить социализм» (стр. 212—213). Сукарно говорит, что нельзя «перешагнуть через один революционный этап и сразу вступить в другой революционный этап, или вести борьбу на одном революционном этапе наряду с другим» (стр. 214—215). Но это вовсе не означает отрицания того, что можно и следует стремиться ускорить ход революционного процесса. «Тот же, кто не признает указанных этапов, кто играет в «радикальность», «прыгает» через этапы или хватается за все сразу, — подчеркивает автор, — тот, хотя и кричит во все горло, покраснев от натуги, что он революционер, вовсе не революционер, ибо он хочет совершить невозможное, хочет совершить социально невозможное!» (стр. 215).

Сукарно одновременно указывает, что между национальной и социальной фазами революции «нет резко выраженной грани» (стр. 226). Он призывает и в первой фазе революции «думать и бороться по социалистически» (стр. 241), т. е. выступать за демократическое национальное государство.

Основной задачей национального этапа революции, определяет Сукарно, является построение индонезийского национального государства. «Вырвать государственную власть из рук иностранцев; создать свои национальные вооруженные силы; уничтожить все остатки колониализма; наладить собственный аппарат управления; поднять финансы Индонезии; объединить весь Индонезийский архипелаг в свободном государстве, преградить любые попытки подрывной работы изнутри; создать прочную и современную техническую базу в Индонезии; наладить дипломатические отношения с другими государствами...; подавлять сепаратистские тенденции; слюбить многомиллионный индонезийский народ в единую нацию, верящую в свои национальные идеалы, в свое государство, правительство, армию, социальные идеалы; создать национальное правительство, устойчивое в вопросах как внутренней, так и внешней политики и т. д., — все это должно

быть осуществлено, все это должно быть выполнено прежде, чем можно будет сказать, что национальная революция завершена» (стр. 216—217). При этом не следует забывать, что строительство национального государства в Индонезии и в других сбросивших иго колониализма странах неизменно наталкивается на бешеное сопротивление империалистов и их агентуры в лице местных компрадоров, феодалов и продавшихся политиков. В Индонезии в 1945—1949 гг. это сопротивление приняло форму колониальной войны, когда Голландия при помощи США и Англии пыталась задуть молодую республику; после окончания войны колонизаторы ни на один день не прекращают подрывной деятельности против Индонезийской республики.

Образование и укрепление в Индонезии единого национального государства, как подчеркивает автор, — объективная необходимость и предпосылка для построения в будущем социалистического общества, ибо при феодально-общинной раздробленности и разобщенности абсолютно невозможно индустриализация («индустриализм», по терминологии Сукарно), не говоря уже о том, что иначе колонизаторы при помощи своего излюбленного метода «разделяй и властвуй» будут постоянно натравливать одно индонезийское государство на другое, одну народность на другую. Разве опыт существования навязанных индонезийскому народу на «конференции круглого стола» в Гааге в 1949 г. «Соединенных Штатов Индонезии» не говорит красноречиво об этом? «Для того чтобы стать полем деятельности для промышленного развития, — сказано в книге «Сарина», — вся территория Индонезии должна стать экономически единой, а чтобы стать экономически единой, вся территория Индонезии должна быть также политически единой» (стр. 222—223).

Заклеймив сепаратистов как гнусное оружие в руках империалистов, Сукарно дает определение индонезийского национализма, показывающее, что революционный национализм молодых буржуазных стран Азии и Африки не имеет ничего общего с империалистическим шовинизмом и расизмом. «Любые сплывные и высокие чувства, — заявляет автор, — являются элементами нашего национализма! Любовь к прекрасной родине, любовь к своему народу и языку, любовь к культуре, превратившаяся в задушевную повседневную мелодию, любовь к славной истории прошлого и стремление начать новую славную историю, любовь к свободе и ненависть к колониализму, желание жить в достатке и не знать эксплуатации, чувствовать себя не являем, суматранцем или сулавесцем, а индонезийцем...» (стр. 224—225). Социальными силами индонезийского национализма являются, по Сукарно, во-первых, многомиллионный простой народ, рабочие и крестьяне, которых империализм жесто-

ко угнетал из поколения в поколение, «сознание которых революционизировалось и которые жаждут нормальной жизни, процветания и спокойствия», во-вторых, индонезийские предпринимательские круги (т. е. национальная буржуазия), «подавляемые империализмом и полностью потерявшие почву под ногами, но желающие ее вновь обрести» (стр. 225).

Сукарно подчеркивает, что целью индонезийской национальной революции отнюдь не является создание обычного буржуазного национального государства. Ссылаясь на положения конституции Индонезии о том, что народное хозяйство должно вестись на основе принципа взаимопомощи, что важнейшие отрасли производства контролируются государством, земля, ее недра и вода являются собственностью государства и используются им в целях наивысшего благосостояния народа и другие, Сукарно считает, что индонезийское национальное государство «можно уподобить переходной фазе между буржуазной и социалистической фазами» (стр. 226).

Демократия современного индонезийского государства, отмечает Сукарно, является революционной, подлинно народной демократией, которая знает все слабости западной политической демократии и поэтому стремится создать политико-экономическую демократию (которая совершена только при социализме)...» (стр. 227). В ряде своих заявлений, сделанных много позже написания «Сарины», Сукарно дал дальнейшее развитие этих идей. Так, выступая 10 ноября 1956 г. при открытии первой сессии Учредительного собрания, Сукарно призвал его выработать такую конституцию, которая не допустит роста индонезийского капитализма. В 1957—1958 гг. Сукарно во многих своих речах убедительно обосновывал необходимость установления в Индонезии вместо формальной парламентской — «направляемой демократии».

В своей книге Сукарно отмечает, что в фазе национальной революции в Индонезии имеются все предпосылки для образования самого широкого антиимпериалистического национального фронта. Он выражает свое полное согласие с высказанным И. В. Сталиным в работе «Об основах ленинизма» положением о том, что всякое движение, ослабляющее и подрывающее империализм, является революционным движением.

Сукарно призывает народ в фазе национальной революции «не...развивать пока классовую борьбу, то есть...сотрудничать со всеми кругами и группами, желающими национальной свободы, не допуская в то же время игнорирования своей роли другими участниками борьбы в их собственных интересах» (стр. 243). Другими словами, Сукарно стоит за то, чтобы входящие в национальный фронт буржуазия, представители духовенства, феодалов, интелли-

генции не присвоили себе плодов общенациональной борьбы, главную роль в которой играет именно простой народ. Без участия широких народных масс национальная революция невозможна. Чтобы привлечь народ на свою сторону, национально-патриотические деятели должны окунуться в гущу народа, знать его стремления, дать ему интересующую его экономическую программу, прививать ему чувство собственного достоинства, сделать революцию его революцией. Сукарно призывает руководителей движения и интеллигенцию не только учить массы, но и постоянно учиться у масс (см. стр. 245).

Как и в других своих работах, в «Сарине» Сукарно рассматривает индонезийскую революцию в качестве составного звена мирового национально-освободительного движения, действующего в союзе с рабочим движением.

Являясь страстным поборником национального единства, Сукарно столь же последовательно и решительно выступает за единство на международной арене. «В интернациональном... масштабе мы держим связь с рабочими и национальными движениями других стран» (стр. 246). При этом Сукарно стоит за то, чтобы «не только искать помощи извне, но, если возможно, оказывать помощь и другим» (там же). Следуя этому благородному принципу, Индонезия оказывает моральную поддержку национально-освободительным движениям во всем мире.

Наложив свои взгляды относительно характера и задач национально-освободительной борьбы, Сукарно призывает индонезийских женщин приложить все свои силы для самого активного участия в революции. Он заявляет, что восторгается словами В. И. Ленина о том, что «каждая кухарка должна участвовать в управлении государством», и предлагает женщинам Индонезии понять это (стр. 198).

Хотя в книге «Сарина» рассматривается большой круг вопросов, она ни в коей мере не претендует на полное и систематическое изложение истории женского движения и теории национально-освободительной революции. При оценке ряда содержащихся в книге положений следует учитывать, что автор собирал материалы для книги (особенно по женскому вопросу) в условиях политической ссылки и был, естественно, значительно ограничен в получении литературы: ряд научных работ он, видимо, был вынужден использовать из вторых и даже третьих рук.

Читатель-марксист согласится не со всеми положениями рецензируемой книги. Марксистское понимание социализма в принципе отличается от понимания автора. Отдельные вопросы освещены в книге, может быть, недостаточно четко и полно; оценки некоторых деятелей международного женского движения выражают личную точку зрения автора. Однако это — частные моменты. Через всю книгу Сукарно красной

нито проходит его неугасимая вера в ум и силы народа, вера в полную победу национально-освободительной революции, в успешное построение в будущем нового об-

щества. Написанная ярким, образным языком книга Сукарно «Сарина», несомненно, будет с большим интересом встречена советскими читателями.

Л. Яковлев

SUMMARY

Written by an outstanding statesman, the President of the Republic of Indonesia, Dr. Sukarno, and recently published in Russian, the book «Sarina» is appraised very favourably by the reviewer. Dr. Sukarno considers that the solution of the woman problem is connected with the national liberation struggle of the Indonesian people.

The author of the review analyses Dr. Sukarno's views on the aims and tactics of the national revolution in Indonesia and his idea of socialism.

K. S. MENON. *The «Russian bogey» and British aggression in India and beyond*. Calcutta, 1957, 68 p.

Одним из измышлений английской историографии, которые используются для оправдания британской колониальной политики в Индии, является так называемая «русская опасность». Апологеты британского империализма утверждают, что безраздельное господство Англии в Индии было благотворным не только для этой страны, но и спасало Запад от угрозы завоевания Россией. К. С. Менон показывает, что извращение истории англо-индийских отношений имеет недвусмысленную политическую направленность. Неокolonизаторы вытаскивали из архивной пыли «русский жупел», чтобы чем-либо укрепить свои пошатнувшиеся позиции. «Усиленная антирусская пропаганда», пишет К. С. Менон, — воздействию которой подвергается в послевоенные годы индийский народ со стороны западных держав и которая ставит своей целью втянуть их в военный лагерь и воспрепятствовать развитию добросердечных отношений между Индией и СССР, имеет разительные параллели в имевших место в течение прошлого столетия периодических приступах русофобии в англо-индийских кругах» (стр. 1). К. С. Менон напоминает также, что за всю историю не было ни одного случая русской агрессии против Индии.

К. С. Менон справедливо указывает на завоевательный характер политики как русского самодержавия, так и английских колонизаторов. Однако он отмечает некоторые особенности проникновения России в Среднюю Азию. Россия, пишет Менон, при ограниченности ее материальных ресурсов, не могла серьезно думать о походе в Индию... В противовес Англии, разрушавшей индийскую экономику, Россия была заинтересована в развитии производительных сил своих новых владений в Средней Азии и в расширении внутрен-

него рынка империи. Английское господство отбросило экономику Индии на несколько столетий назад. России же в силу объективных экономических причин содействовала переходу населения своих среднеазиатских владений к более высоким формам сельскохозяйственного производства.

Англия широко использовала жупел «русской угрозы» для расширения своих колониальных захватов. Весь Средний и Ближний Восток английские колонизаторы рассматривали как барьер для защиты своих колониальных владений в Индии от «русской опасности». Под этим флагом Англия усиливала свою агрессию в Средней и Передней Азии. По мнению К. С. Менона, наивысшего развития английская агрессия в Средней Азии, осуществлявшаяся под прикрытием лозунга о русской угрозе Индии, достигла в период между первой и второй афганскими войнами. В это время лорд Литтон проектировал поход «от Пешавара через Балх до Ташкента» для образования вассального государства, которое включило бы Западный Афганистан и часть среднеазиатских территорий (стр. 39). Англия намеревалась также, цитирует К. С. Менон Морисона, «очистить своими войсками Центральную Азию от москвитов и оттеснить их к Каспийскому морю»¹.

Русское пугало — альфа и омега английской колониальной политики. Под прикрытием «русской угрозы» Англия распространила свою агрессию и на Восточный Туркестан. Британские колонизаторы подогревали сепаратистские тенденции местных феодалов, разжигали религиозный фанатизм, посылали свои военные мис-

¹ J. I. Morison. From Alexander Bunness to Sir Frederick Roberts. «Proceedings of the British Academy». London, 1936.

сии в Кашгар, Гильгит. Под предлогом ограждения Индии и Китая от «русской угрозы» Англия начала агрессию в Тибете. Английские войска заняли Лхассу. Только решительный протест Китая, поддержанный Россией, заставил Англию, пишет К. С. Менон, отказаться от установления протектората над Тибетом.

Действительно ли Россия представляла угрозу для Индии? Документ «Форин оффис», пишет К. С. Менон, дают отрицательный ответ на этот вопрос. Так, министр иностранных дел лорд Солсбери писал в 1875 г. вице-королю Индии Нортбруку: «Я вполне разделяю ваше мнение, что русское вторжение в Индию является химерой» (стр. 34). Того же мнения в 1869 г. придерживался лорд Клерендон, а лорд Рипон подчеркивал в 1882 г.: «Я убежден, что страх перед русским нашествием в Индию... просто глупость» (стр. 51). Сэр Генри Лоуренс писал лорду Стэнли, что «Россия в такой же степени трудно завоевать Индию, как нам США». Таким образом, «русский жупел» был чистой выдумкой.

Подлинная угроза для английского колониального владычества, пишет К. С. Менон, коренилась в самой Индии. Об этом недвусмысленно свидетельствуют официальные английские документы. «Главная опасность для нас в Индии лежит внутри страны, а не во вне ее», — сообщает Генри Лоуренс.

Хищническая эксплуатация страны, гибель миллионов индийцев от голода, агрессия против Афганистана, Ирана, Китая вызвали ненависть угнетенных народов к Англии и активное стремление к освобождению. Англичан тревожило и то обстоятельство, отмечает К. С. Менон, что в исторической перспективе политика даришма в Средней Азии оказалась более благоприятной, чем политика английских колонизаторов. Так, по мнению Д. Ч. Баулджера, русские власти более справедливо обращались с мусульманскими подданными, чем англичане в своих колониях. Другой английский наблюдатель указывал на то обстоятельство, что в русской армии имелись офицеры и генералы-мусульмане, в индийских же войсках «либеральной Англии» туземец мог дослужиться только до авания старшего сержанта и то лишь после 30 с лишним лет армейской службы. «Бри-

тания боялась даришма, этого вошедшего в пословицу реакционного режима по той причине, что даже он имел преимущество перед английским империализмом», — пишет К. С. Менон. «Русский жупел» являлся диверсией, за которой пытались скрыть правду от английского народа и убедить азиатские народы, что перед ними только одна альтернатива — господство царской России или Британской империи» (стр. 55, 59).

Рост национального движения вынудил английских колонизаторов пойти на соглашение с даришмом. Под этим углом зрения рассматривает К. С. Менон англо-русское соглашение 1907 г. о разграничении сфер влияния в Азии.

Октябрьская революция, пишет К. С. Менон, создала предпосылки для победоносного национально-освободительного движения на Востоке. Опасаясь проникновения влияния Октября в свои колонии, Англия прибегла к испытанному методу интриг, подкупов и агрессии с целью захвата Средней Азии. Английский империализм попытался включить Кавказ, Закавказье, Закаспийские области и Среднюю Азию в «сферу своего влияния». Все это, как известно, кончилось крахом.

Расцвет национальной культуры, социалистическое строительство в республиках Советского Востока вызывают озлобление и тревогу в лагере империалистов. Неудивительно, поэтому, пишет К. С. Менон, что английский империализм, продолжая цепляться за остатки своих колониальных привилегий, не выбрасывает из арсенала средств политического шантажа неумную, но вредоносную концепцию «русской угрозы» для Индии. Только в состоянии беспробудного отчаяния можно прибегать к такой чудовищной фальсификации, как отождествление национальной политики Советского Союза с политикой даришма. Индийский народ, пишет в заключение К. С. Менон, с негодованием отвергает эту клевету. Октябрьская революция, подчеркивает К. С. Менон, является для народов Индии не «русским жупелом», а живительным источником, из которого они черпают политические и моральные силы для укрепления независимости своей страны.

С. М. Мурный

SUMMARY

The reviewer emphasizes the importance of K. S. Menon's book which unmasks the falsifications of British historiographers about the «Russian threat» to India. Till this day British imperialism has not abandoned this notion which is as stupid as it is harmful. K. S. Menon shows that the October Revolution is not a «Russian bogey» for the peoples of India but a source of political and moral strength in their struggle for the independence of their country.

日本歴史地圖。西岡虎之助，服部之總監修

Японский исторический атлас. Под общей редакцией Ниснока Тораноскэ и Хаттори Сисо. Токио, 1956, 482 стр.

«Японский исторический атлас» состоит из 75 крупномасштабных карт и ряда дополняющих их более мелких карт и схем.

В составлении «Атласа» приняли участие Иноуэ Кидэи, Синобу Сэйсабуро, Фурусима Тосио, Тоёда Такэси и около сорока других историков, редакторами его являются видные историки Хаттори Сисо и Ниснока Тораноскэ.

Почти все крупномасштабные карты многоцветные с нанесением на них чрезвычайно большим числом различных показателей. Карты сопровождаются объяснительным текстом с перечислением источников и литературы, на основании которых они составлены.

По своему содержанию «Атлас» охватывает все периоды истории Японии с древнейших времен до наших дней и затрагивает большой круг экономических и политических вопросов.

Древней истории посвящено 24 карты, из них три первобытно-общинному строю¹.

До конца второй мировой войны, когда большинство японских историков производили периодизацию по династиям императоров и сёгунов, древний период доводился обычно до XII в. В конце этого периода сёгуну лишали императорскую династию реальной власти, хотя и не свергли ее, и в стране установилось двоевластие. Этот политический момент был определяющим для отделения средневековой истории от древней. Для современной исторической науки в Японии характерно, что важную роль в ней стали играть ученые, исследующие исторические процессы на основе марксистско-ленинской методологии. По мнению прогрессивных японских историков, XII в. является рубежом между рабовладельческой и феодальной формациями (некоторые историки считают таким рубежом X, XI вв.). И авторы «Атласа», сохранив прежнюю периодизацию, строят ее, видимо, не по династийному принципу, а по общественно-экономическим формациям. Однако нам не удалось обнаружить прямых свидетельств того, что они рассматривают период до XII в. как рабовладельческий.

Большинство карт по древней истории представляет значительный интерес. На островах Кюсю и Хонсю (карта 4, III—IV в.) условно локализовано несколько пунктов, где мог находиться центр первого японского государства или союза племен. В китайских летописях династий поздней Хань (25—220 гг.) и Вэй (221—265 гг.)

он называется 邪馬台 «Ямадай» (大和 «Ямато»). Однако пунктов с таким названием на островах в то время было по крайней мере три, поэтому трудно точно определить местонахождение этого государства. На той же карте и некоторых других географические названия, относящиеся к Корее и Японии, даны в соответствии с династийной хроникой Вэй².

Большой интерес представляют карты, знакомящие нас не только с историей Японии, но и с историей тесно связанных с ней Китая и Кореи. Так, на карте 12 показаны внешние связи Японии с Китаем в период Суйской (589—618) и Танской династий (618—907), а также с Кореей — посылка японских посольств в Китай и ответные миссии Китая, некоторые коммуникации Китая и Кореи. На следующей карте (13) дан подробнейший план древней столицы Японии города Хэйан (нынешний Киото) со схемой китайской столицы того времени Чан-ань, по образцу которой построена японская столица. На ряде карт дается административное деление Японии, размещение главных родов (Отомо, Мононобе, Хатта и др.) и т. д. Все наименования на картах древней Японии воспроизведены на основании Нихонсёки, Манёсю и других древних письменных памятников.

Средневековью, которое по принятой в Японии периодизации охватывает XIII—XVI вв., отведено 14 карт. Среди них обращает на себя внимание ряд карто-схем, освещающих очень сложный и важный в истории Японии вопрос о структуре и распространении так называемых сёэн — частнопоместных владений. В Японии (по образцу Китая) в VII в. была установлена система государственного наделного землепользования. Государство было объявлено верховным собственником земли. Однако наряду с государственной собственностью стала развиваться частная феодальная собственность храмов, монастырей, феодальной аристократии. В X—XV вв. господствующей формой феодальной собственности на землю были сёэн. На карте 30 на примере одного из сёэнов провинции Ямасиро показана чрезвычайно сложная структура этого частнопоместного владения. Наряду с владельцем (обычно не находившимся в сёэне), его управляющим и чиновниками здесь жило большое число крестьян — мелких землевладельцев (мёсю) и безземельных крестьян.

На других карто-схемах, относящихся к средневековому периоду, показаны рост

² Текст ее, относящийся к Корее и Японии, см. Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. 2. М. — Л., 1950, стр. 37—46.

¹ Две карты — периоду веревочной керамики (по японской терминологии — период дзёмон) и одна карта — периоду яёй (примерно с I в. до н. э. до III в. н. э.), периоду появления орошаемого земледелия и первых металлических изделий.

крупного феодального землевладения, постепенный распад Японии на ряд самостоятельных княжеств, расстановка сил в длительной междоусобной войне этих княжеств и процесс объединения страны в конце XVI в. (карты 35—36), совпавший с укреплением феодальных порядков, проведением новой земельной переписи и так называемым вторичным закрепощением крестьянства. На карту 36, кроме того, нанесены выборочные данные земельной переписи по отдельным районам с указанием числа крестьян, их домов и обрабатываемой площади. Карта 34 рассказывает о крестьянских и других антифеодальных восстаниях XIV—XV вв. в центральных провинциях страны, она дает представление о требованиях, выдвигавшихся восставшими и (в известной мере) о социальном составе последних. К сожалению, не все крестьянские и городские восстания получили отражение в «Атласе». Недостаточно показано также экономическое развитие страны в период средневековья, в частности развитие городов. Средневековому городу посвящена лишь одна карта (31) с незначительным числом экономических показателей. Отсутствует схема распространения цехов, развития горного производства, судостроения и т. д. Это объясняется тем, что вопросы экономического развития Японии разработаны относительно слабее, чем другие проблемы истории японского феодализма.

Хорошо отражены взаимоотношения с другими странами в средние века. Показаны монгольское нашествие на Японию в конце XIII в. (карта 27), пиратские базы Японии и набеги японских пиратов (вакё) на Корею и Китай (32), захватнические походы Хидэёси в Корею в конце XVI в. (37), японские поселения в странах Юго-Восточной Азии и рейсы японских судов в эти страны (38), распространение христианства в Японии в результате деятельности европейских миссионеров (39).

36 карт из 75 относятся к новой и новейшей истории. Однако сложные и многообразные процессы периода новой (с XVII в.) и новейшей истории Японии не получили достаточно полного освещения.

Из 36 карт 16 отведены истории позднего феодализма в Японии (1600—1867), остальные — истории капиталистической Японии (1868—1950). В разделах, освещающих период позднего феодализма, много картографического материала (карты 40—43), характеризующего политические изменения в феодальных княжествах (смена князей, территориальные изменения), которые произошли в результате междоусобных войн или регулирующих мероприятий центральной власти (конфискации, перемещения). Этим подробно излагаемым в японской литературе данным уделено, пожалуй, слишком много места по сравнению с другими более важными и менее освещенными в литературе вопросами. Значительный инте-

рес для исследователей представляют карты, иллюстрирующие крестьянские восстания в период позднего феодализма. Так, рассказывая о выступлении крестьян в токугавский период (1603—1867) в южной и северной частях Японии (карты 54 и 55), авторы при помощи масштабных и цветных знаков показали число выступлений по векам (XVII, XVIII, XIX), а также причины и формы выступлений (петиции, бунты, бегство и т. д.) и требования крестьян.

На ряде карто-схем отмечены коммуниции, товарные потоки³, районы сельскохозяйственной и промышленной специализации (карта 46). На карте 53 указано, по каким видам товаров и с какими странами Япония вела внешнюю торговлю с момента открытия страны и до конца токугавского периода (1654—1867 гг.).

Развитие цехов, рассеянной и централизованной мануфактуры не нашло, к сожалению, в «Атласе» достаточного отражения. А такого рода схемы правда еще не совершенные, появляются в некоторых японских изданиях⁴. Нет в «Атласе» и специальной карты промышленного производства в позднефеодальной Японии, накануне буржуазной революции 1867—1868 гг. Это не случайно. Вопрос изучен недостаточно, и до сих пор в японской литературе продолжаются споры о характере событий 1867—1868 гг. Судя по схемам развития промышленного производства в Японии в период капитализма (№ 61 и 62); утверждение промышленного капитализма авторы относят к 90-м годам, а весь период до 90-х годов, — очевидно, к мануфактурной стадии капитализма. Такова наиболее распространенная точка зрения в японской историографии. Разделяющие эту точку зрения ученые обычно отрицают революционный характер событий 1867—1868 гг. Видимо, именно поэтому составители «Атласа» не показали развития раннекапиталистических форм промышленного производства накануне 1867—1868 гг., ограничившись данными 1881 г. (карта 61). Таким образом, наиболее важный вопрос, какие промышленные предприятия были построены до 1868 года и какие после, остался не освещенным.

Ряд карт рассказывает о событиях эпохи промышленного капитализма и эпохи империализма в Японии: о китайско-японской и русско-японской войнах (64), превращении Кореи в японскую колонию после русско-японской войны (65), о борьбе ко-

³ См., например, карту 45, где показаны основные дороги, почтовые станции, пути, по которым приезжали в столицу Японии корейские миссии, миссии с островов Рюкю, а также карту 48, где графически изображено товарное обращение и товарные потоки в некоторые города Японии.

⁴ См., например, 日本文化史大系 «Очерки по истории японской культуры», т. X, Токио, 1940.

рейских народных масс против захватчиков (1906—1907, 1908—1911 гг.) и общекорейском народном восстании в марте 1919 г. Экономика и здесь представлена недостаточно, так, сведения об экономическом развитии Японии между двумя мировыми войнами можно найти лишь на одной карте (67), и относятся они главным образом к вопросу о концентрации производства и целлюлозно-бумажной промышленности и размещении ее предприятий. Самым серьезным недостатком «Атласа» является то, что в нем нет карты, показывающей роль монополий, концентрацию производства, централизацию капиталов в период 1868—1914 гг.

До недавнего времени из-за цензурных запретов в японской литературе весьма скупо освещались рисовые бунты 1918 г. В последние годы об этом движении стали появляться более или менее подробные сведения; это нашло отражение и в «Атласе». На карту 68 нанесены данные о числе участников, рисовых бунтов в разных провинциях Японии (наибольшее их число было в рабочих районах — Токносский, Осакинский, Нагойский и др.), отмечено, в каких районах движение началось и на какие в дальнейшем распространилось. В пояснениях к карте приводятся сведения о числе участников этих бунтов, арестованных и преданных суду (свыше 8 тыс. человек), об их профессии, возрасте, образовательном цензе.

日本史料集成 «Сборник материалов по истории Японии». Токно, Изд-во Хэйбонся, 1956, 601 стр. + указатель на 49 стр.

«Сборник» документальных материалов и статистических таблиц, относящихся к истории Японии с древнейших времен и до конца второй мировой войны, составлен японским отделом «Общества Мирового исторического словаря». Среди его составителей мы встречаем имена Тойма Сигэки, Фурусима Тосио, Сато Синити и других известных историков. Редактор-издатель сборника Симонака Ясабуро.

Рецензируемая книга имеет много общего с «Японским историческим атласом». Авторы обоих изданий придерживаются одних и тех же принципов периодизации, одинаково распределяют материал между древностью и средневековьем, с одной стороны, и новым временем, с другой. Ни в той, ни в другой работе даже не упоминается легендарный период истории Японии, без которого до 1945 г. не обходилось почти ни одно издание такого рода. Как в «Японском историческом атласе», так и в «Сборнике» большое внимание уделяется экономическим и социальным вопросам, «Сборник» в этом отношении дополняет «Атлас». Так, в нем более полное отражение нашло

Сведения о крестьянском (арендаторском) и рабочем движении 1918—1937 гг., а также о распространении крестьянских, рабочих профсоюзных организаций и рабочих партий дает карта 69. Обращают на себя внимание помещенные здесь же четыре небольшие схемы, рассказывающие о полицейских арестах рабочих и других лиц по префектурам в 1928, 1931, 1934 и 1937 гг. Аресты эти производились на основе закона 1925 г. «об опасных мыслях».

К сожалению, в «Атласе» не показано рабочее и крестьянское движение перед первой мировой войной и после второй мировой войны. Истории послевоенной Японии уделено всего лишь три карты, посвященные показу аграрной реформы и роли иностранного капитала в японской экономике (по некоторым выборочным районам).

Приложением к «Атласу» служат: политико-географическая карта современной Японии на четырех листах и ряд указателей, из которых отметим: указатель географических наименований по древнему памятнику Манёсю, общий указатель японских географических и других наименований, указатели иностранных географических пунктов и археологических раскопок и памятников по провинциям.

«Японский исторический атлас» представляет весьма большой интерес для всех изучающих историю Японии, а также сопредельных с ней стран, и историю международных отношений на Дальнем Востоке.

развитие мануфактурного производства в позднефеодальный период; на стр. 386 приведен список мануфактур, организованных с XVI в. до 1867 г., с указанием времени их создания и отрасли производства. Правда, данные эти еще весьма несовершенны, по ним нельзя, например, определить, какие мануфактуры были капиталистическими, какие феодальными. Впервые эти данные были опубликованы японским историком Ямада Сайтаро в 1932 г., очевидно, за прошедшие с того времени 25 лет японская историко-экономическая наука мало продвинулась вперед в этом вопросе. Более полно отражена в «Сборнике» и экономика капиталистической Японии, например, вопросы концентрации производства и централизации капитала (стр. 557—558), роль четырех крупнейших концернов Мицуи, Фудзисава, Сумитомо и Ясуда. Подробнее освещено рабочее и крестьянское движение (трудовые конфликты 1897—1945 гг., арендные конфликты 1917—1945 гг., стр. 589).

Материалы для каждой исторической эпохи делаются в «Сборнике» на две части.

В первой, под названием «Объяснение источников», дается краткое тематическое описание археологических, письменных и других источников, указываются название источника, число томов, автор (если он известен) и очень кратко излагается содержание документального материала. Такого рода источниковедческие справки очень облегчают работу историка.

Во второй части (под названием «Исторические материалы») подробно излагаются события определенной исторической эпохи, главным образом на основании тех же источников с приведением многочисленных цитат из них, большею частью на японском языке, иногда же на камбуне с японскими пояснительными знаками. Материал расположен обычно в хронологическом либо тематическом порядке, по разделам («политика», «экономика», «религия», «культура» и т. д.). В этой части «Сборник» приближается к хрестоматии. Широта охвата предмета (японская история во всех ее аспектах до конца второй мировой войны) придает ей уникальный характер. Большую ценность представляет включенный в «Сборник» статистический материал, относящийся как к периоду феодализма, так и к периоду капитализма. В сборнике мало картографического материала, что, несомненно, является его недостатком.

Перечислим, вкратце, наиболее интересные, с нашей точки зрения, данные, включенные в «Сборник».

В разделе древней истории (кодай) помещены таблицы, в которых по каждой провинции Японии приводятся данные об археологических памятниках. По району Канто (восточная часть) указано, к каким археологическим периодам относятся те или иные памятники (стр. 10—11); на стр. 40—59 перечислены все построенные с VI по XI—XII вв. храмы, дворцы и т. д. Далее, на стр. 62 приведены выдержки из китайских династийных историй в переводе на японский язык, относящиеся к истории Японии; освещены внешние связи Японии с государством Силла с IV по IX в. и с Сунской династией в XI—XII вв. (стр. 64—71, 75—77), что редко встречается в литературе. Приведены тексты 17 статей конституции, составленной Сётоку Таиси в начале VII в. (стр. 86), подробные данные о положении крестьян в период раннего феодализма (стр. 93—96), схемы структуры японского правительства (дайдзёкана) в VII—XII вв. (стр. 102) и первых столиц (стр. 106—107), очень важные, чрезвычайно редко встречающиеся сведения о мятежах VII и VIII вв. (стр. 108). По годам прослежен процесс подчинения японцами в VII—X вв. северной части острова Хонсю, населенного аину (стр. 112).

В разделе средневековой истории Японии находим редко встречающиеся в источниках данные о земельных владениях, захваченных домом Тайра в тот период, когда он управлял страной (1156—1185) (по годам и провинциям; стр. 160—162); о набе-

гах японских пиратов на Корею с 1223 по 1418 г. по годам, с указанием числа случаев нападений в год (стр. 218), о японской торговле с Кореей в XV в. (стр. 228) и хронике крестьянских и других антиправительственных восстаний с 1428 по 1562 г., в которой указаны основные участники восстаний, главные требования восставших, результаты восстаний и т. д. (стр. 232—233)¹.

Наибольший интерес из материалов, относящихся к позднему феодализму, представляет большая таблица крестьянских и городских выступлений в токугавский период (стр. 439—461). Впервые она была опубликована в 1937 г. японским историком Кокусё Ивао в журнале «Кайдзай синкэн»², которого нет в советских книгохранилищах. Это единственная существующая в японской литературе сводка крестьянских и городских выступлений за токугавский период. Повторная публикация ее в «Сборнике» свидетельствует о том, что это единственный сводный материал такого рода, хотя после 1937 г. стало известно о ряде других крестьянских и городских выступлений, данные о которых не попали в рассматриваемую таблицу.

Имеются в «Сборнике» также редко встречающиеся в японской литературе сведения по годам о торговле Японии с Голландией в XVII—XVIII вв. и с Китаем в XVII в. в ценности и весе, но без разбивки на товары (стр. 344—347).

Большой интерес представляют многие документальные и статистические материалы по истории капиталистической Японии, такие, как проекты конституции, составленные различными политическими организациями в 80-х годах XIX в. (стр. 504—507), или схема, по которой можно судить об увеличении или снижении по провинциям земельного налога после аграрной реформы 1872—1873 гг. по сравнению с периодом до 1867—1868 гг. (стр. 521). Для советских исследователей несомненный интерес представляют итоги первых выборов в парламент (1890 г.). Члены парламента указаны в «Сборнике» по партийной и профессиональной принадлежности. Интересны данные о продолжительности рабочего дня на разного рода предприятиях в 1924 и 1930 гг., о занятиях помещиков, помимо сельского хозяйства (данные о 3223 помещиках в 1924 г.; стр. 558).

В статистических материалах «Сборника» имеются сведения о забастовках рабочих, арендных конфликтах, рисовых бун-

¹ Сведения о числе восстаний в различных провинциях в разные годы (более полные, чем в сборнике) содержатся в «Справочнике по местной истории» 地方史研究 Токно, 1956, стр. 123—125. В «Справочнике» указаны, в частности, крестьянские выступления под религиозным флагом, которых нет в «Сборнике».

² 經濟史研究, 1937, т. 17, № 3.

тах, арестах по закону об опасных мыслях. Относительно полно показали авторы деятельность японских социалистов. В меньшей степени отражена деятельность Коммунистической партии Японии, что, несомненно, является очень большим недо-

статком «Сборника». В целом рецензируемый «Сборник», несмотря на отдельные его недостатки, дает большой материал по всей истории Японии, и мы полагаем, что было бы полезно перевести его на русский язык.

А. Л. Гальперин

SUMMARY

The reviewer points out that «The Japanese Historical Atlas» and «the Collection of Material on the History of Japan» contain data on most varied aspects of Japanese history (economics, politics, culture, etc.), from the period of antiquity to the Second World War («Atlas» has even several maps on the post-war period). Due to the wealth of material these volumes are undoubtedly of great interest and most valuable for experts on Japan and for all those who interest themselves in the history of the countries of the Far East.

The division of history into periods, in the opinion of the reviewer, is based on different social-economic formations. These periods, however, do not always coincide with those set up by Soviet orientologists. This, in particular, refers to the period of antiquity (which in these volumes ends in the XIIth century) and to the periods of industrial capitalism and imperialism.

IV. E. WARNE. *Mission for Peace. Point 4 in Iran.* Indianapolis — New York, 1956, 420 p.

Иран был, как известно, первой страной, на которую правящие круги США распространили в 1950 г. действие пресловутого «4 пункта» программы Трумэна. США весьма интенсивно использовали «помощь», которую они оказывали Ирану в соответствии с указанной программой для осуществления своих империалистических замыслов в отношении этой страны.

Рецензируемая книга — первая специальная работа, посвященная деятельности так называемой миссии «4-го пункта» в Иране. Тем не менее она отнюдь не является научным исследованием. Ее автор — Уильям Эльмо Уорн, возглавлявший миссию с конца 1951 г. по 1955 г., задался по его же собственному определению, целью написать отчет. «Чтобы осветить современную фазу истории и рассказать народу Соединенных Штатов Америки о том, как выполнялось общественное поручение (a public charge)» (стр. 5).

Внимательное ознакомление с книгой показывает, однако, что это заявление является по меньшей мере претенциозным. Даже в буржуазной американской печати книга Уорна встретила весьма критическое отношение. Так, Э. Гросклоуз в рецензии, опубликованной в журнале «Миддл Истерн Эфферс», писал: «...изображение событий, которое дает Уорн, является легковесным (fuzzy), он обнаруживает весьма поперхностное понимание характера и природы политических событий»¹. Что же ка-

сается американских налогоплательщиков, которым прежде всего адресует свой «отчет» Уорн, то и они, прочитав его книгу, вряд ли составят себе ясное представление о том, на какие же именно цели были израсходованы взятые у них средства.

Пропагандистский, рекламный характер труда Уорна становится ясным сразу после того как читатель знакомится с первыми страницами книги. Здесь можно найти немало хвалебных слов о «благородных целях» программы Трумэна, о достоинствах хваленого «американского образа жизни» и т. д. и т. п. Описание различных мероприятий, осуществленных миссией «4-го пункта» в Иране, также призвано создать у читателя впечатление, что американские «благотворители» не жалели никаких затрат для блага иранского народа. Тем не менее, вопреки воле автора, книга Уорна помогает лучше понять подлинные цели американских империалистов в Иране.

Как из высказываний самого У. Уорна, так и из приведенных в книге документов явствует, что главное внимание миссия уделяла иранской деревне. Автор подробно описывает, как члены миссии принимали участие в общественном «устройстве» деревень на удельных землях, проданных сидевшим на них крестьянам, содействовали улучшению породы иранских ослов и кур, проводили санитарно-эпидемиологические мероприятия. Он не жалеет слов для того, чтобы живописать благодарность иранских крестьян, пораженных щедростью американских администраторов «технической помощи». Уорн не скрывает то-

го, что все эти мероприятия были рассчитаны прежде всего на то, чтобы произвести психологический эффект, внешнее впечатление, поразить воображение отсталого крестьянина, заставить его полюбить «американских друзей». Как нельзя лучше раскрываются эти характерные черты американской «помощи» на примере деятельности миссии, направленной на улучшение породы иранских кур. Уорн хочет представить это как одно из действенных средств для решения важнейшей и сложнейшей проблемы — повышения жизненного уровня иранского крестьянства. «У крестьян имеются куры. Улучшение поголовья птицы принесет немалым людям пользу... Куры представляют главный источник мяса в скудном меню сельских жителей» (стр. 75). Иранским курам посвящена целая глава книги Уорна, посвящая интригующее заглавие «30000 красных летят в Иран» («Красные» — это куры нью-гемпширской породы, медно-красного цвета. — А. А.). Попытки Уорна представить улучшение породы кур как радикальное мероприятие для решения жизненно важных проблем иранской действительности выглядят по существу издевательством над иранским крестьянством.

Уорн неоднократно подчеркивает, что вся деятельность миссии «4-го пункта» была направлена на создание экономической и политической стабильности, являющейся, по мнению правящих кругов США, необходимым условием для осуществления экспансионистских планов в Иране. «Стабильность обычно поконится на относительно высоком социальном и экономическом развитии. Программа «4-го пункта» почти в обязательном порядке осуществляется в такой стране, где она всего более необходима и где ее всего более трудно осуществить. Иран был именно такой страной» (стр. 134). Для того чтобы лучше понять смысл этого высказывания Уорна, следует иметь в виду, что возглавлявшаяся им миссия принимала посильное участие и в реализации программы военной помощи США Ирану. Об этом сам Уорн пишет следующим образом: «Армейская миссия Соединенных Штатов и группа по оказанию военной помощи под руководством генерала Вильяма Циммермана и покойного Роберта А. Мак Клера сыграли жизненно важную роль в обучении и оснащении иранской армии, которая была единственной эффективной силой обеспечения внутренней безопасности страны. Небольшая, но деятельная миссия полковника А. Мак Клеллана, занимавшаяся государственной жандармерией, внесла большой вклад, частично в сотрудничестве с миссией «4-го пункта» (курсив наш. — А. А.) в дело создания этого важнейшего органа — гражданской полицейской силы для всего сельского Ирана» (стр. 300). В другом месте Уорн сообщает, что совместно с американскими офицерами, подвизавшимися в Иране, он неоднократно объезжал «в порядке

инспектирования» специальные жандармские поселки, построенные в соответствии с так называемым проектом № 55, разработанным миссией «4-го пункта». Уорн пытается уверить читателей своей книги, что показательное строительство жилищ, различных коммунальных служб и т. п. в жандармских поселках должно было убедить иранцев в том, «сколько значительно можно улучшить жилищные условия при помощи использования местных ресурсов в отдаленных сельских местностях» (стр. 279). Однако напрашивается вывод, что строительство жандармских поселений прежде всего было связано с обеспечением столь необходимой для американских империалистов «стабильности» в стране.

В книге Уорна отведено немало места восхвалению различных мероприятий, осуществленных возглавлявшейся им миссией в области начального, профессионального и высшего образования. Однако о подлинных целях, которыми руководствовались американские «просветители» в Иране, лучше всего свидетельствует признание самого Уорна. Сообщив о том, что миссия предоставила известному числу молодых иранцев возможность за ее счет получить высшее образование в США, он замечает: «Студенты, которые воспользовались нашей помощью, крепко связаны с Америкой. Многие из них будут в числе иранских руководителей в следующей четверти века» (стр. 177).

Хотя Уорн всячески стремится нарисовать картину идиллических отношений между заокеанскими «благотворителями» и «благодарным» населением, тем не менее ему не удается скрыть, что значительные слои городского населения и демократическая пресса относились к миссии и ее деятельности с нескрываемой враждебностью. Одна из глав его «отчета» носит название «Янки, убирайтесь вон!». Уорн вынужден признать, что по мере того как все более и более обнаруживалась неприглядная роль, которую играла миссия в период борьбы иранского народа за проведение в жизнь закона о национализации АИИК, эта враждебность неуклонно возрастала. Уорн пишет о «первых месяцах 1953 г., когда положение Ирана продолжало ухудшаться и кампания «Янки, убирайтесь вон!» достигла своего наивысшего напряжения» (стр. 120). Приводя факты враждебного отношения населения Ирана к деятельности миссии, Уорн пытается либо отшутиться, либо объяснить их тем, что они были «выражением враждебной реакции на усилия Соединенных Штатов помочь Ирану» (стр. 121).

Некоторые дополнительные материалы, проливающие свет на подлинный характер деятельности миссии «4-го пункта» в Иране, содержатся в статье сотрудника Управления взаимного обеспечения безопасности США и члена сенатской комиссии по изучению результатов американской помощи зарубежным странам Бернарда С. ван Ренс-

¹ «Middle Eastern affairs». New York, 1957, vol. VIII, № 8—9, p. 302.

лера². Из статьи становится очевидным, что так называемые учебно-демонстрационные пункты, созданные миссией «4-го пункта» в различных районах страны якобы для обучения крестьян современным методам ведения сельского хозяйства, на деле несколько не интересовали миссию и, по-видимому, служили лишь ей ширмой для иного рода деятельности. Сельскохозяйственные машины общей стоимостью в 25 млн. долл., которые были сосредоточены на учебно-демонстрационных пунктах, как сообщает ван Ренслер, оказались не использованными и были расхищены. Как и куда они исчезли, установить не удалось. Автор статьи сообщает о том, что имея возможность путем финансового нажима влиять на экономическую политику правительства Ирана, Уорн всячески стремился тормозить промышленное строительство в стране, препятствовал развитию энергетической и сырьевой базы промышленности. Так, Уорн прилагал все усилия к тому, чтобы помешать удовлетворению потребностей Тегерана в электроэнергии. Этот город с населением 1200 тыс. человек, располагал таким количеством электроэнергии, какое потребляет американский город с населением в 15 тыс. человек. Уорн и его миссия препятствовали осуществлению стремлений иранцев ликвидировать «энергетический голод» путем сооружения ряда электростанций, работающих на нефти, и вынудил их вложить миллионы дол-

² Опубликована в февральском номере журнала «Ридерс дайджест» за 1957 г. В переводе на персидский язык она была перепечатана в иранском офицозе «Эталаат» (25 июня 1957 г.). Кроме того, она была полностью воспроизведена в протоколах Конгресса США — «Congressional record». Washington, 1957, February 5, № 21, pp. A 792—A 794. Мы ссылаемся на этот источник.

ларов в строительство Кереджской плотины, которое было начато без должных гидрологических, инженерных и экономических изысканий и поэтому вскоре было заморожено. Однако, вопреки козням Уорна, иранцы построили электростанцию, и без американской финансовой помощи³. Хотя ван Ренслер считает, что успехи миссии «4-го пункта» являются важной причиной, объясняющей, почему Иран сумел так успешно воспротивиться коммунистическому проникновению⁴, он подвергает деятельность Уорна резкой критике, обвиняя его в разбазаривании средств, бесхозяйственности и т. п. Оценивая практические результаты работы миссии в Иране, американский парламентарий приходит к горькому выводу: «Иранский опыт нашей программы помощи зарубежным странам представляет собой печальную историю»⁵.

Однако правящие круги США высоко оценили заслуги Уорна. Чиновники, критиковавшие его деятельность, были смещены с занимаемых ими постов. Администрация по международному сотрудничеству признала работу Уорна «образцовой» и назначила его так называемым экономическим координатором в Южную Корею, где США развернули обширную программу оказания «помощи» Ли Сын Ману.

«Отчет» Уорна таит в себе немало горьких разочарований для американского налогоплательщика. Вместе с тем он убедительно показывает как идилические планы «технического сотрудничества» используются американскими империалистами для того, чтобы замаскировать свои подлинные экспансионистские устремления.

А. З. Арабаджян

³ «Congressional record», p. A793.

⁴ Там же, стр. A794.

⁵ Там же.

SUMMARY

In the reviewer's opinion the book of W.E. Warne who was head of the mission for the implementation of the ill-famed Point 4 of Truman's program in Iran, in essence betrays the imperialist aims of this program. This mission carried on propaganda and publicity activities in Iran. Facts mentioned in W.E. Warne's book indicate that the mission for the implementation of Point 4 of Truman's program had done nothing to assist Iran in the solution of its urgent problems.

ИНДИЙСКИЙ ЖУРНАЛ «NEW AGE» В ПЕРВОМ ПОЛУГОДИИ 1958 г.

Журнал «Нью эйдж» — политический ежемесячник индийской коммунистической партии — является ведущим органом марксистской мысли в Индии. Помещаемые в нем материалы содержат не только изложение политической линии индийской компартии, но и научный анализ важнейших проблем

общественной жизни, экономики и истории страны.

Ознакомление с основными статьями первых шести номеров 1958 г. дает известное представление о характере и современном состоянии журнала.

Главным событием в жизни Коммуни-

стической партии Индии в первом полугодии нынешнего года явился ее чрезвычайный съезд, состоявшийся в апреле 1958 г. в Амритсаре. Естественно, что вопросы, связанные со съездом, его подготовкой, анализом и пропагандой его решений, находились в центре внимания журнала «Нью эйдж». На эти темы в журнале были помещены статьи генерального секретаря КПИ А. Гхоша «За массовую коммунистическую партию»¹ (№ 2), «Об уставе партии» (№ 4), текст Организационного отчета ЦК КПИ съезду (№ 5), а также статьи М. Басава Пуния «Коммунисты Андхра и их задачи» и М. Н. Говиндана Наира «Перспективы Кералы» (№ 3), отражающие подготовку к съезду крупнейших организаций партии.

Материалы журнала убедительно показывают большое значение Амритсарского съезда КПИ. В особенности важно разъяснение программно-теоретических положений, содержащихся во Введении к новому уставу КПИ, принятому на съезде. Как подчеркивает А. Гхош в упомянутой выше статье об Уставе партии, в основу Введения положена проверенная практикой международного рабочего движения всеобщая истина марксизма-ленинизма. Во Введении к Уставу Коммунистической партии Индии, как и в документах других братских партий, отмечается, что конечной целью компартии является завоевание власти рабочим классом, установление народно-демократического строя, построение социализма и коммунизма. Индийские коммунисты в своем уставе записали также, что их партия представляет собой политическую партию рабочего класса, высшую форму его классовой организации, что она строится в соответствии с принципами демократического централизма, что все ее деятельность проникнута идеями пролетарского интернационализма. Вместе с тем Амритсарский съезд, учитывая изменившуюся международную обстановку и специфические условия развития Индии, сформулировал ряд новых положений, свидетельствующих о творческом подходе индийских коммунистов к марксистско-ленинской теории. Съезд, в частности, записал в Уставе партии, что в современных условиях КПИ борется за демократию и социализм мирными средствами, что в нынешней исторической обстановке рабочий класс, придя к власти, со-

¹ Статья «За массовую коммунистическую партию» была напечатана в журнале «Партийная жизнь» (1958 г., № 6), и поэтому мы в дальнейшем на ней не останавливаемся. Вместе с тем мы привлекаем ряд положений, содержащихся в статье А. Гхоша «Амритсарский съезд партии», напечатанной в еженедельнике «Нью эйдж» («New Age weekly», 1958, № 33). По своему характеру эта статья примыкает к материалам, опубликованным в еженесячнике, являясь, в сущности, их продолжением и завершением.

хранит за оппозиционными элементами право на политическую организацию, во всяком случае до тех пор, пока они будут соблюдать социалистическую конституцию. Это решение съезда вызвало поток самых противоречивых комментариев в буржуазной печати — от фальшивой радости по поводу «ревизионизма» индийских коммунистов до злобных обвинений в политической демагогии. В своих статьях А. Гхош убедительно показал, что ни то, ни другое не соответствует действительности. Стремление к мирным формам борьбы за социализм, разумеется, вовсе не означает «ревизионизм» основ марксизма-ленинизма. Индийские коммунисты, как и все марксисты, считают, что социализм может быть построен лишь в результате революции, т. е. установления власти трудящихся, руководимых рабочим классом. В современной обстановке в Индии имеется реальная историческая перспектива мирного развития революции, при которой социалистические силы завоевывают большинство в парламенте и при поддержке массового движения превратят его в орган народной власти. Однако стремление к мирным формам развития не является для индийских коммунистов абсолютным принципом. Вместе с тем борьба за мирный путь — это отнюдь не тактическая уловка. Борьба за мирные формы социалистических преобразований есть, по выражению Гхоша, серьезная политика, учитывающая определенные исторические возможности нынешней Индии.

Однако значение документов Амритсарского съезда не ограничивается теоретическими вопросами. В решениях съезда намечена также политическая линия партии на данном этапе развития. Анализируя Устав и Политическую резолюцию, приняты съездом, А. Гхош в своей статье в еженедельнике «Нью эйдж» обосновывает главные моменты этой линии. В основу ее положены общие политические задачи настоящего времени, которые (как и конечные цели партии) записаны в Уставе. Они заключаются в борьбе за укрепление независимости Индии, за развитие национальной экономики, за устранение влияния монополий и иностранного капитала, за всестороннее развитие демократии и полную ликвидацию феодального прошлого. Что касается ближайших задач партии, они определяются изменениями в текущей политической обстановке. Эти изменения, как отмечает Гхош, проявились в радикализации масс и усилении компартии, а также в падении влияния Национального конгресса и кризисе второго пятилетнего плана. Последние обстоятельства особенно важны, так как они создали почву для нападок на политику Неру и на пятилетний план с реакционных позиций. Используя трудности выполнения пятилетки, реакция стремится вообще сорвать ее осуществление. Между тем, национальные интересы Индии, в том числе интересы рабочих и

крестьян, требуют полного выполнения заданий пятилетнего плана. Поэтому компартия сосредотачивает силы на борьбе с реакцией, за его успешное претворение в жизнь.

Материалы, опубликованные в журнале, в особенности отчет ЦК КПИ (№ 5), затрагивают еще один аспект работы съезда — обсуждение организационных вопросов. Съезд подтвердил взятый еще в 1957 г. Центральным комитетом курс на превращение КПИ в массовую партию. Ко времени съезда в этом отношении были достигнуты значительные успехи. В период всеобщих выборов 1957 г. в рядах КПИ насчитывалось около 100 тыс. человек (что дает исключительно высокое соотношение между числом членов партии и числом избирателей, голосовавших за нее — 1 : 120). К апрелю 1958 г. в партии состояло уже 220 тыс. человек. Так, например, в Керале число членов партии выросло с 23 тыс. до 56 тыс., в Андхра — с 23 до 49 тыс. На съезде были отмечены также и серьезные недостатки во внутрипартийной жизни, главным из которых является слабость идеологической, политической и организационной работы.

Уделяя в первом полугодии нынешнего года основное внимание вопросам, связанным со съездом КПИ, журнал «Нью Эйдж» сумел на своих страницах осветить многие актуальные проблемы общественно-политической жизни Индии и ее экономического развития. Вот некоторые примеры.

В конце декабря 1957 г. в Эрнауламе (Керала) состоялся XXV съезд Всендийского конгресса профсоюзов, боевого профсоюзного объединения индийских рабочих. В февральском номере журнала опубликована статья Индраджита Гупты «Новая точка зрения профсоюзов», анализирующая решения съезда. Основываясь на положениях, содержащихся в докладах Ш. А. Данге на IV конгрессе ВФП и на съезде в Эрнауламе, автор показал, что в современных индийских условиях профсоюзы не могут ограничиться борьбой за повседневные требования рабочих. Пролетариат Индии, как и весь народ, заинтересован в ликвидации экономической отсталости страны. Поэтому перед индийскими профсоюзами стоит ныне двудеятельная задача: бороться как за успешное выполнение пятилетнего плана, так и за то, чтобы хозяйственное развитие осуществлялось не за счет трудящихся, чтобы рабочие получали справедливую долю возрастающего национального дохода. Подобный подход обусловил и новую тактику профсоюзов, в частности, отношение к стачкам как к «последнему средству», применяемому лишь в крайних случаях.

Характерной чертой индийской политической жизни последнего времени является известное усиление реакционных общинно-религиозных и националистических групп. В этой связи большой интерес представляет статья Мохит Сена «Д.М.К. в Тамилнаде» (№ 2), посвященная характеристике

одной из таких организаций — так называемого Общества прогресса дравидов (Дравида Мунетра Калагам — Д.М.К.). Анализируя историю этой организации, автор показывает, как прогрессивное в начале 30-х годов движение, направленное против кастового гнета, в силу одностороннего выпячивания проблемы каст превратилось в реакционную общинно-шовинистическую группу, которая открыто поддерживала английских колонизаторов, а ныне выступает против единства Индии под предлогом борьбы с «североиндийским брахманским империализмом». Вместе с тем Мохит Сен убедительно объясняет относительно сильное влияние ДМК в современном Тамилнаде. Влияние это обусловлено разочарованием масс политикой Конгресса и слабостью демократических организаций. В этой обстановке ДМК создает свою массовую базу за счет охвата тех мелкобуржуазных слоев, которые выходят из-под влияния Конгресса.

Специальной статьей А. Гхоша журнал откликнулся на одну из наиболее жгучих политических проблем последнего времени — проблему государственного языка в Индии («Языковая политика» — № 1). Проблема эта в особенности обострилась после опубликования доклада специального правительственного комитета, в котором рекомендовалось принудительное внедрение хинди во всех областях государственной и культурной жизни. Гхош подчеркивает, что подобная политика носит шовинистический характер и, естественно, усиливает местный национализм. Вместе с тем он отмечает, что замена английского языка языком хинди неизбежна и прогрессивна, но ее необходимо сочетать с дальнейшим развитием национальных языков. Компартия считает, что хинди должен быть государственным языком Индийского Союза, в то время как для администрации штатов основным языком нужно признать язык местного населения. Процесс перехода от английского языка к индийским не следует искусственно форсировать. В частности, Гхош считает 1965 г. — предположительный срок прекращения пользования английским языком, записанный в конституции — слишком близкой датой.

На протяжении первого полугодия в журнале были помещены интересные статьи по текущим экономическим проблемам: «Продовольственное положение» (№ 2), «Кризис планирования в Индии» (№ 1), «Заработная плата текстильщиков» (№ 6), «Некоторые замечания в связи с делом Мундхры» (№ 3), «Иностранный капитал в Индии» (№ 3), «Законопроект об аграрных отношениях в Керале» (№ 2). Известный экономист Аджит Дас Гупта в статье «Иностранный капитал в Индии», анализируя данные последней переписи иностранных инвестиций, подчеркивает, что основная масса иностранных капиталов по-прежнему вкладывается в добывающую промышленность и торговлю и что, вкладывая

свои средства, иностранные монополии почти всегда сохраняют полный контроль за предприятиями, построенными на их деньги. Поэтому, делает вывод Дас Гупта, Индия не может рассчитывать на серьезную помощь иностранного капитала в деле независимого экономического развития и индустриализации страны. Автор другой из упомянутых статей — о проекте аграрной реформы в Керале — К. В. К. Уорриер убедительно показывает, что проект этот, несмотря на наличие выкупа за землю, носит революционный характер. Земля принудительно изымается государством у помещиков и передается арендаторам за относительно небольшой выкуп — арендатор должен будет на протяжении нескольких лет выплачивать так называемую справедлившую аренду, размеры которой определяются законопроектом (от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{6}$ урожая). При этом всякие отношения арендатора с помещиком прекращаются немедленно и аренда-выкуп будет выплачиваться не землевладельцу, а непосредственно государству. Весьма важно, что законопроект запрещает любые формы сгона арендаторов с земли.

Наряду с анализом текущих проблем на страницах «Нью Эйдж» находят отражение важные теоретические вопросы. В этой связи следовало бы отметить прежде всего материалы дискуссии о соотношении коммунизма и сарвадайи. Однако, поскольку дискуссия эта еще не завершена, судить о ней преждевременно. В ряду проблемно-теоретических статей для советских востоковедов представляет интерес работа Мохана Роя «Основные права в конституции Индии» (№ 5). Автор останавливается здесь на социальной природе индийского государства и его конституции. Подчеркивая буржуазный характер индийского государства, Рой вместе с тем отмечает его особенности и отличия от государства в развитых капиталистических странах. В последних государственных машинах служит главным образом для сохранения существующих порядков. В Индии же буржуазия использует государство как мощное средство преобразования и развития отсталой колониальной экономики. Отсюда вытекают некоторые ограничения в конституции Индии главного права, закрепляемого буржуазным законодательством — права частной собственности. Речь, впрочем, идет не об ущемлении капиталистической собственности вообще, а лишь о некотором ограничении одной ее формы (частной) в пользу другой (государственно-капиталистической).

Редакция журнала «Нью Эйдж» сравнительно широко практикует выпуск специальных номеров, посвященных преимущественно одной теме. Среди обозреваемых выпусков подобный характер носит апрельский номер. Будучи приурочен к Амритсарскому съезду, он в большой своей части состоит из воспоминаний старейших членов партии о деятельности коммунистов

в 20—30-е годы. Эти воспоминания не только являются средством воспитания молодых членов партии, но и представляют собой интересные источники по истории революционного движения в Индии.

Опубликованные в апрельском номере мемуары Музаффар Ахмада «Наши первые дни» и «Воспоминания» С. В. Гхате довольно полно освещают первое десятилетие коммунистического движения в Индии — период, о котором известно очень немного. Первые коммунистические группы в Индии зародились в 1921—1922 гг. в результате революционного подъема в стране под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции. Большинство членов этих групп вышло из среды революционной интеллигенции, начинавшей свой путь в качестве сторонников Ганди. Так, в Бомбее коммунистическая группа была организована Ш. А. Данге, исключенным из колледжа за участие в национально-освободительном движении. Уже в 1921 г. Данге выпустил свой первый революционный памфлет, а с 1922 г. начал издавать журнал «Социалист». С. В. Гхате вспоминает, какое огромное значение имел выход этого журнала для радикальной молодежи Бомбея. Знакомство с ним позволило большой группе молодежи от распылявшихся революционных симпатий перейти к научному коммунизму. Эти люди составили основное ядро коммунистической организации Бомбея. В Калькутте коммунистическую группу создал Музаффар Ахмад из числа сотрудников прогрессивной бенгальской газеты «Навагуг». Главную роль в этом сыграло знакомство с документами Коммунистического Интернационала и, в особенности, с тезисами В. И. Ленина по национальному и колониальному вопросу. Третий коммунистический кружок возник в Лахоре, где его организовал профессор колледжа Гулям Хуссейн. Лахорская группа приступила к изданию революционного еженеделника на урду — «Ишкелаб». Впрочем, сам Гулям Хуссейн не выдержал трудностей революционной борьбы и в 1924 г. под угрозой тюрьмы отказался от своих коммунистических убеждений.

Одновременно с возникновением коммунистических организаций в самой Индии происходило формирование индийских коммунистических групп за границей. Музаффар Ахмад рассказывает о том, как они создавались. При возвращении на родину большинство членов этих групп было арестовано колониальными властями. В 1923 г. закрытый суд в Пешавере осудил их на многие годы тюремного заключения. Пешаверский процесс, как отмечает Музаффар Ахмад, в сущности был первым антикоммунистическим процессом в Индии, хотя в те годы общественное мнение не было знакомо с этой судебной расправой колонизаторов.

Воспоминания Музаффар Ахмада и С. В. Гхате проливают новый свет и на после-

дующие этапы деятельности коммунистов. Особый интерес представляет их оценка так называемой легальной Коммунистической партии, созданной на Канпурской конференции 1925 г. Долгое время эта организация считалась чуть ли не орудием английской полиции. В действительности же ее создали в большинстве своем честные коммунисты (в том числе авторы воспоминаний), стремившиеся к объединению разрозненных коммунистических кружков в Индии. Уже при самом основании партии с конференции была изгнана группа националистов, пытавшаяся создать «особую», «специфически индийскую» компартию. На конференции был избран Центральный Комитет во главе с Гхате. В последующие годы (1926—1929 гг.) неоднократно собирались его пленумы, были созваны две общепартийные конференции (в 1927 г. и в 1928 г.). Вместе с тем Гхате и Ахмад показывают глубокую ошибочность полной легализации партии в колониальной Индии. Собственно, в конкретной деятельности коммунистам часто приходилось отходить от строгой легальности. Так, было законспирировано членство в партии некоторых видных деятелей (например, П. Ч. Джоши), многие связи коммунистов с рабоче-крестьянскими партиями и т. д. Однако серьезная подпольная организация не была создана. Это позволило английской полиции в марте 1929 г. почти полностью разгромить партию, арестовав все ее руководство. Именно отсутствие конспиративной организации привело к тому, что арест руководителей на несколько лет парализовал деятельность коммунистов, несмотря на то что в 1928—1929 гг. партия завоевала большой авторитет среди рабочего класса и находилась на пути к превращению в серьезную политическую силу.

Мирутский процесс и история коммунистического движения в 30-е годы лучше известны советскому читателю, нежели положение в предшествующее десятилетие. Но и здесь воспоминания индийских коммунистов освещают целый ряд новых моментов. Так, Бховани Сен на основе личного опыта в статье «Из пережитого» показывает, какое огромное влияние оказали речи коммунистов во время Мирутского

процесса на революционную молодежь, вовлеченную в террористическое движение.

Из воспоминаний Е. М. С. Намбудрипада, озаглавленных «Создание партийной организации в Керале», читатель получает достоверные сведения о возникновении этого боевого отряда индийской компартии. С середины 30-х годов в Керале существовала сильная Конгресс-социалистическая организация во главе с Намбудрипадом и Кришна Пиллаи. Последовательная антиимпериалистическая политика руководства Конгресс-социалистической партии Кералы привела его к тесному союзу с коммунистами. Личное общение с коммунистами облегчило Намбудрипаду, Пиллаи и другим социалистам Кералы переход на позиции марксизма-ленинизма. Убедившись в том, что теория и организационные принципы коммунистической партии являются единственно правильными, руководящие деятели конгресс-социалистов Кералы в 1937 г. вступили в Коммунистическую партию Индии. Так в Керале возникла коммунистическая организация.

Поскольку компартия находилась в это время на нелегальном положении, а деятельность Конгресс-социалистической организации Кералы уже и раньше соответствовала политике коммунистов, то было решено не сообщать публично о вступлении Намбудрипада и его товарищей в партию. Конгресс-социалистическая партия Кералы продолжала действовать как и прежде с той разницей, что отныне ее руководство не только идейно, но и организационно было связано с компартией. Однако с началом второй мировой войны возникли серьезные практические разногласия между коммунистами и социалистами. Дальнейшее использование выгод существования крупной организации компартии в рамках легальной конгресс-социалистической партии стало невозможным без серьезного ущерба для политической линии коммунистов. Поэтому к началу 1940 г. в Керале был подготовлен нелегальный партийный аппарат, а затем вся конгресс-социалистическая организация Кералы была открыто преобразована в областную организацию компартии Индии.

Библиограф Сектора востоковедения ФБОН.
Л. А. Гордон.

ОБЗОР ЖУРНАЛА ТУРЕЦКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА «BELLETEN», тт. XX—XXI, вып. 77—84 за 1956—1957 гг.

Турецкое историческое общество (Türk Tarih Kurumu), основанное в 1931 г. в Анкаре при активном содействии Ататюрка, является наиболее значительным научным объединением в Турции.

В соответствии с уставом Общества, опубликованным в журнале «Belleten» (т. IV, вып.

14—15, 1940, стр. 297—298), главной целью его являются завершение и публикация исследований по различным вопросам исторической науки. Общество имеет собственное издательство и библиотеку (около 35 тыс. томов).

Труды Турецкого исторического обще-

ства (Türk Tarih Kurumu Yayınları) публикуются в 15-ти сериях, объединяющих исследования или публикации источников по определенным проблемам: I серия — Памятники и документы, II — Источники по турецкой истории, III — Критические исследования источников по турецкой истории, IV — Переводы исследований по турецкой истории, V — Отчеты об археологических раскопках, VI — Монографии по археологии, VII — Монографии и сборники по частным проблемам турецкой истории, VIII — Монографии по общим проблемам турецкой истории, IX — Материалы конгрессов Турецкого исторического общества, X — Переводы сочинений по всеобщей истории, XI — Исследования, посвященные 500-летию завоевания Константинополя турками, XII — Библиография, XIII — Всемирная история, XIV — Архивные документы, XV — Труды ал-Фараби. За годы существования Общества в каждой из перечисленных серий издано значительное число фундаментальных исследований и публикаций источников.

Наряду с серийными изданиями Общество имеет периодический орган — журнал «Belleten», выпускаемый по одному тому в год четырьмя выпусками. В выпусках каждого тома — общая пагинация (обычно до 700—800 стр.). С 1931 г. по 1957 г. (включительно) вышел 21 том — 84 выпуска. Журнал имеет следующие постоянные разделы: Статьи, этюды; Сообщения; Библиография; Хроника.

Содержание 8-ми выпусков, вышедших в 1956—1957 гг., дает представление о лице журнала, его направлении, которое в свою очередь отражает направление деятельности Турецкого исторического общества. Главным предметом исследований турецких историков является отечественная история, которой в той или иной степени подчинено и рассмотрение других исторических проблем.

Совместно с другими научными учреждениями (Анкарским и Стамбульским университетами, археологическими музеями Анкары, Стамбула, Измира и др.) Турецкое историческое общество ведет археологические раскопки в ряде пунктов Малой Азии. В каждом выпуске журнала значительное место отводится сообщениям о результатах этих изысканий и статьям, в которых исследуются археологические памятники. Специалисты найдут здесь ценные данные не только о древней и средневековой культуре Малой Азии (хеттской, шумеро-эламской, сирийской, древнегреческой и византийской), но и о культуре доисторического времени.

В статьях, посвященных изучению турецкого средневековья, нашла свое отражение осуществляемая Турецким историческим обществом широкая программа выявления, публикации и разработки архивных документов.

Продолжает свои изыскания известный турецкий историк проф. Исмаил

Хакки Узунаршылы. В предыдущих выпусках журнала он опубликовал ряд документов и статей, уточняющих отдельные частные вопросы средневековой истории Турции. В статье «Исправление некоторых ошибок, относящихся к первому периоду османской истории» (т. XXI, вып. 81, 1957, стр. 173—188) и «За кого вышла замуж дочь султана Мехмеда Челеби — Сельчук хатун» (т. XXI, вып. 82, 1957, стр. 253—260), Узунаршылы на основании новых архивных документов уточняет сведения относительно ряда исторических личностей XIV в. (Тимурташ-паша, Алауддин-бей, Михайл-оглу и др.).

Проф. Стамбульского университета М. Тайиб Гекбилгин известен своими публикациями важных турецких средневековых документов. В статье «Лива, города и касаб Румелийского эйялета в начале периода султана Сулеймана Кануни» (т. XX, вып. 78, 1956, стр. 247—285; резюме на французском языке, стр. 287—294) он приводит турецкие документы, содержащие списки лив или санджаков (областей), городов и касаб (местечек) с указанием, в чьем владении находились данный населенный пункт или область. Документам предпослан краткий очерк развития турецкой территориальной администрации на Балканах до конца XVI в. Документы прокомментированы автором с привлечением значительного количества архивных источников.

Другая статья М. Т. Гекбилгина «Первые мероприятия и завоевания Ибрагима-паша во время его похода в Ирак, по донесениям и докладам» (т. XXI, вып. 83, 1957, стр. 449—482) содержит публикацию 11-ти турецких архивных документов (факсимиле и в современной турецкой транскрипции). Большая часть этих документов представляет собой письма и донесения великого везира Ибрагима-паша, возглавлявшего поход в Иран и Месопотамию в 1533—1535 гг. Здесь имеется ценный материал, характеризующий обстановку в районах военных действий и мероприятия турецких завоевателей, предпринимавшиеся в отношении покоренного населения и земель, а также некоторые данные о завоевательных планах турок на Востоке.

Статья Бекира Сыткы Байкала «Подготовка Узунахасана к войне против семанов и начало войны между семанами и Ак-кояну» (т. XXI, вып. 82, 1957, стр. 261—284, резюме на немецком языке, стр. 285—296) представляет собой доклад, прочитанный автором на XXIII Международном конгрессе ориенталистов в Кембридже. В основу статьи положены четыре документа — письмо Узунахасана бейлербею Сиваса, письмо султана Мехмеда II правителю Зюлькадрне, письмо наместника Никсара бейу Эраниджана и победная грамота, известная о завоевании Токата. Перечисленные материалы уточняют ход событий в восточной части Малой Азии в рассматриваемый период.

Проф. Стамбульского университета Омер Лютфи Баркан, разрабатывающий проблемы экономической истории Османской империи в средние века, в небольшой статье «Существовал ли серваж в Турции?» (т. XX, вып. 78, 1956, стр. 237—246) вновь поднимает этот один из важнейших вопросов истории Турции периода феодализма, неоднократно являвшийся предметом споров между специалистами. Ранее О. Л. Баркан в своих работах отрицал наличие крепостной зависимости у основной массы крестьянства в Османской империи — райятой. Рассматриваемая статья отражает известную эволюцию взглядов автора, который, справедливо отмечая различие в юридическом положении западноевропейских сервов и турецких райя, вместе с тем признает ограниченность свободы последних прикреплением их к земле феодала, которую они самовольно не имели права покидать.

Период новой истории Османской империи представлен двумя интересными статьями проф. И. Х. Узунчаршылы «Документы о том, как была объявлена вторая конституция в 1908 году» (т. XX, вып. 77, 1956, стр. 103—174) и «Деятель Низам-и джедид кетхуда султанши-матери знаменитый Юсуф-ага и его сын Ариф-эфенди» (т. XX, вып. 79, 1957, стр. 485—525). Первая из них содержит новые документы о младотурецком движении, характеризующие деятельность отдельных групп и лиц, связанных с младотурками; вторая насыщена обильным материалом о жизни и деятельности Юсуфа-аги и близких к нему участников политических событий периода реформ конца XVIII и первой половины XIX в.

Один выпуск журнала (т. XXI, вып. 80, 1956, стр. 531—754), посвященный памяти Ататюрка в связи с XVIII годовщиной со дня его смерти, целиком отведен проблемам, относящимся к истории новейшего времени.

В этом выпуске помещены воспоминания, документы и этюды, освещающие различные стороны жизни и деятельности Ататюрка в период национально-освободительной войны и послевоенного развития Турции. «Турецкая нация и Ататюрк», «Мустафа Кемаль — национальный вождь», «Ататюрк и вопросы культуры», «Историческая наука и Ататюрк», «Ататюрк и турецкая культура», «Воспоминания о военной жизни Ататюрка в Салониках», «Мустафа Кемаль в первые дни сражений в Чанаккале» — все эти материалы представляют тот или иной интерес для специалистов, занимающихся исследованием истории национально-освободительного движения и выдающейся роли Ататюрка. Несмотря на известную тенденциозность изложения событий, для советских историков особый интерес представляет статья Хикмета Байюра, посвященная рассмотрению внешней политики Ататюрка в период на-

ционально-освободительной борьбы (стр. 659—699), в ней довольно много внимания уделяется вопросам отношений между Турцией и Советской Россией.

Проф. Фанк Решит Унат в статье «Требование Ататюрком созыва Учредительного собрания» (т. XXI, вып. 83, 1957, стр. 483—487) впервые публикует интересный архивный документ — предложение Ататюрка о созыве Учредительного собрания в Анкаре, разосланные им командующим войсками в Анатолии 19 марта 1920 г., т. е. через три дня после занятия Стамбула империалистическими интервентами.

«Новые документы, относящиеся к Мудросскому соглашению и Тройственному соглашению» — так назвал свою статью Тевфик Быйыклыоглу (т. XXI, вып. 84, 1957, стр. 567—580), в которой приводятся документы и факты, раскрывающие цели и намерения союзников в отношении Армении и Закавказья.

В ряде выпусков журнала опубликованы материалы, освещающие научную и организационную деятельность Турецкого исторического общества. В трех выпусках опубликованы (т. XX, вып. 78, 1956, стр. 323—341; т. XX, вып. 82, 1956, стр. 335—357; т. XXI, вып. 84, 1957, стр. 649—667) отчеты о годовичных общих собраниях (за 1955, 1956, 1957 гг.). В них рассказывается о выполненных работах за истекший год в области научных исследований, публикации трудов общества, археологических раскопок, участия в международных комиссиях, конференциях и съездах и т. п. На годовичных собраниях происходит переизбрание президиума общества и его комиссий.

Из опубликованных отчетов видно, что усилия турецких историков были направлены главным образом на разработку проблем средневековой и древней истории, издание средневековых исторических памятников и документов сельджукского и османского периодов (см. вып. 84, стр. 652—653).

С 12 по 17 апреля 1956 г. в Анкаре состоялся V Конгресс турецких историков, приуроченный к двадцать пятой годовщине со дня образования Турецкого исторического общества. На конгрессе работали 4 секции — секция истории Анатолии и Передней Азии, секция истории Средней Азии, тюркского средневековья и Турции, секция Османской истории, секция истории Турецкой республики и революции. На заседаниях секций было заслушано 96 докладов, в том числе 15 докладов присутствовавших на конгрессе иностранных ученых. Прочитанные доклады будут опубликованы в виде особого тома материалов конгресса, как были опубликованы материалы предыдущих конгрессов (см. вып. 82, стр. 357).

В журнале периодически публикуются алфавитные списки поступивших в библиотеку Общества книг.

А. С. Тверитинова

المخطوطات العربية مجلة معهد جامعة الدول العربية.
المجلد الثالث الجزء الأول - الثاني.

«Лига арабских стран». Журнал Института арабских рукописей, т. III, вып. 1—2, Каир. 1957.

Материалы тома свидетельствуют о значительных успехах, достигнутых коллективом сотрудников Института за минувший 1957 г. Институт в настоящее время приобретает значение крупнейшего международного центра арабистики.

Первый отдел III тома — «Арабские рукописи в мире» — открывается обзорной статьей д-ра Хусайна Али Махфуза об арабских рукописях в Иране (вып. I, стр. 3—78). В ней сообщается о результатах обследования приблизительно 40 общественных и частных рукописных собраний в Тегеране, Табризе, Исфахане, Зенджане, Мешхеде и Куме, которое автор по заданию Института проделал во время своей пятилетней командировки в Иран. Автор дает общую характеристику арабских фондов главных рукописных хранилищ Ирана и приводит аннотированный список 658 наиболее интересных и редких экземпляров. Среди них — рукописи из личных собраний ряда государственных и научных деятелей Ирана, в частности Саида Нафиси, Муджабби Милови, Аббаса Икбали, Ахмада Афшара Ширази и др.

Две статьи в этом разделе принадлежат Абд ар-Рахману Абд ат-Таввабу. Первая (вып. I, стр. 79—104) посвящена обследованию рукописного собрания библиотеки г. Заказик (в 80 км от Каира), основанной в 1924 г. В декабре 1956 г. в ней насчитывалось 19 431 том. Автор публикует составленный им аннотированный список хранящихся в библиотеке 233 арабских рукописей и рукописных сборников, главным образом XVI—XVII вв. Вторая статья Абд ат-Тавваба (вып. 2, стр. 237—265) содержит составленный им аннотированный список 292 рукописей и рукописных сборников городской библиотеки г. Тапта (в 86 км от Каира).

Во втором выпуске (стр. 197—236) помещена статья Фуада Сайида о рукописях библиотеки Ахмада Талаата (ум. в 1928 г.), известного арабского культурного деятеля, библиофила и мецената. Составленная им библиотека, наряду с собранием Ахмада Теймура, является одной из богатейших на Востоке книжных и рукописных коллекций. В библиотеке Ахмада Талаата собрано около 50 тыс. томов книг и рукописей на восточных и западноевропейских языках. Рукописный фонд насчитывает 20 тыс. томов рукописей, в числе которых находится 500 редчайших по содержанию и выполнению экземпляров. В статье приведен детально аннотированный список 140 наиболее интересных арабских рукописей и рукописных сборников сочинений по истории, литературе, географии, грамматике, каноническому богословию и суфизму.

В отделе «Изучение рукописей» помещена статья ал-Амира Мустауфи аш-Шихаби «Комментарий Ибн ал-Байтара на книгу Диоскорида» (вып. I, стр. 105—112), в которой характеризуются труды и деятельность знаменитого врача и ботаника I в. н. э. из Малой Азии Диоскорида (Педания) и налагается история изучения его наследия средневековыми арабскими учеными и история переводов его трудов на арабский язык. Статья написана в связи с открытием в г. Мекке в 1955 г. экспедицией Института арабских рукописей уникальной рукописи неизвестного в науке сочинения арабского врача и ботаника Ибн ал-Байтара (ум. в 1248 г.) «Комментарий на книгу Диоскорида». Найденная рукопись была переписана при жизни автора, состоит из 38 листов размером 19 × 11 (по 19 строк на странице) и содержит объяснение 550 греческих названий лекарственных растений, встречающихся в труде Диоскорида «Книга названий лекарств».

Д-р Салах ад-дин ал-Мунаджжид опубликовал (вып. I, стр. 113—126) арабский текст описания г. Дамаска, извлеченного из многотомной историко-географической энциклопедии известного арабского чиновника и литератора Шихаб ад-дина Ахмада ибн Нахйи ал-Умари (1301—1349). Изданию предпослано обстоятельное введение, касающееся жизни и трудов ал-Умари и, в частности, его энциклопедии *المصائر* («Пути взоров по государствам крупных центров»).

В своей работе «Магрибские слова из книги Ибн Хишам ал-Лакми о неправильностях речи простонародья» (вып. I, стр. 127—157, вып. 2, стр. 285—324) д-р Абд ал-Азиз ал-Ахуани уточняет время и место жизни испано-арабского лексикографа XII в. Абу Абдаллаха Мухаммада ибн Ахмада ибн Хишам ал-Лакми, характеризует его лексикографический труд об ошибках в произношении магрибских слов, вошедших в арабский язык под влиянием народного произношения и искажений, допущенных переписчиками рукописей, приводит сведения о двух известных рукописях труда, хранящихся в собраниях Эскурнала. Автор публикует извлечения из этого труда, содержащие магрибские слова, вошедшие в арабский язык из местных языков, и арабские слова, получившие в Магрибе новые значения.

Д-р Нахйа ал-Хашшаб опубликовал по рукописи библиотеки Каирского университета небольшой арабский трактат персидского ученого-энциклопедиста XIII в. Насир ад-дина ат-Туси, посвященный названию *كتاب الآداب المتعلمين* (вып. 2, стр. 267—

284). Трактат содержит наставления человеку, решившему заняться приобретением знаний. Издание текста предшествует краткое историко-литературное введение.

В статье д-ра Лутфи Абд ал-Бади «Марокканские документы в Испании» (вып. 2, стр. 323—332) публикуется письмо марокканского шерифа Мулея Исмаила (1673—1727) к королю Карлу II, последнему Габсбургу на испанском престоле. Это письмо, датированное 1699 г., дает новый и ценный материал по истории взаимоотношений арабского Марокко и Испании в конце XVII в. Текст письма был передан автору д-ром Салах ад-дином ал-Мунаджжидом, который скопировал его во время работы в хранилище арабских рукописей в Мадриде. Автор приводит арабский и испанский тексты письма, сопроводив свою публикацию детальным историческим комментарием.

В отделе рецензий помещены замечания д-ра Салах ад-дина ал-Мунаджжид на следующие издания: L'Oeuvre d'Al-Boruni. Par D. J. Boilot. Mélanges de l'Institut Dominicain d'Etudes Orientales, t. II, 1955 (вып. I, стр. 158—159); Handlist of Arabic Mss in the Library of the University of Leiden. by P. Voorhoeve (вып. I, стр. 160); Les Certificats de lecture et de transmission dans les Mss Arabes de la BN de Paris Par C. Vajda. Paris, 1957 (вып. I, стр. 161); Das Buch der wunderbaren Erzählungen und seltsamen Geschichten von H. Wehr. Wiesbaden, 1956 (вып. 2, стр. 333—334); مفخرة الجوارى والفتيان ал-Джахииза, изданную в Бейруте в 1957 г. Ш. Пелла по рукописи из собрания Дамад Ибрахима-паша (вып. 2, стр. 335); на статью Гургиса Ауада «Исторические рукописи в книгохранилище Иракского музея в Багдаде». Сузёр, 1957, стр. 40—82 (вып. 2, стр. 336—337). В первом выпуске (стр. 176—181) помещены поправки д-ра Салах ад-дина ал-Мунаджжид к изданию I части سير النبلاء аз-Захаби; ответ Ш. Пелла на рецензию Абд ас-Саллама Харуна (см. т. II, вып. I, стр. 178—188) на издание كتاب بغال ал-Джахииза (вып. I, стр. 162—163); ответ Мухаммада Абдаллаха Ипана на рецензию д-ра Лутфи Абд ал-Бади (см. т. II, вып. 2, стр. 198—206), на издание احاطة في اخبار غرناطة Лисан ад-дина Ибн ал-Хатиба (вып. I, стр. 169—175).

Далее в томе помещены рецензии Мазина Мубарака на издание: «Поэзия ал-Мусакаба ал-Абди», выполненное Мухаммадом Хасаном ал-Пасипом (вып. 2, стр. 338—339) и на издание التأويل القاسى المسى بمحاسبين تفسير, подготовленное Мухаммадом Фуадом

Абд ал-Баки (вып. 2, стр. 339—340); рецензия Саййида Ахмада Сакара на издание كتاب غيار الشعر من الكتب القديمة الجيدة, выполненное д-ром Таха ал-Хаджири и д-ром Мухаммадом Заглулом Салламом (вып. I, стр. 164—167); сообщение Р. Серджана (R. B. Sergent) о найденном им в библиотеке г. Тарима (Хадрамаут) рукописном сборнике, содержащем неизвестное сочинение Абд ал-Карима ал-Кушайри, арабского мистика-традиционалиста XI в., неизвестное сочинение ал-Муфаддала ибн Мухаммада ибн Мис'ара ан-Нахви под названием «История ученых-грамматиков басрийцев и куфийцев» и др. (вып. 2, стр. 341—342).

В отделе информации помещены сообщения: о состоявшемся в Каире 23 марта 1957 г. подготовительном заседании Объединения арабских научных лингвистических обществ; о выходе II части издания سير النبلاء аз-Захаби, подготовленной Ибрахимом ал-Абийари; о выходе I части «Комментария к Великому жизнеописанию» аш-Шайбани, изданной д-ром Салах ад-дином ал-Мунаджжидом; о посылке экспедиции Института в г. Милан для составления списка и микрофильмирования арабских рукописей библиотеки Амброзиана; о составлении д-ром Салах ад-дином ал-Мунаджжидом списка рукописных и печатных источников для предприятия Управлением по делам культуры при Лиге арабских стран издания «Истории арабской медицины»; о переводе на арабский язык «Истории арабской литературы» К. Брокельмана, осуществляемой комиссией в составе д-ра Абд ал-Халима ан-Наджжара, д-ра Салах ад-дина ал-Мунаджжид и Мурада Камила (перевод будет выходить выпусками под редакцией д-ра Таха Хусайна); о начале Институтом издания всеобщей истории мусульманских государств известного турецкого историка XVI в. Ахмада Деде Мунаджжид-паши. Текст подготовляет д-р Салах ад-дин ал-Мунаджжид и д-р Нахья ал-Хашшаб. Первый выпуск выйдет в 1958 г.

В первом (стр. 184—191) и втором выпусках (стр. 351) помещен список изданий арабских сочинений, вышедших в 1956 г. в странах Востока и в Европе. Сообщается также о подготовленных изданиях арабских сочинений (вып. I, стр. 193) и ведущихся работах по изучению арабских рукописей (вып. 2, стр. 352). В частности, приводится сообщение о находке иранским ученым Муджтаби Миннови в Стамбуле рукописи сокращения «Калилы и Димны», сделанного для халифа ал-Ма'муна. В конце тома помещен указатель рукописей, упомянутых в обоих выпусках III тома (вып. 2, стр. 355—415).

П. А. Грязневич

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

В. М. МАЗУРОВ. *Антитяпонская вооруженная борьба корейского народа. М., Изд-во вост. лит.-ры, 1958, 103 стр.*

Книга посвящена важному и мало разработанному вопросу о вооруженной борьбе корейских патриотов против японских империалистов в 1931—1940 гг.

Автор отмечает, что антитяпонская вооруженная борьба корейских патриотов зародилась в годы подъема освободительного движения корейского народа.

Рабочий класс Кореи был организатором отпора трудящихся масс наступлению монополий на их жизненные права. Самоотверженное выступление пролетариата было поддержано корейским крестьянством. Автор отмечает, что большой вред освободительному движению наносила деятельность национал-реформистов, которые пытались направить борьбу рабочих, крестьян, а также мелкой буржуазии не по революционному, а по реформистскому пути.

Стачки, крестьянские волнения, студенческие демонстрации, а также отдельные вооруженные выступления подготовили переход к вооруженному сопротивлению, которое явилось высшей формой национально-освободительной борьбы корейского народа. Эта борьба слилась с сопротивлением китайского народа, который в сентябре 1931 г. подвергся агрессии японского империализма.

Автор анализирует особенности вооруженной борьбы корейских патриотов в 1931—1935 гг. Она развернулась как на территории Северной Кореи, так и в Северо-Восточном Китае, где проживало значительное число эмигрировавших из страны корейских патриотов. Основные силы корейских партизан действовали в Северо-

Восточном Китае, сражаясь плечом к плечу с китайскими отрядами под руководством Коммунистической партии Китая. Развернувшееся в Северо-Восточном Китае вооруженное сопротивление японской агрессии способствовало развитию рабочего и крестьянского движения и особенно партизанского движения в Северной Корее. Однако, как отмечает автор, в Северной Корее партизанское движение не приобрело широкого размаха вследствие жесточайших репрессий японских колонизаторов, а также вследствие отсутствия в стране коммунистической партии.

В. М. Мазуров отмечает, что Общество возрождения отечества, возглавлявшееся Ким Ир Сеном, сыграло важную роль в мобилизации антитяпонских патриотических сил, действовавших как в Северо-Восточном Китае, так и в Корее, способствовало дальнейшему расширению совместной антитяпонской вооруженной борьбы китайского и корейского народов.

Автор кропотливо собрал и тщательно систематизировал разрозненный фактический материал. Им использованы многочисленные труды корейских авторов, привлечены также работы советских и китайских ученых, японские публикации и обширная пресса.

Хочется пожелать, чтобы был исследован последующий период партизанского движения вплоть до 1945 г. Монография В. М. Мазурова — ценный вклад в разработку истории освободительной борьбы корейского народа.

П. Г. Королев

НГЮЕН КХАК ДАМ.

Периоды эксплуатации Вьетнама французскими колонизаторами. Ханой, 1957, 322 стр. (на вьетнамском языке).

В книге Нгюен Кхак Дама рассматриваются некоторые вопросы, связанные с эксплуатацией колонизаторами экономики Вьетнама.

Первая глава посвящена характеристике экономики Вьетнама перед завоеванием его французами. Рассматривая вопрос о французской колонизации и колониальном режиме в стране, автор подразделяет всю восьмидесятилетнюю историю господства французов во Вьетнаме на несколько периодов. Первый из них охватывает 1858—1862 гг. В это время французы захватили Намбо и старались превратить этот район в экономическую и военную базу для захвата территории всей страны. Второй период продолжался с 1863 г. по 1918 г. Именно в этот период, когда уже была в той или иной форме захвачена вся территория Вьетнама, французские колонизаторы начали вкладывать капиталы в те отрасли хозяйства, которые были необходимы им для укрепления своего положения в Юго-Восточной Азии и для развития хозяйства в метрополии. Общая сумма инвестиций за эти годы составила 492 млн. франков золотом.

Период с 1919 по 1930 г. характеризуется тем, что начала бурно развиваться новая отрасль сельского хозяйства — производство каучука. Большая часть французских капиталов была направлена в сельское хозяйство и, в частности, в производство каучука. Яркое проявилось стремление колонизаторов развивать только те отрасли хозяйства колонии, которые выгодны для развития хозяйства метрополии. Это не могло не придать экономике Вьетнама односторонний характер.

Далее автор характеризует те каналы, которые использовались колонизаторами как для капиталовложений, так и для эксплуатации населения Индокитая. Нгюен Кхак Дам анализирует в этой связи деятельность Индокитайского банка, имевшего право эмиссии.

Главы III, IV, V, VI, VII посвящены изучению методов эксплуатации француз-

скими колонизаторами основных отраслей хозяйства Вьетнама. «Выжать из страны как можно больше при минимальной затрате сил» — такова была политика колонизаторов. В частности, они превратили сельское хозяйство Вьетнама в монокультурное хозяйство, производящее рис. Так, например, в 1932 г. вывоз риса из Индокитая в метрополию составил 464 тыс. тонн, а в 1937 г. — 1251 тыс. тонн, тогда как в соответствующие годы вывоз риса из всех других колониальных владений Франции, вместе взятых, составил соответственно 798 тыс. и 1534 тыс. тонн.

Усиление эксплуатации населения Вьетнама осуществлялось и за счет повышения налогового обложения. С 1900 по 1937 г. налог на урожай риса увеличился в 4,6 раза, тогда как урожай вырос едва ли в два раза.

В заключительном разделе книги автор указывает на то, что последствия господства французских колонизаторов во Вьетнаме очень сильны и в настоящее время, что создает большие затруднения в деле восстановления и развития народного хозяйства ДРВ. Прежде всего, это касается вопроса о развитии тяжелой промышленности и создании необходимого контингента работников со средним и высшим техническим образованием.

Книга Нгюен Кхак Дама снабжена богатым цифровым материалом, иллюстрирующим выводы и положения автора. Им использованы французские экономические ежегодники, статистические отчеты французской колониальной администрации, а также труды историков и экономистов ДРВ.

Работа «Периоды эксплуатации Вьетнама французскими колонизаторами» не лишена недостатков. Прежде всего это относится к неточностям в формулировках, подчас недостаточно глубоким выводам. Однако, несмотря на эти недочеты, исследование Нгюен Кхак Дама представляет большой интерес для читателя.

И. Огнетов

Б.Н.МАРУШКИН. Американская политика «невмешательства» и японская агрессия в Китае (1937—1939 гг.). М., 1957 г., 156 стр.

Рецензируемая монография, несмотря на свой небольшой объем, дает новый и весьма интересный материал по истории политики «невмешательства», проводившейся США по отношению к японскому агрессору.

В первой главе «Обострение японо-американской борьбы за Китай» рассматри-

вается вопрос о росте заинтересованности США в Китае в связи с обострением империалистической борьбы в период и после мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. Автор приводит цинично открытые высказывания американского дипломата о том, что «потенциальные возможности китайского рынка достаточны

для того, чтобы полностью загрузить на десятилетия такие фирмы, как «Дженерал моторс», «Дженерал электрик», «Болдуин локомотив уоркс», «Юпайтед Стейтс стил» и другие гигантские корпорации» (стр. 13). Во имя бизнеса этих монополий правительство США расширяло экономическую и политическую экспансию в Китае.

На конкретном цифровом материале автор показывает, что по темпам внедрения в китайскую экономику Япония успешно, в особенности после захвата Маньчжурии в 1931 г., конкурировала с США, и это привело к значительному обострению японо-американских противоречий. Это было одной из главных причин увеличения расходов на армию и, в особенности, на флот в США.

Однако не меньше, а, пожалуй, больше Японии (которую они надеялись удержать в узде, используя ее зависимость в стратегическом сырье от США) американские империалисты боялись усиливавшегося с каждым годом и руководимого коммунистической партией национально-освободительного движения в Китае, которое угрожало смести колониальный режим, а также роста могущества Советского Союза. В Белом доме и на Уолл-стрит вынашивались планы подавления освободительного движения в Китае и ослабления СССР с помощью Японии.

Во второй главе «Американская политика поощрения японского агрессора» автор показывает, как, исходя из этих установок, правительство и стоявшие за его спиной монополии США, снабжая Японию стратегическим сырьем и пр., способствовали развитию японской агрессии в Китае. Империалистической Японии в значительной степени с американской помощью удалось подготовиться к войне с Китаем.

Показу того, как дипломатия и финансовая олигархия США содействовали расширению японской агрессии после «инцидента» у Лугоуцяо 7 июля 1937 г., посвящена третья глава. Империалисты США рассматривали войну в Китае как первый этап японской агрессии, за которым последует вторжение в пределы советского Дальнего Востока. Именно поэтому они не только не прилагали усилий к тому, чтобы потушить пожар войны, а, наоборот, содействовали расширению театра военных действий. Они стремились не допустить соглашения гоминдана с компартией и образования единого национального фронта в Китае и добивались от Чан Кай-ши соглашения с Японией на явно выгодных агрессору условиях. Собранные автором материалы свидетельствуют о том, что правящие круги США явно враждебно встретили сообщение о советско-китайском пакте о ненападении от 21 августа 1937 г.

Большой и интересный материал обобщен автором в главах четвертой («Брюссельская конференция») и пятой («От

Брюсселя до Мюнхена»). Овладев важнейшими центрами Северного Китая, Япония напала на Шанхай. Японская военщина при поддержке своего правительства открыто ущемляла империалистические интересы США, Англии и Франции, и это усиливало активность той части американской буржуазии, которая опасалась усиления японской конкуренции. С другой стороны, японская агрессия и попустительство ей со стороны США вызвали к жизни движение народного бойкота японских товаров. Все эти обстоятельства заставили правительство США несколько видоизменить свою позицию — 5 октября 1937 года президент Рузвельт в произнесенной в Чикаго речи «осудил» действия Японии и призвал к «карантину» против агрессоров. США приняли участие в работе Брюссельской конференции, которая обсуждала создавшееся в Китае положение. Однако на деле это не означало никакого перелома в политике США. На этой конференции представители США совместно с дипломатами других западных стран неоднократно, но, разумеется, безрезультатно, пытались толкнуть СССР на войну с Японией и в то же время вели тайные переговоры с Японией о сговоре за счет Китая. С большим интересом читаются те страницы книги, в которых говорится о попытках США «образумить» Японию с помощью Германии — ее союзницы по антикоминтерновскому пакту.

Одной из наиболее содержательных является заключительная шестая глава «Политика дальневосточного Мюнхена». Автор показывает, что непосредственной реакцией Японии на Мюнхенское соглашение было наступление на Южный Китай, занятие ею ключевых позиций у морских и сухопутных границ Юго-Восточной Азии. Чувствуя свою безнаказанность, правительство Японии объявило об установлении «нового порядка» в Китае. Это событие заставило США провести некоторые предпринятые мобилизационные мероприятия, перевести флот из Атлантического в Тихий океан, а затем денонсировать торговый договор с Японией, существовавший с 1911 г.

Однако все эти меры были предприняты лишь для того, чтобы заставить Японию «образумиться», то есть согласиться на совместную эксплуатацию Китая (в США считали, что без американских капиталов Япония не сумеет «переварить» Китай) и повернуть свои армии против СССР. Дальше этих мер в Вашингтоне идти не собирались. Предложение конгрессмена Питтмана об установлении эмбарго на продажу оружия Японии по требованию Хелла даже не обсуждалось, дабы не дать «Японии броситься в объятия России» (стр. 151). И достаточно было представителям Японии заявить о своих планах борьбы с коммунизмом, пообещать, что ее союз с Германией и Италией будет «сужен», то есть направлен своим острием только против СССР, чтобы военные материалы пошли в Японию

непрерывным и все возрастающим потоком (стр. 137—138).

Б. И. Марушкин приводит интересные данные об активностях выступлений трудящихся США против политики правительства в отношении событий в Китае, однако этого материала явно недостаточно (он дан в одном абзаце в конце книги), и именно с этого и хочется начать изложение некоторых критических замечаний. В книге очень мало материала об отношении рядовых американцев к событиям в Китае, о позиции в этом вопросе компартии США и некотором различии в тактике республиканцев и демократов.

Следовало бы также охарактеризовать более подробно переговоры США с другими заинтересованными в Китае империалистическими государствами. Мало использова-

ны послания президента конгрессу и материалы многочисленных пресс-конференций в Белом доме.

Некоторые важные разделы изложены автором слишком кратко, при этом были опущены весьма важные детали. Так, например, говоря о денонсации США торгового договора с Японией, Б. И. Марушкин не отметил, что после этого акта принцип о наибольшем благоприятствовании продолжал действовать еще 6 месяцев.

Однако умелое использование многочисленных и малоизвестных дипломатических документов и прессы, четкое изложение политики СССР и позиции компартии Китая делает рецензируемую книгу весьма интересной и полезной не только для специалистов, но и для широкого круга читателей.

С. Лившиц

NASUTION. Tentara Nasional Indonesia, Djilid I.

НАСУТИОН. Индонезийская национальная армия. Джакарта, Издательство «Пустака Милитер», 1956 г., 254 стр.

В Джакарте вышел первый том труда начальника штаба индонезийской армии генерал-лейтенанта А. Х. Насутiona «Индонезийская национальная армия». Книга состоит из 7 глав, в которых характеризуются политические и военные проблемы, вставшие перед страной в период борьбы индонезийского народа за национальное освобождение.

В книге приводятся многочисленные факты из истории борьбы народов султанатов Индонезийского архипелага против голландских, португальских, испанских и английских захватчиков. Автор указывает на то, что на протяжении 350-летнего голландского господства в Индонезии, народные массы неоднократно поднимались на вооруженную борьбу против захватчиков. Эта борьба еще более усилилась в XX в. Навсегда войдут в историю Индонезии восстания в Дякambi (1901—1907 гг.), в Аче (1925—1927 гг.), на Центральной Суматре и Яве (1926 г.), восстание в Аче (1933 г.). Автор отмечает, что все эти восстания из-за слабой организации, недостатка оружия и в силу других причин были жестоко подавлены голландской колониальной армией и полицией.

Голландские колонизаторы, боясь растущего возмущения индонезийского народа, держали в Индонезии большую армию и полицейские силы, состоявшие по преимуществу из европейцев. Они тщательно следили за тем, чтобы в офицерские школы, созданные голландцами, не попали индонезийцы. Если до 1942 г. из

сухопутных школ выпускалось только по одному офицеру-индонезийцу в год, то в морском флоте и в воздушных силах нельзя было встретить ни одного офицера-индонезийца, занимающего командный пост.

Значительное место в книге отводится периоду японской оккупации (1942—1945 гг.). Автор разоблачает политику японского командования во главе с генералами Имамура и Харахата, стремившиеся создать для себя опору в Индонезии в виде отрядов и военных школ, в которых индонезийские ополченцы обучались под руководством японских инструкторов.

Автор указывает на то, что японские империалисты, выдававшие себя за «друзей» и «освободителей» индонезийского народа, оккупировав Индонезию, заняли место голландских колонизаторов. В книге приводятся многочисленные факты жестокой расправы японцев с индонезийскими патриотами в 1943—1945 гг.

Автор подробно освещает историю создания национальной армии, как армии борьбы за национальную независимость против иностранной интервенции после 1945 г. А. Х. Насутюн обстоятельно анализирует боевые действия национальной армии, самоотверженно сражавшейся с оккупантами. В книге приводятся многочисленные документы, в том числе указы президента Сукарно, министра обороны Амира Шарифуддина, генерала Судирмана и др.

И. Скрыль

SALAH-EDDINE TLATLI. Tunisie Nouvelle. Problèmes et perspectives. Tunis, 1957, 294 p.

Книга преподавателя лицея Карно в г. Тунисе Салахэддина Тлатли посвящена социальным и экономическим проблемам Туниса, который в 1956 г. обрел политическую независимость. В годы борьбы тунисский народ рассматривал национальное освобождение как первый шаг к своему социальному освобождению. Теперь этот шаг уже сделан. «Борьба за повышение материального благосостояния и социальный прогресс, — пишет С. Тлатли, — предстает как естественное продолжение и необходимое завершение всего национально-освободительного движения». На трудности этой начинающейся борьбы Тлатли обращает внимание читателя. Иностранный капитал продолжает господствовать в стране. Акционеры иностранных компаний получают миллиардные прибыли, тогда как 2700 тыс. тунисцев из 3383 тыс. имеют доход всего лишь 16—20 тыс. франков в год. 76 % детей школьного возраста остаются вне школы. Почти 1/3 активного населения страны не имеет работы. Все это, по выражению автора, «остатки и болезненные следы» колониального прошлого.

В главной части книги — «Проблемы и экономические перспективы» — С. Тлатли рассматривает земельно-водную проблему, развитие сельскохозяйственного производства, вопрос о кочевом хозяйстве и оседании кочевников, лесные и степные промыслы, ремесло, проблемы индустриализации и развития современной промышленности, а также транспорт, внешнюю и внутреннюю торговлю. Автор приводит большое количество фактического материала; его книга насыщена цифрами и диаграммами. К сожалению, большинство статистических данных относится к последним годам протектората и известно по ранее опубликованным работам Ж. Леви, Ж. Вибера и П. Себа, которые оказали определенное влияние на Салахэддина Тлатли. Однако во многих случаях анализ и оценка этих данных своеобразны и отражают националистические взгляды автора.

Книга С. Тлатли звучит как обвинительный акт против колониализма. Однако он осуждает колониализм не с марксистских позиций, которые ему чужды, а с узконационалистических позиций. В подтверждение своих положений он часто цитирует и благожелательно комментирует выступления Хабиба Бургиба, президента Туниса и лидера партии Новый Дустур. Встречаются в его книге и полемические выпады против «западного марксизма», которые, как правило, совершенно не аргументируются.

Экономику Туниса С. Тлатли обычно определяет как «слаборазвитую экономику колониального типа». Он подчеркивает за-

силье иностранных монополий, их стремление к обогащению за счет эксплуатации тунисского народа. Отмечая уменьшение французских инвестиций и вывоз французских капиталов из Туниса после победы национально-освободительного движения, автор справедливо усматривает в этом стремление французского монополистического капитала «парализовать и затруднить индустриализацию» страны (стр. 194). Он выступает за национализацию присвоенных «крупными колониалистами и капиталистическими обществами» природных богатств, которые по праву принадлежат «национальному коллективу» (стр. 146), и считает, что это облегчит экономическое развитие Туниса.

Правильно оценивая пагубную роль иностранного капитала в экономическом развитии Туниса, С. Тлатли, однако, не всегда последователен в некоторых других своих суждениях и оценках. В частности, это относится к определению им общественного строя Туниса. В одном случае он отмечает, что в период протектората в Тунисе возникла «наиболее ортодоксальная западная капиталистическая система» (стр. 145). Однако страницей выше он пытается определить «тунисскую реальность» довольно туманно не как «экономику капиталистической страны, а как экономику слаборазвитой страны, едва вырвавшейся из когтей колониализма» (стр. 144).

Подобное определение общественного строя страны при одновременном абсолютизировании экономической слабости и зависимости Туниса от иностранного капитала приводит к некорректной характеристике классовой структуры тунисского общества. Исходя из той же неопределенной формулы, С. Тлатли отрицает наличие эксплуататорских групп внутри тунисского общества и заявляет, что капиталистическая эксплуатация осуществляется только иностранным капиталом. Это в свою очередь дает ему основание, ратуя за национализацию иностранных обществ, одновременно выступать против борьбы рабочего класса за улучшение условий своей жизни. «Распространять зараженные микробы классовой борьбы и социальной ненависти — опасный абсурд, — пишет С. Тлатли. — Хозяин, кто бы он ни был — ремесленник, феллах или рыбак — часто столь же беден, как и его рабочий. Видя их, нельзя сказать, кто из них более пролетарий» (стр. 144).

Здесь С. Тлатли вступает в явное противоречие с реальной тунисской действительностью. Как бы ни была слаба тунисская буржуазия, ей принадлежало 10% общего числа сравнительно крупных предприятий, насчитывавших каждое свыше 50 рабочих и служащих. Сотни тысяч тек-

таров земель принадлежали крупным тунисским аграриям. Сам же С. Тлатли приводит (стр. 251) данные, что 2 тыс. тунисцев имели личный доход свыше 1,5—2 млн. франков в год¹.

Тяжелому положению трудящихся масс, являющемуся результатом 75-летнего существования протектората, посвящена третья и последняя часть книги С. Тлатли. Он приводит исключительно интересные материалы обследования, проводившихся в Ту-

¹ Подобный доход имели также 3 тыс. европейцев, проживавших в Тунисе.

Фолклора кюрманице. Ереван, 1957, 299 стр.

В Ереване вышел из печати сборник курдского фольклора на курдском языке, подготовленный известным курдским литературоведом и писателем Аджие Джинди. Это второе крупное собрание произведений курдского устного народного творчества, изданное в советское время на курдском языке. Оно является продолжением сборника 1936 г.¹, в составлении которого вместе с Аджие Джинди принимал участие курдский ученый и писатель Аминэ Авдал.

Первый раздел этого сборника включает 30 вариантов известного произведения курдского эпоса — песни-сказания «Кар и Кулык». Это глубоко самобытное повествование о братьях-антиподах — о сумасбродно-смелом Кулыке («Хромом») и о храбром, но расчетливом Каре («Глухом»). Данная публикация представляет первоклассный материал для разносторонних исследований в области курдоведения².

Следующий раздел, составленный Аминэ Авдалом, включает, помимо других произведений, три варианта жемчужины курдской поэзии «Мам и Зин»³. Народное повествование о трагической любви Маме и Зине легло в основу одноименной поэмы великого курдского поэта Ахмеда Хани⁴. Другие разделы эпических, лирических, плясовых и детских песен, а также сказок

¹ *Folkloru kurgmança, kıteba reşn.* Jerevan, 1936, 663 s.

² См. Аджие Джинди. Кар и Кулык. Слемеан Сливи. (Исследование — на армянском языке, сводный курдский текст — с переводом на армянский язык). Ереван, 1941. Тезисы диссертации — на русском языке. Ереван, 1940.

³ См. русский перевод одного из прозаических вариантов: О. Л. Вильчевский. Мам и Зин. (Курдская повесть). «Сказки народов Востока», Л., 1938.

⁴ М. В. Руденко. Поэма курдского поэта XVII в. Ахмеда Хани «Мам и Зин». Автореферат диссертации. М., 1954.

нисе, которые свидетельствуют о крайне низком уровне жизни народных масс, хроническом недоедании, высокой заболеваемости и слабом медицинском обслуживании населения. Много внимания С. Тлатли уделяет проблеме занятости и формирования национальных кадров.

Книга С. Тлатли при всей непоследовательности автора в некоторых вопросах убедительно показывает на примере Туниса тяжелые последствия колониального угнетения.

Н. Иванов

составлены Аджие Джинди. Из опубликованных здесь лучших произведений курдского эпоса выделяются «Снабанд и Хадже»⁵ — повесть о храбром охотнике, Снабанде и красавице Хадже и поэма «Маме и Айше». Основная коллизия этой поэмы ближе к современности⁶. Это произведение направлено против солдатчины, против тех социальных условий, которые приводят к разлуке с семьей.

Сборник 1957 г. является ценным дополнением к работе 1936 г. Он включает следующие разделы: 1) эпические произведения (песни-сказания), 2) сказки, 3) любовные песни, 4) плясовые песни, 5) пословицы, загадки, скороговорки, 6) произведения советской эпохи. Все произведения, вошедшие в сборник, записаны в разное время самим составителем и большей частью публикуются впервые, во всяком случае — в данных вариантах.

В сборнике, рассчитанном на широкого читателя-курда, вновь публикуемые произведения даются в одном варианте. Особый интерес здесь представляют эпические произведения (новый вариант «Мам и Зин», поэма «Дымдым» — сказание о курдском «элаторуком» хане, восставшем против шаха Аббаса и героически оборонявшем крепость «Дымдым», и др.). Мало исследована, а в литературе на русском языке даже не описана отличающаяся исключительной самобытностью курдская народная лирика. Для языковедов большую ценность представляет богатый глагольными формами, редко встречающимися в:

⁵ Поэме посвящена диссертация Нуре Полатовой, собравшей 12 вариантов этого произведения. Краткая характеристика работы Н. Полатовой содержится в статье: К. К. Курдоев. Хачатур Абовян как курдовед-исследователь. «Очерки по истории русского востоковедения», сб. 2, М., 1956, стр. 379.

⁶ Один из вариантов этой поэмы с русским переводом см. в сб. «Иранские языки», И.М.—Л., 1950, стр. 30—46.

повествовательном тексте, материал пословиц, поговорок, загадок и скороговорок.

Особая ценность описываемых сборников для литературоведения и языкознания обусловлена, однако, прежде всего тем, что записи произведены курдами от курдов и лишены тех искажений, которые являются следствием плохого или недостаточного знания языка сказителем или записывающим текст.

В настоящее время Институт литературы Академии наук Армянской ССР готовит к изданию сборник курдских эпических песен и сказаний с переводом на русский язык. В составлении этого сборника принимают участие многие курдоведы, в том числе старейший курдский советский писатель Араб Шамилов. Подготовлен к печати сборник курдских сказок старшим научным сотрудником Института востоковедения

АН СССР К. К. Курдоевым. Сборник произведений курдских писателей и курдского фольклора издан на русском языке в Тбилиси⁷.

При всей значимости опубликованных и публикуемых материалов отметим, что они все же представляют незначительную долю того, что собрано у нас в Советском Союзе по курдскому фольклору. В частности, ждет публикации обширный и исключительно интересный фольклорный материал, собранный тбилисцами А. Джанговым и Х. Мурадовым и аспирантом Ереванского университета О. Джалиловым.

И. И. Цукерман

⁷ «Новый путь». Сборник произведений курдских писателей Грузии. Перевод с курдского. Тбилиси, 1958.

Wörterbuch der klassischen arabischen Sprache. Auf Grund der Sammlungen von August Fischer, Theodor Nöldeke, Hermann Reckendorf und andere Quellen herausgegeben durch die Deutsche Morgenländische Gesellschaft. 1. Lieferung. 1 bis 100. In Verbindung mit Anton Spitaler bearbeitet von Yörg Kraemer und Helmut Gätje. Wiesbaden, O. Harrassowitz, 1957, 40 S.

С выходом в свет первого выпуска настоящего словаря начинается реализация большой лексикографической программы, которая заключается в том, чтобы представить полностью словарный запас классического арабского языка на основе принципов европейской лексикографии, подтверждающая каждое слово и значение надежными ссылками на памятники арабской письменности. Новый словарь выпускается с буквы *ا*, так как именно начиная с этой буквы вышел в незаконченном виде известный лексикон Э. У. Лейна¹.

Приблизительно половина материала для первого выпуска восходит к картотеке А. Фишера, предоставленной составителям в фотокопиях Каирской академии арабского языка, в распоряжении которой она находится. Другая половина распределяется примерно поровну между материалами Т. Нёльдеке и Х. Рекендорфа, с одной стороны, и материалами составителей — И. Кремера, Х. Гетье и А. Шпиталера, с другой.

Словарь является международным научным предприятием. Его составители и их помощники работают в Эрлангене, Тюбингене, Мюнхене, Упсале и Кембридже

Выпуск вышел в свет с помощью двух немецких (Deutsche Morgenländische Gesellschaft и Deutsche Forschungsgesellschaft), одной арабской (упомянутая Каирская академия арабского языка) и двух международных (ЮНЕСКО и Union Internationale des Orientalistes) организаций. Словарная статья строится следующим образом: заглавное слово в арабском написании, но без огласовок, его транскрипция и транскрипция его форм (например, для прилагательных очень полно множественное число и женский род), грамматическая помета на немецком языке, немецкий и английский переводы (с необходимыми толкованиями); при необходимости грамматические замечания (только на немецком языке) и ссылки на лингвистическую литературу (на европейских языках); примеры из литературы в транскрипции, в более затруднительных случаях сопровождающиеся переводом на немецкий, иногда на французский, иногда на латинский язык. После этого в том же порядке идут следующие значения заглавного слова и их подтверждения, а в заключение в словарной статье приводятся фразеологизмы, всегда с немецким и английским переводом.

Транскрипция такая же, как в словаре Х. Вера². Ссылки при примерах — по нескольким изданиям, с указанием тома, страницы, строки. При ссылках на Коран

¹ E. W. Lane. *Maddu-l-Kamoos, an Arabic-English Lexicon...* Book I. Parts I—V. London 1863—1874. Parts 6—8 (and Supplement). Ed. by Stanley Lane Poole. London 1877—1893. В 1955—1956 фототипически переиздан в Нью-Йорке.

² Hans Wehr. *Arabisches Wörterbuch für Schriftsprache der Gegenwart...* Leipzig, O. Harrassowitz, 1952.

цитаты не даются. При заимствованных словах указывается язык, откуда слово взято, этимон (в транскрипции) и ссылка на литературу (на европейских языках), подтверждающую этимологию.

Перечень цитируемых названий с их условными сокращениями занимает 16 страниц и содержит не менее пятисот названий, очень часто серийных; последние из изданий этого списка вышли в свет в 1954 и 1955 гг.

Учитывая размеры первого выпуска, весь словарь будет иметь, по самым скром-

ным подсчетам, не менее 6000 страниц. Если все организации и лица, участвующие в работе, — а их число, вероятно, с последующими выпусками возрастет, — приложат и в дальнейшем столько же сил и забот, сколько и для первого выпуска, то словарь явится крупным вкладом в арабистику, в общую лексикологию и, главное, в международное культурное сотрудничество.

В. П. Старинин

К БИОГРАФИИ ВОСТОКОВЕДА И. Н. БЕРЕЗИНА

И. А. Кузнецова и В. М. Данциг в статье «И. Н. Березин — путешественник по Закавказью, Ирану и Ближнему Востоку»¹, полемизируя с акад. И. Ю. Крачковским, утверждают, что И. Н. Березин родился в 1819, а не в 1818 г. Они полагают, что в книгу И. Ю. Крачковского «Очерки по истории русской арабистики» вкралась опечатка и это послужило источником ошибок в последующих работах. В подтверждение своей точки зрения авторы оперируют только косвенными данными, ссылаясь на то, что Академия наук отметила столетие со дня рождения И. Н. Березина 7 мая 1919 г., и не используют таких источников, как «Критико-биографический словарь» С. А. Венгерова, словари профессоров и преподавателей университетов, содержащие ценные биографические и библиографические сведения о русских ученых.

Какие же данные о годе рождения И. Н. Березина имеются в нашем распоряжении? В «Русском энциклопедическом словаре», который издавал сам И. Н. Березин (так же как и некоторых других изданий), имеется по интересующему нас вопросу отсылка к книге Г. Дюга, в которой помещена подробная биография И. Н. Березина. Г. Дюга называет дату его рождения 19 июля 1818 г. и отмечает в предисловии, что при составлении книги он опирался на личные связи с большинством современных ему востоковедов².

В опубликованной в «Критико-биографическом словаре» С. А. Венгерова автобио-

графической записке И. Н. Березина также приводится дата 19 июля 1818 г.³ Аналогичные сведения находим в «Биографическом словаре профессоров и преподавателей Петербургского университета»⁴ и в «Биографическом словаре профессоров и преподавателей Казанского университета»⁵. Наконец, указанная нами дата подтверждается данными о погребении И. Н. Березина⁶.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что акад. И. Ю. Крачковский указал год рождения И. Н. Березина правильно, а ошибка вкралась в «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона (изд. I), откуда авторы некоторых исторических работ и почерпнули дату 1819 г.⁷

Несомненно одно — во избежание аналогичных ошибок при изучении историографии стран Востока первостепенное значение имеет использование биографических и библиографических пособий типа словарей С. А. Венгерова, университетов, Академии наук и других. Подробный перечень этих пособий можно найти в работе И. М. Кауфмана «Русские биографические и библиографические словари» (М., Госкультпросветиздат, 1955).

В. Мендельсон

¹ С. А. Венгеров. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней), т. III. СПб., 1892, стр. 67.

² «Биографический словарь профессоров и преподавателей С.-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования 1869—1894», т. I. СПб., 1896, стр. 47.

³ «За сто лет Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Казанского университета. (1804—1904)», ч. I, Казань, 1904, стр. 219.

⁴ «Петербургский некрополь», т. I, СПб., 1912, стр. 199.

¹ И. А. Кузнецова и В. М. Данциг. И. Н. Березин — путешественник по Закавказью, Ирану и Ближнему Востоку. «Краткие сообщения Института востоковедения», т. XXII, 1956, стр. 92.

² G. Dugat. Histoire des orientalistes de l'Europe du XII au XIX siècle, t. I, 1868, p. III; t. 2, 1870, p. 15.

САНСКРИТОЛОГИЧЕСКИЕ ТРУДЫ АКАДЕМИКА АН ТУРКМ.ССР Б. Л. СМЕРНОВА

В 1955 г. в Ашхабаде был издан первый выпуск переводов из «Махабхараты», выполненных академиком АН Туркменской ССР Б. Л. Смирновым. С тех пор вышло в свет еще три выпуска, и можно с уверенностью сказать, что перевод Б. Л. Смирнова явился крупнейшим событием в советской индологии за последние годы.

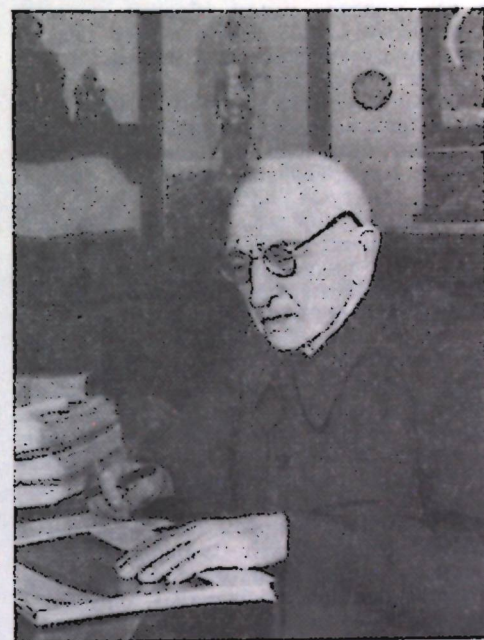
До сих пор советский читатель был очень мало знаком с «Махабхаратой», замечательным произведением, в восемь раз превышающим по размерам «Илиаду» и «Одиссею» вместе взятые, и представляющим собой подлинную энциклопедию индийской жизни в пору великого расцвета ее культуры, литературы и философии. Немногочисленные переводы отдельных эпизодов поэмы давно уже устарели и стали библиографической редкостью, а изданный в 1950 г. перевод «Первой книги», выполненный В. И. Калыновым, в основном носит научно-филологический характер.

В этой связи заслугу Б. Л. Смирнова трудно переоценить. По образованию врач, Борис Леонидович Смирнов более 40 лет отдал этой благородной профессии. Пользуясь заслуженной известностью в медицинских кругах как автор ряда значительных работ по анатомии и физиологии, он был избран академиком Академии наук Туркменской ССР.

В 1918 г. в возрасте 27 лет Б. Л. Смирнов начал изучать санскрит, и с тех пор язык, литература и философия древней Индии навсегда вошли в круг его интересов.

В 1956 г. тяжелая болезнь вынудила Б. Л. Смирнова уйти на пенсию с поста руководителя крупнейшего в Туркмении научно-исследовательского медицинского института. Прикованный к постели, он, однако, ни на день не прекращает своей плодотворной деятельности филолога и переводчика. Только исключительная трудолюбивость и исключительная преданность Бориса Леонидовича Смирнова своему делу, наряду с прекрасным знанием языка и научной литературы, позволили ему в весьма короткий срок, менее чем за четыре года, перевести на русский язык и издать свыше 10 000 шлоков «Махабхараты», т. е. около 10 процентов всей поэмы. В настоящее время Б. Л. Смирнов работает над V выпуском своих переводов, который будет содержать еще 7500 шлоков из XII книги «Махабхараты» — «Мокшадхармы».

Таким образом, благодаря трудам Б. Л. Смирнова советский читатель сможет получить сравнительно полное представление о «Махабхарате» в целом. Этому способствует сам выбор ученым отрывков для перевода, сделанный, с нашей точки зрения, очень удачно и с большим вкусом. Мы знакомимся с четырьмя основными фило-софскими текстами «Махабхараты» — «Кни-

гой Санатсуджаты», «Бхагавадгитой», «Ану-гитой» и «Мокшадхармой»; тот, кто интересуется социальной и культурной историей Индии, многое почерпнет для себя из «Сказания о Нале», «Сказания о Раме», «Путешествия Бхагавана» и других отрывков; полное представление о древнеиндийской мифологии, религии, морали дают нам такие эпизоды, как «Кайрата», «Беседа Маркандея», «Книга о женах» и т. д. Наконец, почти все избранные Б. Л. Смирновым для перевода тексты отличаются высоким совершенством художественных образов, смелым полетом творческой фантазии, красотой поэтической формы.

В выборе эпизодов для перевода сказались та любовь к древнеиндийской литературе, та исключительная добросовестность, которые характерны буквально для каждой строки работы Б. Л. Смирнова. Примечательно чувство высокой ответственности, с какой ученый подошел к самой форме перевода. Санскритские эпические размеры невозможно сколько-нибудь адекватно передать русским стихом, и Б. Л. Смирнов неустанно ищет приемы, которые позволили бы полнее и точнее раскрыть в русской передаче не только богатство содержания, но и утонченность поэтической формы подлинника. В своих переводах он дает почувствовать смысловую и формальную законченность каждой шлоки, стремится передать блеск внутренних рифм, ассонансов, аллитераций и дру-

гих излюбленных средств санскритской поэзии. Переводя такие шедевры древнеиндийского эпоса, как «Сказание о Нале», «Супружеская верность» и «Бхагавадгита», Б. Л. Смирнов прибегает к вольному стиху, и его решение таким образом передать в переводе стихотворную форму подлинника представляется нам вполне обоснованным и плодотворным.

Большую ценность представляют комментарии и введения к переводам, которые знакомят читателей с обширным кругом идей и представлений населения древней Индии, трактуют ряд важных и во многом остающихся спорными вопросов современной индологии. Наибольшее внимание уделяет автор философским проблемам, справедливо рассматривая «Махабхарату» как неисчерпаемый источник сведений, обогащающий наши представления о развитии различных философских систем древней и средневековой Индии. С особым интересом читаются те главы введения, в которых Б. Л. Смирнов анализирует становление систем Санкхьи и Йоги и их связь с философскими концепциями «Махабхараты».

Но не только вопросы индийской философии освещает Б. Л. Смирнов. В своем анализе текстов он постоянно касается этических идей «Махабхараты», подчеркивает высокую гуманность индийского эпоса, излагает мифологические, астрономические и другие воззрения древних индийцев.

Вооруженный передовой методологией ученый тщательно исследует социально-исторический фон «Махабхараты». Ряд поднятых им проблем получил в работе интересное освещение. К ним, прежде всего, следует отнести проблему борьбы каст в эпоху создания «Махабхараты». Богатая эрудиция позволила Б. Л. Смирнову провести ряд любопытных параллелей между «Махабхаратой» и отдельными памятниками древнеегипетской, вавилонской, древнееврейской и других литератур и тем самым вновь поставить вопрос о необходимости тщательного научного исследования

историко-литературных взаимосвязей народов древнего мира.

Б. Л. Смирнов постоянно идет своими, оригинальными путями. И пусть не все в его исследованиях окончательно решено, пусть некоторые из выводов представляются спорными, они, тем не менее, будят творческую мысль, побуждая к плодотворной научной дискуссии.

Работу над «Махабхаратой» Б. Л. Смирнов собирается продолжить. Помимо упоминавшегося выше перевода «Мокшадхармы» он готовит ряд статей по специальным вопросам. Большой интерес вызывают намеченные им исследования по идеологической борьбе каст брахманов и кшатриев в I тысячелетии до н. э. и по психологическим теориям Санкхьи.

Следует отметить, что Б. Л. Смирнов уже подготовил к печати санскритский текст «Бхагавадгиты» и санскритско-русский словарь к тексту. По техническим причинам в Ашхабаде их до сих пор нельзя было опубликовать. А между тем такое издание было бы исключительно полезно для всех изучающих санскритский язык и индийскую философию.

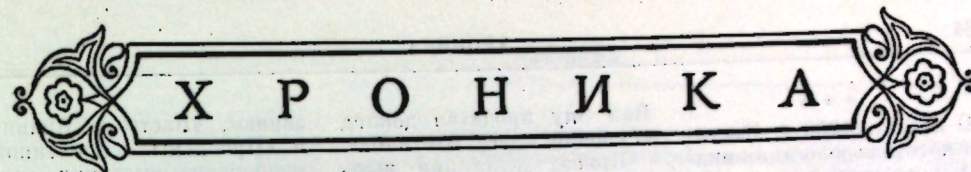
Переводы и исследования Б. Л. Смирнова продолжают лучшие традиции русского и советского востоковедения и в то же время вносят свою, свежую струю. Если И. П. Минаев, С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербатской в своих работах главное внимание уделяли буддизму, его философии и литературе, А. П. Баранников в основном интересовался лингвистическими проблемами и литературой на новиндийских языках, то Б. Л. Смирнов плодотворно разрабатывает сравнительно мало изученные нашей наукой области — эпический санскрит, санскритскую литературу, философию брахманизма.

Появление переводов Б. Л. Смирнова, вызванный ими интерес знаменуют собою растущее в нашей стране внимание к классическому наследию народов Востока. В то же время это — большая победа, подвиг самого ученого.

П. А. Гринцер

SUMMARY

The article is dedicated to the Sanskrit studies of Prof. B. Smirnov, a Member of the Academy of Sciences of the Turkmen SSR, mainly to his translations of the Mahabharata and his study of this epic.

В СССР

СОЗДАНИЕ ОБЩЕСТВА «СССР — ИНДОНЕЗИЯ»

В сентябре 1958 г. в Москве состоялось организационное собрание, посвященное созданию в Советском Союзе общества «СССР — Индонезия». Выступившие на собрании представители общественности горячо поддерживали предложение о создании нового Общества. С докладом о его задачах выступил член-корр. АН СССР А. А. Губер. На заседании было избрано Правление Общества. Его председателем избран член-корр. АН СССР А. А. Губер.

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН СССР

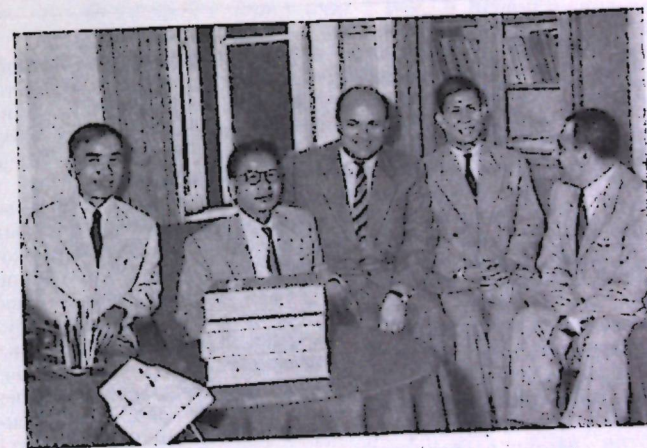
Сектор Кореи провел научную сессию, посвященную 10-й годовщине со дня провозглашения Кореи Народно-Демократической Республики. На сессии присутствовали научные сотрудники Института, представители научных и общественных организаций и учреждений столицы. Охарактеризовав огромные успехи, достигнутые трудящимися КНДР в строительстве социализма, зав. сектором Кореи канд. ист. наук Г. Ф. Ким подчеркнул, что советские корееведы приложат все силы к тому, чтобы укрепить и расширить научные связи с учеными КНДР. К 15-й годовщине освобождения Кореи советскими и корейскими учеными будут изданы совместные работы: «Экономический строй КНДР», «КНДР на путях социализма», «Корейско-русский словарь» (на 100—120 тыс. слов). Советские корееведы выпустят в ближайшую году ряд трудов по новой и новейшей истории Кореи. Научные сотрудники сек-

тора Кореи выступили на сессии с докладами: «Успехи экономического строительства в КНДР» — Г. В. Грязнов; «О культурном строительстве в КНДР» — В. И. Иванова; «Современная корейская историография» — М. Хан.

Участники сессии послали поздравительную теле-

грамму ученым Кореи Народно-Демократической Республики.

Состоялось торжественное заседание Ученого совета Института, посвященное открытию туркологического кабинета-библиотеки имени акад. В. А. Гордлевского. Книжный фонд кабинета, переданный в дар Институту вдовой академика Гордлевского В. А. Гордлевской, содержит свыше 9 тыс. книг, журналов и отрывков на русском языке, языках народов советского Востока, а также на турецком и западноевропейских языках. С речами, посвященными В. А. Гордлевскому, выступили профессор Н. А. Баскаков, Б. Н. Заходер, Б. А. Карьев, Х. К. Баранов, канд. ист. наук А. М. Шамсутдинов и др.

Встреча советских и вьетнамских ученых в Институте востоковедения АН СССР

В августе 1958 г. Институт посетила делегация видных ученых-историков Демократической Республики Вьетнам в составе: Председателя Комитета по изучению истории, географии и литературы Вьетнама Чан Хюи Лиэу (глава делегации), преподавателя истории Ханойского государственного университета Чан Ван Зяу и директора Научной библиотеки г. Ханоя Ка Ван Тхия.

За время своего пребывания в Москве и Ленинграде вьетнамские ученые ознакомились со структурой и научной деятельностью гуманитарных институтов Академии наук СССР, научных библиотек, установили контакты с советскими учеными.

Члены вьетнамской делегации и сотрудники Сектора Индокитая и Филиппин Института востоковедения договорились об издании совместного сборника, посвященного 15-летию со дня провозглашения Демократической Республики Вьетнам. Чан Хюи Лиэу выступил в Институте востоковедения с докладом: «Основные периоды национально-освободительного движения вьетнамского народа». Чан

Ван Зяу прочитал доклад «Рабочий класс Вьетнама».

Приезд делегации вьетнамских историков, дружеские встречи с советскими учеными, совместное обсуждение научных проблем способствовали укреплению и расширению научных связей историков ДРВ и СССР.

В сентябре 1958 г. в Институте с докладами «Вклад Индии в мировую цивили-

Сунити Кумар Чаттерджи

зацию», «Касты в Индии» и «Проблемы современной индологии» выступил видный индийский ученый профессор Сунити Кумар Чаттерджи. Доклады индийского ученого были встречены с большим интересом сотрудниками Института и представителями научной общественности столицы.

В октябре 1958 г. Институт посетила группа видных индийских филологов: заведующий санскритским отделом Мадрасского университета проф. Рагханан, выдающийся санскритолог д-р Шарма, являющийся автором недавно вышедшей грамматики языка хинди и занимающийся также санскритской драмой, специалист по санскриту и буддийской философии профессор Калькутского университета Датт и д-р Арши, выдающийся знаток языка и литературы урду.

Индийские филологи встретились с сотрудниками Отдела Индии и поделились с ними планами своих научных исследований. В свою очередь советские индологи рассказали о ведущейся в Институте исследовательской работе по индийской филологии.

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ИВ АН СССР

16 октября 1958 г. состоялось совместное заседание ученых советов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР и Восточного факультета Ленинградского государственного университета, посвященное 60-летию д-ра ист. наук проф. Ильи Павловича Петрушевского и 30-летию его научной и педагогической деятельности.

Заседание открыл академик И. А. Орбели. Он отметил большие заслуги юбиляра в области научной разработки проблем средневековой истории народов Ирана, Закавказья и Средней Азии, а также в области подготов-

ки молодых кадров историков-востоковедов. Представители научных учреждений Москвы, Ленинграда и Узбекистана, Туркмении, Азербайджана, Армении и др. в своих приветствиях отмечали важное значение научных трудов И. П. Петрушевского, отличающихся глубиной анализа, оригинальностью выводов, основанных на изучении огромного количества источников. В заключение были зачитаны поступившие на имя юбиляра многочисленные телеграммы и приветствия от научных и учебных учреждений, товарищей по работе и учеников, а также от зарубежных ученых.

ИНСТИТУТ КИТАЕВЕДЕНИЯ АН СССР

На заседании Ученого совета Института, посвященном 9-й годовщине провозглашения Китайской Народной Республики, были заслушаны доклады: «Великие успехи в строительстве социализма в КНР за девять лет» — канд. ист. наук Р. В. Вяткин; «Народные коммуны в Китае» — канд. ист. наук Цзэн Сю-фу; «Агрессия США на Тайване» — научный сотрудник В. И. Данилов; «Международное значение социалистического строительства в Китае» — канд. филолог. наук Ю. А. Левада.

В области китаеведения научное сотрудничество между учеными СССР и Китайской Народной Республики осуществляется в 1958 г. по десяти проблемам

экономики, истории, языка и литературы. Китайские ученые оказывают помощь советским коллегам в их научных исследованиях. Так, проф. Сюй Ди-синь консультировал советских ученых в работах по эко-

номике КНР. Проф. Ху Хоу-сюань оказал помощь в переводе «Исторических записок» Сыма Цяня. В обсуждении ряда проблем истории Китая принимают участие проф. Лю Да-нинь и проф. Хуо Вай-лу.

ВЫСТУПЛЕНИЯ ЯПОНСКИХ УЧЕНЫХ

В сентябре 1958 г. Москву и Ленинград посетила делегация видных японских ученых-философов в составе профессоров: К. Янагида, И. Кодзан, С. Масита и Т. Он.

На объединенном заседании Ученых советов Института философии и Института востоковедения АН

СССР, Академии общественных наук и философского факультета МГУ японские ученые выступили с докладами: «Борьба философских течений в современной Японии» — проф. Янагида; «Изучение и распространение марксистской философии в Японии» — проф. Кодзан; «Японская

философия накануне японско-китайской войны (начало 30-х годов)» — проф. Масита; «Японская философия прошлого и настоящего времени» — проф. Он. Японские ученые посетили Институт востоковедения АН СССР и другие научные учреждения Москвы и Ленинграда.

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ СССР

Издана книга д-ра ист. наук проф. Д. Ольдерогге «Искусство народов Западной Африки». Это первая в Советском Союзе работа об искусстве стран Черной Африки. Используя материалы недавних археологических находок в районе озера Чад и в Южной Нигерии, автор показывает своеобразие и самобытность ис-

кусства народов Африки. Канд. ист. наук В. Володина изучает культуру и быт народа эве, живущего на территории Ганы. Его подготовлено исследование «Народ эве». В Володина перевела на русский язык пьесу «Пятая лагуна», принадлежащую перу прогрессивного африканского писателя Кваса Фиау.

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В октябре 1958 г. востоковеды и историки Древнего мира отмечали 60-летие заведующего сектором Древнего Востока Института востоковедения АН СССР доктора ист. наук профессора МГУ Всеволода Игоревича Авдиева.

Свыше 35 лет посвятил проф. В. И. Авдиев изучению сложных проблем истории и культуры Древнего Востока в целом и Древнего Египта в особенности. Его перу принадлежит около 150 научных работ, многие из которых, в том числе «История Древнего Востока», удостоенная Сталинской премии I степени, широко известны в нашей стране и за ее пределами.

Проф. Авдиев неоднократно

представлял советскую историческую науку на международных конгрессах.

17 октября 1958 г. Ученый совет Исторического факультета МГУ торжественно отметил юбилей В. И. Авдиева. Многочисленные приветствия были получены от различных учебных заведений и научно-исследовательских учреждений, от Президиума АН СССР, от Министерства высшего образования, Академии педагогических наук, от Института востоковедения АН СССР, от Общества дружбы и культурной связи со странами Арабского Востока и т. д.

Юбилея горячо приветствовал от имени венгерских ученых академик Имре Тренчени Вальдафель.

ВЫСТАВКИ

По инициативе Министерства культуры СССР и Общества «СССР — Япония» в Москве, в Музее восточных культур открылась выставка современного прикладного искусства Японии. На выставке представлено свыше двух тысяч экспонатов — изделия из фарфора, бамбука, литье из металла, лаковые изделия, образцы самобытного ручного ткачества, — свидетельствующих о высокой талантливости японских мастеров, о преемственности вековых традиций и поисках новых путей в искусстве современными художниками и народными умельцами. За время работы выставки ее посетили десятки тысяч москвичей и гостей столицы. Экспонаты выставки приобретены Советским государством. Они будут переданы художественным музеям страны.

ТУРКМЕНСКАЯ ССР

В республике широко развинулась подготовка к празднованию 225-летия со дня рождения великого туркменского поэта и мыслителя XVIII в. Махтумкули Фраги, которое будет отме-

чатся в октябре 1959 г. Создан юбилейный комитет во главе с секретарем ЦК КП Туркмении Н. Дурдыевой.

Развертывается работа по сбору рукописей неопубликованных произведений Махтумкули, материалов о его жизни и творчестве, а также фольклорных произведений о поэте. Решено реорганизовать Институт языка и литературы и на базе сектора литературы и рукописного фонда создать Институт литературы им. Махтумкули.

К знаменательной дате будет создан фильм о жизни великого поэта. К юбилейным дням выйдет ряд сборников произведений поэта как на туркменском, так и на русском языках. В г. Ашхабаде будет установлен монумент Махтумкули.

Заседания, посвященные знаменательной дате, будут проведены также в Москве, Ленинграде и в столицах союзных республик.

УЗБЕКСКАЯ ССР

Институт востоковедения Академии наук Узбекской ССР открыл в Ташкенте выставку восточных рукописей. Здесь представлена самая богатая в Советском Союзе коллекция миниатюр, редких изданий, уникальных рукописей, автографов выдающихся писателей, поэтов, ученых.

Среди представленных на выставке рукописей: «Летопись» ат-Табари (X век), «Опыт народов» Ибн Мискавайха (XI век), «Четверостишия» Омар Хайяма, «Шесть поэм» Аттар, «Макамат» ал-Харири и др.

Издательство Академии наук начало выпускать на узбекском языке новый журнал «Вопросы узбекского языка и литературы» («Тил ва адабиёт масалалари»). В журнале будут освещаться проблемы современного узбекского языка, его

история, диалектология, лексика, история узбекской литературы, теории национального фольклора и современной литературы, вопросы перевода.

Научная общественность республики отметила 50-летие со дня рождения видного ученого-историка Я. Г. Гулямова, участника и руководителя крупнейших археологических экспедиций в Узбекистане. Перу ученого принадлежит монография «История орешения Хорезма с древнейших времен до наших дней», он является одним из редакторов «Истории народов Узбекистана».

На расширенном заседании Ученого совета Института истории АН Узбекской ССР Я. Г. Гулямова чествовали представители научной общественности республики.

ЗА РУБЕЖОМ

На Конгрессе работали секции: Древнего Востока; Христианского Востока и Византии; семитологии и исламоведения; индологии и иранистики; тюркологии и Центральной Азии; Восточной Азии; африканистики; восточной археологии. Секции возглавляли видные немецкие ученые профессора Эйфельдт, Моренц, Болинг, Ирмшер, Фюк, Спейс, Рубен, Аммер, Габэн, Бабингер, Берзинь, Хинтце, Моде.

На пленарных заседаниях и заседаниях секций были прочитаны 64 доклада, в том числе доклады проф. Ф. Хинтце «Отчет о буванской экспедиции 1958 г. Института египтологии при Университете им. Гумбольдта в Берлине», проф. Г. Петша «О структурном изменении восточных

культур», проф. Г. Мейера «Об урартских древностях из Топрак-кала и Кармир-блур», Х. Юнкера «О так называемом абсолютном надеже в корейском языке» и др.

Живой интерес и одобрение участников Конгресса вызвали доклады, прочитанные на заседаниях соответствующих секций членами делегации советских востоковедов.

В ходе работы Конгресса советские ученые установили контакты со своими немецкими коллегами, обменялись опытом научной работы в области востоковедения. Участники Конгресса проявили большой интерес к предстоящему в 1960 г. XXV Международному Конгрессу востоковедов, который состоится в Ленинграде.

КИТАЙ

В августе 1958 г. в Пекине открылся Центральный музей революции. Собранные в залах музея три с лишним тысячи экспонатов повествуют о трудном и героическом пути, по которому народные массы Китая шли под руководством коммунистической партии к победе социалистической революции. Экспозиция музея, выставленная для обозрения в настоящее время, охватывает период от капитуляции КПК до провозглашения Китайской Народной Республики. Когда будут построены новые музейные помещения, откроются отделы периода стародемократической революции и периода социалистической революции.

Центральный музей революции создан на основе организованной в 1951 г. «Юбилейной выставки 30-летия КПК». В фондах музея сосредоточено в настоящее время свыше 68 тыс. документов и предметов. Внимание многочисленных посетителей музея привлекают выставленные в его залах оригиналы выпущенного первым съездом КПК «Манифеста Коммунистической партии Китая», красные знамена народных отрядов, оружие времен Освободительной войны, личные вещи Мао Цзэ-дуня, Чжу Дэ и др. экспонаты.

Всегда многолюдно у пятизвездного государственного флага, поднятого Мао Цзэ-дунем во время торже-

ственной церемонии провозглашения Китайской Народной Республики 1 октября 1949 г.

Научная общественность Китая вместе со всем китайским народом широко отмечала 60-летие движения за реформы 1898 г., вошедшего в историю под именем «Ста дней реформ».

28 сентября 1958 г. в Пекине открылась научная сессия, посвященная 60-летию этой знаменательной даты. С докладами об историческом значении «ста дней реформ» выступили видные ученые-историки Фань Вэнь-лань и Лю Да-нинь.

Движение за реформы, отметил в своем докладе профессор Фань Вэнь-лань, было первым крупным выступлением китайской буржуазии в период буржуазно-демократической революции старого типа. Это движение имело прогрессивное значение, поскольку оно представляло прогрессивные тенденции общественного развития, и его следует отличать от последующих попыток реформ, предпринятых в других исторических условиях. Будучи движением молодой национальной буржуазии, класса слабого, связанного с феодальными силами, движение потерпело поражение. Это поражение реформаторов послужило важным уроком для революционных групп и классов китайского общества. Историческое значение реформаторского дви-

жения заключалось и в том, что оно было первым шагом в духовном освобождении китайской интеллигенции от пут консервативной идеологии цинского Китая.

Лю Да-нинь в докладе «60 лет со дня реформ 1898 года» охарактеризовал расстановку классовых сил в Китае в последние годы XIX в. и позиции классов в период «ста дней реформ».

В июле 1958 г. проходил всекитайский смотр достижений в преподавании китайского разговорного языка «путунхуа». Смотри был организован Центральным комитетом по распространению «путунхуа» и Министерством просвещения КНР. Цель смотра — обмен опытом и ускорение распространения «путунхуа».

На смотре присутствовали преподаватели, учащиеся и административные работники, приехавшие из 25 провинций, городов и автономных областей. На смотре было отмечено, что за последние три года достигнуты огромные успехи в популяризации «путунхуа». К концу 1957 г. более 700 тыс. преподавателей начальных и средних школ освоили общепринятый китайский разговорный язык и начали применять его в преподавательской работе. В ряде городов между школами развернулось социалистическое соревнование по изучению и распространению «путунхуа».

КНДР

Сотрудники Института языка и литературы Академии наук КНДР ведут работу по созданию шеститомного словаря корейского языка. В этом словаре будет более 165 тыс. слов — в десять раз больше по сравнению с кратким словарем корейского языка, выпущенным в 1956 г.

Лингвисты, работающие над составлением словаря, прилагают все силы к тому,

чтобы завершить издание к 15-й годовщине освобождения Кореи Советской Армией. В 1959 г. выйдут в свет два первых тома нового словаря.

МНР

В 1958 г. высшие учебные заведения страны окончили свыше 750 человек. Сотни юношей и девушек, закончивших средние школы, поступили в вузы. Более 500 человек приступило к занятиям в Государствен-

ном университете им. Чойбалсана, 250 человек — в Педагогическом институте. Всего в вузах МНР ныне обучается свыше 6200 чел.

В системе Комитета наук и высшего образования организованы новые научные учреждения: Научно-исследовательский институт истории и экономики (директор проф. Х. Нацагдорж) и Институт языка и литературы (директор проф. Б. Ралчен).

В сентябре 1958 г. исполнилось 50 лет со дня рождения выдающегося монгольского ученого и писателя, одного из основоположников монгольской литературы Цейдийна Дамдинсурана. Перу Ц. Дамдинсурана принадлежат поэмы, повести и стихотворения, а также ряд переводов произведений русских классиков, советских писателей и других зарубежных авторов.

Широко известны многочисленные исследования

Ц. Дамдинсурана в области монгольского народного эпоса, истории монгольского народа. Ц. Дамдинсуран является также видным общественным деятелем, активным борцом за мир.

Монгольские ученые ведут большую работу по изучению древней монгольской литературы. В труде Ц. Дамдинсурана «История монгольской художественной литературы» дан подробный анализ трех величайших памятников мон-

гольской древней литературы: «Сокровенного сказания», «Гесэриады» и «Жангариады». Исследования шаманских литературных памятников предпринял проф. Б. Ринчен. Преподаватель Монгольского государственного университета Б. Сондом изучает в настоящее время творчество писателей XIX в. Инжиана и Чингбата. Проф. Нацагдорж на основе памятников монгольской литературы написал книгу «О разногласиях между Чингис-ханом и Хасаром».

АФГАНИСТАН

Вышла в свет новая книга известного афганского историка и этнографа профессора истории Кабульского университета Мухаммеда Али «Manners and Customs of the Afghans».

Новый труд проф. Мухаммеда Али посвящен нравам и обычаям афганского народа. В живой и яркой форме автор рассказывает о новогодних празднествах в Афганистане, о гостеприимстве афганского народа, о народных играх и развлечениях, об афганском фольклоре. Отдельные разделы книги посвящены афганской женщине, описанию некоторых особенностей жизни и быта кочевых афганских племен, а также характеристике значения наиболее употребительных собственных имен.

Как образец афганского фольклора в книге полностью приведена пользующаяся большой популярностью в стране «История любовников из Диларама».

авторов, изданных в последние годы в выпускаемой Чехословацким государственным издательством ху-

дожественной литературы, музыки и искусства серии «Современная мировая проза». До нее в этой серии были опубликованы в квалитированных переводах сборник индийских рассказов, сборник рассказов Сабахатдина Али, романы Прем Чанда и Сунао Токунага.

и их исследования в области медицины, математики, физики, экономики, права, литературы и культуры, а также социальных наук. В качестве гостей присутствовало также около 20 зарубежных ученых.

На пленарных и секционных заседаниях было обсуждено 135 научных докладов

и сообщений, в которых была дана оценка развитию научных исследований в Индонезии. На конгрессе выступил председатель Национального научного совета проф. Сарвено Пралирохарджо, который рассказал о деятельности совета и о задачах, стоящих перед учеными страны. Пред-

седатель конгресса проф. Сарджита отметил, что индонезийский язык, вопреки утверждениям реакционных элементов, успешно используется учеными в их научной работе и имеет все возможности для того, чтобы стать одним из мировых языков науки.

Участники конгресса отмечали, что молодые ученые Индонезии достигли значительных успехов в своих научных исследованиях и в состоянии решать сложные проблемы современной науки. На конгрессе были обсуждены также вопросы: об улучшении и активизации научно-исследовательской работы в университетах, о помощи науке со стороны правительства, о материальном обеспечении ученых. Конгресс призвал всех ученых Индонезии

отдать свои силы исследованиям, служащим делу мира.

С большим воодушевлением участники конгресса встретили приветственное письмо президента Сукарно, который призвал ученых принять деятельное участие в разработке планов экономического развития страны.

Центральное статистическое бюро Индонезии выпустило «Статистический сборник Индонезии. 1957 г.» В сборник включены обширные статистические данные по всем отраслям национальной экономики: промышленности, сельскому хозяйству, внешней торговле, финансам, а также данные о населении, просвещении, здравоохранении и т. д.

ИРАН

Недавно в журнале «Сохан» была опубликована статья об издании книг в Иране за последние два десятилетия. Автор статьи Абдуррахман Ахмади отмечает, что Иран по-прежнему занимает одно из последних мест в мире по количеству издаваемых книг, которое не превышает, как правило, 500 названий в год, в то время как, например, в Турции выходит от 2-х до 3-х тысяч названий в год. По мнению автора статьи, основной причиной такого положения с изданием книг в Иране является то, что для одних чтение книг — это недоступная роскошь, а для других, в том числе и для лиц, имеющих среднее и высшее образование, оно не стало еще насущной потребностью.

За исключением религиозных книг, тиражи изда-

ний даже популярных авторов не превышают, как правило, 5 или в редких случаях 10 тыс. экземпляров. По-прежнему большое место занимают переиздания классических авторов. Так, за последние 10 лет вышло 11 изданий «Стихотворений» Хафиза, а «Гулистан» Саади с 1934 г. по 1951 г. издавался 16 раз. Научные книги занимают последнее место как по количеству названий, так и по тиражам (1—2 тыс. экз. в год.). К тому же научные книги почти не переиздаются.

Как сообщает журнал «Маджалле-йе мусиги» в Тегеране создан ансамбль национальных танцев племен и народностей, населяющих Иран. Участники ансамбля познакомились с народными танцами непосредственно на местах, тщательно изучали костюмы, украшения и т. д.

КОЛУМБИЯ

При Университете в Боготе создается Латинско-Американский институт востоковедения. Это первый институт подобного типа в

Латинской Америке. Перед Институтом поставлена задача развивать культурные связи со странами Востока и содействовать распространению Латинской Америке знаний о географии,

истории, экономике, фольклоре, научных и экономических программах стран Востока.

Институт намерен активно сотрудничать с ЮНЕСКО в деле претворения в жизнь Основного проекта ЮНЕСКО «Восток—Запад».

ТАИЛАНД

Проводятся работы по расширению Университета «Касетсарт» в Бангкоке. За 15 лет своей деятельности университет подготовил много специалистов в области экономики и сельского хозяйства Таиланда. При университете существуют школы по изучению лесного дела, рыбодовства, ветеринарии, строительства прикладных сооружений. Особое внимание уделяется изучению проблем птицеводства и повышения урожайности риса.

Количество студентов выросло с 132 в 1944 г. до 1000 в 1958 г. В университете и его школах проходит обучение молодежь из Лаоса, Камбоджи и Южного Вьетнама.

ФРАНЦИЯ

Компания граммофонных пластинок «Дюкрот Томсон» выпустила два альбома записей японской и иранской музыки. В издании этих записей принимал участие Всемирный совет музыки. Готовятся к выпуску записи музыки Лаоса и Камбоджи. Уже выпущено несколько пластинок — антология классической музыки Индии.

ЯПОНИЯ

В Японии растет количество местных организаций «Пек-клуба». Сейчас в стране их насчитывается свыше тысячи. Они объединяют более 140 тыс. членов, в том числе много учащейся молодежи.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

«Само собой разумеется, что эта книга не могла выйти в Египте во времена монархии... Только после революции 1952 г., которая отстранила короля, изгнала англичан и провела первую серьезную земельную реформу в стране, стало возможным ее появление», — такими словами заканчивает арабист Иван Хрбек послесловие к выпущенному в его переводе роману египетского писателя Абдуррахмана аш-Шарави «Земля». Этот роман, посвященный египетской деревне начала 30-х гг. XX в., считается одним из крупнейших явлений арабской литературы последнего десятилетия.

Переводчик проделал большую работу, чтобы донести до чешского читателя стилистическое своеобразие романа, написанного с широким применением египетского диалекта. Роман аш-Шарави — уже пятая книга современных восточных

ИНДОНЕЗИЯ

В августе 1958 г. в Маланге (Восточная Ява) состоялся первый в истории страны конгресс ученых, созданный Национальным научным советом. В работе конгресса приняли участие 452 видных ученых, веду-

ВСТРЕЧИ С ЧИТАТЕЛЯМИ

В сентябре 1958 г. были проведены две встречи с читателями журнала в Тбилиси и Баку.

24 сентября состоялась встреча с востоковедами Грузинской ССР. Собрание открыл член редколлегии журнала чл.-корр. АН СССР Г. В. Церетели. С сообщением о работе журнала выступил ответственный секретарь редакции Б. В. Ржевин. В обсуждении приняли участие научные сотрудники АН Грузинской ССР, преподаватели и студенты университета, представители других организаций. Выступившие в прениях Г. В. Церетели, К. Г. Церетели, С. С. Джикия, Д. А. Березовский, Ш. Н. Курдгелашвили, А. Ф. Аврущенко и другие подробно останавливались на содержании отдельных номеров журнала, отмечали некоторое улучшение в его работе.

Были высказаны соображения о необходимости увеличения количества статей по лингвистике и расширению информации о научной деятельности зарубежных востоковедов. Отмечалось, что в журнале редко публикуются статьи по вопросам современного политического и экономиче-

ского положения в странах Ближнего и Среднего Востока. А. Ф. Аврущенко указывал на необходимость регулярного помещения обобщающих теоретических статей по малоработанным проблемам национально-освободительного движения на Востоке. Некоторые из выступавших внесли предложения о переводе журнала на ежемесячный выпуск, а также об издании отдельного востоковедного журнала, который освещал бы проблемы языков и литературы Востока.

Встреча с бакинскими читателями журнала состоялась 26-го сентября. Вступительное слово произнес директор Института востоковедения АН Азербайджанской ССР д-р ист. наук Али-заде. В обсуждении приняли участие научные сотрудники Института востоковедения, преподаватели и студенты Восточного факультета Государственного университета Азербайджанской ССР и других организаций.

Научные работники т. т. Абдуллаев, Р. Султанов, Газиев, Г. Алиев, Агахи, Меликов, Али-заде подвергли критике отдельные недостатки журнала и некоторых опубликованных мате-

риалов. В частности, отмечалось, что отдельные статьи, помещающиеся в журнале, не отвечают предъявляемым к ним требованиям как с теоретической, так и с фактологической стороны. Читатели считают неправильным, что в журнале «Советское востоковедение» редко публикуются материалы по проблемам стран Ближнего и Среднего Востока. Серьезным упущением в работе журнала они считают также почти полное отсутствие в номерах за 1958 г. материалов о творчестве Рудакви, Физули и Саади, юбилей которых в этом году широко отмечаются в СССР и за рубежом. Высказывались пожелания о необходимости более планомерного и широкого привлечения к участию в работе журнала авторов с мест, а также систематического освещения деятельности востоковедов в союзных республиках.

Были внесены предложения о желательности публикации в журнале списков защищенных диссертаций и расширения информации о выходящих за рубежом книгах по Востоку. Необходимо, по мнению читателей, увеличить также количество статей по идеологии Востока, в частности по философии.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 1958 г.

Материалы Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС	
Из неопубликованных рукописей Карла Маркса	№3,4,5
Из статьи Ф. Энгельса «Алжир»	5 29
Беседа В. И. Ленина с японским корреспондентом Капуччи Фусе	2 13
Общественно-политические деятели стран Востока о Ленине	2 9

ПЕРЕДОВЫЕ

Документы всемирно-исторического значения	1 3
Колониализм — злейший враг народов Востока	2 3
Вторая конференция писателей стран Азии и Африки	4 23
Великая и непобедимая сила	5 34
Программа развернутого строительства коммунизма	6 3

СТАТЬИ, ПУБЛИКАЦИИ, СООБЩЕНИЯ

Политика и экономика

С. И. Аралов. Выполняя указания Ленина	2 16
Л. А. Гордон. Некоторые особенности эксплуатации рабочего класса в колониальной Индии	1 18
Г. В. Грязнов, И. С. Казакевич. Корейская Народно-Демократическая Республика на путях к социализму	5 55
Л. Г. Гукасян. Воздействие кризиса в США на экономически слаборазвитые страны Азии и Африки	4 27
П. В. Дмитриев и В. С. Руднев. Материалы об аграрных отношениях в Малайе	3 66
В. Жоаннес. Социалистическая партия Франции и колониальный вопрос	3 14
С. А. Кузьмин. К вопросу об империалистических противоречиях в Пакистане	3 74
Н. С. Мерзляков. СЕАТО — орудие подавления национально-освободительного движения в странах Юго-Восточной Азии	3 26
С. А. Мзитарян. Рабочий класс в народно-демократическом государстве Вьетнам	5 44
Г. С. Никитина. Израиль и американский империализм	5 71
Ю. М. Осипов. Экономическая и валютно-финансовая эксплуатация английских колоний в послевоенный период	5 60
Б. И. Потаповский. Экспансия западногерманских монополий на Ближнем и Среднем Востоке	4 51
Л. Н. Прибытковский. Нигерия накануне независимости	6 20
Н. Н. Селихов и С. Л. Вельтман. Ленин и первые шаги советского востоковедения	2 21
Ю. А. Сотников. О колониальном наследии в аграрном строе Индонезии	4 74
А. Н. Уалянов. Десять лет независимости Бирмы	1 10
Р. А. Ульяновский. США и индустриализация Индии	4 35
Б. Ширендыб. Успехи строительства социализма в Монгольской Народной Республике	5 52
А. Ю. Шпирт. К вопросу о развитии экономики Африки в годы второй мировой войны	2 54

История

К. З. Ашрафян. К истории городских движений в Деллийском султанате в XIII—XIV веках	4 61
А. Аши. Формирование марокканской нации	6 10
Г. М. Бонгард-Левин. Эпиграфический документ Маурьев из Бенгала	3 109
Л. С. Гаманов. О записях Карла Маркса, сделанных им при изучении книги М. Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения»	2 35
Сюэ Му-цзо. Успехи трудящихся Китайской Народной Республики и задачи социалистического строительства	5 39

Ю. В. Ганковский. Миссия Богдана Асламова в Афганистан в 1764 г.	2	82
Б. Г. Гафуров. О причинах возвышения и падения Саманидов	1	51
Е. И. Гневушева. «Буди Утомо» («Высокая цель»)	5	80
Ю. П. Дементьев, Май Тхук Лоан. Из истории захвата Францией Южного Вьетнама	6	33
Д. В. Деоник. Возникновение государства во Вьетнаме	4	83
И. М. Дьяконов. Этнос и социальное деление в Ассирии	6	43
П. А. Искендеров. Развитие городов в Японии в XVI веке	1	42
В. М. Константинов. Свидетельства японцев о России XVIII века	2	76
П. И. Петров. Поправки и дополнения к биографии Мухаммед-Казима	5	109
Л. Р. Полонская. Общественно-политические взгляды Фазл-Хака	1	87
А. М. Пятигорский. История Шиваганги	2	67
Б. В. Родов. Борьба японских коммунистов против фашизма и агрессивной войны в 30-х и начале 40-х годов	2	46
Л. А. Семенова. Основные направления развития феодального землевладения в Египте XV века	3	83
И. Г. Сенкевич. Младотурецкая революция 1908 года и албанское национальное движение	1	31
И. М. Фильштинский. Капрские восстания 1798—1800 гг. и описание их в хронике Абд ар-Рахмана аль-Джабарты	3	46

Филология

Н. Д. Андреев. К вопросу о происхождении вьетнамского языка	2	101
И. П. Аникеев. Общественно-политические взгляды Мухаммада Икбала	3	91
С. М. Вацисва. Историко-философское учение Ибн-Халдуна	1	75
И. С. Брагинский. О возникновении газели в таджикской и персидской литературе	2	94
А. А. Валитова. К вопросу о фольклорных мотивах в поэме «Кутадгу билиг»	5	88
А. Е. Глушкина. Старинные японские предания	3	114
Н. А. Дворянов. О главных членах предложения с эргативной конструкцией в папшто	5	103
А. М. Дьяков. К вопросу о развитии национальных языков народов Индии	3	38
В. М. Жирмунский. «Китаби Коркут» и огузская эпическая традиция	4	90
Э. Е. Зайденштур. Фольклор народов Востока в творчестве Л. Н. Толстого	6	57
Д. С. Комиссаров. О реалистической тенденции в современной персидской литературе	3	57
Курахава Корэхито. Японская демократическая литература после второй мировой войны	2	88
Образ В. И. Ленина в литературах Востока (Китай, Иран)	2	26
В. В. Пospelов. Сущность японской теории натурализма (Из истории японской литературной критики)	1	56
Ю. Н. Рериз. Основные проблемы тибетского языкознания	4	102
У Тин Фат. Краткий очерк истории современной бирманской литературы	1	67

История науки народов Востока

В. А. Розенфельд и А. П. Юшкевич. Математика стран Ближнего и Среднего Востока в средние века	3	101
	6	66

НАУЧНЫЕ ЗАМЕТКИ

М. Р. Арунова. Фирман Надир-шаха	2	116
С. И. Баевский. Древнеперсидское <i>marika</i>	1	98
А. А. Водрова. Горький и Восточная Коллегия «Всемирной литературы»	5	124
А. Джафарзаде. Альбом Хуршидбану Натаван	3	132
С. В. Донич. О звуковом потенциале двух египетских графов	6	85
Ю. А. Зуев. Киргизская надпись из Суджи	3	133
Из переписки М. К. Ататурка с В. И. Лениным	5	115
К вопросу о персидской просодии	1	97
Н. Г. Киреев. Провал концессии Честера	3	122
И. И. Лазарев. Положение рабочих на каучуковых плантациях в Бирманском Союзе	4	119
А. М. Матеев. Иранские отходники в Туркестане после победы Великой Октябрьской социалистической революции (1918—1921 гг.)	5	120
Р. Нафизов. Деятельность Центрального Мусульманского Комиссариата при Народном Комиссариате по делам национальностей в 1918 г.	5	116
И. К. Песфедова. Куда ездили древние русы — в Андалузию или Анатолию?	4	113

Г. М. Петров. Язык дари в современном Иране	2	114
В. А. Ромодин. Находка рукописи нового исторического сочинения	6	89
Б. А. Рыбаков. Русь и страна «Андалус» в IX—X веках	4	116
Ф. С. Сеидов. Автограф Ахмеда Недима	4	123
Г. П. Сердюченко. Китайский фонетический алфавит	2	112
А. А. Фрейман. О некоторых согдийских монетах и легендах	3	128
А. А. Фрейман. Таджикское <i>пӯст</i>	6	77
П. З. Хотимская и Л. А. Мухин. Коллекция М. Д. Хмырова	3	125
Э. В. Шаакунов. К вопросу о письменности бохайцев	6	82
А. Я. Шевеленко. Еще раз об аустроазиатской языковой семье	1	101
И. Ф. Шостак и И. Г. Поздняков. Прокламация японских социалистов	3	120
В. Г. Эпштейн. К вопросу о транскрибировании бирманских собственных имен	5	127

ИСТОРИОГРАФИЯ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

З. З. Абдуллаев. М. С. Иванов. Иранская революция 1905—1911 годов	5	163
Г. Ю. Алиев. Ф. Гасимзаде. История азербайджанской литературы XIX века	2	161
С. М. Алиев. Керим Тахерзаде Бехзад. Азербайджанское восстание во время конституционной революции Ирана	1	146
Р. М. Алиев и М.-Н. Османов. Некоторые издания Тегеранского университета	1	159
И. П. Аникеев, Т. Я. Елизаренкова, А. М. Пятигорский. «Махабхарата»	4	177
К. А. Антонова. «Народное восстание в Индии 1857—1859 гг.» Сборник статей к столетию восстания	5	160
А. З. Арабаджян. W. E. Warne. Mission for Peace. Point 4 in Iran	6	132
Р. Т. Ахромович. Новые явления в развитии общественной мысли в Афганистане в связи с проблемой Пуштунистана	4	155
Ч. Х. Бакаев. К. К. Курдюев. Грамматика курдского языка	4	178
В. А. Беляевский. «Всемирная история», т. II	2	143
В. Д. «Economic Development in the Middle East. 1955—1956»	3	172
Е. А. Беляев. Historical Atlas of the Muslim Peoples	5	185
В. И. Беляев, И. П. Петрушевский. История стран Ближнего и Среднего Востока в новом учебнике по истории средневекового Востока	6	98
М. Ю. Бориник. Н. Гродко. Кредитно-денежная система Индии в период колониальной зависимости; Л. И. Фрей. Денежно-кредитная система и международные расчеты республики Индии	2	158
В. Л. Бодянский, В. М. Данциг, В. И. Киселев. Путь Судана к независимости; J. S. R. Duncan. The Sudan's Path to Independence	6	112
Ю. Е. Борщевский. J. D. Pearson. Oriental Manuscript Collections in the Libraries of Great Britain and Ireland	1	157
М. И. Брагинский. Zoë March and G. W. Kingsnorth. An Introduction to the History of East Africa	4	187
А. А. Валитова. М. Х. Гайнуллин. Татарская литература XIX века	2	163
В. Галин. Carlos P. Romulo. The Meaning of Bandung	3	184
А. Л. Галлерин. «Японский исторический атлас»; «Сборник материалов по истории Японии»	6	128
Хр. Гандев и Б. Недков. Востоковедение в Болгарии	4	137
Ю. Я. Глазов. S. Vaiyapuri Pillai. History of Tamil language and literature	3	191
Ю. Я. Глазов. К. Дамодаран. Дух Индии	4	184
В. Я. Голант. В. Эппенбергер. Трагический конец бушменов	1	152
А. М. Голдобин, Д. И. Гольдберг, Е. А. Люстерник, Г. Я. Смолин, Л. В. Строева. «Всемирная история» в десяти томах. Т. III	5	154
Л. Гордон. Обзор журнала «New Age»	2	169
Л. А. Гордон. Индийский журнал «New Age» в первом полугодии 1958 г.	6	134
Э. А. Грантовский, И. М. Дьяконов. История Индии от древнейших времен до конца IV века до н. э.	3	151
П. Грязневич и А. Халидов. Обзор журнала Института арабских рукописей	2	171
П. А. Грязневич. «Лига арабских стран»	6	141
М. Губоглу. Востоковедение в Румынской Народной Республике	3	144
А. Б. Давидсон. Обзор журнала «Africa South»	2	175
А. И. Динкевич. Иностранцы в Японии	1	154
Х. Н. Дриккер. Работы по истории Таджикистана советской эпохи	5	146
Б. Н. Заходер. Изучение в Советском Союзе восточных источников по истории стран Восточной и Центральной Европы	1	107
А. З. Зусманович. В. Я. Васильева. Распад колониальной системы империализма	4	168
А. З. Зусманович. M. Palmer. The History of the Indians in Natal	6	119
Н. А. Иванов. Muhsin Mahdi. Ibn Khaldūn's Philosophy of History	2	188
Г. Кессельбрейнер. D. N. Aidit. Masyarakat Indonesia dan Revolusi Indonesia	5	172

Д. С. Комиссаров. Сборник разрозненных произведений Садека Хедаята . . .	1 150
П. Г. Королев. Ким Хан Чжу, Хон Даль Сон. Развитие движения за кооперирование сельского хозяйства нашей страны . . .	2 167
А. А. Кузнецов, А. Х. Бабаходжаев. Провал английской антисоветской политики в Средней Азии и на Среднем Востоке в период признания Советского государства де-факто и де-юре (1921—1924 гг.) . . .	4 175
П. И. Кузнецов, А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка . . .	2 150
С. А. Кузьмин и В. Н. Москаленко. С. М. Ахтар. Экономика Пакистана . . .	5 181
И. М. Кутасова. Буддийская философия и логика в трудах академика Ф. И. Щербатского . . .	3 136
М. С. Лазарев, Л. Н. Котлов. Национально-освободительное восстание 1920 года в Ираке . . .	5 169
Р. Ланда. Реакционные рецепты разрешения алжирской проблемы . . .	6 116
К. М. Любимов, С. С. Майзель. Иззат в турецком языке . . .	6 110
А. А. Масленников, W. M. Dandekar, G. J. Khudanpur. Working of Bombay Tenancy Act, 1948 . . .	5 107
С. А. Микоян. Независимая Индия. 10 лет независимости. 1947—1957 . . .	6 106
А. Ф. Миллер, Е. Е. Ramsaur. The Young Turks. Prelude to the Revolution of 1908 . . .	3 166
С. М. Мирный, K. S. Menon. The «Russian Bogy» and British Aggression in India and Beyond . . .	6 126
З. Мухаммедова и А. Мередов, Р. Алыев. Кеминэни Омри ве дерижилиги (монография) . . .	1 134
С. А. Мхитарян. Чан Ван Зау. Рабочий класс Вьетнама . . .	4 182
А. Д. Новичев. История рабочего класса Турции в источниках и литературе . . .	5 135
М. Н. Пак. Дискуссии по проблемам феодализма в Корее . . .	2 121
А. А. Пахоевский, Е. М. Колпакчи. Очерки по истории японского языка, т. I . . .	1 132
Я. А. Певзнер, А. И. Дипкевич. Экономика послевоенной Японии (1945—1955 гг.) . . .	4 172
П. И. Петров, B. Spuler. Die Mongolen in Iran . . .	3 177
Ю. А. Петросян. Некоторые издания Турецкого исторического общества . . .	3 169
Н. В. Пигулевская, Otakar Klima, Mazdak. Geschichte einer sozialen Bewegung im Sassanidischen Persien . . .	5 175
М. В. Попов. Современный Иран. Справочник . . .	5 166
Б. И. Потаповский. Ученые ГДР о колониальной политике германского империализма . . .	3 162
Б. М. Поцхверия, Ю. Н. Розалиев. Очерки положения промышленного пролетариата Турции после второй мировой войны . . .	1 125
Л. Прибытковский, W. Alphaeus Hutton. Decision in Africa . . .	3 181
Г. А. Пугаченкова, Fouilles de Châpour. Publiées sous la direction de G. A. Salles et R. Chirshman . . .	3 196
А. М. Пятигорский. Садашива Пандараттар. История тамильской литературы . . .	3 187
И. С. Рабинович. О культуре перевода . . .	1 139
И. С. Рабинович, И. Б. Редько. Читтаранджан Непали. Генерал Бхимсен Тхана и современный ему Непал . . .	2 183
М. Е. Радовильский. Из истории преподавания персидского языка в России и Советском Союзе . . .	6 90
Л. И. Рейснер, П. А. Вадия и К. Т. Мёрчент. Экономические проблемы Индии . . .	2 179
Ю. Н. Рерих, Helmut Hoffmann. Die Religionen Tibets . . .	2 186
В. А. Ромодин и А. А. Кондратьев. Опыт сопоставления сведений из китайских, кокавских и русских источников по истории киргизов . . .	4 125
Ю. А. Рубинчик, G. Lazard. Grammaire du Persan Contemporain . . .	2 191
В. Г. Сапожников, В. Л. Тягуенко. Войны и колонии . . .	4 173
В. Ю. Сеурин, L. Lavallée, P. Noirot, V. Dominique. Économie de la Chine Socialiste . . .	3 160
Э. В. Севортян. Турецкое языкознание к VIII съезду турецких лингвистов . . .	2 130
В. С. Сегаль, F. J. Ziaheh and R. B. Winder. An introduction to Modern Arabic . . .	3 194
В. Сикорский, Д. В. Беклешов. Индонезия. Экономика и внешняя торговля . . .	1 129
В. П. Старинин. «Помощник по языку, литературе и наукам» . . .	4 192
Л. Степанов, M. Kennedy. A History of Communism in East Asia . . .	5 183
В. В. Струев, Н. В. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье . . .	4 162
В. А. Субботин, Р. В. Рабеманандзара. Мадагаскар. История мальгашской нации . . .	1 143
Э. Д. Талмуд. Полезная книга о независимом Цейлоне . . .	2 156
А. С. Тееритинова. Обзор ежегодника «Prilozi za orientalnu filologiju i istoriju Jugoslovenskih naroda pod turskom vladavinom» . . .	3 164
А. С. Тееритинова. Обзор журнала Турецкого Исторического Общества «Belleten» . . .	6 138

В. Трубецкой. Санд Нафиси. Социальная и политическая история Ирана в современную эпоху, т. I . . .	3 179
Е. И. Удальцов. К выходу в свет девятого тома сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса . . .	5 131
Н. А. Халфин. Некоторые вопросы международных отношений на Среднем Востоке в XIX веке в индийской историографии . . .	4 146
Чжан Цзя-линь. Чжан Чжао-цян. Послевоенная политика и экономика Индонезии . . .	1 137
Г. С. Шабалина, G. C. Allen, A. G. Donnithorne. Western Enterprise in Indonesia and Malaya . . .	4 190
Х. Г. Шарашидзе, Р. Р. Орбели. Грузинские рукописи Института востоковедения, вып. I . . .	3 156
Г. Ш. Шарбагов, Э. Ч. Меммэдов. Эрэб дили . . .	6 108
Т. А. Шумовский. Академик Игнатий Юлианович Крачковский. Избранные сочинения, т. IV . . .	4 166
Л. Яковлев. Сукарно. Сарина . . .	6 128
Заметки о книгах . . .	№ 1, 2, 3, 4, 5, 6
Аннотации . . .	№ 1, 2, 3, 4
Библиография научных трудов члена-корреспондента АН СССР Е. Э. Бертельса . . .	1 115
Библиография научных трудов доктора исторических наук И. М. Рейснера . . .	4 209

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Дискуссия о госкапитализме в экономически слабых странах Востока . . .	4 213
М. В. Попов. Общественные науки в Академии наук КНДР . . .	1 176
С. И. Ходжаш, И. М. Лосева, Б. Г. Воронова. Искусство стран Востока на Международной выставке изобразительного и прикладного искусства . . .	1 180
Санскритологические труды академика АН ТуркмССР Б. Л. Смирнова . . .	6 151
ХРОНИКА . . .	№ 1, 2, 3, 4, 5, 6

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

П. К. Дасгупта. О первом индийском члене Российской академии наук . . .	4 234
П. Т. Арутюнян . . .	1 205
Т. Г. Кезма . . .	4 235
И. М. Рейснер . . .	2 228

СОДЕРЖАНИЕ

Программа развернутого строительства коммунизма	3
---	---

СТАТЬИ, ПУБЛИКАЦИИ, СООБЩЕНИЯ

А. Али (Марокко). Формирование марокканской нации	10
Л. Н. Прибытковский. Нигерия накануне независимости	20
Ю. П. Дементьев (Москва), Май-Тхук Лоан (ДРВ). Из истории захвата Францией Южного Вьетнама	33
И. М. Дьяконов (Ленинград). Этнос и социальное деление в Ассирии	43
Э. Е. Зайдешнур. Фольклор народов Востока в творчестве Л. Н. Толстого	57
В. А. Розенфельд, А. П. Юшкевич. Математика стран Ближнего и Среднего Востока в середине века	66

НАУЧНЫЕ ЗАМЕТКИ

А. А. Фрейман (Ленинград). Таджикское <i>pūst</i>	77
Э. В. Шавкунов (Владивосток). К вопросу о письменности бохайцев	82
С. В. Донич (Одесса). О звуковом потенциале двух египетских графем	85
В. А. Ромодин (Ленинград). Находка рукописи нового исторического сочинения	89

ИСТОРИОГРАФИЯ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

М. Е. Радовильский. Из истории преподавания персидского языка в России и Советском Союзе	90
В. П. Беляев, И. П. Петрушевский (Ленинград). История стран Ближнего и Среднего Востока в новом учебнике по истории средневекового Востока	98
С. А. Микоян. Независимая Индия. 10 лет независимости. 1947—1957	105
Г. Ш. Шарбатов, Э. Ч. Мамедов. Эраб дили	108
К. М. Любимов, С. С. Майзель. Изафет в турецком языке	110
В. Л. Бодянский, Б. М. Данциг, В. И. Киселев. Путь Судана к независимости; J. S. R. Duncan. The Sudan's Path to Independence	112
Р. Ланда. Реакционные рецепты разрешения алжирской проблемы	116
А. З. Зусманович, М. Palmer. The History of the Indians in Natal	119
Л. Яковлев. Сукарно. Сарина	123
С. М. Мирный, К. S. Menon. The «Russian Bogey» and British Aggression in India and Beyond	126
А. Л. Гальперин. «Японский исторический атлас»; «Сборник материалов по истории Японии»	128
А. З. Арабаджян, W. E. Warne. Mission for Peace. Point 4 in Iran	132
Л. А. Гордон. Индийский журнал «New Age» в первом полугодии 1958 г.	134
А. С. Тсверитинова. Обзор журнала Турецкого Исторического Общества «Belleten»	138
П. А. Грязневич. «Лига арабских стран»	141
Заметки о книгах	143
К биографии востоковеда И. Н. Березина	150
Санскритологические труды академика АН ТуркмССР Б. Л. Смирнова	151

ХРОНИКА

Содержание журнала за 1958 г.	161
---------------------------------------	-----

CONTENTS

Program of Large-Scale Construction of Communism	3
--	---

ARTICLES, DOCUMENTS, PAPERS

A. Ayash (Morocco). Formation of the Morocco Nation	10
L. N. Pribitkovsky. Nigeria on the Eve of Independence	20
Y. P. Dementiev (Moscow), Mai Thuk Loan (Viet-Nam). From the History of the Occupation of South Viet-Nam by the French	33
I. M. Dyakonov (Leningrad). Ethnos and Social Divisions in Assyria	43
E. E. Zaidenshnur. Folklore of the Peoples of the East in the Works of Leo Tolstoy	57
B. A. Rozenfeld, A. P. Yushkevich. Mathematics in the Countries of the Near and Middle East in the Middle Ages	66

SCIENTIFIC NOTES

A. A. Freiman (Leningrad). Tadjik <i>pūst</i>	77
E. V. Shavkunov (Vladivostok). The Written Language of the Pohai	82
S. V. Donich (Odessa). On the Phonetic Potential of Two Egyptian Graphemes	85
V. A. Romodin (Leningrad). Discovery of a New Historical Manuscript	89

HISTORIOGRAPHY, BOOK REVIEWS, BIBLIOGRAPHY

M. E. Radovilsky. From the History of Instruction of the Persian Language in Russia and in the Soviet Union	90
V. I. Belyaev, I. P. Petrushevsky (Leningrad). History of the Countries of the Near and Middle East as Reflected in the New Textbook on the History of the East in the Middle Ages	98
S. A. Mikoyan. Independent India. Ten Years of Independence. 1947—1957	105
G. Sh. Sharbatov, A. Mamedov. Manual of Arabic Language	108
K. M. Lubimov, S. S. Maizel. Izafet in the Turkish Language	110
V. L. Bodyansky, B. M. Danzig, V. I. Kiselev. Sudan's Path to Independence; J. S. R. Duncan. The Sudan's Path to Independence	112
R. Landa. The Reactionary Ways of Settling the Algerian Problem	116
A. Z. Zusanovich, M. Palmer. The History of the Indians in Natal	119
L. Yakovlev. Sukarno. Sarina	123
S. M. Mirny, K. S. Menon. The «Russian Bogey» and British Aggression in India and Beyond	126
A. L. Galperin. «The Japanese Historical Atlas»; «Collection of Material on the History of Japan»	128
A. Z. Arabadzyan, W. E. Warne. Mission for Peace. Point 4 in Iran	132
L. A. Gordon. The Indian Journal «New Age» in the First Six Months of 1958	134
A. S. Tveritinova. Review of the Journal «Belleten» of the Turkish Historical Society	138
P. A. Gryaznevich. «The League of Arab Countries»	141
Bibliographical Notes	143
New Facts on the Biography of the Orientalist I. N. Berezin	150
Sanskrit Studies of the Member of the Academy of Sciences of the Turkmen SSR, B. L. Smirnov.	151

CURRENT EVENTS

Contents for the Year 1958	161
--------------------------------------	-----

內容	
共產主義擴大的建設綱領	3
論文、文件、通報	
阿立別爾·阿雅什(法國) 摩洛哥民族的形成	10
別立泊特谷夫斯基 在獨立前夜的奈機立亞	20
李明齊也夫(莫斯科)、邁·杜克·樂(越南民主共和國) . . . 法國侵佔南越和越南人 民反殖民主義者鬥爭史的一章	33
豈耶可諾夫(列寧格勒) 亞述的種族和社會劃分	43
扎依登什雷爾 在列甫·托爾斯泰創作中的東 方各民族的民間文學	57
羅津非里德, 尤希克維奇 中世紀近東和中東各國 的數學	66
科學短評	
福利依曼(列寧格勒) 塔什克的nyct	77
沙夫庫諾夫(海參崴) 略論渤海人的文字問題	82
它尼奇(敦德薩) 論兩個埃及文字的音價	85
羅摩金(列寧格勒) 新的歷史著作手稿的發現	89
二 歷史編纂學、批評、書報介紹	
拉多維里斯基 俄國和蘇聯波斯語教學史的一章	90
貝達也夫, 彼特魯舍夫斯基(列寧格勒) 中世紀東方史新教科書中 的「近東和中東各國的歷史	98
米柯陽 獨立的印度·獨立十周年(1947—1957)	105
沙爾巴托夫 論馬米多夫著“阿拉伯語教科書”	108
劉比莫夫 評邁塞里著“土耳其語中修飾語和被修飾語 的詞組”	110
薄羅斯基, 但齊格 略論基謝略夫著“蘇丹走向民族獨立的路”;	
J. S. R. Duncan. The Tudan's Path to Independence. 一書	112
藍達 解決阿爾及利亞問題的反動方案	116
若斯孟諾維奇, 評介 M. Palmer 著 . . . The History of the Indians in Natal . . “一書	119
雅可甫列夫 蘇加諾·薩里拉	123
米爾內依 介紹 K. S. Menon 著. The «Russian Bogey» and British Aggression in India and Beyond. “一書	126
加里別林 介紹, 日本歷史地圖”; “日本史料集成”	128
阿拉巴雷 . . . 評介 W. E. Warne 著 . . . Mission for Peace. Point 4 in Iran . . “一書	132
國爾登 1958 上半年的印度雜誌“New Age”	134
鐵維里金諾娃 土耳其歷史學會的雜 . . . Belleten . . “誌述評	138
克梁士涅維奇 “阿拉伯國家聯盟”	141
書刊簡介	143
關於東方學家 H. H. 別列津的傳記	150
土庫曼蘇維埃社會主義共和國科學院 B. Л. 斯米爾諾夫院士的梵文學著作	151
新聞	153
本雜誌1958年各期總目錄	161